

БЕРТГАРД

ГРЖИМЕК

*Среди хитрых
Африки*

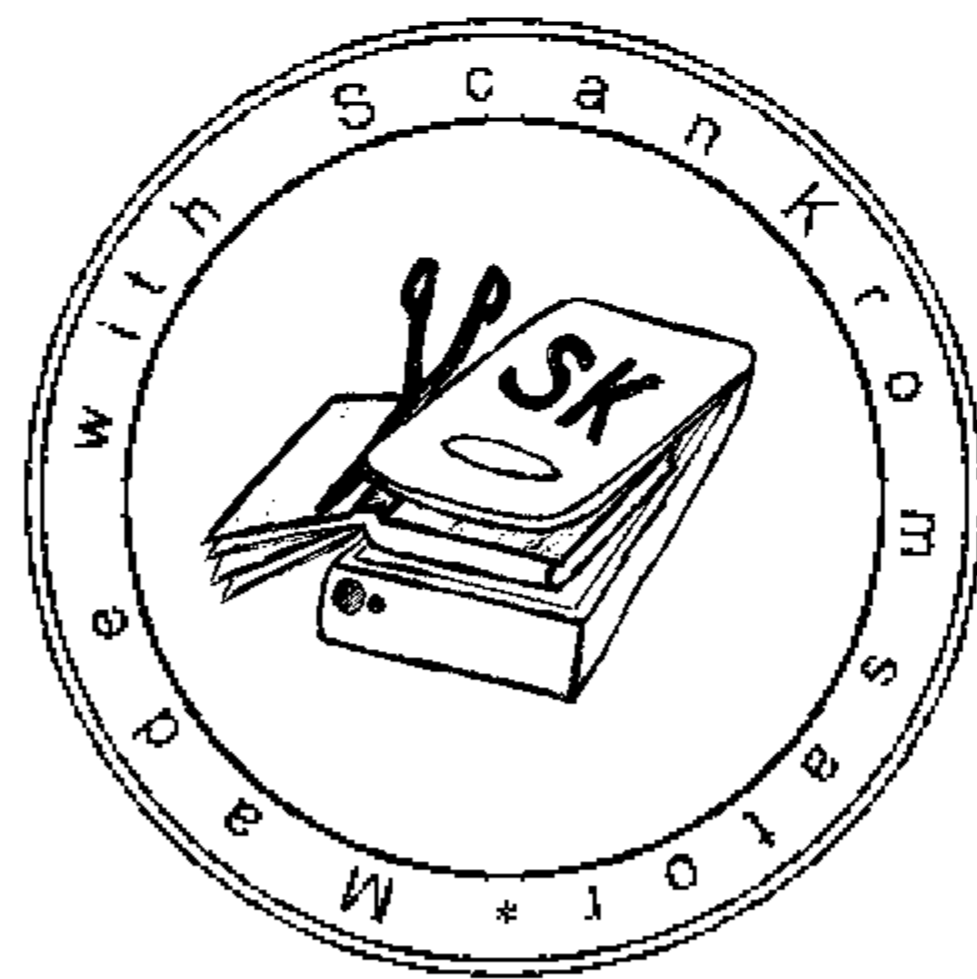
БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

*Среди Хищников
Африки*

*Перевод с немецкого
Е. ГЕЕВСКОЙ*

АРМАДА
Москва
1996

ББК 84.4 Г
Г 81

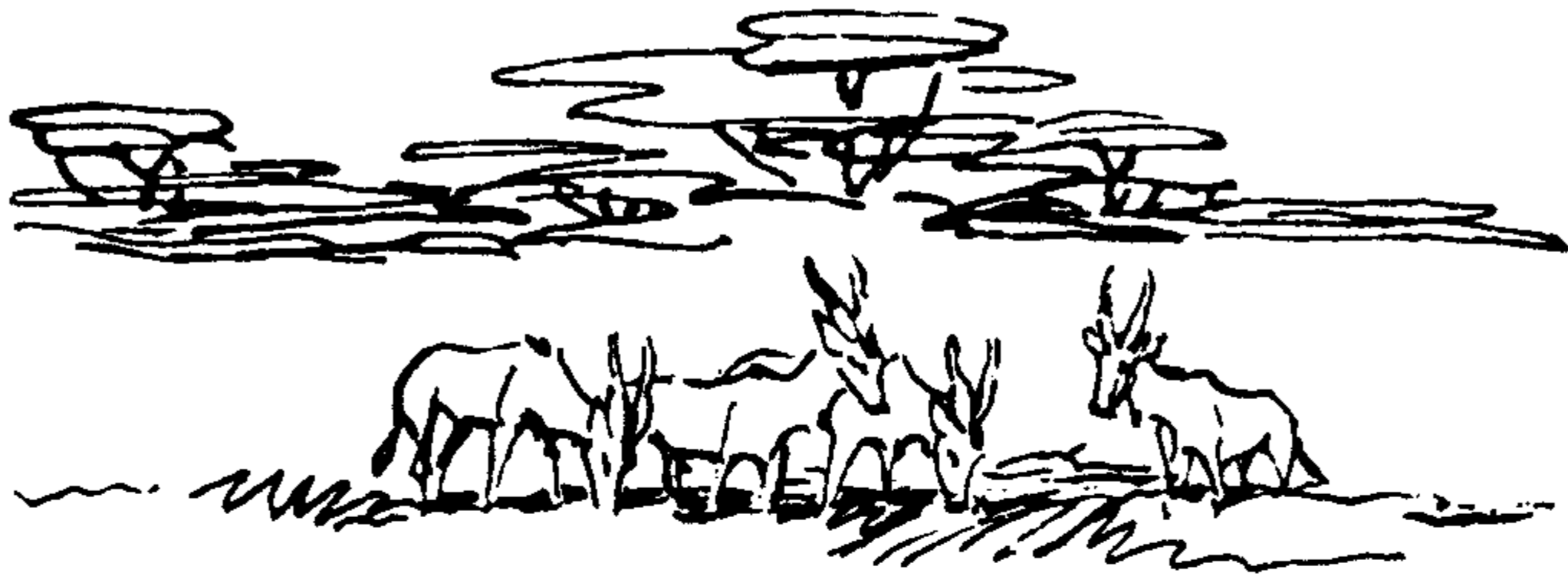
Bernhard Grzimek
GRZIMEK UNTER AFRIKAS TIEREN

Рисунок на переплете
С. Цылова

Иллюстрации
Н. Строгановой

ISBN 5-7632-0261-9

© Художественное оформление,
АРМАДА, 1996
© Перевод, Геевская Е. А., 1973
© Иллюстрации, Строганова Н. С.,
1996

ОТ АВТОРА

Из большого числа книг, написанных мною за последние десятки лет, только четыре посвящены Африке. Эта — пятая. В ней пойдет речь о моих недавних приключениях в Африке, а также о жизни различных животных этого континента: слонов, питонов, крокодилов, горилл, жирафов, львов, верблюдов, черных и белых носорогов, страусов, саранчи, гиен и гиеновых собак. Я постарался объединить здесь свой собственный опыт с наблюдениями и результатами исследований других специалистов, изучающих этих африканских животных, с тем чтобы показать, что же известно о них науке на сегодняшний день. При этом я обнаружил, что сейчас это сделать значительно сложнее, чем несколько лет назад. Такая работа занимает теперь гораздо больше времени и места.

Дело в том, что с 1960 года, после того как многие африканские государства добились независимости, там заметно оживилась работа биологов. Они больше стали интересоваться тем, как живут африканские дикие животные, каковы их взаимоотношения с окружающим миром и что им необходимо для дальнейшего выживания. Во всех без исключения национальных парках* теперь работают зоологи, в Международном научно-исследовательском институте в Серенгети трудятся целые коллективы

* Комментарии к словам, отмеченным звездочкой, см. в конце книги.

биологов, много их и во вновь созданных восточноафриканских университетах.

В прежние времена исследования животного мира велись в лучшем случае на «пестконтроль» (станции контроля за паразитами и вредителями). Но там проводились лишь те исследования, целью которых было решить вопрос, как истребить тот или иной вид животных или как уменьшить численность зверей, вредящих посевам, задирающих скот или переносящих на людей и домашних животных различные инфекционные заболевания.

Теперь все это резко изменилось. Так, на территории теперешней Танзании в колониальное время был всего лишь один национальный парк — Серенгети, от которого последний английский генерал-губернатор за два года до завоевания страной независимости умудрился отрезать огромный кусок. Теперь в Танзании шесть новых обширных национальных парков, занимающих три процента территории всего государства. Средства, отпускаемые на их содержание, увеличились в шесть раз. А в ближайшее время к этим паркам прибавится по меньшей мере еще три. Недавно по указанию президента страны Джулиуса Ньерере национальный парк Серенгети был значительно расширен. Для этого пришлось переселять целые деревни. Эта молодая развивающаяся восточноафриканская страна тратит больше средств на охрану своей природы (в процентном отношении от национального дохода), чем Соединенные Штаты Америки.

В других восточноафриканских государствах также проводится большая работа в этом направлении. Молодые африканские страны, безусловно, могут посрамить наши старые «белые» государства, в которых многие виды животных уже полностью истреблены. Особенно неловко чувствуешь себя, будучи гражданином ФРГ, правительство которой до сих пор никак не раскачается создать хотя бы один национальный парк, где бы строго охранялась

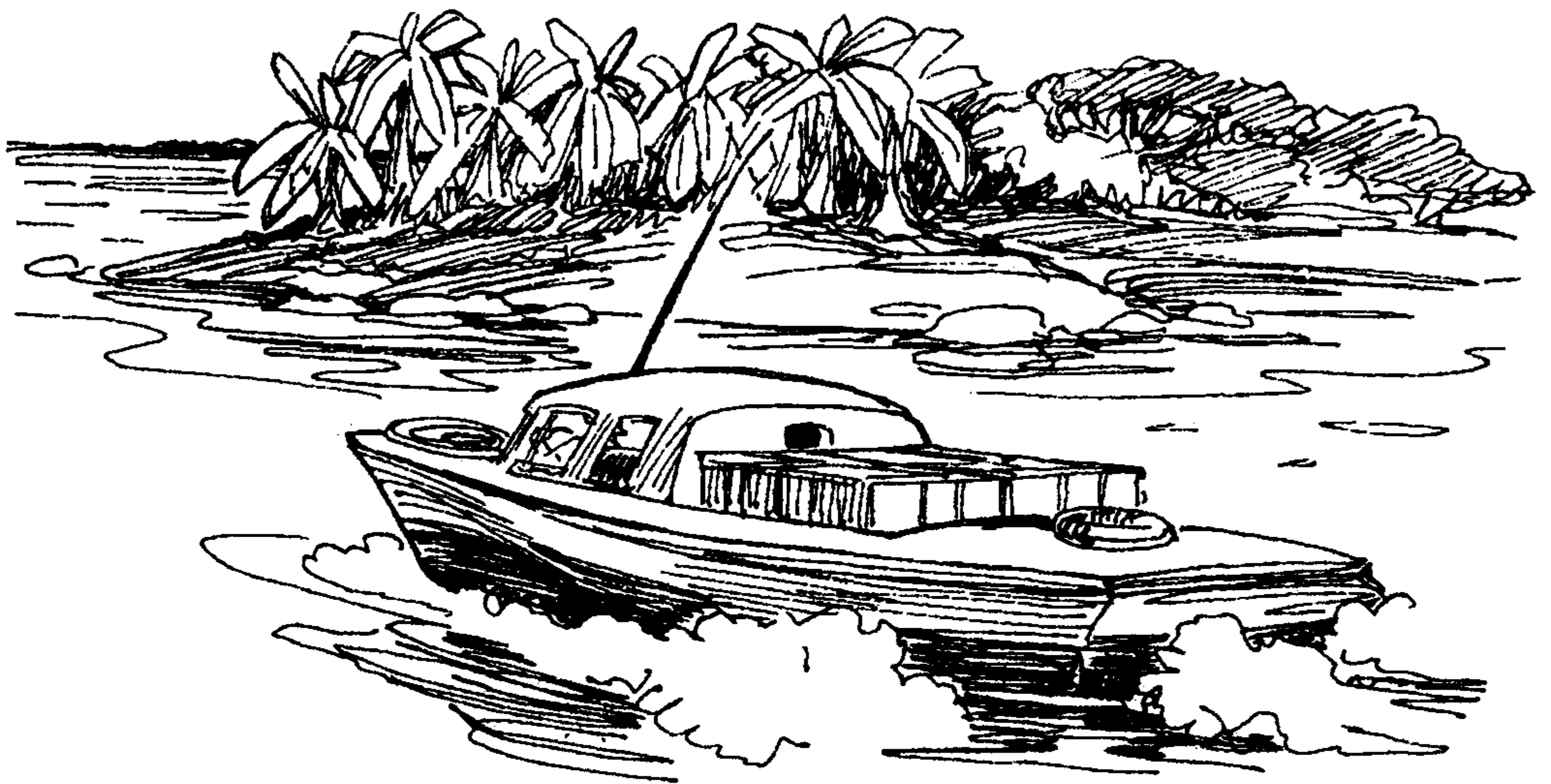
природа, и не хочет выделить для этой цели даже мало-мальски приличной суммы из государственного бюджета.

Однако поиски последних нетронутых уголков природы, любовь к их прекрасным диким обитателям приобретают на нашей перенаселенной планете с ее каменными джунглями все больший и больший размах. Уже через один или два десятка лет таких дальновидных государственных деятелей, как Джулиус Ньерере, будут чувствовать как пионеров нового направления в культуре.

Так что тому, кто в наше время задумает писать книгу об африканских животных, придется не так-то легко. Он обнаружит, что наши знания в этой области за последнее время неизмеримо выросли. И хотя мы все равно еще стоим лишь у самых истоков полного познания живой природы, тем не менее можно утверждать, что за последние несколько лет мы узнали о наших животных больше, чем за целых 200 лет до этого.

Это я по-настоящему понял лишь тогда, когда сел писать эту книгу.

*Бернгард Гржимек
Аруша, большой сезон дождей, 1969*

Глава первая

ШИМПАНЗЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ НА РОДИНУ

Если птица захочет лететь домой, она полетит, даже если выдрать у нее перья.

Африканская поговорка

С самого начала я уже знал, что наша затея окажется небезопасной.

Большинство людей видит только забавных, общительных детенышей шимпанзе, которые выступают в цирке или скачут по вольерам зоопарков. Когда же такая обезьянка к восьми годам становится половозрелой, а в двенадцать уже совершенно взрослой личностью со своими «запросами» среди себе подобных, лучше обходить ее стороной. Самец шимпанзе хотя и достигает лишь трех четвертей человеческого роста (из-за своих коротких ног), но зато мускулы у него вдвое сильнее, чем у человека, а

клыки не уступают клыкам леопарда; к тому же нельзя забывать, что это наиболее высокоразвитое животное. Разъяренный волк или леопард способны вцепиться зубами в протянутую им метлу. Взбешенный же шимпанзе никогда этого не сделает — он вырвет у вас из рук любой предмет и укусит только там, где можно прокусить до крови.

Средний палец моей правой руки на всю жизнь перестал сгибаться после укуса самца шимпанзе. На моем теле много и других рубцов от укусов этих обезьян, которых мне, как директору зоопарка, нередко приходилось держать у себя в доме. Один из маленьких шимпанзе, по кличке Бамбу во время своих приступов гнева делал со мной все, что хотел. Я оказывался под ним, а он танцевал на мне. Так было до тех пор, пока я не раздобыл себе дубовую палку, с помощью которой восстановил свой авторитет. Бамбу вынужден был мне подчиниться.

У одного моего знакомого, директора зоопарка, рассерженный на него шимпанзе наполовину вырвал коленную чашечку. У другого моего приятеля шимпанзе начисто откусил большие пальцы на обеих руках. А за десять дней до начала нашей «Операции шимпанзе» содержащийся у нас во Франкфуртском зоопарке самец шимпанзе напал на служащего павильона человекообразных обезьян Хорста Клозе, прокусил у него сквозь туфлю палец на ноге и поранил бедро и руку. После этого Хорста больше двух часов «штопали» хирурги и еще два месяца он пролежал в больнице.

А однажды разбушевавшийся шимпанзе, которому удалось вырваться из клетки и убежать с территории зоопарка, залез на шестой этаж какого-то учреждения, находящегося от нас за три квартала. Там его окружили и усыпили наркотическим зарядом. Но после этого мы еще долго не могли разогнать любопытных служащих, которые никак не хотели поверить, что такое смешное и приветливое животное может для кого-то оказаться опасным.

Вот таких животных мы и собирались выпустить на свободу на необитаемом острове Рубондо, расположенном на озере Виктория.

Рубондо я выбрал не случайно. Еще полтора года назад я побывал там с Питером Ахардом, лесничим города Мванза. Город этот находится на южной оконечности озера. В этом забытом уголке Танзании Питер чувствовал себя довольно тоскливо.

— Все туристы, все знаменитые люди и известные ученые едут к кратеру Нгоронгоро или в Серенгети, а сюда, в мое захолустье, никто не приезжает,— жаловался он.

Мы сели с ним в самолет и полетели за 140 километров к острову Рубондо.

О, он знал, куда меня везти! Я тут же влюбился в этот остров. Длинной он в 38 километров и шириной в 8; три четверти занимаемой им площади (примерно 300 квадратных километров) составляют девственные леса, остальное — поросшие травой холмы. Но что самое главное — на Рубондо нет ни единого человека!

Энергичное правительство молодого африканского государства Танзания придает большое значение охране природы своей страны, поэтому тех рыбаков, которые когда-то построили на острове свои хижины и насадили там банановые плантации, переселили на соседние острова и на берег озера. А банановые рощи сохранились на острове и по сей день.

О том, насколько строго новое африканское правительство проводит в жизнь свои законы, можно судить хотя бы по такому примеру: два года назад перед судом предстали два человека, вырубавшие без разрешения лес на Рубондо.

«Я знаю, что этот запрет для вас пока еще новый и непривычный,— сказал африканский судья,— поэтому наказание на этот раз будет не слишком суровым».

Он дал каждому по одному году тюрьмы...

Случись же это во времена британского владычества, нарушители наверняка отделались бы штрафом в несколько шиллингов, потому что всякая колониальная власть в последние годы своего господства старается прослыть снисходительной к местному населению...

Итак, Рубондо принадлежит животным. Питер Ахард уже переселил сюда 16 носорогов, большая часть которых была подрана браконьерами и приезжими охотниками. Он отловил этих животных в других опасных для них местах. Ему удалось уговорить дорожное и транспортное агентство разрешить перевозку этих серых колоссов на Рубондо. Осуществить подобную операцию не так-то просто. Животных пришлось поместить в огромные ящики и на просторном пароме, который может перевезти одновременно десять грузовиков, переправить через озеро на остров. При этом паром в одном месте чуть было не пошел ко дну. Вслед за носорогами на остров отправились и шесть жирафов. А теперь очередь за обезьянами.

* * *

Питер — человек энергичный и увлеченный своим делом. А любая увлеченность всегда заразительна, даже для такого пожилого и солидного человека, как я, которому вроде бы уже не положено пускаться во всякого рода авантюры. Тем не менее я подбил Зоологическое общество на то, чтобы оно обратилось ко всем европейским зоопаркам с просьбой прислать шимпанзе, и в результате получил от них десять взрослых экземпляров. 16 мая 1966 года пароход «Айбе Ольдендорф», зафрахтованный нами для перевозки обезьян в Африку, отправился в свой четырехнедельный путь из Антверпена через Красное море в Момбасу.

Шимпанзе — дорогая штука; он стоит от двух до трех тысяч западногерманских марок. Для этой поездки живо-

тных «запаковали» в просторные, легко поддающиеся чистке клетки. Путешествовать им пришлось поодиночке или попарно, поскольку они были друг с другом не знакомы и во время столь длительного пути дело могло бы дойти до основательных потасовок.

Это были почти все молодые, но уже половозрелые животные. Одна пара прибыла из Копенгагенского зоопарка, другую прислал Шведский зоопарк, одна самка — подарок господина Г. Фрида из Стокгольма. Остальные были нами куплены или выменяны на других животных. Все семь самок шимпанзе представляли собой абсолютно взрослых дам, а из трех самцов только один, по кличке Роберт, мог считаться взрослым; второй был лишь подросток, а третий — совсем еще ребенок.

Поскольку мы чрезвычайно беспокоились за благополучную доставку наших пассажиров, то старший сотрудник нашего зоопарка Герхард Подольчак взял отпуск и отправился вместе с ними на пароходе. Подольчак долгое время работал в павильоне человекообразных обезьян, а его жена воспитала у себя дома первого маленького гориллу, рожденного в неволе в нашем зоопарке. Макс, так зовут гориллу, — самое забавное и упрямое существо на свете.

У работников нашего зоопарка богатый опыт в обращении с этим «народом»: как-никак нам успешно удавалось выращивать у себя четыре вида человекообразных обезьян: шимпанзе большого, шимпанзе малого (бонобо), гориллу и орангутана. В моем собственном доме тоже вырос не один детеныш шимпанзе и гориллы.

Капитан корабля был в полном восторге от своих необыкновенных пассажиров и распорядился построить для них на палубе настоящий деревянный сарай, чтобы они не томились всю дорогу в трюме. Вместе с необычными пассажирами на пароход загрузили провиант: 300 килограммов бананов, 600 килограммов яблок из Калифорнии, 260 килограммов апельсинов, 150 килограммов хлеба, 135

килограммов риса и 8 килограммов чая, не считая 120 килограммов соломы и опилок. «Шимпанзинная вила» на палубе имела в длину двенадцать метров и в ширину два, а сверху была покрыта двойным брезентом, туда провели даже электричество.

И тем не менее, несмотря на весь «комфорт», поездка в такое время года отнюдь не представляла удовольствия ни для Герхарда, ни для шимпанзе. Корабль за время рейса зашел лишь в два порта, а именно: в Порт-Саид, чтобы погрузить на борт 90 тонн апельсинов, и в Джибути, чтобы их снова выгрузить.

Одиннадцать дней путешествия по Красному морю, несмотря на искусственную вентиляцию и душ, оказались тяжелым испытанием и для человекообразных обезьян, и для служителя зоопарка.

Сам я три недели спустя значительно удобнее (на самолете) за девять часов переправился в Африку и сидел в Аруше (Танзания), подготавливая встречу необычного груза в портовом городе Момбаса (Кения) и его дальнейшую перевозку по стране. Когда я вылетал из Франкфурта, там было 32 градуса жары, а в Аруше — всего 15 градусов. Вот тебе и жаркая Африка! Пришлось срочно купить свитер и рефлектор. Из гостиницы я сразу же начал названивать и телеграфировать во все инстанции.

Клетки с обезьянами весили изрядно, иначе бы такие сильные животные их тут же разломали. Переправлять их из Момбасы в Мванзу по железной дороге не было смысла: это заняло бы по крайней мере восемь дней. Поэтому я нанял два грузовика и два вездехода и отправил их на побережье к Момбасе. Одновременно я оформил разрешение на проезд через Кению. Для ветеринарной инспекции это был совершенно небывалый случай: требовалось разрешение не на вывоз обезьян из Африки, а на ввоз!

Я предполагал поручить обезьян Питеру Ахарду, но бедного Питера во время его отпуска хватил паралич, и

он слег на долгие месяцы. Было совершенно неизвестно, когда он сможет вернуться к своим обязанностям, и его временно замещал молодой канадец. Только через несколько месяцев его место должен бы занять один из африканцев, заканчивающих обучение на двухмесячных курсах для лесничих, которые мы организовали в Моши.

Поэтому мне пришлось всем заняться самому.

Когда «Айбе Ольдендорф» причалил к Момбасе, там уже стояли в ожидании разгрузки 42 судна, так что наша очередь подошла бы не раньше чем через восемь дней. Поэтому капитан «повернул оглобли» и направился в Тангу — первый портовый город свободной Танзании. А наша автоколонна последовала за ним туда по берегу, по ухабистым проселочным дорогам.

Но и Танга оказалась перегруженной, так что кораблю пришлось идти дальше, до Дар-эс-Салама, а «приемочный комитет» затарахтел за ним вслед по пыли и грязи. Поскольку стало ясно, что караван теперь уже не попадет в Арушу, я сел в свой «фольксваген» и за два дня пересек Нгоронгоро и Серенгети, а затем вдоль берега озера Виктория доехал до Мванзы.

В первой же газете, которую я купил в городе, был напечатан снимок шимпанзе с глупейшей заметкой к нему; из нее я узнал, что обезьяны, привезенные из европейских зоопарков, привыкли пить только лучшие сорта русского чая, поэтому самая трудная задача при переселении животных на остров будет заключаться в том, чтобы приучить их пить простую воду...

Не знаю, кто из матросов корабля распустил среди репортеров Дар-эс-Салама эту «утку», но, к своему удивлению, я позже выяснил, что она была напечатана почти в каждой второй европейской газете.

В портовом городке Мванза тоже оказались африканские репортеры, которые хотели меня проинтервьюировать:

— Зачем понадобилось везти шимпанзе непременно из Европы, разве не проще было отловить их в Западной Африке?

Я объяснил, что ни у кого нет охоты ловить взрослых человекообразных обезьян: это слишком опасно, ведь они сильные и притом умные животные. А выпустить на необитаемом острове группу «детей» и бросить их там на произвол судьбы недопустимо — им нужны воспитатели и защитники. Кроме того, зоопарки всегда предпочитают держать у себя хорошеньких, веселых детенышей шимпанзе и не очень-то знают, что с ними делать, когда они вырастают и становятся агрессивными. Поэтому я совершенно справедливо предположил, что многие зоопарки охотно уступят нам взрослых животных. И мне было особенно приятно вернуть свободу этим высокоразвитым деятельным существам, обреченным на одиночное заточение в клетках зоопарков, где они медленно умирают от тоски, безделья и тесноты...

Держать человекообразных обезьян поодиночке в клетке — страшное мучительство; для них это то же, что одиночная камера для заключенного. Ведь нельзя забывать, что все человекообразные обезьяны «компанейские», общительные животные. И кроме того, ни к чему отлавливать шимпанзе на западном побережье Африки: ведь там этих животных осталось не так уж много, а перевозка их стоила бы не дешевле, чем из Антверпена до Момбасы.

Несмотря на это, некоторые газеты не отказали себе в удовольствии ехидничать по этому поводу, сообщив, что Гржимек скоро начнет возить зайцев в поле...

В тот же день, что и я, поздней ночью в Мванзу прибыл наш караван машин с обезьянами. Сопровождающие: Синклер Данетт — молодой канадец, временный лесничий Мванзы, мой друг Гордон Харвей — прежний лесничий Серенгети и Ульрих Траппе — все были смертельно усталые, грязные и потные. Ночевать им приходилось прямо

в поле, вдали от населенных пунктов. Если остановиться посреди деревни, то сейчас же, словно в цирк, сбегутся сотни местных жителей, которые начнут кричать и дразнить животных, доводя их до полного исступления. Вот почему от этого пришлось отказаться, жертвуя своими личными удобствами.

Переправа через огромное озеро Виктория — дело нешуточное. Ведь это озеро — настоящее маленькое море; оно занимает почти 69 тысяч квадратных километров и после Каспийского самое большое на земном шаре. На его площади свободно уместились бы такие острова, как Сицилия, Сардиния, Корсика, Канарские, вместе взятые, и все еще оставалось бы достаточно места для воды. При этом на нем почти нет судоходства, из конца в конец его не пересекает ни одно судно. Туристы еще не «освоили» этот объект.

Катер, нагруженный тяжелыми ящиками с обезьянами, провиантом для нас самих, палатками и раскладушками, за семь часов пересек южную часть озера и стал на якорь недалеко от берега Рубондо, чтобы не сесть на мель. Сопроводить груз отправились Ульрих Траппе и доктор Фриц Вальтер, ведущий специалист мира по антилопам. Вот уже два года, как он живет в Серенгети, изучая жизнь обитающих здесь 700 тысяч газелей Томпсона, или томми, как их еще называют. Он изъявил желание посмотреть, как будут привыкать наши новоселы к жизни на свободе.

Другие члены нашей группы с остатками груза двинулись по берегу, по совершенно невероятной дороге до прибрежной деревни Букиндо, откуда за два часа были доставлены в Рубондо.

В пути наших мохнатых пассажиров приходилось непрерывно развлекать и утешать, так как дорога порядком их измотала и вывела из равновесия. Они то кричали, то плакали, то трясли руками прутья клеток.

Вечер. Мы уже лежим на траве возле домиков из рифленой жести, выстроенных на острове для лесников. Рядом с ними мы разбили палатки. Лежим и строим планы «боевых действий».

Обезьяньи клетки пока еще покачиваются на воде, их до утра решили оставить на катере. А солнце становится все больше и краснее, превращая кромку девственного леса на соседнем островке Думахери в розовато-дымчатое сказочное видение. Как только солнце достигло горизонта, короткие сумерки сгустились в непроглядную тропическую ночь, напоенную непривычными для европейца запахами и полную резких незнакомых звуков. В такие длинные африканские ночи я часто подолгу лежу без сна и размышляю. Но сегодня надо спать: завтра предстоит самый ответственный день — будем выпускать наших питомцев на волю. Как-то они себя поведут при этом?

Итак, около 300 квадратных километров земного шара поступили в полное наше распоряжение. Вернее, они принадлежат нам и животным. Мало кто может похвастаться таким богатством! Рубондо — это настоящий «микрорай» для животных. Здесь нет ни одного хищника — ни леопардов, ни львов, ни гиен. Именно поэтому тут можно акклиматизировать самых ценных и редких животных, не опасаясь, что они назавтра будут уже растерзаны. Вот и шимпанзе, которых на воле с каждым годом становится все меньше и меньше, сохранить как вид можно только в подобных резерватах*. Сейчас это совершенно необходимо, иначе наши потомки, и белые и чернокожие, никогда больше не увидят этих интереснейших животных, которых ожидает та же участь, что постигла уже многие виды — стеллерову корову, зебру кваггу и многих других.

Обеспечить человекообразным обезьянам безопасное убежище важно еще и потому, что в скором времени их могут полностью истребить в медицинских целях, например, когда успешно будет решена проблема пересадки ор-

ганов. Ведь над этим сейчас усиленно трудятся многие исследователи во всем мире, в особенности в Соединенных Штатах. В одних только США ежегодно умирает от болезни почек 30 тысяч человек. Если техника пересадки почек будет успешно развиваться, понадобится не больше года на то, чтобы истребить всех живущих ныне шимпанзе с соответствующей группой крови. Сейчас в Африке живет не более 250 тысяч диких шимпанзе. Из них менее десяти процентов имеют нулевую группу крови, и их-то, по-видимому, в первую очередь и истребят, для того чтобы спасти больных людей.

Пусть же и у них останется хоть один «остров спасения».

Я побывал во многих новых африканских государствах и встретил полное понимание по вопросам охраны природы. Я наглядно доказал их правительствам всю важность привлечения в эти молодые страны заморских туристов; насколько выгоден международный туризм, легко проследить на примере Швейцарии, Италии, Испании и Югославии. Африканские страны испытывают острую нужду в валюте, а привлечь в них туристов можно только дикой, нетронутой природой с ее изумительной всемирно известной фауной.

В своей книге «Они принадлежат всем» я описал, как мне удалось с помощью телевидения и прессы привлечь туристов со всего света в Восточную Африку, где они получили возможность любоваться слонами, зебрами, носорогами и львами (разумеется, только в национальных парках, больше их в Африке нигде не увидишь — они почти полностью истреблены).

Поэтому правительства африканских стран не скупятся на содержание уже существующих национальных парков и охотно открывают новые. Эти пока еще молодые развивающиеся страны выделяют на охрану природы большую долю своего национального дохода, чем это делается, например, в США. А сейчас туристы заглядывают

в Танзанию только на несколько дней, приезжая туда из Кении, чтобы полюбоваться кратером Нгоронгоро и животными Серенгети. Потом они сразу уезжают обратно. Но если удастся поселить здесь, на острове, такие виды животных, которых нигде больше в Восточной Африке не увидишь, через пять или десять лет туристы наверняка захотят пересечь озеро Виктория, чтобы побывать на Рубондо. Здесь ведь можно поселить и горилл, и бонобо, и, может быть, даже окапи. На острове уже прижились антилопы ситутунга, по берегам встречается еще довольно много крокодилов, которые в других местах Африки почти полностью истреблены. Крокодилы стали настоящей «жертвой моды» из-за колоссального спроса на их кожу.

Следовательно, в нашу задачу входит не только спасти животных от истребления, но и принести пользу молодому независимому государству Африки, которое энергично борется за свое будущее.

* * *

Если бы это были не зоопарковые обезьяны, а просто отловленные где-либо в лесу, нам достаточно было бы перетащить утром ящики на берег и открыть их. Наши пленники тотчас убежали бы, с тем чтобы никогда не возвращаться. Ведь шимпанзе, живущие на воле, завидя человека, никогда на него не нападают, а, наоборот, поспешно скрываются в зарослях леса, — разумеется, исключая те случаи, когда им приходится защищать свою жизнь.

Пятнадцать лет назад в бывшей Французской Гвинее в горах Ниемба мне вместе с моим сыном Михаэлем как-то пришлось в течение десяти дней наблюдать за жизнью шимпанзе на воле. И мы знаем, как это чертовски трудно. Об этом подробно рассказано в моей книге «Мы жили среди бауле».

Зоопарковские же шимпанзе людей не боятся, что не означает, между прочим, что они обязательно будут вести себя с ними приветливо. Наши «новоселы», чего доброго, могли бы не захотеть уйти в лес, а лезли бы в домики к зрителям парка, отнимали бы у них продукты и утаскивали вещи, даже, возможно, нападали бы на них — словом, на острове установилось бы обезьянье господство. А этого ни в коем случае допускать было нельзя.

Молодая английская исследовательница Джейн Гудолл, которая вышла замуж за бельгийского фотографа и стала ван Ловик-Гудолл, провела в общей сложности 15 месяцев среди шимпанзе в лесу возле озера Танганьика и на себе испытала подобное засилье обезьян. Первые шесть месяцев они убегали, завидя ее даже на расстоянии полукилометра; затем они стали подпускать ее на 90 метров, год спустя — на 27 метров, а после того как привыкли получать от нее бананы, сами стали искать с ней встречи. Но тогда они уже обнаглели до того, что утащили у нее белье с веревки, унесли недоконченное письмо со стола и сорвали палатку. Дело кончилось тем, что обезьяны напали на ее супруга.

По наблюдениям Герхарда Подольчака, сопровождавшего наших обезьян на пароходе, некоторые из них отличаются большой злобностью. Каждого, кто к ним приходил, они старались даже сквозь решетку схватить рукой и укусить. А нам совсем не хотелось подвергаться нападению обезьян во время их выпуска на волю: ведь здесь, на острове, нет никакой врачебной помощи и до ближайшего госпиталя добираться довольно далеко. Так что осторожность прежде всего.

Поэтому мы на рассвете, пока поверхность озера еще совершенно спокойна, перевозим клетки вдоль берега подалее от домиков зрителей парка и через двадцать минут становимся на якорь. Тяжеленные клетки прихо-

дится перетаскивать с катера на берег на плечах. Там их устанавливают возле самой кромки воды.

В последний раз обезьянам дают сироп с резехином от малярии, которой эти животные подвержены так же, как и мы. Это снадобье им давали всю дорогу. На Рубондо возможность заболевания почти исключается, так как здесь нет больных малярией, от которых комары могли бы перенести заразу. А вот пока мы проезжали через деревни и города, такая опасность была вполне реальной.

Клетки с агрессивными пассажирами устанавливаются таким образом, чтобы мы могли открыть дверцы за веревку, стоя по колено в воде. В воду человекообразная обезьяна никогда не полезет, потому что, как и человек, лишена врожденного умения плавать, свойственного другим животным. Значит, в воде нам будет легче всего спастись от их возможного гнева: трудно предположить, чтобы они отважились там нас преследовать.

В каких-нибудь ста метрах по обе стороны от места выпуска находятся заброшенные банановые плантации. Здесь, а также в некоторых других местах животные смогут находить себе пропитание, до тех пор, пока не научатся добывать его в лесу.

Только в самое последнее время нам удалось узнать несколько подробнее о жизни диких, живущих на воле шимпанзе. Этим мы обязаны ценным наблюдениям доктора Адриана Кортланда, Джейн ван Ловик-Гудолл и молодой четы Рейнольдс, проведенной восемь месяцев среди обезьян леса Будонго в Уганде. Оказывается, эти обезьяны нигде не живут оседло, а целыми днями кочуют по лесам, проходя иногда по 16 километров в день. Питаются они дикими плодами, листьями, молодыми побегами и мягкой древесиной. В лесу Гомбе Джейн Гудолл удалось подсчитать 63 различных растения, которыми питались шимпанзе. Она заметила также, что они иногда убивали и съедали маленьких обезьянок других видов. Обезьяны

же, обитающие в Уганде, не прикасались к мясу, несмотря на то что на их пути иногда попадались пойманные в капкан карликовые антилопы; они брали их в руки, рассматривали, но не ели. Обезьяны, обитающие в Западной Африке, тоже не едят мяса.

Что же касается горилл, то они убежденные вегетарианцы.

В поисках пищи шимпанзе много лазают по деревьям, но зачастую и бегают на четвереньках по земле, пользуясь проложенными ими же самими тропинками. Мы с Михаэлем в горах Ниемба часто принимали их за тропинки, протоптанные местными жителями, пока не натыкались на перегораживающие их деревья и высокие кустарники.

Когда в лесу встречаются две группы шимпанзе, они радостно приветствуют друг друга; при этом шерсть их поднимается дыбом (как, впрочем, и от любого волнения), они встают на задние лапы,жимают друг другу руки, обнимаются и целуются, вытягивая губы. Как видите, у шимпанзе почти такие же, как и у нас, проявления дружеского расположения и до смешного похожие жесты приветствий!

Большое стадо обезьян, примерно в 70 голов, населяет около 15 квадратных километров леса, где они и разбредаются отдельными небольшими группами. Такая группа отнюдь не семья, чаще всего она состоит из нескольких взрослых самцов или самок с детенышами. Если где-то поспело много плодов, то там все это шумное общество собирается вместе и поднимается страшный галдеж. В то время как самцы и молодежь при поисках пищи издают много разнообразных криков, самки следуют за ними молча, как бы в ожидании, когда те дадут им знать, что нашли урожайное место. Настоящими конкурентами шимпанзе в отношении питания можно считать только одних павианов. Но павианов, к счастью, здесь, на Рубондо, тоже нет.

Все человекообразные обезьяны, в том числе и шимпанзе, любят устраивать «барабанный бой». Производят они его, выбивая ногами дробь на каком-нибудь полом предмете; под эту же музыку они устраивают свои дикие пляски.

Так, в Гвинее мы нашли поваленный пустой внутри ствол, который служил обезьянам именно для этой цели. Рейнольдс же наблюдал, что они пользовались для барабанной дроби и воздушными корнями дерева ньяка (железного дерева). Крики их слышны на расстоянии примерно трех километров.

Даже в тех случаях, когда встречаются две большие группы из соседних районов, дело обычно обходится без драк и грызни. При встрече обезьяны быстро взбираются на самые верхушки деревьев и оттуда начинают громко кричать. Самцы хватаются одной рукой за сук и описывают вокруг него круги, словно на каруселях, затем спрыгивают вниз и начинают трясти маленькие деревца или ветки. При этом они то и дело подбегают друг к другу.

Рейнольдс называет это «обезьяньим карнавалом». Такое шумовое оформление первого знакомства может длиться иногда целый час.

Джейн Гудолл наблюдала аналогичное поведение шимпанзе из лесов Ромбе во время дождя. Самцы устраивали те же бурные танцевальные представления: хватались рукой за ствол и дикими скачками вертелись вокруг него. Самки и детеныши в это время взбирались на соседние деревья, чтобы иметь возможность лучше наблюдать за самодеятельным концертом в честь дождя.

* * *

Но все это можно будет наблюдать на Рубондо только через несколько лет. А сейчас у нас другие заботы: как выпустить обезьян из клеток?

Для начала мы освобождаем тех из них, которые, по свидетельству Герхарда, дорогой показали себя самыми добродушными и приветливыми. Две самки, не теряя ни минуты, сразу же направились к опушке леса, как будто попали к себе домой. Другие подошли к закрытым еще клеткам, в которых сидели остальные пленники, просунули туда пальцы, ощупывая физиономии своих сородичей и целуя их через решетку (шимпанзе, как и человеку, свойственно проявлять свою любовь посредством поцелуев). Несмотря на то что они сидели в отдельных клетках, они, видимо, уже все перезнакомились за долгую дорогу.

Шимпанзе-подросток и второй, совсем еще маленький, подбежали ко мне и ухватились за штанину, показывая всем своим видом, что никуда не собираются от нас уходить. Более того, малыш быстро взобрался на меня, поцеловал и крепко обхватил мою шею обеими руками. Куда бы мы ни шли, он неотступно бежал за нами (причем почти все время на двух ногах, что выглядело крайне умилительно).

Но именно этого мы и боялись: ведь детеныш должен остаться здесь вместе со взрослыми обезьянами. Само по себе это дело совсем нетрудное, когда касается таких общительных обезьян, как шимпанзе. Они всегда очень приветливы с детенышами; даже взрослые самцы охотно играют с ними, позволяя проказничать — вскакивать себе на спину, дергать за шерсть. Мы подвели малыша к двум самкам, сидящим на лесной опушке. Он действительно сразу направился к ним, и одна из них прижала его рукой к себе. Но не успели мы отойти, как он с воплем кинулся за нами. Прогнать его мы не решались, потому что тогда он мог бы поднять громкий крик и плач, на который сбежались бы взрослые обезьяны и, желая его защитить, могли бы нас искусать. Поэтому с малышом мы решили некоторое время выждать.

Ящик с огромной очень злобной самкой мы открывали за веревку, стоя в воде. Засов железной дверцы уже снят, но злая шимпанзиха и не думает вылезать. Она только слегка приоткрывает дверцу и выглядывает наружу. Когда к ней подбежал наш детеныш, она схватила его и взяла к себе в клетку.

Нам уже надоело ждать, но самка и не думает уходить: сидит и сидит. Наконец спустя четверть часа она вылезает, осматривает окрестности, продолжая держаться рукой за железную дверцу, явно обеспечивая себе отступление в случае необходимости. Когда она на какой-то миг выпускает дверцу из рук, та с треском захлопывается. Явно испуганная, самка тут же возвращается и открывает ее вновь. Поскольку мы хотим поскорее от нее избавиться, чтобы забрать пустой ящик на катер, то начинаем брызгать на нее водой. Но в результате она поспешно скрывается в своем «доме».

Нам не раз приходилось наблюдать аналогичные вещи в зоопарке. Животные, пропутешествовавшие в портативных клетках несколько дней, а иногда и недель, начинают их рассматривать как свое жилище и, чувствуя себя в них в безопасности, не решаются перейти в другое, пусть более просторное помещение и даже на свободу, если обстановка им незнакома.

После обеда мы снова подъехали на моторной лодке к этому месту. Все шимпанзе исчезли. Бананы, яблоки и хлеб, сложенные нами в кучу, остались нетронутыми. Когда шимпанзе не находят в лесу плодов, они неделями могут питаться одними листьями и молодыми побегами. Это показали наблюдения в лесу Будонго. Но для наших обезьян это, вероятно, покажется чем-то новым и непривычным, поэтому-то мы и решили подбросить им на первое время немного продовольствия.

Как только мы причалили и вылезли на берег, нам навстречу выбежали из леса три шимпанзе — самый большой из самцов, по кличке Роберт, и оба малыша.

Роберт приветствовал нас пожатием руки. Но самок почему-то нигде не было видно. А ведь мы рассчитывали на то, что детеныши присоединятся именно к ним.

Постепенно Роберт начинает все больше возбуждаться. Шерсть на нем поднимается дыбом, он становится как бы вдвое толще и начинает бегать на задних лапах. Мы поспешно прямо в ботинках и носках залезаем в воду и пробираемся до лодки вброд.

Сегодня 23 июня. Наша «операция» благополучно закончена. Все человекообразные обезьяны доставлены наконец на свою новую родину. Свыше пяти недель они просидели в своих ящиках, а некоторые пропутешествовали и того больше, если считать дорогу, которую они проделали до Антверпена. Мы испытываем явное чувство облегчения. Наверное, и они тоже.

* * *

На другое утро мы решили совершить пешком экскурсию к месту выпуска обезьян. Сперва нам пришлось преодолеть несколько холмов, скалистая поверхность которых сплошь заросла высокой, по пояс, травой, похожей на спелую пшеницу (траву здесь не сжигают, как повсюду на материке). Идти нужно было осторожно, потому что среди обломков скал нетрудно поломать себе ноги. Холмы на поверку оказались значительно выше, чем показались с катера, и карабкались мы по ним с трудом. Между ними тянулись долины, поросшие девственным лесом, и болота с высоченными камышами и тростниками.

Пробираясь по этим зарослям, мы пользуемся тропинками, проложенными бегемотами. Идти по ним нам очень удобно, потому что они достаточно широки. Там и сям по сторонам попадаются примятые площадки, где эти толстяки, видимо, отдыхали (а может быть, это были но-

сороги?). Будем надеяться, что бегемоты здесь, как и в других местах Африки, выходят пастись только по ночам. Но кто может за это поручиться? Мне бы отнюдь не хотелось стоять на пути у потревоженного чем-то бегемота, несущегося к спасительной воде... Когда я несколько лет назад был в Уганде, в национальном парке Куин-Элизабет как раз при подобных обстоятельствах погибла одна африканская девушка. Поэтому мы стараемся нарочно громко разговаривать, смеемся и стучим палками по деревьям, чтобы бегемоты и носороги еще издали слышали наше приближение и не испугались нашего внезапного появления.

Когда мы пересекали поляну с желтой высохшей травой, до нас донесся громоподобный топот копыт тяжеловесного животного. После мы долго потешались друг над другом — над тем, с какой проворностью каждый из нас бросился к ближайшему дереву, готовый залезть на него при первом же появлении толстокожего.

Но вообще-то смешного тут мало, потому что не так давно поблизости от этого места погиб один рыбак, который, нарушив запрет, причалил к острову. Заметив спящую самку носорога с детенышем, он начал швырять в них камнями, желая, видимо, прогнать от берега. Однако, вместо того чтобы убежать, животное бросилось на обидчика и убило его.

По скалистому склону холма мы с превеликим трудом спускаемся в лес. Обломки скал поросли сплошным ковром высокой сухой травы.

Вдруг прямо среди горной лужайки я обнаруживаю автомобильную шину. Я хотел было рассердиться на тех, кто захламляет такими вещами остров, но, приглядев-шись, обнаружил, что это... сетчатый питон. Хотя я и успел схватить его за хвост, но он так крепко уцепился за обломки скал и за заросли травы, что без труда сумел у меня вырваться. Ну и Бог с ним, не очень-то он мне сейчас нужен. А действовал я с ним так решительно

лишь потому, что точно знал: питоны — неядовитые змеи. Иначе бы поостерегся. Тем более что в этот момент мы с Синклером Данеттом одновременно вспомнили, что коробку с сывороткой от змеиных укусов, конечно, забыли в лагере.

Правда, в Африке не так просто увидеть ядовитую змею, а тем более быть ею укушенным, но если все же это случилось бы здесь с кем-либо из нас, другим пришлось бы два часа тащить на себе товарища, пока они добрались бы до спасительной сыворотки. Как досадно, что вечно повторяешь одни и те же ошибки!

Я прикидываю, что за следующим холмом как раз должно находиться то место, где мы вчера выпустили своих обезьян. Но не успели мы спуститься в лесок, как уже наткнулись на двух самок шимпанзе, сидящих на земле и что-то сосредоточенно жующих. Одна из них как раз та самая злюка. Прятаться слишком поздно: они нас уже увидели, встали и идут навстречу. Мы замечаем, что шерсть на животных поднялась дыбом, а это всегда служит верным признаком возбуждения, а часто и агрессивных намерений. Бежать уже нет никакого смысла, да и для защиты у нас под рукой ничего нет. Громадная самка хватается меня за плечи, обнажает свои крепкие, здоровенные зубы, слегка прихватывает ими мою щеку, затем руку — это она целует меня. Пока что это приветствие и проявление радости.

Мы переглядываемся с Герхардом Подольчаком, потому что оба хорошо знаем этих обезьян и нам известно, как легко их радостное возбуждение переходит в гнев. Мы стараемся скорее перебраться на открытую поляну. Как мы и предполагали, самки шимпанзе не захотели выйти на солнцепек и остались в тени деревьев. Зато одна из них успела отнять у доктора Вальтера полевой бинокль. Разумеется, он благоразумно не оказал ей никакого сопротивления и позволил даже снять через голову ремень от футляра.

Тут к самкам подоспел Роберт — самый крупный самец. Все втроем они рассматривают кожаный футляр, потом со знанием дела открывают застежку и вытаскивают инструмент. Шимпанзе исследуют бинокль очень внимательно со всех сторон, догадываются даже приложить его к глазам, только обратной стороной. Доктор Вальтер пробует выменять у них бинокль на носовой платок и хозяйственную сетку, но безуспешно: они просто отнимают у него и эти вещи тоже.

Ни одно другое животное — ни лошадь, ни носорог, ни антилопа — не стало бы так долго возиться с таким совершенно бесполезным для него предметом, как бинокль. Но обезьяны очень любознательны. Они ведь умеют обращаться с различного рода несложными инструментами почти как люди. Так, например, они используют

палку, чтобы поддеть ею какой-нибудь предмет, лежащий за прутьями их клетки; а если палка коротка, то составляют из двух одну, сгрызая у более тонкой конец, чтобы заострить и воткнуть в другую. Если шимпанзе, живущие на воле, хотят полакомиться, они облизывают какую-нибудь веточку, всовывают ее в термитник или муравейник, а затем вытаскивают и слизывают прилипших к ней насекомых. Когда обезьянам трудно раздобыть воду, они нажевывают листья, превращая их в своеобразную мочалку, которую засовывают в дупло дерева, где на дне накапливается вода. Намокшую мочалку затем вытаскивают и высасывают. Шимпанзе, запачкавшие свою шерсть грязью или кровью, непременно начнут вытирать ее листьями: если самку запачкал детеныш, она поступает точно так же. А вот целиться они не умеют, поэтому редко чем-нибудь бросаются, зато могут сделать из толстой ветки дубину и бить ею своих врагов, например леопарда.

Мы осторожно пытаемся удалиться, пока шимпанзе заняты изучением бинокля. Но Роберт сразу же замечает наши маневры и бежит за нами; самцу пришло в голову излить свои дружеские чувства на доктора Вальтера: он повисает у него на шее и осторожно прихватывает зубами его подбородок. Выглядит это со стороны довольно страшно, но намерения у него пока что самые добрые. Однако постепенно волнение его нарастает, шерсть поднимается дыбом. Он начинает притоптывать ногой, потом разбегаются и пулей проскакивает между ногами профессора Вальтера, свалив его на землю. Затем тот же трюк он проделывает с Синклером Данеттом. После этого Роберт хватается Данетта за руку и начинает с громким визгом носиться вокруг него, словно катаясь на карусели.

— Бегите скорее в кустарник! — кричу я ему.

Синклер подтаскивает обезьяну к опушке леса, и там Роберт прекращает свой танец, потому что ему негде развернуться. Мы продвигаемся дальше по лесу, чтобы обойти стороной обезьянью лужайку. Однако Роберт и не

думает возвращаться к самкам — он твердо решил идти с нами. Шерсть на нем по-прежнему стоит дыбом.

Спустя некоторое время он отнимает у Синклера топорик, которым мы расчищаем себе дорогу в зарослях. Тогда я подхожу к нему с протянутой ладонью (жест, который у обезьян, так же как и у нас, означает просьбу). Он тут же с готовностью отдает мне топорик, но зато отбирает палку, на которую я опираюсь при ходьбе. Возбуждение его все возрастает. Мое воображение уже рисует страшную картину — как мы тащим изувеченного человека по этой ужасной дороге...

Поэтому я даже обрадовался, когда Роберт крепко схватил Синклера Данетта за руку и всем своим видом дал понять, что готов отправиться с нами в путь.

И мы пошли все вместе: четверо мужчин и один шимпанзе. Роберт передвигался на трех лапах, а одной цепко держал Данетта за руку, не отпуская ни на секунду и опираясь на него с такой силой, что Синклеру приходилось едва ли не волочить его за собой. К тому же Роберт не позволял ему менять руку, чтобы дать другой отдохнуть.

Нам становилось, прямо скажем, несколько неуютно. Ведь мы знаем, что шимпанзе привыкли к довольно длительным кочевкам по лесу, при этом они удивительно энергичны и склонны ко всякого рода авантюрам. Что может помешать Роберту увязаться за нами и дойти до самого лагеря? А учитывая их звуковую сигнализацию — крики и барабанный бой, — можно не сомневаться, что вскоре там окажется и вся остальная компания.

Как же нам отделаться от Роберта? Вернуться назад к самкам? Но где гарантия, что те не вздумают на нас напасть или, чего доброго, тоже не увязнутся за нами?

Вот так история! Мы так растерялись, что начали говорить между собой шепотом, хотя в этом не было никакой надобности: Роберт хотя и умен, но вряд ли способен понять, о чем мы говорим.

Решено воспользоваться уже испробованным способом — зайти в воду. Мы спускаемся со склона, мимо зарослей бананов спешим к берегу и прямо в ботинках, носках и брюках входим в озеро. Крокодилы? Будем надеяться, что четверо мужчин сразу для них слишком опасная добыча, они, скорее всего, удерут от нас.

В воде стоят (как и вокруг всех здешних островов) мертвые, лишенные коры деревья. Это объясняется тем, что за последние три дождливых года уровень воды в озере впервые за 80 лет повысился на два метра. Многие старые деревья попали в воду и погибли.

Я едва успеваю переложить бумажник и остальное содержимое моих брючных карманов в нагрудный карман рубашки, как вода уже достает мне до пояса. Так мы и пробираемся вдоль берега, осторожно ощупывая палками дно. Лишь бы не провалиться в какую-нибудь яму или не попасть ногой в вязкую тину. А уж о бильгарциях* мы стараемся и не думать (год спустя врач в Аруше обнаружил, что я их все-таки подцепил).

Роберт следует за нами по берегу. В одном месте, густо заросшем камышом, он влезает на дерево, чтобы не потерять нас из виду. Интересно, насколько у него хватит терпения? Сначала он злился и бросался палками. Теперь он что-то приумолк, но мы слышим, что он упрямо продолжает пробираться вдоль берега. Хотя ему и попадаются труднопроходимые места, густо заросшие камышом, но все-таки там идти легче, чем нам здесь.

Через четверть часа его уже не видно. Мы переговариваемся только шепотом и жестами, чтобы нас совершенно не было слышно. Постепенно к нам возвращается хорошее настроение. Но тут дорогу преграждает колючая крона упавшего в воду дерева. Обойти ее со стороны озера невозможно: там слишком глубоко; приходится на четвереньках выползать на берег и пробираться сквозь замысловатое переплетение разросшихся во все стороны растений, к счастью, без колючек. Мы прокладываем себе

туннель и друг за другом «пробуравливаемся» сквозь него, пока наконец через пятьдесят—шестьдесят метров не попадаем на окаймленную кустарником лужайку.

Здесь мы с подозрением оглядываемся по сторонам: Роберта нигде не видно, остальных шимпанзе тоже. Но тут я обнаруживаю, что пропал мой бумажник со всеми казенными деньгами. По-видимому, он выпал из нагрудного кармана, который я в суматохе забыл застегнуть.

— Вероятно, ты его выронил, когда наклонялся, чтобы влезть в этот проклятый туннель, — предположили мои спутники.

Доктору Вальтеру и мне пришлось проделать тот же путь, только в обратном направлении. И в самом деле — вот он лежит, цел и невредим, внизу, под спутанными корягами.

Остаток пути до лагеря мы уже идем по суше, являя собой довольно странное зрелище в своих мокрых и грязных штанах и ботинках. Но здесь никого нет, кто бы мог над нами потешаться.

На место мы приходим уже высохшие. Зато коленки наши разодраны и руки поцарапаны. Во время всех наших тревожений мы этого даже не заметили. Рубаха моя разорвана в клочья, зато брюки после нашего водного марша вновь приобрели свою отутюженную складку, словно побывали в химчистке; вот уж поистине чудеса современной синтетики!

Когда мы в тот же день после обеда, но уже со значительно большими удобствами, на моторном катере, прибыли к месту выпуска обезьян, ни одной из них поблизости не оказалось. Запасы бананов лежали нетронутыми.

На опушке леса мы нашли разодранный в клочья футляр от бинокля, а после долгих и тщательных поисков в лесу — и сам бинокль, разумеется сломанный.

Что-то нигде не видно гнезд. А ведь самый верный признак присутствия в лесу шимпанзе — это гнезда. Каждый вечер, примерно с пяти до семи, до наступления темноты, шимпанзе строит себе гнездо и укладывается в нем

на ночлег. Такое «плацкартное» место для спанья устраивается каждый раз новое. Изготовление его несложно: на вершине дерева, обычно на высоте 10, иногда 30 метров, со всех сторон подгибаются сучья, а сверху набрасываются еще сорванные ветки и листья — и постель готова. В противоположность гориллам шимпанзе никогда не пачкают своих гнезд испражнениями. Во время своих блужданий по лесу они стараются пристроиться по своим делам на каком-нибудь упавшем стволе. Приходилось наблюдать, что после этого они подтираются листьями.

* * *

Через несколько дней мы покидаем Рубондо, оставив там одного Синклера Данетта, которому поручено приглядывать за обезьянами и инструктировать местных африканских смотрителей парка. Мы оставляем им купленную у одного африканского рыбака большую деревянную лодку с подвесным мотором, в которой свободно умещается 20 человек. Имея такую лодку, им будет легче охранять Рубондо от рыбаков соседних островов, которые повадились воровать бананы со здешних заброшенных плантаций. Через несколько месяцев Синклера сменит молодой немецкий лесничий Ульрих Каде, который здесь, на Рубондо, будет проходить практику.

Интересно, как поведут себя наши обезьяны на воле? Будем надеяться, что все будет хорошо. Наш эксперимент подходит к концу.

Со вздохом облегчения я сажусь в большую моторную лодку, и мы направляемся в Мванзу. Мотор безостановочно стучит в течение трех часов, потом внезапно замолкает. Капитан и его помощник с громким званием «инженер» вместе копаются в машине и снова приводят ее в движение. Но на этот раз она работает 55 минут, а затем снова останавливается.

— В чем дело? — нервничаем мы.

Повторная починка длится несколько дольше первой, но вот уже снова за кормой повалил черный дым, и мы плывем. Мимо проплывают различные острова. На голых сучьях стоящих в воде деревьев сидят бакланы. По берегам там и здесь виднеются малюсенькие, крытые камышом хижины, такие незатейливые и примитивные, какие теперь редко встретишь в Африке.

После каждой очередной починки мотор работает сперва двадцать минут, затем десять, а под конец — всего пять. Я с беспокойством слежу за ним по своим часам: может быть, он теперь вообще перестанет заводиться?

А волны тем временем становятся все выше. У них появляются пенистые гривы. К счастью, сейчас сухой сезон, так что непогоды не предвидится. Предположить, что такая крепко сколоченная посудина потонет, тоже трудно. Но если мотор окончательно заглохнет, ветер может погнать нас далеко в открытое море. В лучшем случае нам пришлось бы там переночевать (это если нас вообще будут искать и найдут). При подобных обстоятельствах всегда начинаешь рисовать себе мрачные картины.

Вскоре волны начинают перехлестывать через край, и мы промокаем насквозь. Матросы взрезают старые мешки и привязывают их с наветренной стороны к подпоркам крыши. Но вода все равно хлещет через край. Тогда я достаю из своего саквояжа складной зонтик — предмет вечных насмешек моих спутников. Как ни странно, сейчас они не смеются над ним! Так мы в течение целых пяти часов и просидели втроем под этим зонтиком.

Итак, 19 ремонтов за один день! Это многовато. Спустя 14 часов, ночью, мы наконец причаливаем к Мванзе. Наутро я усаживаю старшего служителя нашего зоопарка Подольчака в свой «фольксваген» и везу его в национальный парк Серенгети, который уже давно обещал ему показать.

Три часа подряд мы едем мимо стад из десятков и сотен тысяч гну, мимо полосатых зебр и газелей Томсо-

на. Вечером, до захода солнца, я еще успеваю показать ему Серонере, где расположено управление национального парка, полдюжины львов и одного леопарда, забравшегося на дерево и поглядывающего оттуда на нас.

На другое утро мы поднимаемся в горы и оттуда едем вниз, к Аруше. Потом — в самолет. Еще одна ночь — и мы во Франкфурте-на-Майне. Итак, дело сделано. Человекообразные обезьяны впервые за всю историю своего существования совершили своеобразное путешествие — не из Африки в Европу, а, наоборот, из Европы к себе на родину. Счастливой вам новой жизни, обитатели острова Рубондо!

* * *

Помимо шимпанзе на Рубондо с июля по ноябрь 1965 года были перевезены 12 жирафов. В 1967 году там можно было увидеть группу жирафов с двумя детенышами, а в 1968 и 1969 годах — уже несколько таких групп. За 1964—1965 годы туда же было высажено 16 взрослых носорогов, за которыми велись наблюдения. В 1966 году у них уже появился первый детеныш, а в 1967 году — второй. Лесничий национального парка Серенгети Майлс Тернер, пролетая в сентябре 1966 года над островом Рубондо, заметил четырех буйволов, похожих на одичавший домашний рогатый скот жителей острова. Спустя год были замечены и три дикие козы явно того же происхождения.

В октябре 1967 года на остров выпустили четырех лошадиных антилоп — двух самцов и двух самок. Одну из этих пар наблюдали в феврале следующего, 1968 года уже далеко от места выпуска. Я сам встречал их следы в 1969 году. В течение июня — июля 1967 года мы перевезли на остров в общей сложности 20 обезьян. Некоторых из них я наблюдал с лодки в 1969 году сидящими на кронах прибрежных деревьев. В тот же день мне удалось с самолета заснять на киноплёнку и прижившихся на острове жирафов.

Среди тех 11 шимпанзе (трех самцов и восьми самок), высадку которых на остров я описал в этой главе, был только один-единственный взрослый самец. Двое самцов-подростков, к сожалению, не присоединились к группе взрослых шимпанзе, а держались особняком и в течение первых месяцев радостно выбегали навстречу людям, как только лодка причаливала к берегу. Но уже спустя шесть месяцев они стали значительно осторожнее и бросались в бегство от незнакомой лодки. Окончательно же одичали они только спустя год. Нас очень тревожило, что в группе наших переселенцев только один полноценный, способный к размножению самец; это могло замедлить темпы роста стада. Поэтому в 1966 году мы решили перевезти на остров еще двух взрослых производителей. Это были тоже зоопарковые обезьяны, на этот раз доставленные из Европы на самолете. Одним из новичков был одноглазый Джимми, доставивший нам немало хлопот во время своего пребывания во Франкфуртском зоопарке и даже покусавший служителя Клозе.

В сентябре 1967 года к домикам охраны острова заявился Роберт с двумя беременными самками. Они устроили настоящий погром в продуктовом складе, разорвали и рассыпали мешки с сахаром и крупой и вообще вели себя весьма нагло. Когда Ульрих Каде пытался их прогнать, они укусили его за руку. Последующие попытки обезьян напасть на лагерь смотрителям парка пришлось отражать выстрелами из пушки. Это напугало шимпанзе, и больше они не появлялись. В феврале 1968 года видели двух самок шимпанзе с новорожденными детенышами.

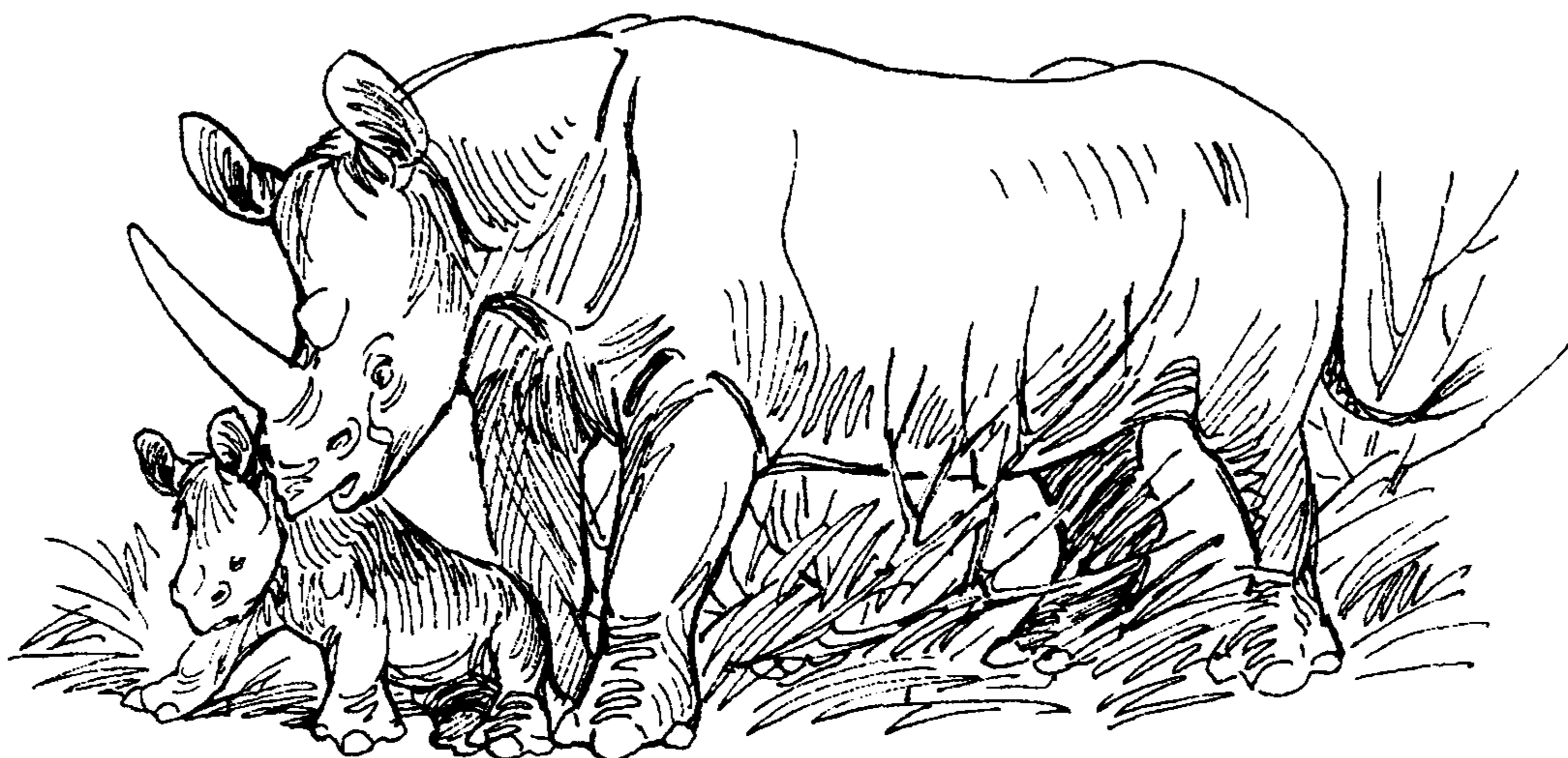
В ноябре 1967 года одного из смотрителей острова застрелил браконьер. Убийца бежал, но его удалось опознать, и полиция уже через два дня арестовала его в деревне, где он жил. В 1968 году он был повешен в назидание другим. Теперь подобные провинности судьи карают значительно строже, чем раньше. Незаконное пребывание на Рубондо карается в среднем полутора месяцами тюремного заключения; попытка браконьерства — шестью месяцами тюрьмы. Рыбачья лодка, причалившая без разрешения в

марте 1968 года к острову, была опрокинута бегемотом. Один из рыбаков при этом утонул.

10 октября 1968 года в новый лагерь проник одноглазый Джимми и тотчас напал на сторожа Лукаса Серемунда. Лукас решил бежать к воде, а не к собственному дому, чтобы разъяренная обезьяна не напала на его маленьких детей. Однако Джимми догнал его, прежде чем он успел вбежать в воду, и прокусил ему обе руки. Только когда подоспел другой сторож и ударил взбешенного шимпанзе дубиной по спине, он оставил в покое свою жертву и убежал. Однако спустя шесть дней Джимми появился снова и на этот раз напал на сторожа Даниеля Обаха. Тот сидел за оградой лагеря и, прислонив ружье к дереву, читал книгу. Когда он увидел приближающуюся обезьяну, было уже поздно защищаться, и он бросился к дому. Однако шимпанзе успел вырвать ему из ноги кусок мяса и протиснуться с ним вместе в дом. Очутившись в комнате, обезьяна со знанием дела заперла изнутри дверь и бросилась на человека. В этой отчаянной схватке Даниель потерял мизинец на одной руке и получил тяжелые ранения на другой. К счастью, ему удалось открыть дверь и выскочить наружу. Один из носильщиков схватил валявшееся тут же на земле ружье и застрелил разбушевавшуюся обезьяну.

С остальными новоселами Рубондо пока что все обстоит благополучно.

Глава вторая

СРЕДИ ЧЕРНЫХ НОСОРОГОВ

Хитростью можно и льва
заманить, силой же и мухи
не поймаешь.

Африканская поговорка

Если в Африке повстречаешься с черным носорогом, причем путешествуя пешком, а не так, как теперь принято, в машине, то сразу же почувствуешь себя весьма скромным и незначительным. Тут же вспомнишь о бешеных атаках этих чудищ, кончавшихся смертельным исходом, если верить многим книгам об Африке. Ведь такой остромордый (как их еще называют) носорог весит как-никак до двух тонн, длина его от кончика носа до основания хвоста 3,7 метра, высота в холке от 150 до 160 сантиметров, словом, это одно из самых мощных наземных животных. Правда, если его сравнить с некоторыми вы-

мершими его родичами, например с гигантским носорогом индрикотерием, наиболее крупным из известных науке наземных млекопитающих, то он может показаться даже маленьким. Тот достигал пяти метров в высоту (рост жирафа) и семи метров в длину. Кости этого гиганта, пролежавшие в земле примерно 35 миллионов лет, были найдены в Казахстане на берегу реки Челкар-Тениза.

Еще сравнительно недавно носороги, очень мало отличавшиеся от современных, были широко распространены по всей Европе и Азии. В Краковском музее я видел чучело шерстистого носорога, возраст которого определен в десять тысяч лет. Он был найден в 1929 году отлично «законсервированным» в нефтеносных слоях почвы близ Старуни*.

Черный, или остромордый, носорог, как известно, столь же черен, как белый, или широкомордый, бел. Тут все дело в почве, на которой обитает животное, в иле и пыли, где оно валяется. От этого его первоначально свинцово-серая кожа становится в одних случаях белой, в других — красноватой, а в местностях, покрытых лавой, — совершенно черной. Кожный покров носорога абсолютно лишен растительности, если не считать кончика хвоста и края ушей. Нет у него и потовых желез; отсюда пристрастие этих животных к охлаждающим грязевым ваннам. Реброподобные складки по бокам туловища не имеют никакого отношения к находящимся под ними ребрам. У носорогов нет ни резцов, ни клыков, с каждой стороны челюсти у них расположено по семь коренных зубов. Во Франкфуртском зоопарке в помете восьми-, девятилетнего самца носорога были найдены выпавшие зубы; к этому возрасту животные, по-видимому, и становятся взрослыми.

В начале нашего века работающие в музеях зоологи по поступавшим к ним рогам и костям черных носорогов и на основании изучения тех немногих африканских носорогов, которые попадали в зоопарки, пытались выделить

целый ряд видов и подвигов этих животных. Однако современная наука объединяет всех черных носорогов в один вид — *Diceros bicornis*, из которого иногда еще выделяется один подвид — *Diceros bicornis somaliensis*; обитает он в Северной Кении и в Сомали и примерно на десять процентов легче, чем другие черные носороги.

Разумеется, у черных носорогов наибольшее впечатление производят два рога на носу. Неискушенный посетитель, впервые увидевший носорога в нашем зоопарке, невольно ощущает эти рога уже у себя под ребрами. При этом еще следует учесть, что у зоопарковских носорогов почти никогда не бывает таких мощных рогов, какие тащат на себе их сородичи в природной обстановке. Самый длинный рог был обнаружен у носорога из Кении, он был длиной 133,7 сантиметра. Несколько позже мировой рекорд побил Герти, одна из двух самок из кенийского национального парка Амбосели. Передний рог у нее был почти горизонтально направлен вперед и достигал в длину 138 сантиметров. Эта Герти на протяжении многих лет была наиболее часто фотографируемым диким животным на земле. Аналогичное чудовищное образование на носу имела обитавшая там же самка Глэдис. В 1955 году она, к сожалению, отломилась 45 сантиметров своего рога. Сравнивая фотографии разных лет, удалось установить, что рога у этих животных за 6 — 7 лет вырастают на 45 сантиметров.

Носовой рог носорога не имеет костной основы подобно головным украшениям горных козлов или коров. Стоит он из особого вещества, напоминающего спрессованные волосы. При определенной обработке его можно распустить на отдельные волокна. Когда такое носовое украшение обламывается (что случается не так редко), под ним остается лишь слегка кровоточащая ранка. А рог затем снова отрастает. Передний рог всегда длиннее заднего, однако говорят, что в некоторых местах Африки, где

носороги теперь уже истреблены, встречались группы животных, у которых оба рога были одинаковой длины.

Рога эти, высушенные и растолченные в порошок, продаются в восточноазиатских аптеках в качестве лечебного средства от импотенции. Именно поэтому-то браконьеры и не прекращают упорного преследования этих довольно беззащитных из-за своей неуклюжести животных. На черном рынке уже в течение многих лет платят по 60 марок за килограмм рога, причем все это из-за какого-то пустого суеверия: никакими целебными свойствами рог не обладает. Точно так же во многих китайских аптеках в качестве лекарственных средств торгуют зубами дракона и другими не менее удивительными вещами. Печальной известности Джон А. Хантер, на счету которого наибольшее число убитых носорогов, заваривал из наструганного носорожьего рога темно-коричневый чай.

«Несмотря на то, — пишет он, — что я выпивал по несколько порций этого варева, я не ощущал ни малейшего признака возбуждения; может быть, это происходило оттого, что я не верил в успех этого дела, а может, и оттого, что вокруг не было никаких объектов, вызывавших вожделение...»

Совсем недавно было проведено весьма тщательное научное исследование целебных свойств рога, показавшее, что их в нем абсолютно нет.

Тем не менее спрос на носорожьи рога не прекращается. Увы, на земле истреблено уж немало видов животных, ставших жертвами вредных поверий.

Иногда попадаются и трехрогие носороги. Довольно часто их встречали в Замбии, вблизи озера Ионг. Видели черных носорогов даже с пятью рогами и таких, у которых рога росли прямо на туловище. Изображенный на знаменитой картине Альбрехта Дюрера панцирный носорог с маленьким боковым рогом на лопатке, многократно перерисованный другими художниками, впоследствии вы-

зывал немало недоверчивых улыбок. А между тем он действительно мог быть срисован с натуры.

Что касается безухих носорогов, как правило с обрубочком-хвостом, то я сам неоднократно фотографировал их как в Амбосели, так и в кратере Нгоронгоро. Масаи любят рассказывать, что у них мужество молодых воинов проверяется тем, насколько ловко они отрезают уши у спящего носорога. Но это выдумки. На самом деле эти животные прямо так и рождаются без ушей. Безухого Пикси мне неоднократно приходилось наблюдать совсем близко. При этом у меня создалось впечатление, что он способен в определенные моменты сужать и даже закрывать ушные отверстия. Выяснить это окончательно удастся только тогда, когда кто-нибудь возьмет на себя труд изучить ушные мускулы мертвого носорога. Между прочим, у Герти — матери Пикси — были совершенно нормально развитые уши.

Черные носороги удивительно близоруки. На расстоянии 40 и даже 20 метров они не могут отличить человека от древесного ствола, чем и объясняется многое в их поведении. Значительно лучше обстоит дело у них со слухом: раструбы их ушей мгновенно поворачиваются в сторону любого непривычного звука. Но острее всего у них нюх, не хуже, чем у собаки. Особей своего вида они разыскивают по запаху. Иногда мать с детенышем теряют друг друга, находясь, по нашим понятиям, почти рядом. Тем не менее они не направляются навстречу друг другу, а старательно вынюхивают землю, пока один не наткнется на следы другого и уже по ним разыскивает пропавшего.

Носороги иногда нападают на машины. На меня лично они нападали несколько раз, когда я сидел в машине, и только один раз, когда я шел пешком. Было это в кратере Нгоронгоро. Но я проявил необыкновенную оперативность: мгновенно обежал вокруг «лендровеера» и вскочил в него с другой стороны. В такие моменты развиваешь

столь бешеную скорость, что сам себе удивляешься. Носорог тоже может набирать порядочную скорость. Так, зоолог Майнерцхаген проследил по спидометру, что носороги преследовали его машину со скоростью 50—56 километров в час. В другой раз носорог пробежал за машиной 400 метров со скоростью 45 километров в час. Обычно же животные эти расхаживают весьма степенно, во всяком случае значительно медленнее, чем бежим мы, воображая, что гуляем.

Я не знаю никого, кто бы когда-либо видел носорога, переплывающего реку или глубокое озеро, несмотря на то что эти животные с превеликим удовольствием валяются в лужах и охотно заходят на мелководье, пасясь среди тростника. И тем не менее плавать они все же умеют. Рассказывают, что во время запруживания и создания искусственного озера Кариба в Замбии были сделаны попытки спасти тех животных, которые еще оставались на медленно исчезающих под водой островках. Как-то, когда моторный бот приблизился к берегу, какой-то разъяренный носорог решил напасть на него и неожиданно бросился в глубокую воду. Не почувствовав под ногами дна, он поплыл, однако почти целиком ушел под воду, на поверхности виднелись только нос, уши и глаза. Достаточно было бы самой маленькой волны, чтобы его захлестнуло.

Несмотря на внешнюю неуклюжесть, черные носороги могут довольно высоко забираться в горы; в горах Восточной Африки их встречали даже на высоте 2700—2900 метров.

Черные носороги могут обитать как среди густого кустарника, так и в редколесье, на открытых травянистых равнинах и даже в полупустынных районах. Избегают они лишь жарких и одновременно влажных местностей. Именно поэтому они никогда не проникали в дождевые леса бассейна Конго, а также в леса Западной Африки. Следовательно, черные носороги водились далеко не по

всей Африке. Они обитали в ее южных областях — в районе Порт-Элизабета, Трансвааля, южной части Анголы и оттуда до западного побережья. Водились носороги и в Восточной Африке — в Мозамбике, Танзании, Кении, от Сомали до Эфиопии. А оттуда ареал их полосой протянулся между Сахарой, рекой Конго и нигерийскими девственными лесами вплоть до окрестностей озера Чад и Камеруна. Однако на огромной территории Восточной Африки черные носороги водились отнюдь не повсеместно. Так, например, их не было вдоль побережья Танзании и Кении, а также между реками Замбези и Чобе. После вторжения в Африку европейцев носороги во многих районах были полностью истреблены, например южнее реки Замбези. Во французских колониях к 1930 году они уже почти совсем исчезли. Только тогда наконец спохватились и ввели строгий запрет на их отстрел. Таким образом, удалось сохранить нескольких носорогов. Сейчас во всей Африке обитает только 11 000—13 500 черных носорогов, причем большая их часть в Танзании (3000—4000).

Сегодня трудно себе даже представить, как могли охотники, и в первую очередь белые, так бесчинствовать среди носорогов. Из одного только султаната форта Арчамбаулт, что находился вблизи озера Чад, в 1927 году было вывезено не менее 800 рогов носорогов. Профессиональный охотник Кеннон за четыре года застрелил 350 носорогов. Он и еще один «мясник», по имени Тиран, особенно свирепствовали в Камеруне, Обанги и Чаде. Время от времени они переключались с охоты за слоновой костью на охоту за носорогами, которых и убить было легче, и рога их становились все более дорогими. Местное население, снабженное белыми охотниками современным огнестрельным оружием, помогало устраивать такие бойни, а затем промышляло и самостоятельно. Знаменитый британский охотник за крупной дичью Джон А. Хантер похвалялся, что кроме более 1000 слонов он уложил еще и 1600 носорогов. Стрельбище это он устраи-

вал отчасти по поручению правительства. Так, например, в Кении было решено освободить от диких животных для заселения людьми район Вакамба. В 1947 году Хантер уничтожил там 300 носорогов, а год спустя еще 500. А потом выяснилось, что эти земли для человеческого жилья вообще непригодны...

Особенно трудно понять так называемых спортивных охотников, которые из одной только любви к искусству, не преследуя никакой хозяйственной выгоды, разъезжали по Африке и стреляли в непуганых, не подозревавших об опасности животных. Некто доктор Колб как-то сообщил, что, будучи в Восточной Африке, он застрелил 150 носорогов.

Было бы любопытно, если бы психиатры задним числом взяли на себя труд по письмам и отчетам этих людей определить картину их психического состояния. Во всяком случае они резко отличаются от наших современных европейских охотников, которые берегут дичь, чтобы сохранить и умножить запасы промысловых животных. Можно предполагать, что подобными людьми двигало чувство собственной неполноценности, подсознательное стремление к разрушению и уж, конечно, жажда славы, потому что в те времена охота на крупную дичь на родине этих охотников описывалась как нечто весьма героическое и опасное. А между тем знаменитый британский исследователь Фредерик Селу (1851—1917) писал, что за все долгие годы, проведенные им в Африке, он ни разу не слышал ни об одном случае, чтобы какой-нибудь европейский охотник был бы убит носорогом.

На сегодняшний день черных носорогов в Южной Африке можно считать практически истребленными, если не принимать во внимание нескольких экземпляров, сохранившихся в резерватах. Единичные особи остались еще в Южной Родезии и Малави, немногим больше в Замбии, прежде всего в окрестностях реки Луангвы. Что касается Южного Судана, то там носороги за последние годы ис-

чезли окончательно. В Мозамбике насчитывают сейчас 500 голов, в Анголе — 150, в Намибии — 280. Если бы за последние десятилетия не были созданы национальные парки и различные резерваты, черных носорогов можно было бы считать уже истребленными.

Дело в том, что носороги в отличие от слонов, охотно кочующих с места на место, никогда сами по себе не заселяют снова тех мест, где раньше были истреблены. Правда, их можно переселять искусственно, и это не представляет особого труда: их просто где-либо отлавливают и в огромных ящиках, установленных на грузовиках, перевозят к месту выпуска. В 50-х годах такую перевозку осуществили в Руанде в национальном парке Гарамба, а совсем недавно мы это проделали, как уже упоминалось выше, в Танзании, где в охотничьих угодьях отловили 16 носорогов, большей частью подростков, и перевезли их на пароме на остров Рубондо, что на озере Виктория. Но, как правило, носороги имеют привычку упорно придерживаться своих родных мест, даже если они становятся густозаселенными и все более для них беспокойными.

Только в самые последние годы, когда мы стали черпать свои сведения не из досужих рассказов охотников за крупной дичью, а из наблюдений терпеливых исследователей и лесничих национальных парков, нам удалось узнать гораздо больше о жизни и повадках этих великанов. Так, например, мы узнали, что в отличие от многих других животных у черных носорогов нет строго определенных охотничьих участков, из которых обычно изгоняются другие особи того же вида. Зато одно и то же животное в определенное время года можно встретить, как правило, всегда на том же месте, в то же время суток и за тем же занятием.

Раз в день носорог отправляется по твердо утрамбованной тропе на водопой. Путь от пастбища до водопоя может составлять от 8 до 10 километров, но это носорога

не смущает. Пастись он начинает обычно только после полудня, а остальное время проводит либо в тени какого-нибудь дерева, либо в «грязевой ванне». Ночью эти животные нередко затевают резвые игры вокруг какого-нибудь бочажка, во время которых они гоняются друг за другом, сопят и с шумом брызгают слюной. Там, где носорогов не преследуют, например в кратере Нгоронгоро или в районе Амбосели, их можно увидеть и среди бела дня. Пристрастие к «грязевым ваннам» иногда приводит к печальным последствиям: вязкий ил может засосать животное так, что оно уже не в состоянии выбраться и застревает в нем навсегда. Случается, что за носорога, попавшего в столь безвыходное положение, принимаются гиены...

Итак, считается, что черные носороги тесно связаны с определенным районом. Однако тщательно проводимые наблюдения в кратере Нгоронгоро, занимающем площадь 260 квадратных километров, начинают опровергать это мнение. Так, мы с моим сыном Михаэлем в январе 1958 года при авиаучете животных насчитали там 19 носорогов; Моллой в марте 1959 года обнаружил уже 42 животных. Ганс Клингель, наблюдавший за носорогами с июня 1963 по май 1965 года, насчитал в Нгоронгоро 61 особь, из которых 34 можно было видеть там все время или, во всяком случае, в течение нескольких месяцев подряд. Этих, по-видимому, можно считать постоянными жителями кратера. 18 февраля 1964 года Тернеру и Ватсону удалось насчитать с самолета 27 носорогов — рекордное число для одного дня! А 8 октября 1963 года численность носорогов в кратере упала до 10. Биолог Ж. Годдард, проживший здесь три года (по 1966 год включительно) и непрерывно наблюдавший и фотографировавший носорогов, насчитал за это время 109 экземпляров. По его мнению, преобладающее большинство этих животных держится в течение всего года наверху, вне кратера. Он, между прочим, насчитал также 70 носоро-

гов в районе Олдувайского ущелья (Серенгети), в месте знаменитой находки доисторического ископаемого человека.

К. Клингель всегда находил «старожилов» кратера, особенно самцов, на одних и тех же местах. Некоторых из них никогда не встречали вне пределов этих участков. Однако случается, что отдельные животные покидают свои «штаб-квартиры» и потом уже постоянно держатся в каком-либо другом месте.

Черные носороги особенно охотно поедают ветки, которые хватают своей гибкой верхней губой, словно рукой, и тянут на себя. Да и тогда, когда кажется, что они щиплют траву, на самом деле они выдергивают из земли маленькие свежие ростки кустарника. Известный английский зоолог Фрезер-Дарлинг проследил, что один носорог ежедневно поедает 250 ростков акаций! Можно себе представить, как сильно могут изменять эти животные картину африканского ландшафта! И с другой стороны, к каким печальным последствиям может привести их истребление в отдельных районах!

В Натале (ЮАР) наблюдали, как два черных носорога валили довольно большое дерево мтомботи (*Spirostachys africanus*). Один из носорогов защемил ствол дерева между своими рогами, надавил на него всем своим телом и стал медленно передвигаться по кругу. Дерево не выдержало и повалилось. Когда крона оказалась на земле, оба животных как ни в чем не бывало принялись обгладывать ростки молодых зеленых веточек.

Другого носорога наблюдали стоящим на самом краю скалистого обрыва и поедающим ветки. Когда он потянулся за довольно далеко растущей веткой, нависшая над обрывом скала не выдержала его веса и рухнула вниз. Пролетев десять метров, носорог разбился насмерть.

Черные носороги способны поедать и весьма колючие ветки, не отпугивает их и белый клейкий сок молочаев. Кроме того, они время от времени подбирают собствен-

ный помет. К. Клингель несколько дней подряд наблюдал за группой из четырех носорогов, которые занимались тем, что собирали помет гну. В это время сотни гну как раз паслись в этой местности; здесь после недавнего пожара выросла короткая, но очень свежая травка. Носороги поглощали свежий или чуть подсохший помет. По всей вероятности, они таким способом восполняют недостаток минеральных солей или еще каких-либо веществ, необходимых для организма.

Есть места, где черные носороги своим рогом вспахивают соленую землю. Иногда они рогом же разбрасывают собственные навозные кучи. Правда, обычно они делают это задними ногами.

Древняя легенда Замбии гласит, что носорог расковыривает рогом собственный навоз, затем чтобы отыскать в нем нечаянно проглоченную иглу. Когда Господь Бог создал это животное, он снабдил его иглой, чтобы ему легче было пришить кожу к телу. А носорог ее потерял и с тех пор все разыскивает. Согласно другой легенде, носороги ковыряют рогом свой навоз по распоряжению слонов, которые не могут допустить, чтобы где-либо возвышались такие же большие кучи помета, как их собственные.

Зоолог Рудольф Шенкель, проводивший в 1964—1965 годах длительные наблюдения за носорогами в национальном парке Цаво (Кения), заметил, что они никогда не выделяют одновременно мочи и помета, как это делают, к примеру, слоны. Они кладут свой помет в общие кучи и лишь в очень редких случаях испражняются на ходу, прямо посреди дороги. Самцы, как известно, выпускают сильную струю мочи назад, что в зоопарках иногда приводит к неприятным сюрпризам для посетителей, оказывающихся внасквозь промокшей одежде... Иногда самцы начинают рогом ломать кустарник, а затем топчут его ногами и под конец опрыскивают мочой. Навозными кучами животные отнюдь не отмечают границ своих инди-

видуальных участков. По мнению Р. Шенкеля, эти кучи позволяют носорогам с их острым обонянием держать связь между собой, чувствовать присутствие сородичей, даже если они их не видят. Кроме того, это помогает им ориентироваться на местности. Из аналогичных же побуждений самки носорога во время ходьбы то и дело «метят» мочой дорогу.

Зоолог Герберт Геббинг во Франкфуртском зоопарке в 1957 году изучал сон носорога. Обычно эти животные спят на животе или на боку, подвернув под себя передние ноги и вытянув вперед задние. Голову они кладут на землю. Только в очень редких случаях носороги полностью заваливаются на бок, вытянув все четыре ноги. Может быть, в таком положении они спят наиболее крепким сном.

Оба наших франкфуртских носорога заваливались спать, как только закрывался павильон, чаще всего сразу же после ужина. В отличие от слонов они спали подолгу, восемь-девять часов каждую ночь. При этом они определенное время лежат сначала на левом боку, потом столько же на правом. Как правило, они спят, не меняя позы, по два-три часа, а то и пять часов подряд, не просыпаясь от привычных для их слуха шумов. Дыхание их хорошо прослушивается, иногда оно схоже с храпом. За минуту они делают от восьми до десяти вдохов. Два-три раза за ночь они поднимаются, чтобы опорожнить кишечник или мочевой пузырь.

Герта Шют, проводившая наблюдение за носорогами в Ганноверском зоопарке, установила, что они по ночам девять с половиной часов спали, а три часа стояли на ногах; при этом, как правило, они ели. Если один носорог вставал, то вскоре просыпался и другой. Если же этого не случалось, то бодрствующий до тех пор толкал головой спящего, пока тот не вставал.

Носороги на воле большей частью встречаются по одному или маленькими группами, не более пяти голов, ес-

ли не считать мест их купания. Когда носорогов двое, то это обычно мать со своим более или менее подросшим детенышем или самец и самка, реже — два самца. У взрослых носорогов не наблюдается ни постоянства, ни привязанности друг к другу, как это водится, например, среди старых самцов кафрских буйволов. Однако это не значит, что они неприветливы в обращении. Когда два носорога стоят рядом, то они нередко поглаживают друг друга губами или трутся подбородками. Самки никогда не держатся рядом с самцами, пока их детеныш еще мал. Но как только он достигает подросткового возраста, они перестают избегать мужского общества.

В национальном парке Найроби лесничий Эллис в 1958 году наблюдал такую картину. Однажды вечером из леса вышла группа носорогов, состоящая из четырех особей, которые вели себя довольно странным образом. Трое шли, тесно прижавшись друг к другу, что называется, плечом к плечу, а четвертое животное следовало за ними. Эллис заметил, что у самки, шедшей посредине, были родовые схватки. Когда носороги увидели, что за ними наблюдают, они в нерешительности остановились, но одна из самок продолжала своей головой потирать бок роженницы. В конце концов они вернулись назад в лес. А спустя три дня там обнаружили новорожденного детеныша.

Враждебные на первый взгляд стычки носорогов почти всегда кончаются мирно. Стоит, например, самка с детенышем, и вдруг из-за куста совершенно неожиданно появляется огромный самец. Все головы мгновенно вскидываются кверху, самка сопит, сопит и самец. Словно сигналы тревоги, у обоих колоссов свечками поднимаются хвостики. Самец несколько раз нетерпеливо шаркает задними ногами и при этом делает несколько шагов вперед. Животных разделяет расстояние примерно в восемьдесят метров. Самец снова фыркает, самка делает то же самое. Затем оба почти одновременно наклоняют головы к земле и бросаются друг другу навстречу. Я нацеливаю свою ка-

меру и уже предвкушаю потрясающую сцену боя носорогов. Шестьдесят метров, пятьдесят... Представляю себе, какой будет грандиозный треск, когда эти многотонные колоссы столкнутся! Тридцать метров, двадцать, шесть... Но что это? Оба противника, как по команде, вдруг останавливаются и, подняв головы, удивленно смотрят друг на друга. Воронки их ушей повернуты в направлении противника. Самка медленно водит головой из стороны в сторону. Самец отворачивается и с безразличным видом идет к воде. А затем и самка поворачивает назад и возвращается к детенышу. Спустя некоторое время всех троих уже можно видеть мирно пасущимися совсем рядом. А со съемкой поединка носорогов опять ничего не вышло!

Черные носороги определенно признают превосходство слонов над собой. Однако проверить это довольно трудно, так как между этими животными редко возникают драки. Но вот однажды в Уганде произошел такой случай. По утоптанной дороге не спеша навстречу друг другу шли слон и носорог. Один не видел другого, а когда увидели, между ними оставалось расстояние не более пятнадцати метров. Слон насторожил уши и двинулся напрямик на носорога, а тот остановился и поднял голову. В ответ на атаку слона носорог попятился, мотая при этом головой из стороны в сторону и громко фыркая. Вторая короткая атака слона заставила носорога броситься наутек; он исчез, бодро галопируя, в том направлении, откуда появился. А несколько позже этих же двух животных видели мирно пасущимися невдалеке друг от друга. Значит, все дело в «престиже»: кто кому должен уступить дорогу.

Однажды в том месте, где сейчас находится национальный парк Аруша, нашли носорога, пропоротого бивнями слона. Кругом виднелись следы слоновьих ног. Случай этот не единичный. Смотритель национального парка Крюгера (ЮАР) Куз Смит в 1960 году был свидетелем отчаянной схватки между самцом носорога и слоном. Слон явно решил не дать носорогу напиться, в то время

как тот настаивал на своем. В ходе борьбы оба животных свалились с трехметрового обрыва в реку, однако и в воде продолжали драку. А через некоторое время Куз Смит нашел мертвого носорога. К тому месту, где он лежал, вели огромные лужи крови. На его теле зияли пропоротые бивнями четыре дыры, не считая других, более мелких, ранений.

Убитых носорогов слоны, как правило, тщательно засыпают сучьями и ветками.

Отношения носорогов с другими крупными животными бывают самыми разными. Лесничий национального парка Мерчисон-Фолс (Уганда) наблюдал, как носорог гнал впереди себя стадо из 12 водяных козлов. Пробежав примерно 100 метров, антилопы, видимо, опомнились и, описав крутой вираж, решили в свою очередь напасть на серого гиганта. Но тот быстро ретировался в кустарник и больше не появлялся. В другой раз носорог явно из чистого озорства напал на стадо из 350 кафрских буйволов, которые мирно паслись, растянувшись в 400-метровую цепочку. Носорог бешеным галопом промчался вдоль всей этой цепочки, заставив оторопевших от неожиданности буйволов кинуться врассыпную. После этого он спокойно пошел своей дорогой.

Но чаще у носорогов можно наблюдать известную терпимость, даже дружелюбие по отношению к другим животным. Так, например, двух носорогов в течение долгого времени видели вместе с большим стадом буйволов. Они даже спали, окруженные со всех сторон буйволами, буквально бок о бок с ними. В национальном парке Найроби биолог Гуггисберг наблюдал такую сценку: группа зебр шутки ради задирала одиноко стоящего носорога, и тот в конце концов счел благоразумным удалиться.

В Натале видели, как две водяные черепахи теребили растрескавшиеся кожные складки на спине самки черного носорога, валявшейся в прибрежном иле. По всей вероятности, носорожихе это причиняло боль, потому что она

каждый раз вскакивала, когда какая-либо из черепах начинала теревить ее кожу слишком сильно. Однако самка не делала ни малейшей попытки прогнать черепах.

В другой раз наблюдали, как в мелком небольшом пруду к только что улегшемуся на бок носорогу с разных сторон бросилось по меньшей мере шесть водяных черепах, которые принялись отдирать с его кожи клещей. Чтобы оторвать вцепившегося в кожу клеща, черепаха упиралась передними лапами о туловище носорога, а пастью хватала паразита и тянула его до тех пор, пока тот не поддавался. Когда черепахи «обрабатывали» на теле носорога более чувствительные места, ему это явно причиняло беспокойство, и он вздрагивал. Однако черепахи не обращали на это ровным счетом никакого внимания.

Известно, что за носорогами целыми днями следуют египетские цапли, которые то и дело присаживаются на их спины. Делают они это явно только для того, чтобы подбирать насекомых, испугнутых гигантами с земли. Как показали исследования желудков птиц, клещей с кожи носорогов они не обирают.

От незнакомых им животных носороги пускаются в бегство. Так, фокстерьер Симба, принадлежавший известному фотографу дикой фауны Черри Киртену, своим громким лаем обратил как-то в бегство двух носорогов. Храбрец гнался за ними так долго, что его пришлось разыскивать верхом. Найти его удалось лишь в семи с половиной километрах от места происшествия. Собачка была вымотана до предела, но горда своей победой.

Когда в Африке еще не было ни вездеходов, ни автомобилей, дичь преследовали верхом. Киртену не раз приходилось видеть, как разозленные носороги гнались за всадниками. А так как скорость атакующего носорога примерно равна скорости галопирующей лошади, то такая охота иногда затягивалась надолго. Всадникам редко удавалось вырваться вперед на большое расстояние, и спасало их только то, что выносливость носорога не идет ни в

какое сравнение с лошадиной, и спустя некоторое время носороги отказываются от преследования.

Детеныши носорогов иногда становятся добычей львов. Так, в 1966 году в национальном парке Маньяра львы напали на самку носорога с детенышем и погнали ее к въездным воротам. Примерно в 50 метрах от ворот преследователи схватили детеныша. Мать душераздирающе закричала, взывая о помощи. В этот момент какая-то машина выезжала из парка, а другая, наоборот, туда въезжала. Разъяренная носорожиха отогнала обе машины назад. Но тем временем львы успели разделаться с ее детенышем и, оставив одни объедки, ушли своей дорогой.

В кратере Нгоронгоро возле леса Лераи был найден убитый львами молодой носорог. На шее его виднелись страшные раны, нанесенные львиными когтями. Поскольку на земле нельзя было обнаружить каких-либо следов борьбы, решили, что львы напали на свою жертву неожиданно и переломили ей шейные позвонки. Хотя все семейство львов в течение целого дня держалось возле убитого носорога, тем не менее они не делали никаких попыток его съесть. На другое утро они оставили его там, где он лежал, и ушли.

Совсем иначе окончилась в этих же местах попытка другого льва задрать 11-месячного детеныша носорожихи, по кличке Фелиция. Почуввав, что ее отпрыск в опасности, она словно взбесилась. Лев гнался за детенышем, а за львом с громким, похожим на лай криком неслась Фелиция. Маленький носорожек описал круг и спрятался за спиной своей матери, а та немедленно набросилась на льва. И хотя лев успел вцепиться зубами в ее заднюю ногу и нанести серьезную рану, тем не менее она дважды всадила ему свой рог между ребер. Хищник описал в воздухе сальто, шлепнулся на землю и остался лежать неподвижно. Разъяренная мать вонзила ему свой рог еще в шею, затем в голову и принялась топтать его ногами. Два других льва все это время сидели недалеко от места про-

исшествия, но предпочли сохранять дистанцию и не ввязываться. Уже спустя 40 минут от убитого льва не осталось и следа: его по кускам растащили гиены. Как правило же, носороги не интересуются львами, даже тогда, когда те проходят мимо них совсем близко.

А вот в Мзима-Спрингс, прозрачном, как стекло, родниковом озере, находящемся на территории Цаво-парка, носорога убил бегемот. Он схватил подошедшего к воде носорога за переднюю ногу, повалил и принялся молотить своими мощными клыками.

Селу удалось заснять на пленку, как крокодил схватил взрослую самку носорога, утащил ее в воду и утопил.

Но если между двумя черными носорогами случается драка, то она представляет собой интереснейший спектакль. Правда, происходит это крайне редко. Поначалу думаешь, что это бьются два ревнивых самца за обладание самкой или за свою «земельную собственность». Но потом оказывается, что это ссорятся между собой две самки, а еще чаще — самка с самцом, и тогда это нередко происходит из чистого кокетства.

Наша парочка черных носорогов, которых мы содержим у себя во Франкфуртском зоопарке, часто часами может так играть — рог к рогу, а их детеныш с еще большим азартом «сражается» то с отцом, то с матерью.

Но даже в серьезных боях носороги редко наносят друг другу сколько-нибудь значительные ранения. Раны, так часто встречающиеся у них на плечах и боках, как мы еще увидим, имеют совершенно иное происхождение.

Во время брачных игр самец становится напротив самки нос к носу, и каждый обнюхивает морду другого, испуская при этом гортанные звуки. Потом, как правило, самка нападает на самца, сильно ударяя его своим рогом в бок. Самец безропотно это сносит и не отвечает ударом на удар, несмотря на то что подобные «ласки» чуть не сшибают его с ног. Если в это время подбегает другой самец, который тоже начинает семенить и притоптывать

вокруг самки, соперники не затевают между собой драки: самка сама решает, которому из претендентов она отдаст предпочтение. Во время таких любовных игр можно услышать громкое сопение, храп и своеобразное хрюканье, а иногда даже визг. Громкого же, пронзительного свиста самцов, который часто раздается у нас в зоопарке, на воле я не слышал ни разу. Мне кажется, он выражает удивление, даже испуг и повторяется не так уж часто. Подражая храпу и сопению носорогов, их можно даже подманывать к определенному месту.

Спариваются эти животные в любое время года, и поэтому детеныши могут появляться у них тоже в течение круглого года.

Мартин Джонсон, который в 20-х и 30-х годах снимал в Восточной Африке и в бассейне Конго первые замечательные фильмы о животных, однажды очень близко (сидя, разумеется, в машине) наблюдал за любовными играми парочки носорогов. Они топтались на месте характерными короткими шажками на негнущихся ногах. Через полчаса самец потянул ноздрями воздух; учуяв «автомобильный дух», он был немало озадачен и опрометью бросился в кусты, подняв свечкой свой хвостик.

Мы, конечно, подумали, что самка последует его примеру, но ничуть не бывало. Похоже было, что она не сразу заметила поспешного бегства своего кавалера. Ее, видимо, просто удивило, что он так внезапно прекратил свои настойчивые ухаживания. Но тут она увидела нас и — о чудо! — снова возобновила свой «соблазняющий» танец, явно приняв наш грузовик за другого носорога. Чтобы наша машина стала предметом вожделений носорожихи — этого мы никак не могли ожидать. Притом новый «флирт», затеянный с нами, отнюдь не был минутным заблуждением. Не менее четверти часа это «кокетливое» существо стремилось расшевелить наш стоящий неподвижно автомобиль и вывести его из состояния молчаливой сдержанности... Она притворно убегала, затем возвращалась и неуклюже

пританцовывала на месте, косясь в нашу сторону; вырывала пучок травы из земли и неподражаемо «обольстительным» движением подкидывала его в воздух. Маленькими «грациозными» шажками она приближалась к нам и, становясь все навязчивее, подошла уже ближе того места, откуда начала свое притворное бегство, но тут она нас внезапно учуяла. Как же она разозлилась! Мгновенно вся ее любовь улетучилась. Раздалось громкое возмущенное сопение, голова стремительно опустилась к земле, а хвост рывком поднялся кверху, и не успели мы опомниться, как взбешенное животное бросилось на нас в атаку. А в следующий миг мы уже ощутили глухой удар об железную обшивку (к счастью, пришедшийся вкось, а не прямо в лоб). Однако оторопевшими оказались не мы одни. Носорожиха не меньше нас испугалась металлического лязга, а наши крики оказались чем-то совершенно непривычным для ее ушей. Она еще раз злобно фыркнула, повернулась и галопом кинулась наутек.

Во Франкфуртском зоопарке нам не раз удавалось проследить за спариванием носорогов. На воле же такие моменты удастся уловить чрезвычайно редко.

Моему сотруднику доктору Шерпнеру в Цаво-парке как-то удалось проследить за спариванием носорогов, длившимся 22 минуты. А Джон Годдард, работая в 1964 и 1965 годах в кратере Нгоронгоро, шесть раз наблюдал спаривание у носорогов. В одном случае самец и самка после спаривания оставались в течение четырех месяцев вместе, в другом же — пара рассталась сразу же после свидания, а через месяц их увидели вновь спаривающимися. Затем они снова разошлись в разные стороны.

С тех пор как черные носороги стали размножаться в зоопарках, удалось выяснить длительность беременности у этих животных. Оказалось, что она продолжается 15 месяцев—450 дней. Двойни пока еще ни разу встречать не приходилось...

Первый зоопарковский черный носорог появился на свет в Чикаго в 1941 году, второй — в Рио-де-Жанейро. Первый европейский носорог родился во Франкфуртском зоопарке.

Наша самка носорога, по кличке Екатерина Великая, была настолько ручной, что даже разрешала себя доить. Носорожиха не возражала против акушерской помощи, которую ей оказывал ветеринарный врач Клеппель, которому удалось извлечь на свет 25-килограммового «младенца». Уже буквально через несколько секунд у новорожденного зашевелились ушные раковины, а спустя две минуты роженица пыталась наброситься на стоящих вокруг помощников. Самка обнюхала детеныша, однако облизывать его не стала. Примерно через десять минут новорожденный поднялся и простоял около двух минут на ножках. Уже через час после родов он бойко расхаживал по конюшне и оставался на ногах до получаса. А вскорости он путешествовал уже целый час. Спустя четыре часа он нашел вымя и начал сосать. Только через девять с половиной часов детеныш наконец угомонился и прилег отдохнуть на сравнительно длительное время — на целый час.

К моменту рождения на месте переднего рога у детеныша была лишь небольшая припухлость величиной не более одного сантиметра, а на месте второго рога — и вовсе белое пятно.

Рожденные в других зоопарках детеныши весили иногда 20, а случалось и 39 килограммов (в Ганновере). Насколько мне известно, всех рожденных в неволе носорогов удалось вырастить. Так, у нас во Франкфурте-на-Майне вырастили двоих.

Наблюдения за поведением носорогов в неволе, как в Рио-де-Жанейро, так и у нас, показали, что там, где самки и самцов содержат вместе, они регулярно спариваются.

Что касается нашей самки Екатерины Великой, то она уже через восемь дней после родов стала снова абсолютно ручной по отношению к своему служителю и ко всем

знакомым ей людям. Она опять позволяла заходить к ней в загон, кататься на ней верхом и даже играть с ее детенышем.

В 1911 году венгерский исследователь Африки Кальман Киттенбергер нечаянно застрелил самку носорога в момент родов. Он вскрыл мертвому животному брюхо и вынул оттуда живого детеныша. Однако сохранить ему жизнь не удалось: через восемь дней детеныш умер. И только в 1963 году впервые удалось пронаблюдать за тем, как протекают роды у носорога на воле. Сообщение поступило от смотрителей национального парка Маньяра — Малинды и Эди. Как-то утром они нашли самку носорога, неподвижно лежащую на земле. Они решили, что животное мертво, но на всякий случай бросили в него несколько камешков. Самка не шевельнулась. Приблизившись, они заметили, что земля вокруг животного совершенно мокрая. Внезапно носорожиха поднялась на ноги, и на свет появился детеныш, не причинив роженице каких-либо заметных трудностей. Мать обернулась к нему и губами быстро принялась освобождать его от родовой пленки. А еще через десять минут новорожденный уже встал на собственные ножки и встряхнул ушами.

Известный охотник Джон Хантер, массаами отстреливавший носорогов, хотел однажды изловить маленького носорога, с тем чтобы продать его. Во время этого сафари он уложил на месте 75 носорогов. Изловить детеныша ему удалось только одним способом — подманить его выменем убитой матери.

Такие детеныши, отловленные в самом раннем возрасте, как правило, становятся совсем ручными, словно домашние животные. Да и взрослые особи быстро привыкают к человеку. Так, свою носорожиху мы неоднократно доили. Молоко спустя десять месяцев после рождения у нее детеныша содержало 3,2 процента белка, 36 процентов молочного сахара и 0,3 процента жира. Чтобы покормить своего детеныша, самки носорога часто укладывают-

ся на бок, наподобие свиноматок. Однако на вымени у них в отличие от свиней только два соска. Маленькие носорожки сосут материнское молоко примерно до двухлетнего возраста и остаются при матери не менее трех с половиной лет.

После родов проходит по меньшей мере от восьми до десяти месяцев, прежде чем самка снова спаривается с самцом. В парке Амбосели первый детеныш самки Герти — безухий Пикси — оставался при своей матери два года и девять месяцев, следующий ее детеныш — три года, а третий родился спустя более чем пять лет — в 1959 году. Половозрелыми эти животные становятся примерно в семилетнем возрасте. Пока детеныш мал, самку никогда не встретишь в обществе самца, зато позже — сколько угодно.

Носороги, подобно северным оленям, изюбрам и многим другим диким животным, любопытны. Завидев человека или другой подозрительный объект, запах которого они еще не успели уловить, они начинают нерешительно к нему приближаться, с любопытством разглядывая со всех сторон. Но стоит пошевелиться, как они убегают прочь. К своему несчастью, черные носороги имеют еще и другое свойство: завидев нечто для себя непонятное и не выяснив еще, представляет ли данная фигура для них какую-либо опасность или нет, они могут очертя голову кинуться в сторону нарушителя их спокойствия, сердито сопя и явно угрожая смять все на своем пути. Однако, не пробежав нескольких метров, они, как правило, резко сворачивают в сторону или просто пробегают мимо.

Так, кинооператор Мартин Джонсон, завидя бегущего на него носорога, схватил свою жену за руку и вместе с нею прыгнул с довольно высокого обрыва. Однако, к своему удивлению, он обнаружил, что, не пробежав пяти метров до того места, где они стояли, этот колосс вдруг остановился и ушел. Эти же супруги попадали в аналогичную ситуацию еще два раза, и в обоих случаях носороги точно так же сворачивали в сторону, не пробежав до

них нескольких шагов. Но вряд ли найдется кто-нибудь, у кого нервы настолько крепкие, что он согласится проверить, разведывательная ли это вылазка близоруких животных или действительно разъяренные гиганты всерьез собираются напасть. Любой охотник, безусловно, застрелит их, не дав им пробежать и половины пути. Точно таким же манером эти серые великаны нападают иногда на деревья или термитники, но, убедившись в их безопасности, просто проходят мимо.

Однажды директор танзанийских национальных парков Джон Овэн сопровождал свою знакомую наездницу по кратеру Нгоронгоро. Когда они карабкались вверх по ведущей по склону тропинке, навстречу им неожиданно вынырнул носорог. Овэн успел отскочить в сторону и скрыться в кустах, а его спутница подпрыгнула кверху и, ухватившись за наклонную ветку дерева, повисла на ней. Однако ветка, не выдержав тяжести ее тела, обломилась, и дама очутилась верхом на носороге. Кто из них при этом больше испугался — неизвестно. Во всяком случае, наездница кубарем скатилась на землю, а носорог бросился наутек.

И тем не менее на такую «безобидность» носорогов не очень-то можно полагаться. Швейцарскому зоологу Рудольфу Шенкелю пришлось это испытать, как говорится, на собственной шкуре. Он занимался наблюдениями за носорогами и львами в Цаво-парке в Кении. Он там путешествовал пешком и неделями ночевал в спальном мешке прямо под открытым небом. Его встречи с черными носорогами происходили, как правило, мирно. Но как-то одному самцу его силуэт, вырисовавшийся на фоне неба, показался подозрительным, и он кинулся в атаку. Их разделяло всего пятьдесят метров. Тогда Шенкель в свою очередь издал громкий рев и бросился навстречу противнику, чтобы его запугать. Но поскольку тот, ничуть не сбавляя темпа, несся на него, человеку пришлось увильнуть в сторону и искать спасения за небольшим чахлым

деревцем, разохшийся ствол которого треснул пополам и половина кроны поникла до самой земли. Чтобы залезть на дерево и спрятаться в еще уцелевшей части листвы, у Шенкеля не хватало времени. Поэтому он обежал вокруг ствола и юркнул в развилку между ним и упавшей частью кроны. Теперь от взбешенного животного он был отделен только свисающей к земле засохшей частью ветвей, а это была ненадежная защита. Носорог решил, как видно, от него не отступать. Он постоял, а затем стал медленно обходить вокруг дерева и, улучив момент, внезапно кинулся на своего врага. Шенкель попробовал было, ухватившись за нижние ветви, подтянуться к верхней части кроны, однако носорог оказался проворнее и, поддав зоологу мордой под одно место, подбросил его высоко в воздух. Шенкель сперва «приземлился» на спину животного, а затем шмякнулся на землю. Он тотчас же вскочил и поспешно заполз под сломанную крону дерева. Но носорог одним движением отбросил ее в сторону вместе с оторвавшимся куском ствола. Теперь человек и животное очутились лицом к лицу. Шенкелю ничего не оставалось, как прикинуться мертвым. И он остался неподвижно лежать на спине, подняв лишь одну ногу на уровень морды животного, для того чтобы иметь возможность на самый худой конец хоть оттолкнуться от нее. И тут трагедия неожиданно превратилась в комедию. Носорог сначала опешил, потом приблизился, понюхал поднятую босую ногу (ботинок свалился во время баталии) и... отступил: запах потных ног ему явно пришелся не по вкусу. Кроме того, он не видел больше перед собой мечущейся фигуры, и это его успокоило. Он тут же отстал и, подняв хвост морковкой, потопал восвояси.

Поведение черных носорогов бывает весьма различным и в некоторых случаях зависит от поведения людей, живущих с ними в одной местности. Так, в Кении люди племени вакамба преследуют носорогов, стреляя в них отравленными стрелами или расставляя капканы с желез-

ными петлями. Яд добывают из дерева *Asokanthera schimperi*, из веток которого вываривается клейкое вещество. Пока яд свежий, он действует очень сильно, но со временем, находясь на воздухе, ослабевает. Поэтому браконьер всегда обертывает острие стрелы куском кожи и снимает его только перед самым выстрелом. Носорог, раненный свежееотравленной стрелой, очень быстро погибает независимо от того, куда она ему попала. А ножные петли из толстой проволоки, к которой прикрепляется тяжеленный кусок бревна, несчастные животные таскают за собой иногда по целым дням, а то и неделям. Проволока глубоко врезается в мясо и перетирает даже кость.

Именно поэтому на землях, принадлежащих вакамба, носороги издавна славились как агрессивные и злобные животные; на землях же масаев их считают вполне миролюбивыми. А ларчик открывается просто: масаи не охотники, а скотоводы и носорогов никогда не трогают. Зато в Натале в 1964 году смотрителя резервата Хлухлуве носорог дважды подбросил в воздух, сильно поранив ему бедро и ягодицу. Когда же агрессор приготовился к третьему удару, человек в отчаянии уцепился мертвой хваткой за передний рог зверя и повис на нем. Этим только ему и удалось спастись. Носорог замотал головой из стороны в сторону, стараясь сбросить назойливую пиявку. Когда ему это наконец удалось и он резким рывком отшвырнул от себя человека, тот отлетел далеко в кусты. А носорог убежал.

Носороги, ни с того ни с сего нападающие на людей, как правило, оказываются подранками, уже имевшими опыт общения с коварными двуногими существами. Оскар Кениг, например, рассказывал, как однажды, проезжая в Танзании по дороге из Моши в Заме, он выстрелил в зад носорогу, не желавшему уступить дорогу машине. В последующие ночи этот носорог опрокинул одну за другой три легковые машины и сшиб два грузовика. Животное пришлось пристрелить.

Как-то одна охотница выстрелила в носорога, известного всей округе своей полной безобидностью. Но ружье было слишком малого калибра, и животное было лишь ранено; оно бросилось на обидчицу и убило ее. На следующий день один человек, живущий неподалеку от места происшествия, проезжал там вместе со своей женой. Едва заметив автомобиль, носорог насторожился и явно приготовился к атаке. Мужчина, мгновенно сообразив, в чем дело, быстро вытащил свою жену из машины и посадил на дерево. Сам же он взобраться туда не успел: носорог настиг его и убил.

Мне лично не раз уже приходилось быть свидетелем нападений носорога на машину. Правда, должен оговориться, что все эти случаи я сам провоцировал. Чаще всего животные останавливались, не добежав до машины нескольких метров, и, не дотронувшись до нее, уходили. Один раз машина получила легкую вмятину. В другой раз сын лесничего Амбосели-парка подвез меня слишком близко к безмятежно спящему Пикси, ушные отверстия которого мне хотелось повнимательнее рассмотреть. Животное мигом вскочило на все четыре ноги и бросилось на машину (между прочим, она была с открытым верхом). Носорог сделал вмятину в кузове как раз возле того места, где я сидел.

В том же Амбосели-парке в 1965 году произошел случай, когда носорог сквозь открытое окно легковой машины пробил своим рогом крышу и полностью искорежил кузов. Сидящим внутри пассажирам тоже были нанесены ранения, но отнюдь не рогом, а... древком копья, торчащего в шее животного. Сопровождавший посетителей парка смотритель пристрелил носорога. А в 1958 году другая машина, битком набитая пассажирами, неожиданно наскочила в кустах на самку носорога с шестимесячным детенышем. Носорожиха сейчас же кинулась в атаку, но, к счастью, передний рог у нее уже был обломан, что значительно смягчило удар. Тем не менее две сидящие сзади

дамы перелетели через голову водителя и ударились о ветровое стекло. Водитель же не растерялся, громко заорал и застучал кулаком по жести обшивки, создавая невообразимый шум. Детеныш, испугавшись непривычных звуков, бросился бежать, и мать последовала за ним.

В Серенгети тоже зарегистрированы отдельные «конфликты» носорогов с машинами. Так, в 1966 году одна машина хотела медленно объехать носорога, стоящего поперек шоссе. Но толстокожему это не понравилось, он бросился на нее, помял ее переднее крыло и даже слегка приподнял. Во время этого циркового номера один из сидящих внутри туристов, пробив головой ветровое стекло, вылетел на дорогу. Однако отделался он при этом легким испугом и незначительными ушибами.

А в Натале в резервате Хлуклуве произошел такой случай. Старая самка носорога подошла к одной машине, подсунула голову под переднее крыло и начала ее трясти. Причем все это делалось явно без каких-либо злых намерений. Сопровождавший туристов африканский смотритель парка храбро вылез из машины и ударил по голове не в меру разрезвившееся животное своим поясом, на котором висела пара наручников. Ошарашенный носорог отступил и решил уйти. Машина была не повреждена, и можно было спокойно ехать дальше.

На 555-м километре строящейся железнодорожной линии Моши — Заме один носорог повадился прогонять рабочих и сталкивать с рельсов служебные дрезины, нещадно их корежа. Злоумышленника пришлось пристрелить.

Прежде в зоопарках редко можно было увидеть носорогов разве что индийских панцирных. Теперь индийские носороги почти полностью истреблены и редко попадают в зоопарки. Первый африканский черный носорог попал в Берлинский зоопарк в 1903 году, а в Швейцарии, в Базеле, черный носорог появился в 1935 году. Теперь же это наиболее часто встречающиеся представители племени носорогов в зоопарках мира. Так, в 1966 году в зоопарках

Соединенных Штатов их было 33. Черный носорог в торговле животными оценивается вдвое дороже слона.

В неволе носороги часто становятся совершенно ручными. На некоторых взрослых самках можно смело кататься верхом. Они очень любят, чтобы их ласкали, в частности им нравится, когда ладонью поглаживают по закрытым векам глаз. От нечего делать они часто трутся рогами о цементную стену или железную решетку, стирая их в конце концов почти до основания. Поэтому в загон для носорогов необходимо класть бревно какого-нибудь мягкого, например елового, дерева, о которое они охотно точат свои рога. В бассейн эти животные в отличие от слонов редко погружаются целиком. Зато они любят принимать «грязевые ванны». Они никогда не пытаются перебраться через ров шириной в 1,75 метра и глубиной в 1,2 метра.

Только наблюдения в зоопарках позволили выяснить, до какого возраста доживают эти гиганты. Так, пара носорогов, жившая в Чикагском зоопарке, не проявляла никаких признаков старения даже спустя 20 лет после прибытия туда. По всей вероятности, носороги живут не меньше, чем слоны, следовательно, до 50 лет.

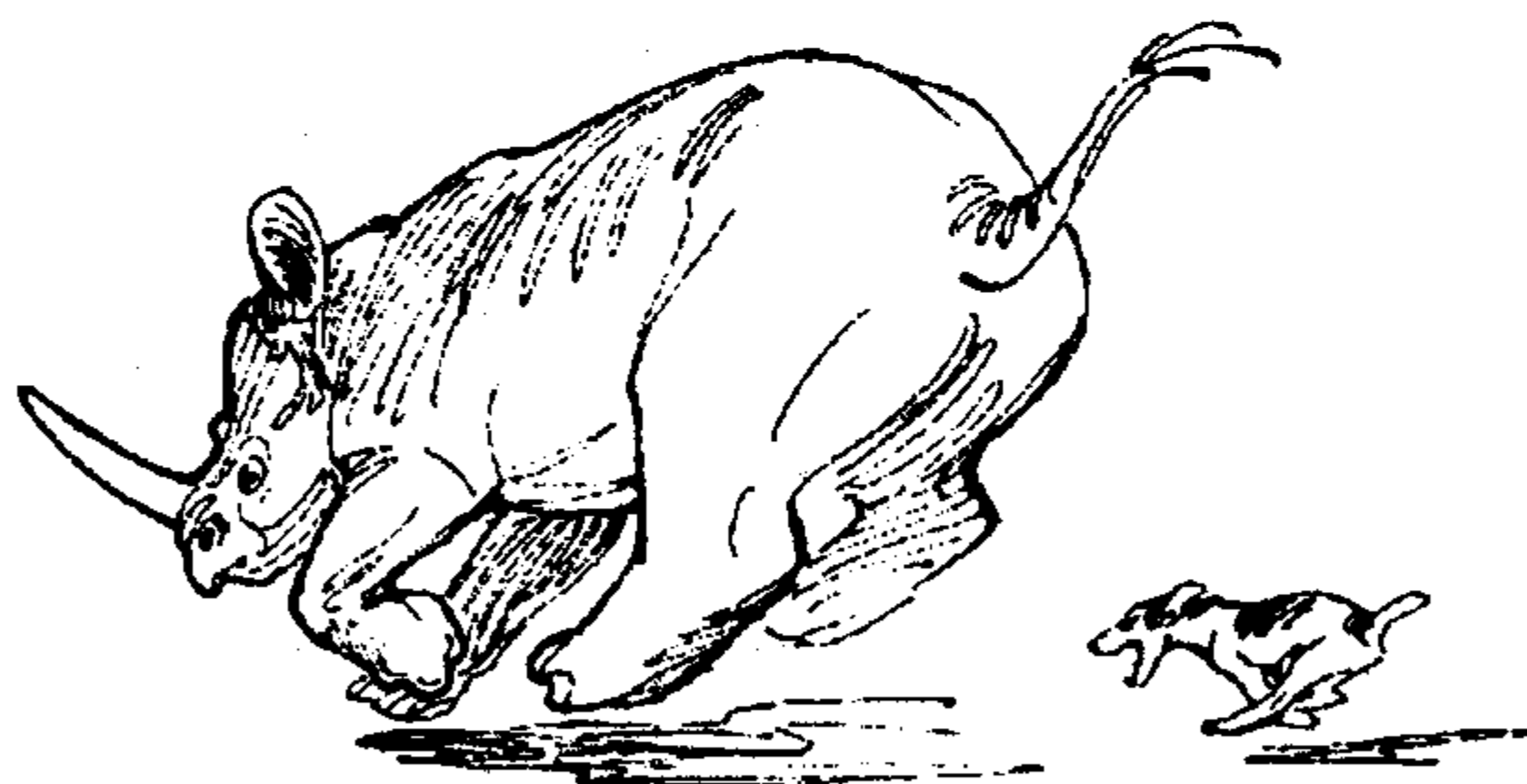
С тех пор как мы научились усыплять этих животных наркотическими пулями, стало значительно проще их лечить, а также отлавливать и перевозить в другие места. Знаменитой самке Герти из Амбосели-парка в 1962 году таким образом удалось прооперировать тяжело раненный глаз.

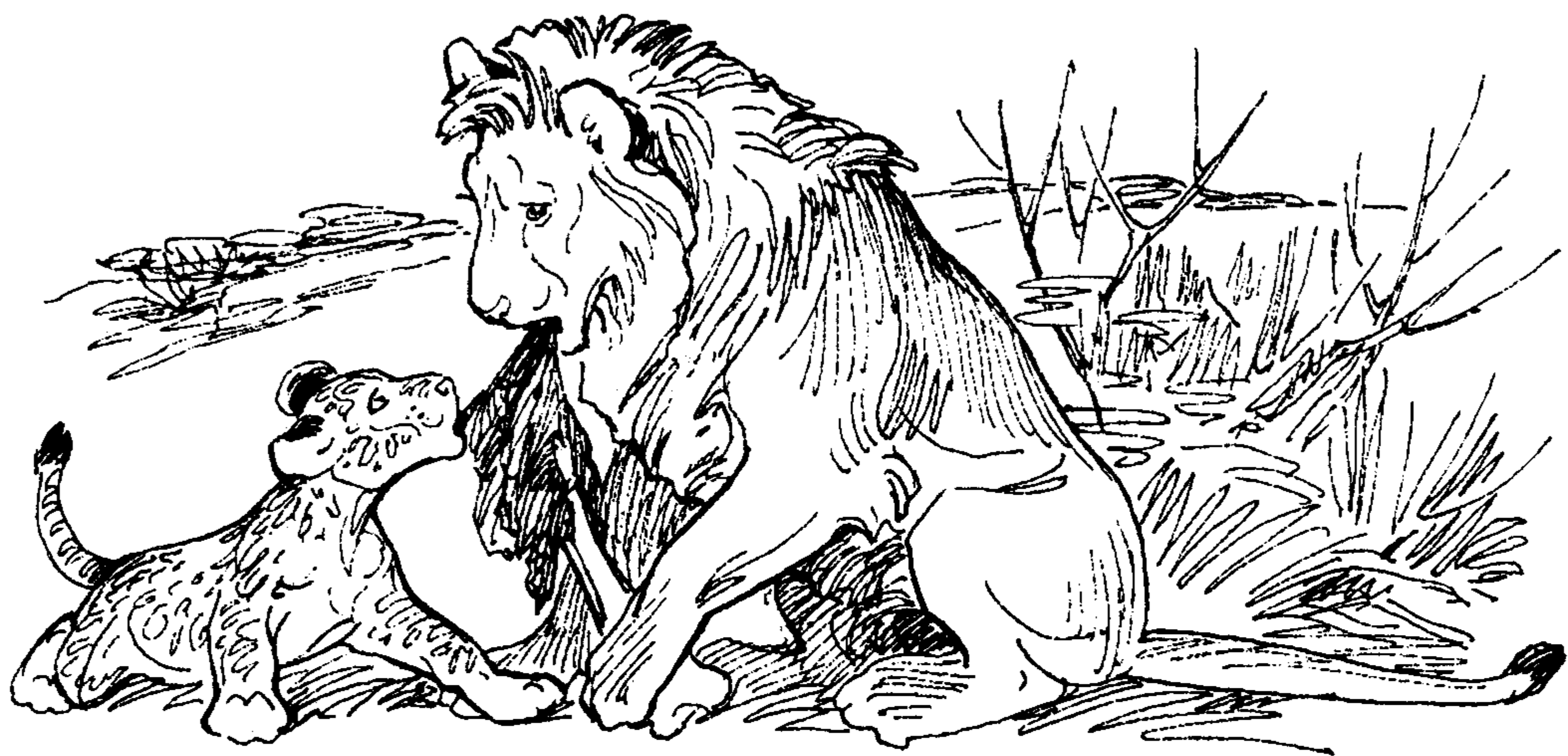
Много предположений строили по поводу непонятных серповидных шрамов, которые часто можно увидеть у черных носорогов позади лопаток. Считалось, что это следы драк, а также деятельности птиц, выклеывающих из ранок личинок и тем самым их расширяющих. Но недавно Ж. Г. Шиллингс, работавший в Цаво-парке, в Кении, нашел у местных четырех носорогов в этих ранках мельчайших гельминтов — филярий, которых переносит мушка жигалка. Кроме того, в желудках черных носоро-

гов найдены личинки желудочных оводов. Они присасываются своими присосками к стенкам желудка и питаются тканевыми соками и кровью. Как только личинки достигают определенного возраста, они отрываются от стенок и вместе с испражнениями выбрасываются наружу. Здесь, в почве, они немедленно превращаются в куколок. Появляющиеся из этих куколок большеголовые мухи достигают от 2 до 3,5 сантиметра; они ничем не питаются, но постоянно вьются вокруг носорогов и приклеивают им к голове свои яички, чаще всего вокруг рогов. Каким образом они оттуда попадают в желудок, пока еще неизвестно. Речь идет о двух видах оводов: *Gyrocstigma conjugens*, встречающемся исключительно на черных носорогах, и *G. ravesii*, встречающемся как на черных, так и на белых носорогах.

Из других паразитов на носорогах найдено 26 различных видов клещей, которые, впрочем, паразитируют и на других африканских животных; найден также вид гельминта, обнаруживаемый прежде у слонов. Встречаются у них и ленточные черви, достигающие, правда, не более 7—12 сантиметров длины; один из этих червей совсем крошечный — размером в один сантиметр.

Все эти паразиты носорогов для человека и домашних животных не опасны. Кроме того, носороги, живущие в зоопарках, вскоре избавляются от паразитов, потому что там отсутствуют промежуточные хозяева, переносящие этих мучителей.

Глава третья

ЧТО ИСПЫТЫВАЕТ ЖЕРТВА ЛЬВА?

Если ты попал в страну, где каждый подражает льву, то там нельзя подражать козе.

Африканская поговорка

Хотя лев и уступает дорогу слону, когда встречается с ним на узкой тропе, да и носорог свободно может прогнать его со своего пути, тем не менее испокон веков большинство людей считает льва царем зверей. Когда охотнику в Африке надоедает его занятие (а это сейчас случается часто), он в первую очередь перестает стрелять во львов. Уже трое из моих приятелей признались мне, что они теперь только затем берутся за ружье, чтобы подстрелить зебру для какого-нибудь старого или больного, умирающего с голоду льва. Словом, львы больше, чем любые другие животные, вызывают наше восхищение.

Короли Англии, Шотландии, Норвегии, Дании изображали льва на своих гербах, а ведь это страны, в которых львы никогда не водились. На гербах городов Цюрих, Люксембург, земли Гессен тоже изображен лев. Как это ни странно, в этих местах когда-то, в доисторические времена, водились львы. Это подтверждено недавними находками костей пещерного льва в некоторых странах Европы. По-видимому, пещерный лев дожил до появления человека и внешне не очень отличался от современного льва. В Греции, например, львы вымерли только к 200 году до нашей эры; они водились и в Палестине, что известно из Библии, где об этом упоминается 130 раз.

Значит, они вовсе и не тропические животные. В Африке их следы не раз находили на покрытых снегом склонах гор Кении и на Рувензори на высоте 3500 метров над уровнем моря, а предположительно они встречаются даже на высоте 5000 метров. В виде редкого исключения на сей раз не люди повинны в истреблении пещерного льва в более северных странах. Ведь тем скромным оружием, которым обладал в те времена человек, ему было не под силу справиться с медведем, лосем, зубром, первобытным быком, а тем более со львом. Просто львы как обитатели открытых степей отступали все дальше к югу, по мере того как наш континент зарастал лесами. И тем не менее они повсеместно так знамениты, что их изваяния из камня уже целые тысячелетия украшают порталы китайских храмов и дворцов, а ведь гордый царь зверей в этих краях никогда не появлялся*.

Что же в образе льва производит на нас такое впечатление? По всей вероятности, обрамленная гривой голова Зевса, немигающие янтарные глаза, которые намного больше наших собственных (диаметр глазного яблока человека — 23 мм, а льва — 37,5 мм), ну и, разумеется, его рев.

Львы, тигры и леопарды, у которых зрачок круглый, относятся к рыкающим кошкам в отличие от множества

урчащих кошек, у которых зрачок имеет форму вертикальной щели. Львиный рык считается великолепнейшим и наиболее впечатляющим звуком мироздания. При благоприятных погодных условиях его можно услышать за восемь-девять километров. Лев издает этот рев обычно стоя, чуть опустив голову; бока при этом втянуты, а грудь мощно раздувается, словно мехи. Часто от сильной струи воздуха из-под головы животного вздымается пыль.

Лично на меня львиный рык действует аналогично колокольному звону (мальчишкой мне самому приходилось звонить в колокола): он настраивает меня на серьезный и торжественный лад. Некоторые люди говорили мне, что от этого рыка они испытывают приятное, щекочущее нервы чувство. Однако это лишь в тех случаях, когда слышишь его, сидя в машине, гуляя по зоопарку или через открытое окно своей комнаты, где чувствуешь себя в безопасности. А вот когда в Серенгети львы заревели в нескольких метрах (так нам, во всяком случае, казалось) от нашей палатки, то мы чуть не попадали с постелей.

Еще страшнее услышать его во время пешей прогулки в степи, тогда этот рык вызывает далеко не столь приятно щекочущие или торжественные чувства.

Ревут львы обычно вскоре после захода солнца и примерно в течение часа.

Что, собственно говоря, означает этот львиный рев? Этому пока еще не найдено сколько-нибудь приемлемого объяснения. Известный зоолог профессор Ганс Криг считает, что они просто доставляют себе этим удовольствие — так же, как это делают райские птицы, красуясь своим радужным оперением, как обезьяны, когда они играют в свои буйные игры, и как многие антилопы, когда на них нападают приступы безумного веселья и они начинают совершать дикие прыжки.

А может быть, ревом лев торжественно оповещает своих сородичей о том, что данная местность принадлежит именно ему? Одно я могу сказать совершенно точно: за-

слышав этот рев, антилопы, зебры и газели вовсе не бросаются врассыпную, как об этом можно прочесть в разного рода книжонках...

Семейная жизнь львов нам, людям, весьма импонирует. Хотя самцы иногда и дерутся между собой, да так, что вокруг летят клочья выдранной черной или желтой шерсти, а случается, что один из противников и погибает, но бывает это не чаще, чем у наших боксеров на ринге. Ведь у львов тоже есть определенные спортивные правила.

Стая львов умудряется сообща мирно поедать одну зебру, в то время как многие наши домашние собаки не могут одновременно есть из одной миски. Беременная львица хотя и приносит свое потомство где-нибудь в укромном месте среди скал или кустарника, тем не менее через шесть недель она гордо приводит своих детей в родную стаю. Так же поступила всемирно известная теперь львица Эльса, приведя троих своих детенышей в палаточный лагерь к своим приемным родителям.

Самцы никогда не пожирают своих детенышей и лишь в самых редких случаях могут разорвать львенка из чужой стаи. Они терпят, правда фыркая и строя самые недовольные гримасы, даже тогда, когда львята своими острыми молочными зубами теребят кусок мяса, который «папаша» держит в пасти.

Охотятся львы сообща, вместе и трапезничают; слабых и больных сородичей долгое время великодушно подкармливают. Никто пока не знает, изгоняют ли дряхлых, старых львов из стаи или они уходят оттуда добровольно. Замечено лишь, что старые львицы дольше остаются в стае, чем львы. Но кончается это неизменно одним и тем же — всех их разрывают на части гиены и гиеновые собаки. От болезней и старости в природных условиях не умирают.

Любовные парочки отделяются обычно от общей компании и целыми днями занимаются только друг другом. Даже в сильную жару они способны спариваться по 30, а то и по 40 раз в день!

Видимо, самцы кочуют по территории, занимающей многие квадратные километры, присоединяясь то к одной, то к другой группе самок и подростков. Во всяком случае, наиболее сильные из них могут себе позволить такую жизнь. В каждой львиной стае есть своя иерархия, но самый слабосильный самец котируется выше любой самки.

И все же трудно сказать, что львы могут, а чего не могут сделать. Так, десяткам людей удавалось успешно спастись от них, влезая на деревья и ночуя там. Подобные истории описываются почти во всех приключенческих романах, посвященных Африке. В то же время мне самому не раз удавалось фотографировать львиц на деревьях, причем отнюдь не на наклонных стволах. В Маньяра-парке, близ Аруши, львы, например, настолько привыкли отдыхать на деревьях, что туристы могут их фотографировать там в любое время. Кто знает, что их заставляет туда лазить? Может быть, на высоте шести, восьми, а иногда и десяти метров меньше мух, может быть, им оттуда удобнее высматривать свою добычу? Но почему же тогда они этого не делают в других местах?

Один охотник за крупной дичью сообщал как-то о том, что измерил прыжок льва, который равнялся 12 метрам, а другой видел, как лев перемахнул через пропасть шириной в 11 и глубиной в 22 метра. В то же время на открытых площадках всех современных зоопарков уже в течение полувека львов отгораживают от зрителей рвы шириной не более восьми метров, и еще ни разу ни один из них не перепрыгнул на другую сторону. Правда, бывали случаи, когда львы тонули в этих рвах, как правило наполненных водой, если они бывали построены без ступенек, ведущих наверх.

В зоопарках львы обычно добровольно не купаются и не плавают, в то время как тигры делают это чрезвычайно охотно. Тем не менее знаменитая львица Эльса, принадлежащая Адамсонам, часами с восторгом плескалась и плавала в море вместе с людьми, а на озере Виктория мне не

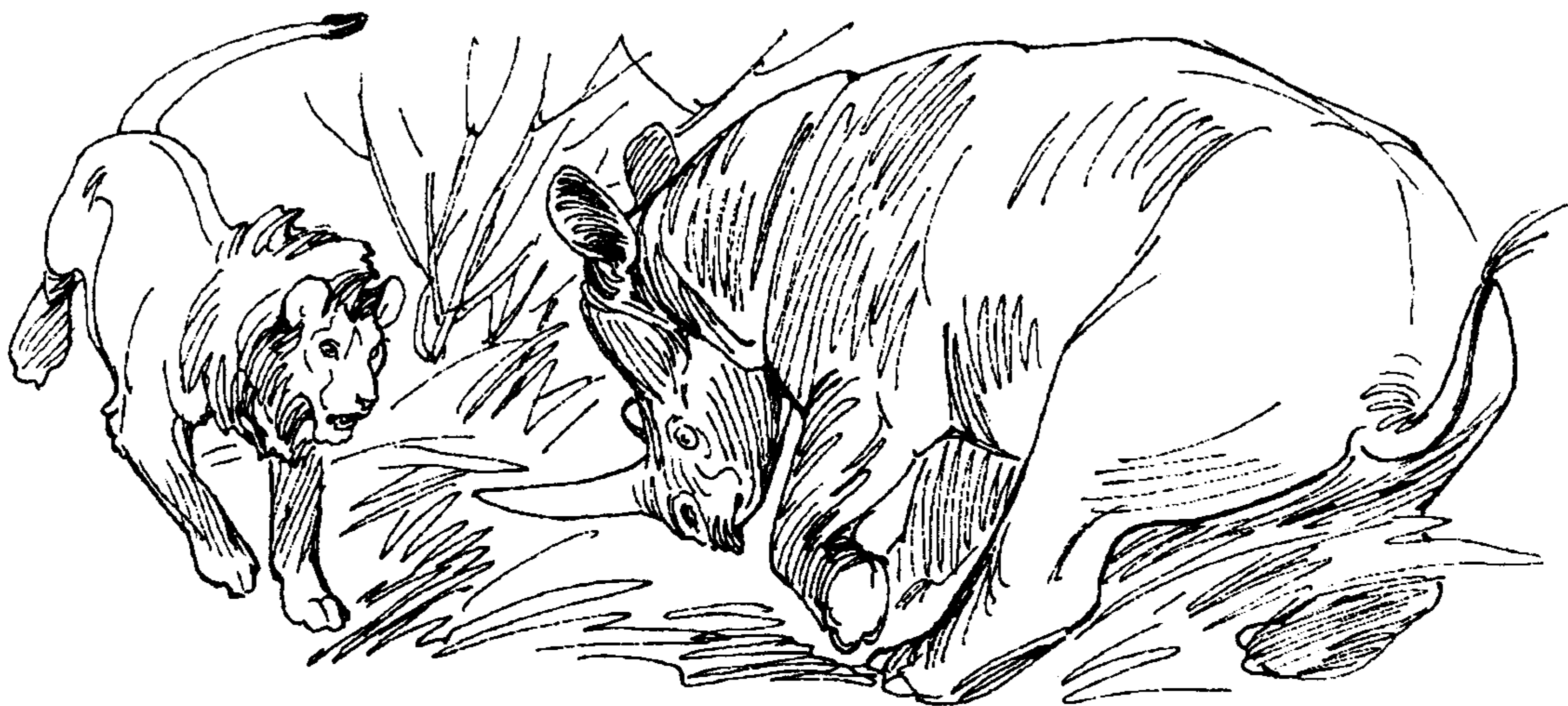
раз приходилось наблюдать, как львы добирались вплавь до острова Укерере, находящегося в 200 метрах от берега.

«Львы настолько ленивы, что шагу не ступят зря и ждут, пока им корм положат под самый нос», — утверждает директор Венского зоопарка профессор Антониус. Тот, кому приходилось видеть в Африке, как львы часами, а то и целый день неподвижно лежат в тени под каким-нибудь кустом, охотно подтвердит подобное мнение. И в то же время они способны часами без всякой видимой причины разгуливать по местности, где полным-полно всякой дичи и раздобыть ее не составляло бы им никакого труда.

Почти среди всех видов животных встречаются и альбиносы, и абсолютно черные (есть белые тигры и черные леопарды), а вот белого или черного льва видеть еще никому из нас не приходилось. Однако в 1962 году одному посетителю Крюгеровского национального парка в ЮАР посчастливилось не только увидеть белую львицу, но и заснять ее на пленку.

Многие охотники и исследователи неоднократно утверждали, что существуют породы пятнистых львов. Но каждый раз выяснялось, что речь идет не о какой-то особой разновидности, а просто об отдельной взрослой особи, не сбросившей еще своего «детского костюма». Случается и наоборот: в некоторых пометах встречаются львята без присущей их возрасту пятнистости.

По черепам и шкурам, появившимся в музеях в результате раскопок за последнее столетие, можно установить существование в недавнем прошлом десятков подвигов львов. Однако все современные львы, живущие и в Индии, и в Африке, принадлежат к одному и тому же виду. В Индии львы были уже почти полностью истреблены (их осталось 13 штук в заповедном лесу Гир, севернее Бомбея), когда правительство спохватилось и начиная с 1908 года объявило строжайшую охрану этих редких животных. За последующие десятилетия число львов там возросло до 200 голов. Хотя считается, что у индийских

львов более желтые и короткие гривы, чем у африканских, но это не так, среди них встречаются самые разнообразные. И абсолютно неверно, будто бы львов в Индии вытеснили тигры. У тигров совершенно иные места обитания, они живут в лесу, а львы — в степи. Просто тех животных, которые обитают в лесной чаще, значительно сложнее истребить, чем тех, за которыми можно охотиться на открытых пространствах.

Существовавшие когда-то львы — и северные африканские, и южные африканские, и знаменитые берберийские, населявшие некогда побережье Средиземного моря, и капские — были не крупнее, чем все ныне живущие виды, а гривы у них были не более черные.

Тридцать лет назад в одном южноафриканском клубном ресторанчике было обнаружено чучело льва, убитого в 1836 году возле Капштадта. Лев этот, ныне экспонируемый в Естественно-историческом музее Лондона, совершенно ничем не отличается от ныне живущих его сородичей. То же самое можно сказать о двух сохранившихся чучелах североафриканских берберийских львов, выставленных в Лейденском музее в Голландии. А вот в Серенгети и в кратере Нгоронгоро можно встретить всяких львов: и мелких, и крупных, и короткогривых, и с льня-

ными гривами, и с черными. Когда речь идет о живых существах, не может быть правил без исключений, а в отношении львов в особенности.

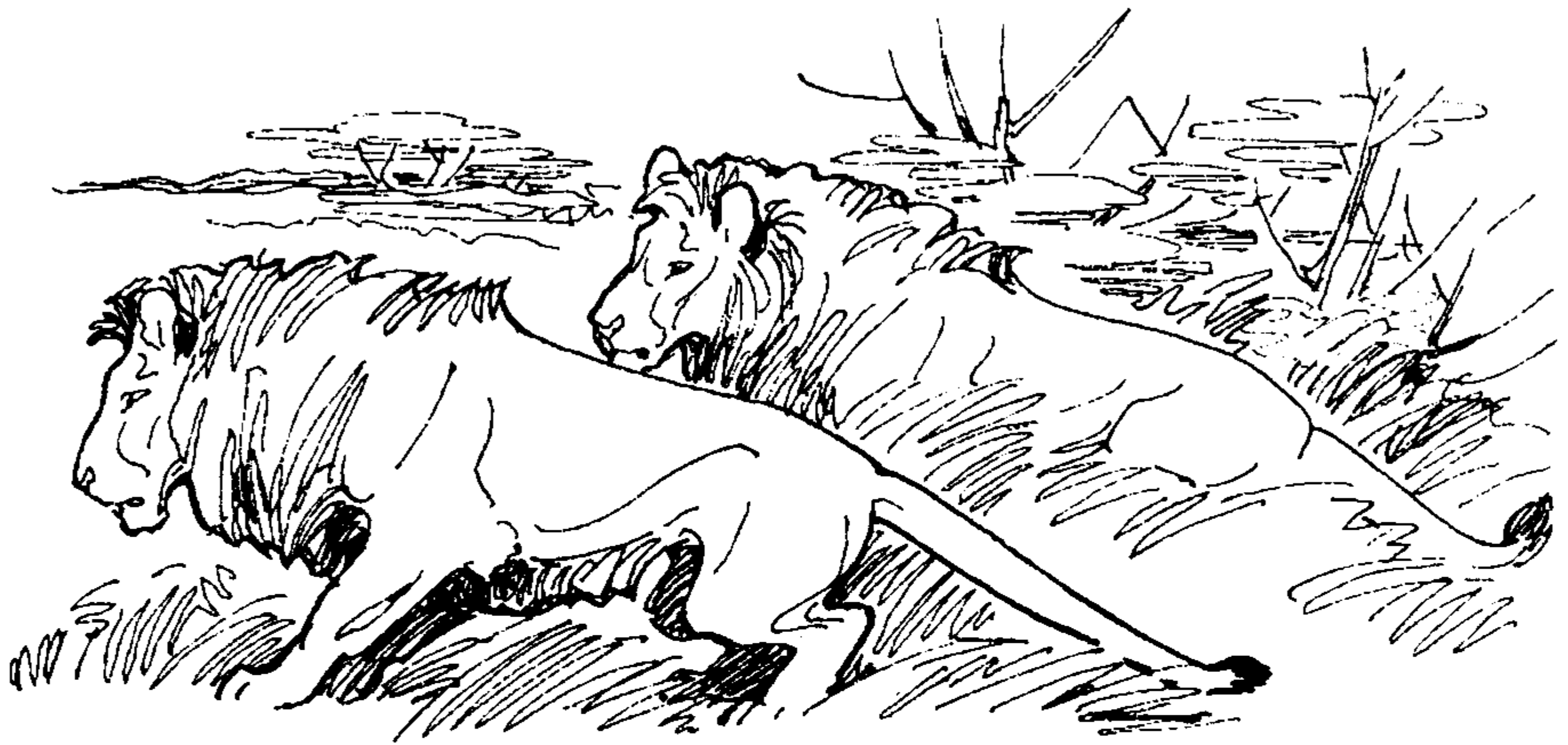
В начале этой главы я говорил, что лев, как правило, уступает путь носорогу. Мне даже удалось как-то снять кадры, демонстрирующие, как носорог прогоняет льва. Больше же частью носороги не обращают никакого внимания на появляющихся поблизости львов. Тем не менее как-то в кратере Нгоронгоро несколько молодых львов развлекались тем, что подкрадывались сзади к носорогу и отвешивали ему основательный шлепок по задней части. Когда взбешенный носорог резко поворачивался в сторону обидчика, другой «шутник» подбегал с противоположной стороны и проделывал то же самое. Подобное развлечение львов наблюдали и в Кении. А вот очень популярного и любимого туристами носорога, который всегда держался поблизости от туристского лагеря «Ол Тукай» в Амбосели-парке, однажды ночью задрали два льва. Несчастный так визжал, отбиваясь от своих преследователей, что лесничему Табереру пришлось выехать на машине на место происшествия. Он прогнал львов лучом прожектора, а замученного носорога прикончил выстрелом.

Обычно же львы умерщвляют свою жертву быстро. Они прыгают сбоку или сзади на спину своей добычи, наваливаясь на нее передней частью своего тела, задние же их ноги остаются стоять на земле. Затем передней лапой лев хватает животное за голову и рывком дергает ее к себе. Считают, что при этом ломаются шейные позвонки, но это пока еще не доказано. Большой же частью они впиваются зубами в горло и душат таким образом свою жертву. Иногда с этой же целью сжимается зубами нос.

Неверно, будто бы это выпадает всегда на долю львиц, в то время как самцы только лениво наблюдают и ждут возможности поживиться готовой добычей. Когда я проделывал свой опыт с искусственной зеброй, которой подманивал львов и провоцировал их к нападению, из смешанных групп львов всегда первыми нападали самцы.

Группа львов всегда охотится сообща. Делается это так: два или три льва ложатся в высокую траву неподалеку от пасущегося стада зебр или антилоп. Остальные начинают красться вокруг стада и затем внезапно нападают с противоположной стороны, загоня животных прямо на своих спрятавшихся в траве товарищей. Такой способ охоты является прирожденным, потому что львица Эльса, принадлежавшая чете Адамсонов, выращенная

людьми в домашних условиях и явно не приученная ими к подобному способу охоты, во время прогулок со своими «родителями» обегала вокруг жирафов и гнала их прямо на членов своей «стаи», в данном случае на людей. Если бы ей вздумалось подобным же образом загонять кафрских буйволов, «двуногие львы» почувствовали бы себя неуютно.

Кто быстро и поэтому не варварски убивает, тот меньше рискует и сам быть раненым в схватке. Голодные львы, набрасывающиеся на слишком крупную и сильную жертву, вынуждены зачастую выдерживать кровопролитные бои, из которых далеко не всегда выходят победителями. Так, известен случай, когда кафрский буйвол выломал напавшему на него льву несколько ребер. А в другой раз самец жирафа размогил атакующему льву лопатку. Этот тяжелораненый лев, не способный больше самостоятельно добывать себе пропитание, оставался в стае, и собратья его подкармливали. Львиный молодняк, оставшийся по каким-либо причинам без старших и вынужденный самостоятельно охотиться, часто не знает, что делать со своей жертвой, и медленно замучивает ее до смерти.

Есть люди, которым здорово повезло: напавший на них лев чем-то отвлекся или чего-то испугался и выпу-

стил их из пасти. Такое случилось, например, с лесничим Вольхутером и с известным исследователем Африки Дэвидом Ливингстоном, который впоследствии подробнейшим образом описал все, что он испытывал в этот момент. Он не ощущал ни боли, ни страха, а был словно парализован и абсолютно безразличен ко всему происходящему. Так чувствует себя пациент перед операцией, когда уже началось действие наркоза. Подобное же испытывает, вероятно, мышь, когда кошка несет ее в зубах, или антилопа в пасти льва. Отдельные особи, которых лев протаскал за собой минут пять, производили впечатление совершенно бездыханного трупа, но как только лев опускал их на землю и чем-то отвлекался, они вдруг вскакивали и убегали.

А с одним моим приятелем, Гордоном Пульманом, произошло такое происшествие. Он увидел из машины льва, который только что убил гну. Хищник убежал, а лесничий вылез из машины, чтобы воспользоваться случаем и отрезать себе кусок свежего окорока. Но тут он услышал предостерегающие крики своего шофера-африканца и увидел, что казавшийся мертвым гну вскочил и собирается на него напасть. Он едва успел схватить его за рога и, пятясь задом, добраться до спасительной дверцы своей машины.

Уже не раз описывались случаи, когда львы дерзко проникали в палатки с людьми, но в страхе бросались наутек из-за того, что какой-нибудь чемодан с грохотом сваливался с полки. В то же время в Крюгеровском национальном парке однажды ночью группа львов уселась вокруг медного гонга, и один из них время от времени ударял по нему лапой, чтобы он гудел, а остальные с интересом слушали. Резиновый мешок с водой, висевший на дверном косяке нашей «спальни» и используемый нами в качестве умывальника, львы несколько раз подряд просто так, из озорства, разрывали когтями, микрофон же, выставленный на ночь за дверь (для записи шумов

африканской ночи), хватали зубами и утаскивали, а кабель рвали на части.

Один мой знакомый, биолог К. А. Гуггисберг, выпустил книгу, в которой описал не только свои собственные многочисленные наблюдения за львами, но и все примечательное, что удавалось заметить исследователям Африки и охотникам относительно их образа жизни и повадок. Так, есть утверждения, будто лев может развить скорость до 115 километров в час. Но в то же время известно, что гепард, который бегаёт, безусловно, быстрее любого льва, во время испытаний на английском треке для тренировки собак в погоне за электрическим зайцем показал скорость лишь 70,7 километра в час. Ещё американский президент Теодор Рузвельт, который был большим любителем природы и путешествовал в свое время по Африке, утверждал, что лев не может догнать лошадь, а английская породистая лошадь обычно не развивает скорости более 64 километров в час. При этом лев, как правило, через 50—100 метров прекращает погоню, если ему не удастся схватить свою жертву сразу. Только за совсем молодыми, ещё не вполне освоившими бег животными или за слабыми и больными он гоняется дольше. Вот поэтому-то антилопы и зебры никогда не бросаются бежать от проходящего мимо них льва, если он все время у них на виду. Они продолжают мирно пастись и следят лишь за тем, чтобы не потерять его из виду. Что же касается кафрских буйволов и слонов, то они иногда даже прогоняли львов от только что добытой жертвы и часами стояли и караулили ее, чтобы эти большие кошки не могли к ней вернуться.

То, что в природе не бывает абсолютно вредных животных, мы уже знаем. Тем не менее интересно выяснить, скольких животных должен умертвить живущий на свободе лев, чтобы самому выжить.

В зоопарке льву ежедневно дают от шести до восьми килограммов мяса, обычно это конина, говядина и китовое

мясо. Все это он съедает с одинаковым удовольствием. Львы ведь и на воле питаются довольно однообразно, обычно зебрами, следовательно, дикими лошадьми. Тигры, леопарды, гепарды и другие хищные кошки чувствуют себя лучше, если их меню состоит из более разнообразных сортов мяса. На свободе лев способен съесть за один раз до 18 килограммов мяса, а по другим оценкам, даже 31 килограмм. В общем это не так уж много, если учесть, что ему вовсе не обязательно ежедневно обедать. С другой стороны, он зачастую убивает больше животных, чем может съесть.

Как только лев почувствует, что больше не в состоянии проглотить ни куска от своей добычи, он отходит от нее и разваливается в тени ближайших кустов, чтобы переварить пищу. В тот же момент возле остатков его трапезы появляются гиены, грифы или шакалы и утаскивают большую часть оставленного им продовольствия. В свою очередь и лев иногда отгоняет гиен от их законной добычи. Но об этом подробнее будет рассказано в главе, посвященной гиенам.

Уэллс считает, что лев за год в среднем убивает 19 животных весом в 117 килограммов, что за 10 лет составляет 190 жертв.

Райт в течение многих месяцев наблюдал в Восточной Африке за поведением львиных стай на воле. За одну ночь они пробегали от 1,9 до 10 километров, и на три четверти добычу их составляли гну, зебры и газели Томсона, среди которых преобладали самцы. Мясо, приходившееся на одного льва в день, составляло по весу 13 процентов от веса его тела.

* * *

Много или мало этих больших желтых кошек находится в той или иной местности, зависит, впрочем, не только от числа животных, которыми они питаются, а также... от высоты травы.

Мы заметили, что в Серенгети стада гну, зебр и газелей Томсона, когда у них появляется молодняк, обязательно откочевывают в места, где трава низкая. В такой траве лев не может спрятаться.

* * *

Мне здесь не хочется повторять старые истории о львах-людоедах, приостановивших, например, строительство Угандинской железной дороги: они утаскивали одного за другим строительных рабочих, а под конец вытащили из спального вагона и самого инженера. Железнодорожная компания до сих пор сохранила телеграммы от индийских станционных служащих, работавших в этой местности в 1905 году: «Лев на перроне. Пожалуйста, предупредите машиниста, чтобы подъезжал с величайшей осторожностью и без сигнала. Начальнику состава запретить выход пассажирам»; или: «Стрелочник сидит на телеграфном столбе возле водокачки. Необходимо там остановить поезд и взять его с собой».

Между прочим, эта телеграмма относится не к таким уж давним временам, всего лишь к 1955 году.

* * *

В Серенгети живет ровно тысяча львов. Новейшие исследования Джорджа Шаллера показали, что половина появившегося на свет львиного потомства погибает. Если львицы очень голодны, они способны отогнать от мяса даже собственных детенышей. Поединки между львами, как правило из двух различных стай, происходят крайне редко и лишь в исключительных случаях могут привести к смерти одного из дерущихся. Охотничий участок одной стаи, помеченный мочой самцов, может достигать 260 квадрат-

ных километров. Такие оседлые стаи львов, «владельцев» определенного участка земли, не следуют за кочующими стадами антилоп и зебр в открытую степь. Это делают лишь небольшие группы львов-«кочевников», не сумевших занять себе собственного охотничьего участка.

Прежде, чтобы убить льва, надо было обладать настоящим мужеством и сноровкой. Знаменитый охотник и исследователь Африки Ф. Селу, путешествовавший по ней начиная с 1870 года почти до конца века, таскал с собой не обычное ружье, а шомпольное, своего рода пушку весом 4,5 килограмма. В дуло этого ружья он насыпал 23 грамма дымного пороха, шомполом досылал до него пулю десятого калибра, обернутую в вощеную тряпочку, и надевал на брандтрубку пистон — и все это, заметьте, верхом на лошади, иногда на полном скаку...

Кроме того, у таких смельчаков всегда еще оставалась приятная возможность даже из-за самой пустяковой раны умереть где-нибудь в безлюдной саванне от заражения крови. Их заслуженной славой доблестных исследователей Африки и охотников за львами в последующие десятилетия нередко совершенно несправедливо пользовались некоторые ловкачи, которые охотились за этими большими желтыми кошками без всякой опасности для жизни, сидя в машине и стреляя из удобного современного оружия, а затем возвращаясь в комфортабельные палаточные городки с холодильниками.

Живи Селу сегодня, он, как и большинство очарованных природой знаменитых охотников прошлого столетия, скорее всего стал бы «охотиться» с фотокамерой, а не с ружьем.

Первые снимки львов в природной обстановке были сделаны в начале нашего века Карлом Георгом Шиллингом. Шиллинг разъезжал, как он писал, «со вспышкой и ружьем» у подножия Килиманджаро. Фотографировал он громоздким, тяжелым и несовершенным аппаратом. Львы были сняты ночью при вспышке магния возле уби-

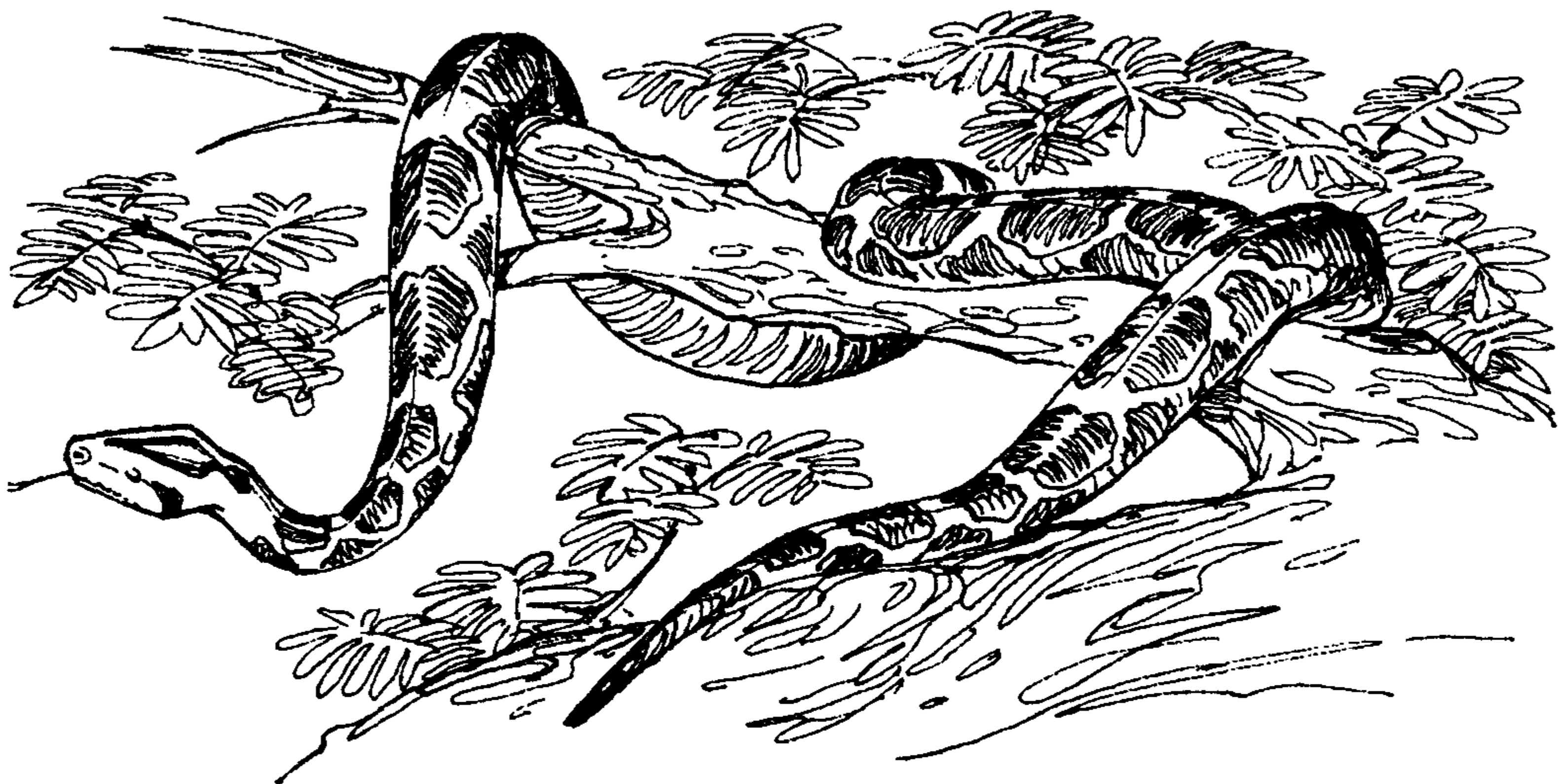
той ими зебры. А сегодня в этих же самых местах в Амбосели-парке туристы постоянно имеют возможность из машин с самого близкого расстояния снимать на прекрасную цветную пленку тех же животных, впрочем ставших в последнее время уже почти ручными.

И тем не менее по-настоящему хорошие «львиные фототрофеи» все еще редки. Легко снять сидящих, лежащих, стоящих или даже пожирающих добычу львов. Но совсем мало снимков, запечатлевших этих хищников в момент охоты или расправы над жертвой. Ведь это происходит не так уж часто и с необыкновенной быстротой.

В течение десятков лет по всему миру из одного издания в другое перепечатывалась будоражившая нервы фотография, на которой был запечатлен момент нападения львов на зебру, которая поднялась на дыбы и пытается защититься. Позже выяснилось, что один фотограф одолжил всю эту экспозицию в маленьком родезийском музее и, выставив ее на фоне кустарника, заснял.

Так что еще и сегодня добыча хороших «львиных фототрофеев» не потеряла своего значения и интереса.

Глава четвертая

МОЖЕТ ЛИ ЗМЕЯ ПРОГЛОТИТЬ ЧЕЛОВЕКА?

Женщины словно птицы: они знают все, но говорят мало. Мужчины не знают ничего, зато много говорят.

Африканская поговорка

Гигантская 20- или даже 30-метровая змея, затаившись на суку, подкарауливает свою жертву. От удара по темени ее твердой как камень головы застигнутый врасплох человек падает почти без чувств на землю, а змея молниеносным броском кидается на него и обвивает своими кольцами, ломая ему все кости в железных объятиях. Это бывает в тех случаях, если на помощь вовремя не подспеют смелые освободители, которые ножами режут змею на части...

Описание подобных душераздирающих сцен можно найти во многих приключенческих романах и даже в иных отчетах об экспедициях в неизведанные тропики.

Нападают ли действительно гигантские змеи на человека? Способны ли они нас проглотить? Едва ли о каком-либо другом животном фантазируют столько, сколько о питонах, анакондах или удавах. И поэтому именно относительно этих животных даже специалисту бывает очень трудно в каждом отдельном случае решить, что тут правда, а что вымысел.

Начинается это с определения длины. Даже серьезные путешественники утверждали, что в лесах Амазонки водятся анаконды длиной в 30 или даже 40 метров. Но они, как правило, при этом умалчивали, видели ли и измеряли ли они этих змей сами или знают это по рассказам очевидцев.

Анаконда — это тот же удав, только южноамериканский. Именно она считается самой большой и сильной среди всех гигантских змей мира. Другая южноамериканская змея, тоже не менее знаменитая и тоже удав (*Constrictor*), достигает в длину «только» пяти-шести метров.

Надо сказать, что измерить змею не так-то просто. Удобнее всего это делать, разумеется, когда она вытянется во всю длину. Но для большой змеи такая поза совершенно противоестественна; некоторые из них просто не в состоянии ее принять — им нужно загнуть в сторону хотя бы самый конец хвоста, чтобы иметь опору. Добровольно такое сильное животное не даст разогнуть себя для измерения. У мертвой же змеи тело обычно костенеет настолько, что произвести измерение еще труднее. Если же судить о длине змей по их поступающим в продажу кожам, то очень легко впасть в ошибку: ведь эта кожа продается на метры, и поэтому пока она свежая, ее можно растянуть в длину на 20 процентов, а некоторые утверждают, что даже на 50. Охотники за змеями часто этим пользуются.

Небезынтересно, что и живых змей продают на метры. Торговцы змеями запрашивают с зоопарков за небольших и средних питонов от 80 пфеннигов до одной марки за каждый сантиметр. Нью-Йоркское зоологическое общество уже много лет назад объявило, что заплатит 20 тысяч марок тому, кто привезет живую анаконду длиной свыше десяти метров; тем не менее никто до сих пор не смог заработать этой заманчивой суммы.

И все же вполне возможно, что такие гиганты существуют или существовали до совсем недавнего времени. Вес такого животного должен быть достаточно внушительным; так, азиатский сетчатый питон размером в 8,8 метра весит 115 килограммов. Немудрено, что подобную машину, обитающую в чаще девственного леса, без целой оравы помощников одолеть не так-то просто. А потом ведь ее еще надо суметь доставить невредимой до аэродрома или в порт.

Рекордная длина широко распространенного в Африке иероглифового питона (*Python sebae*) составляет 9,8 метра. Индийский, или тигровый, питон (*Python molurus*) достигает 6,6 метра, восточноазиатский сетчатый питон (*Python reticulatus*) — то ли 8,4 метра, то ли 10 метров, смотря какому источнику верить. Немногим меньше аметистовый питон.

Вот мы, собственно, уже и перечислили всех шестерых гигантов змеиного мира: четырех яйцекладущих питонов — уроженцев Старого Света и двух живородящих удавов — Нового. Среди 2500 видов змей, населяющих земной шар, есть еще целый ряд других видов удавов и питонов, но те значительно мельче.

Гигантские змеи не ядовиты. В отличие от толстых гигантов змеиного царства ядовитые змеи (например, африканская мамба*, достигающая иногда четырех метров, и еще более длинная — королевская кобра) тоньше и стройнее.

Чтобы достичь огромных габаритов, змее требуется немало времени. Живущий в Питсбургском зоопарке восьмиметровый сетчатый питон вырастал за год всего лишь на 25 сантиметров. Чем старше становится змея, тем медленнее она растет.

По внешнему виду змеи совершенно невозможно определить, самка это или самец. Пара иероглифовых питонов, прибывших в Нью-Йоркский зоопарк в годовалом возрасте, первые шесть-семь лет росла с одинаковой скоростью, но затем самка стала заметно отставать в росте. Дело в том, что за это время она стала половозрелой и начала ежегодно откладывать яйца. При этом она каждый раз постилась в течение шести месяцев: во время созревания яиц и тогда, когда она их обогревала, свернувшись вокруг них клубком.

До какого возраста могут дожить гигантские змеи на воле, нам неизвестно. Их еще никто никогда не кольцевал на местах их обитания, как это уже десятки лет проделывают, например, с перелетными птицами. Мы можем судить об их возрасте только по данным, полученным в зоопарках. Дольше всех прожила анаконда в Вашингтонском зоопарке — 28 лет (с 1899 по 1927 г.). Один из удавов прожил в Англии в Бристольском зоопарке 23 года и 3 месяца, а иероглифовый питон достиг там же восемнадцатилетнего возраста. Тигровый питон в зоопарке Сан-Диего (Калифорния) дожил до 22 лет и 9 месяцев, а два восточноазиатских сетчатых питона — один в Лондоне, а другой в Париже — умерли в возрасте 21 года.

* * *

Гиганты змеиного царства — единственные крупные животные на земле, не обладающие голосом, как, собственно, и все остальные змеи. В лучшем случае они могут шипеть. Змеи не только немые, но и глухи. Звуковых колебаний воздуха они не воспринимают: у них нет для

этого ушей, как у других животных. Зато они прекрасно воспринимают любое, даже самое незначительное, сотрясение почвы или подстилки, на которой отдыхают.

К тому же эти глухонемые гиганты еще и плохо видят. Глаза их лишены подвижных век, а защищающая глаз прозрачная кожистая пленка во время каждой линьки отделяется вместе со всей кожей и снимается, словно стекло с часов. У змеиного глаза отсутствуют мышцы радужной оболочки, следовательно, зрачок не может сужаться при ярком освещении и расширяться при тусклом. На изменение освещения глаз змеи едва реагирует: хрусталик в нем не может выгибаться, как у нас, что лишает змей возможности по желанию тщательнее разглядывать предметы, расположенные на близком или далеком расстоянии. Чтобы рассмотреть что-либо, змее приходится двигать всей головой то вперед, то назад. Может быть, все это и очень целесообразные свойства (необходимые, например, для плавания и в особенности для разглядывания различных предметов под водой), но, ей-богу, в животном мире встречаются значительно более усовершенствованные глаза.

Поскольку питон, как и другие змеи, во время сна не закрывает глаз, то всегда очень трудно определить, спит он или бодрствует. Некоторые исследователи змей утверждают, что спящая змея смотрит вниз, то есть ее зрачок находится у нижнего края глаза; другие же оспаривают подобное утверждение.

* * *

Неподвижность змеиных глаз и породила всеми повторяемую сказку о том, что змеи якобы гипнотизируют, как бы парализуют свою жертву взглядом. Лягушки, ящерицы или мелкие грызуны действительно иногда сидят совершенно неподвижно в присутствии гигантского удава, но объясняется это разными причинами: иногда они про-

сто не замечают опасности, а иногда цепенеют от страха; такое замирание приносит им определенную пользу, поскольку неподвижную жертву змеи не различают. Ведь именно только тогда, когда лягушка пускается вскачь, чтобы удрать, змея ее и настигает.

Как же все-таки эти глухонемые и к тому же близорукие гиганты находят себе пропитание? Оказывается, у них развиты такие органы чувств, которыми мы не обладаем. Так, например, они безошибочно, на далеком расстоянии, ощущают тепло. Человеческую руку змея чувствует уже на расстоянии тридцати сантиметров. Поэтому бесшумно ползающим змеям довольно легко находить даже тех теплокровных животных, которые тщательно спрятались в укрытиях. Чтобы при этом им не мешало собственное дыхание, у некоторых из них (например, у питонов) ноздри обращены кверху и назад.

Но более всего развито у змей обоняние. Довольно удивительно, что орган обоняния находится у них во рту, на нёбе, и необходимую информацию ему доставляет язык, который извлекает из воздуха различные мелкие частицы. Таким образом, змеям дневной свет не нужен, они могут ползти по следам своей жертвы с одинаковым успехом и днем и ночью.

* * *

Как-то недалеко от Серенгети мы с моим сыном Михаэлем наткнулись на огромного иероглифического питона, достигавшего трех-четырёх метров в длину. Мы решили прихватить его с собой. Между прочим, гигантских змей, если они не держатся за дерево или не запутались в кустах, изловить не так уж трудно. За час они могут проделать не более полутора километров — если у них вдруг возникнет желание целый час ползти. Гигантские змеи передвигаются совершенно иначе, чем их мелкие сородичи. Те движутся вперед, извиваясь всем телом, у гигант-

ской же змеи для этой цели служит брюшная чешуя. Чешую приводят в движение отходящие от ребер мускулы (сами ребра остаются при этом неподвижными), заставляя ее перемещаться то вперед, то назад наподобие маленьких черпаков экскаватора.

Мы тогда еще не имели большого опыта в обращении со змеями и поэтому поначалу проявляли крайнюю осторожность, направляя питона рогатинами. Но в конце концов мы все же решились схватить змею за хвост, причем она даже не пыталась напасть на нас. Нам удалось захватить ее в мешок, который мы завязали и положили на ночь в своей палатке под раскладушку. К сожалению, наутро мешок оказался пустым. Огромной змее все же удалось высвободиться. Однако по оставленному ею следу можно было без труда узнать, куда она поползла. След этот был прямым, отчетливым и широким, словно кто-то катил автомобильную шину.

Ни одна змея, включая и ядовитых, не в состоянии догнать бегущего человека. Зато гигантские змеи умеют отлично плавать, гораздо лучше других наземных животных. Что касается анаконды, то ее можно причислить скорее к водным, чем к наземным, животным.

Змеям и море нипочем. Так, одного удава (*Constrictor*) отнесло течением на 320 километров от южноамериканского побережья и прибило к острову Святого Винсента, куда он прибыл в прекрасном расположении духа.

Когда в 1888 году произошло извержение вулкана Кракатау, на одноименном острове было уничтожено все живое. Биологи наблюдали, как за последующие годы и десятилетия здесь вновь постепенно появлялись различные лишайники, растения и животные. Так вот, из рептилий первыми там появились скальные питоны, которые к 1908 году снова завладели островом.

Гигантские змеи пока еще окончательно не превратились в круглые канаты, как это случилось с другими представителями змеиного племени. У удавов и питонов, так же

как и у нас, еще есть пара легких, в то время как у большинства других змей левое легкое исчезло, а правое сильно вытянулось в длину и заметно расширилось. У гигантских змей сохранились небольшие остатки тазовых и тазобедренных костей. Но от задних ног снаружи остались лишь два жалких когтя — справа и слева от анального отверстия.

* * *

Каким же способом таким медлительным великанам удастся поймать свою добычу? С самого начала следует сказать, что утверждение, будто бы они ударом головы лишают сознания человека или какое-нибудь животное, абсолютно неверно. Голова этих гигантских чудовищ не особенно-то тверда, и уж во всяком случае мягче нашей. Змее самой было бы не слишком приятно использовать ее для бокса. Кроме того, нападение гигантской змеи отнюдь не столь молниеносно, как это представляют. Сила, с которой набрасывается на жертву змея весом в 125 килограммов, не превышает силы, с которой нападает собака, весящая 20 килограммов. Безусловно, какой-нибудь хлипкий, неспортивного склада европеец от такого толчка может упасть. Но мало-мальски ловкий мужчина вполне способен один справиться с четырехметровым удавом, по крайней мере в том случае, если ему удастся устоять на ногах; обвившие его змеиные кольца он может стащить книзу несколькими энергичными рывками.

Для змеи гораздо важнее не ударить головой, а вцепиться в жертву зубами. Для этого она до предела разевает свою пасть. У сетчатого питона во рту сто загнутых назад зубов, расположенных шестью рядами. Поэтому, если ему удалось схватить хотя бы палец, его уже не так просто вырвать назад. Для этого нужно постараться разжать змее челюсти и сначала просунуть руку еще дальше в пасть, а потом уже выдернуть.

Только тогда, когда змея прочно схватила жертву зубами, она начинает обвивать ее своими кольцами. Поэтому тем, кому приходится иметь дело с гигантскими змеями, всегда следует помнить о том, что их нужно хватать только за «загривок» — позади головы, чтобы они не смогли укусить.

Посмотрите, пожалуйста, повнимательнее кинокадры или фотографии, запечатлевшие «борьбу» человека с гигантской змеей, которая якобы душит свою жертву. Вы почти наверняка заметите, что «жертва» схватила змею за глотку. В таких случаях человек сам оборачивает змею вокруг себя и затем разыгрывает всю эту сцену бешеной борьбы.

Но если даже змее удалось схватить свою жертву зубами и обвить ее несколькими кольцами, это еще не значит, что она может «раздавить ей все кости». Гигантские змеи, даже если они весят более сотни килограммов, отнюдь не обладают столь недюжинной силой, которую им приписывают. Ведь чем крупнее и тяжелее животное, тем меньше у него силы в пересчете на килограмм веса тела. Таким образом, вошь, учитывая ее вес, в 10 тысяч раз сильнее слона. А более мелкие змеи могут значительно сильнее сжимать и душить подходящую для себя жертву, чем гигантские змеи — свою.

Змеи-великаны убивают не путем дробления костей, а удушением. Они так стискивают грудную клетку своей жертвы, что та не в состоянии вдохнуть в легкие воздух. Возможно, что от продолжительного сдавливания парализуется и сердце. Змеиные кольца, обвиваясь вокруг туловища жертвы, действуют скорее как резиновая кишка или резиновый бинт, а не как крепкий канат. Раздавить таким способом твердый костяк абсолютно невозможно. Поэтому, когда в некоторых сообщениях о нападении змей фигурируют раздавленные человеческие черепа, то заранее можно твердо сказать, что это досужий вымысел. Человеческий череп достаточно твердый орешек, и мягкими, эластичными предметами его не расколешь!

Мой сотрудник доктор Густав Ледерер, в течение сорока лет руководивший нашим экзотариумом, тщательно обследовал трех свиней, трех кроликов и трех крыс, умерщвленных, но еще не проглоченных гигантскими змеями. У жертв не было обнаружено ни одной поломанной кости. А вот в уже проглоченной добыче такие кости были.

Гигантские змеи содержатся во многих зоопарках мира и, как правило, не проявляют никакой агрессивности, пока их оставляют в покое. Они даже довольно легко приручаются. Живущие на воле питоны, когда на них нападают или хотят схватить, защищаются только тем, что стараются укусить, и почти никогда при этом не пытаются набросить на противника свои кольца, они поступают так только с добычей, которую собираются проглотить.

В зоопарках иногда бывают обстоятельства, при которых по отношению к змее необходимо применить силу (например, пересаживая вновь прибывшего постояльца в террариум или в случаях необходимости ветеринарного вмешательства). Чтобы удержать змею, людей расставляют таким образом: на каждый погонный метр змеи приходится один человек, который должен крепко держать свою часть, ни при каких обстоятельствах не выпуская ее из рук.

Я повсюду расспрашивал о каком-либо случае, когда бы змея в зоопарке кого-нибудь убила, но до сих пор мне ни разу не довелось об этом услышать. Правда, мне рассказывали, что в Ругской фирме по продаже животных несколько десятков лет назад семи- или восьмиметровый сетчатый питон обвился вокруг старшего служителя Зигфрида и «сломал ему несколько ребер».

Одна бывшая танцовщица, выступавшая некогда с танцами со змеями, рассказывала служителям нашего Франкфуртского зоопарка, что какая-то из змей однажды так сильно ее сжала, что сломала два ребра. Но ведь чтобы subtilной девушке сломать два ребра, не требу-

ется каких-нибудь сверхъестественных сил. Например, однажды один из моих сыновей в приступе нежности так крепко обнял свою невесту, что у нее внутри что-то хрустнуло. Оказалось, что он сломал ей ребро...

Хотя гигантских удавов, как уже было сказано, довольно легко приручить, тем не менее змеи, с которыми выступают танцовщицы в различных варьете и цирках, вовсе не обязательно должны быть ручными. Чтобы без всякого риска обвивать змей вокруг плеч и талии во время танца, вполне достаточно перед выступлением их по сильнее охладить, тогда с ними можно делать почти все, что угодно. Эти хладнокровные животные активизируются только после того, как хорошенько согреются.

Разумеется, таскание змей по гастрольным поездкам, в особенности зимой, содержание их в плохо отапливаемых сценических уборных или гостиничных номерах никак не идет им на пользу. Они недолго выдерживают такую жизнь и погибают. Поэтому танцовщицам приходится часто обновлять запас своих питонов.

* * *

Неверно, будто бы гигантские змеи имеют привычку, держась концом хвоста за сук, свисать с дерева и ловить таким образом свою жертву. Утверждение, будто они для облегчения заглатывания предварительно смачивают мертвое животное своей слюной, тоже неверно. Заблуждение это основано на том, что змеи нередко вынуждены проглоченную добычу отрыгнуть назад. Происходит это по разным причинам: либо жертва оказывается непомерно большой, либо при проглатывании она занимает неудобное положение, или она имеет рога, препятствующие продвижению ее по пищеводу; а иногда змею просто кто-то напугал, и это помешало ей спокойно справиться с добычей. Разумеется, отрыгнутое животное бывает обиль-

но смочено слюной, что и навело случайно увидевших это людей на неверное толкование.

Даже очень крупные и тяжелые змеи способны пролезть в относительно небольшие лазейки, узкие форточки или щели в заборе. Таким образом они обычно пробираются в курятники, свинарники или в сараи, где содержат коз. И вот когда они, проглотив целиком свою жертву, пытаются пролезть назад в то же отверстие, откуда явились, огромное утолщение на теле не дает им выбраться, и они оказываются в ловушке. Вот тут, казалось бы, и воспользоваться своей способностью отрыгивать проглоченную добычу, чтобы освободиться из заточения! Но на это у змей, как выяснилось, «ума не хватает».

Подобные случаи описывались уже довольно часто.

* * *

Разумеется, больше всего бросается в глаза змея с огромным утолщением на теле, следовательно, только недавно проглотившая какое-нибудь крупное животное. Ее всегда охотно фотографируют со всех сторон, и сделать это довольно легко, потому что в таком положении змея становится неповоротливой и беспомощной. Когда же у анаконды в животе несколько проглоченных рыб или у молодого питона — несколько лягушек, грызунов или птиц, то никто и внимания на них не обращает.

Вот это и привело к неверному мнению, будто гигантские змеи существуют за счет гораздо более крупной добычи, чем на самом деле. По совести сказать, они удивительно скромные едоки, эти змеи, и, как ни странно, могут долго «поститься».

К наиболее крупным жертвам змей относятся антилопы размером со среднюю косулю или свиньи, причем не наши большие европейские свиньи, а дикие кабаны или мелкие домашние свиньи жарких стран. Так что, когда

речь идет о том, что жертвами змей могут становиться такие крупные антилопы, как куду, топи, водяные козлы и антилопы канны, надо всегда иметь в виду, что это может быть только молодняк, а не взрослые животные.

В Уганде в резервате Торо в долине Семлики обитает примерно около 12 тысяч угандийских болотных козлов. Эти козлы, по-видимому, служат основной добычей иероглифовых питонов. Во всяком случае, в течение года мы по крайней мере раз пять натыкались на убитых питонами болотных козлов. И каждый раз жертвы оказывались неполовозрелыми самками. При более тщательном обследовании выяснилось, что кости у них поломаны не были, а смерть, по всей видимости, наступила от удушья.

Иногда часть змеиной добычи стараются урвать себе грифы. В таких случаях питон громко шипит и делает броски в сторону нахалов, стараясь их отогнать. Однако схватить грифа питону никогда не удается, зато грифы, как правило, успевают вырывать большие куски мяса из жертвы змеи.

Сообщалось о таком случае. Питон длиной 4,5 метра и весом в 54 килограмма поймал маленькую самку угандийского болотного козла весом в 30 килограммов и начал было ее заглатывать: голова и шея жертвы уже исчезли в змеиной пасти. Тело змеи кольцами было обвито вокруг добычи. Когда смотрители П. Хей и П. Мартин приблизились к питону, он сначала даже не пошевелился. Когда же один из подошедших стал вырывать кусты травы вокруг головы змеи, чтобы удобнее было фотографировать, питон зашипел и тут же выпустил жертву из пасти. Но он не делал ни малейших попыток прогнать людей и даже не ослабил колец вокруг добычи.

А в Замбии на водохранилище Кариба наблюдали, как один иероглифовый питон схватил зубами за шею взрослого нильского варана и трижды обвился вокруг тела ящерицы. Этот варан был длиной в 1 метр и 53 санти-

метра, питон же — 2 метра 40 сантиметров. Варан умер вскоре после своего освобождения, а на теле питона после борьбы не было заметно никаких повреждений.

В другой раз видели питона длиной в 2 метра 10 сантиметров, который лежал на дереве, крепко обвив своими кольцами умерщвленного им варана (сообщения Х. Рот).

Известно, что одна змея может проглотить другую, даже равную ей по размерам, потому что проглоченная особь сильно сжимается. Так, в Трансваале (ЮАР) наблюдали, как небольшой питон задушил крупную черную мамбу. Мамба поначалу бешено сопротивлялась, но после двухчасовой борьбы затихла и безжизненным канатом осталась лежать на траве.

Между прочим, многие виды змей «специализировались» на питании себе подобными — другими видами змей. Однако «каннибалов» среди них пока еще ни разу не встречали: сородичей своего вида они не убивают.

Но зато в желудке пятиметрового питона как-то был найден даже леопард! В борьбе со змеей этот ловкий и сильный хищник смог нанести ей лишь самые незначительные ранения. Правда, в сообщении об этом случае не указывалось, шла ли речь о взрослом леопарде или нет. Например, у нас во Франкфуртском зоопарке семи-, восьмиметровый индийский сетчатый питон не в состоянии проглотить жертву весом более 55 килограммов. Индийский питон размером в 7,5 метра как-то заглотнул домашнюю свинью весом в 54 килограмма, а в другой раз — индийскую длинноухую козу, весящую 47,5 килограмма.

В обоих случаях наибольшие трудности доставило змее не убийство жертвы, а именно ее заглатывание. Спустя два дня, после того как змея проглотила свинью, она была еще так раздута, что напоминала накачанный воздухом резиновый шланг, вспученный в одном месте. Мы даже опасались, что животное может сильно пострадать.

Остальные же крупные сетчатые питоны, содержащиеся за последние десятки лет во Франкфуртском зоопарке,

как правило, отказывались от крупной добычи. Правда, случалось, что они хватали жертву весом в 30 килограммов и более и убивали ее, но в большинстве случаев оказывались не в состоянии ее проглотить.

Доктор Ледерер записал, что семиметровому на редкость прожорливому питону после целого часа напряженных усилий так и не удалось заглотать козу весом в 34 килограмма. Другой питон размером в 7,7 метра напрасно промучился со свиньей весом в 43 килограмма и так и не смог ее проглотить.

Словом, никогда еще ни один специалист не утверждал, что гигантская змея в состоянии проглотить жертву, вес которой превышал бы 60 килограммов.

Если схватывание и умерщвление жертвы занимает у змеи немного времени, то с заглатыванием убитого животного хищница не торопится. Она опускает жертву на землю, тщательно обнюхивает и только после этого начинает натягивать себя на нее, словно чулок. Чаще всего она начинает с головы. При этом она делает паузы, иногда на целых четверть часа, и отдыхает. Известно, что змеи способны высвободить из сочленения как верхнюю, так и нижнюю челюсть, и тогда те держатся на одних только связках. Такой способ позволяет предельно широко разевать пасть. Змея впивается в добычу несколькими рядами загнутых назад зубов, а затем ее челюсти (попеременно то нижняя, то верхняя) продвигаются на какой-то отрезок вперед. Гортань тоже выпячивается вперед, чтобы змея могла дышать и не задохнулась. Змея так эластична только до желудка, все прочие внутренности уже не растягиваются. Поэтому попадающая туда пища должна быть уже полностью растворенной желудочным соком.

Несмотря на то что питоны и удавы в один прием могут проглотить огромные куски, их все равно нельзя считать прожорливыми. За одну трапезу они получают энергии в 400 раз больше, чем им требуется в день. Зато

они потом (иногда по необходимости, а то и по настроению) могут достаточно долго не принимать пищу.

Так, у нас во Франкфурте один сетчатый питон голодал в течение 570 дней, потом некоторое время ел, а затем снова 415 дней «постился». А габунская гадюка (ядовитая и более мелкая змея из Африки) отказывалась от пищи в течение 679 дней, то есть в течение почти двух лет. Индийский тигровый питон 149 дней ничего не ел и потерял при этом только 10 процентов своего веса.

* * *

Из всего вышеизложенного уже можно сделать вывод, что питоны не в состоянии убить, а тем более проглотить человека. В зоопарках со временем устанавливаются даже своего рода дружественные или, во всяком случае, доверительные отношения между гигантскими змеями и служащими террариума. Великан привыкает к тому, что служащий, убирая в его помещении, расхаживает взад и вперед мимо него, и он не делает никаких агрессивных выпадов. Однако некоторые змеи (со скверным «характером») остаются кусачими до конца своих дней. Каждый резкий жест, даже быстрое движение глаз человека, может побудить их к нападению. Если змее удастся схватить зубами живое тело, она непременно старается обвить его вокруг него. Если же она схватила свободно висящую материю — подол пальто или край свитера, — она не делает таких попыток. Это нам удалось наблюдать в доброй половине случаев. Опытный в таких делах человек свободно может справиться со здоровым питоном длиной от 3 до 4,5 метра. Однако змеи, достигающие шести метров и более, могут быть для человека весьма опасными. Тем не менее до сих пор не известны сколько-нибудь достоверные случаи, когда бы живущая на свободе гигантская змея умертвила, а тем более проглотила взрослого чело-

века. При этом следует учесть, что в отдельных районах земного шара, в особенности в Восточной Азии, змеи зачастую живут совсем рядом с жилищем человека. Как истребители крыс, они пользуются даже определенной симпатией со стороны жителей деревень. Пока такая змея молода, она не представляет ни малейшей опасности ни для людей, ни для домашних животных.

Недавно в одном африканском научном журнале какой-то фермер сообщал о четырехлетнем малыше, который ежедневно спускался к речке, неся с собой тазик с молоком или кашей, объясняя, что он идет играть с Наной. Однажды отец решил посмотреть, кого же это его сын ходит кормить, и, к своему ужасу, увидел, что это огромный питон. Он сейчас же убил змею. Но поскольку питоны не едят ни каши, ни молока, мне все в этой истории кажется весьма неправдоподобным. То, что змеи якобы пьют молоко и даже выдаивают коров, нелепое, но совершенно неискоренимое поверье.

* * *

В реке Напо в Эквадоре громадная анаконда схватила одного купальщика, затянула его под воду и утопила, но не проглотила. Рассказывают о тринадцатилетнем мальчике, которого тоже утопила змея; она его проглотила, но затем снова отрыгнула. Отец ребенка через полтора дня отыскал эту змею и убил ее. Этот случай также произошел в одном из притоков реки Напо.

В другой достоверной истории описывается, как сетчатый питон проглотил четырнадцатилетнего малайского мальчика с острова Салебабу. Нечто подобное рассказывал нам и один ветеринар из Индии, который в 20-х годах посетил Франкфуртский зоопарк. Он демонстрировал даже фотографии, подтверждающие документальность этого рассказа.

Но насколько это поистине редчайшие случаи, можно понять только тогда, когда представишь себе, сколько таких крупных змей обитает на земном шаре (или обитало, по крайней мере, до самого последнего времени). Об этом можно судить хотя бы по числу выделяемых змеиных кож. Кстати, кожа змеи отнюдь не скользкая и липкая, как это представляют себе многие люди, испытывающие к змеям непреодолимое отвращение; на ощупь она приятно прохладная и совершенно сухая, будто держишь кошелек в руках. Проплывая по воде и пролезая сквозь тину, змея всегда остается сухой и чистой. Она ползает на животе по скалам, но нисколько не повреждает себе кожу.

С тех пор как кожевники научились обрабатывать даже самые необычные кожи, на змей сильно поднялся спрос на мировом рынке. Из змеиной кожи изготавливают самые различные модные предметы туалета и галантереи. Правда, пока еще никому не удалось на этих изделиях сохранить красивый цветной рисунок кожи живой змеи.

В торговых каталогах большинства стран указываются обычно «кожи рептилий», к которым причисляются, помимо змеиных, кожи аллигаторов, крокодилов, больших ящериц и других подобных животных. Таких кож рептилий Соединенные Штаты закупили в 1951 году ни много ни мало 8 миллионов, Великобритания — даже 12 миллионов. Примерно половину этих кож составляют змеиные, причем принадлежат они наиболее крупным и, следовательно, почти исключительно безобидным, а не ядовитым змеям.

В общей сложности ежегодно поступает в продажу не менее 12 миллионов змеиных кож. Если бы из всех них сшить пояс, то им можно было бы опоясать весь земной шар по экватору.

Учитывая, что в теплых районах нашей планеты змей невероятное множество, есть все основания рассматривать редчайшие смертельные случаи, связанные с нападением этих рептилий, как исключение. Во всяком случае, мы,

люди, можем быть спокойны: в змеином меню мы не числимся.

А вот обратное, между прочим, утверждать нельзя: многие люди с удовольствием едят змей. Так, например, мадам де Севиньи писала в своих записках в конце XVII столетия, что именно употребление в пищу гадюк так удивительно освежает и очищает ее кровь и чудесно омолаживает организм.

Больше всего змей едят в Китае. Впрочем, и в Соединенных Штатах консервируют гремучих змей, а их свежее мясо продают в качестве особого деликатеса. Генри Равен, охотившийся на Калимантане, рассказывал, как сопровождавшие его во время охоты даяки с великим восторгом схватили питона, только что собиравшегося ускользнуть в воду. В желудке змеи обнаружили двух заглоченных свинок, так что «охотники устроили пир, во время которого подавалась даже свинина».

В Африке змеиное мясо тоже употребляется в пищу, главным образом иероглифического питона.

* * *

Случается, что с питоном расправляются и грифы. Лесничий Ж. Шентон был свидетелем того, как недалеко от Нгомы на голой, выжженной, а следовательно, лишенной укрытий равнине восемь грифов напали на одного питона. Они окружили змею со всех сторон, поочередно подсакивали к ней, клевали и проворно отскакивали назад, а змея делала бешеные броски во все стороны. Питон был тяжело ранен: в нескольких местах из его тела были вырваны целые куски мяса, и сквозь зияющие раны виднелись ребра и внутренности, даже один глаз был выклеван. Лесничий прикончил несчастное животное. Внимательно осмотрев его, он убедился, что это была вполне здоровая змея, на теле которой не оказалось никаких старых ран.

В ЮАР, в районе Иоханнесбурга, на шоссе близ Махадодорпа по вине питона произошла автомобильная катастрофа с человеческими жертвами.

А дело было так. Из-под переднего крыла машины, в которой ехали муж с женой, внезапно выползла большая змея и направилась напрямиком к женщине. Муж, стараясь спасти жену от укуса, выпустил из рук руль, и машина съехала на обочину дороги, задавив при этом насмерть местного жителя. В общей суматохе, пока возились с убитым и полиция составляла протокол, змея благополучно скрылась под кузовом машины, где спряталась в тягловом механизме. Поскольку ее так и не удалось пристрелить, машину пришлось отбуксировать в Трансваальский змеиный питомник, который находится в Халфвейхоузе. Хозяин питомника и его помощники возились целых три часа, пока им наконец удалось вытащить из машины змею, достигавшую длины 1,8 метра. Она осталась целой и невредимой.

* * *

Как-то в Серенгети леопард добыл довольно крупного питона длиной более трех метров. Он сидел со своей добычей на дереве, но каждый раз, когда к этому месту подъезжали туристы и фотографы, беспокоя его во время трапезы, он слезал с дерева со змеей в зубах и прятался в высокой траве. Когда машина отъезжала, он снова забирался на дерево.

* * *

Удавы производят на свет живых детенышей. Это означает, что яйца задерживаются в материнском организме и самка как бы «насиживает» их в себе до того момента, когда детеныши «доходят до кондиции» и готовы

к самостоятельному существованию. Такой способ производства потомства наблюдается у целого ряда рыб и рептилий*.

Самка анаконды в 5,3 метра произвела на свет в зоологическом саду 34 детеныша длиной по 70 сантиметров каждый.

Питоны же откладывают яйца — иногда по 20 штук, а то и по 70; у нас во Франкфуртском зоопарке у питонов в среднем бывает 46 яиц. Только что отложенные, они белые, мягкие, блестящие и клейкие. Но уже спустя несколько минут блеск яиц исчезает, и они склеиваются между собой, что, разумеется, значительно уменьшает их общую поверхность и способствует замедлению испарения. Через несколько часов кожура яиц отвердевает и становится как бы пергаментной. Для созревания яиц необходимы тепло и сырость; если же они даже на самое короткое время угодили в воду — все пропало.

Питоны «насиживают» свои яйца, причем самым настоящим образом. Они укладываются кольцами вокруг кладки, как бы заворачивая ее, а сверху кладут свою голову, словно на подушку.

Уже в 1841 году в Парижском зоопарке было замечено, что эти холоднокровные животные все же ухитряются согреть свои яйца. В Вашингтонском зоопарке совсем недавно с помощью очень точных термометров удалось установить, что у насиживающей самки иероглифового питона температура тела поднимается на три-четыре градуса — как раз на столько же градусов самцы холоднее самок. Если засунуть градусник между крепко прижатых друг к другу колец насиживающей змеи, зачастую обнаруживается, что разница в температуре тела змеи и окружающего воздуха превышает семь градусов. Вот в такой позе — обвившись вокруг своей кладки — самка остается лежать в течение примерно 80 дней, при этом она совсем не принимает пищи.

* * *

Молодые питоны линяют у нас в зоопарке от пяти до девяти раз в год, взрослые особи — от трех до семи раз. Кожа у змеи начинает сползать с головы. Тонкую и прозрачную, ее можно стянуть с тела змеи, словно чулок.

Если бы у нас, людей, кожа сходила бы не постепенно, в виде мельчайших чешуек и перхоти, а целиком, как это происходит со змеями, мы бы уж наверняка оставили этот процесс как можно торжественнее, окружив его всяческими ритуальными таинствами и поверьями. И уж, конечно, по радио и телевидению ежевечерне выслушивали бы десятки советов, с помощью каких мазей и притирок можно ускорить линьку, а вновь народившуюся молодую кожу сделать ярче и красивее.

Однако и змеи иногда не прочь воспользоваться посторонней помощью во время линьки. Так, в Трансваале некто Ж. Мараис заметил, как несколько пасущихся коров что-то старательно лизали на земле. Подойдя поближе, он увидел, что это был огромный линяющий питон. Змея лежала, вытянувшись, а коровы слизывали с нее кожу. Заметив приближение человека, питон немедленно уполз в укрытие.

* * *

Достигнув пяти-, шестилетнего возраста, самцы гигантских змей отправляются на поиски невест. Причем они ползут по следам самок. То, что это следы самок, они, по всей вероятности, определяют по запаху, выделяемому особыми пахучими железами, расположенными у тех в анальном отверстии. Когда встречается такая пара, они поднимают навстречу друг другу голову, ощупывают партнера языком, а уж затем спариваются. Спаривание в зоопарке продолжается обычно до двух с половиной часов.

Ни один факт не говорит о том, что в прежнее, доисторическое, время водились более крупные и мощные змеи, чем сейчас. В противоположность различным «заврам» и другим рептилиям, «золотой век» которых давно уже миновал, подотряд змей, наоборот, достиг своего пышного расцвета, по-видимому, только в самое последнее время.

Мы, люди, впервые столкнулись с гигантскими змеями, по всей вероятности, в Африке, где, судя по новейшим исследованиям, должна находиться колыбель человечества. Поначалу человек, по-видимому, не находил их столь отталкивающими и омерзительными, во всяком случае у него нет врожденного страха перед змеями. Как человеческие, так и обезьяньи детеныши в возрасте до двух лет не проявляют ни малейшей боязни при виде змей, они даже играют с ними. К пяти годам любознательность детей, а также их интерес к этим странным ползающим существам возрастает, страх же появляется позже (вероятно, под воздействием примера старших).

Люди в своем воображении превращали змей не только в дьяволов, как об этом говорится в истории происхождения человека по Библии, но и в божества. Причем гигантских змей обожествляли почти всегда.

В Дагомее служительницы культа обожествляли бога-питона и носили его во время церковных процессий на руках. Того, кто убивал питона, запирали в хижину и поджигали ее. Если несчастному удавалось без посторонней помощи спастись из горящего строения, он оставался безнаказанным.

Когда короли Нигерии заключали договоры с британцами, они неизменно оговаривали неприкосновенность питонов. Одного европейца, убившего у себя в доме питона, африканцы привязали за руки, раздели донага и оплевали с головы до ног.

Именно из мест, где иероглифовых питонов считают священными и никогда их не преследуют, поступают сообщения о том, что они убивают и заглатывают маленьких детей. Речь идет об одном из островов на озере Виктория.

В Западной Африке, в Дагомее, есть змеепоклонники, следующие заветам одного короля, объявившего еще в XIX веке питонов священными. Даже в южной части страны, сильно подверженной влиянию христианства, местные жители взимают дань за раздавленных на дорогах питонов.

Квида, местечко в 30 километрах восточнее Котону, — настоящая Мекка змеепоклонников всей Африки. В этой местности обитает наибольшее число питонов.

С одним американцем, который в 1967 году выловил здесь для продажи 1265 королевских и иероглифовых питонов, произошла большая неприятность. Жители соседних домов в Котону грозили поджечь его дом, в котором он держал пойманных змей, так что ему пришлось срочно построить себе новое жилище за городом. Но соседи явились и туда; они обклеили все стены его дома плакатами, бросали в окна камнями и устраивали настоящие демонстрации. Возбужденные демонстранты даже пытались опрокинуть машину, в которой сидела жена этого американца, и угрожали расправой его африканским помощникам.

С обожествлением змей связано и много сказок и поверий. Утверждают, например, что питоны убивают только быков, а коров щадят. Это потому, что они, мол, любят обвиться вокруг коровы кольцами и выдавливать из ее вымени молоко. То же самое якобы они проделывают в Непале с кормящими матерями.

Рассказывают, что гигантская змея, случайно попавшая на какое-то судно, так сдавила бочку с водой, что железные обручи упали на палубу.

Говорят также, что в случае опасности питоны на некоторое время заглатывают собственных детенышей, что-

бы спасти их от врагов, а затем, когда угроза минует, их отрыгивают.

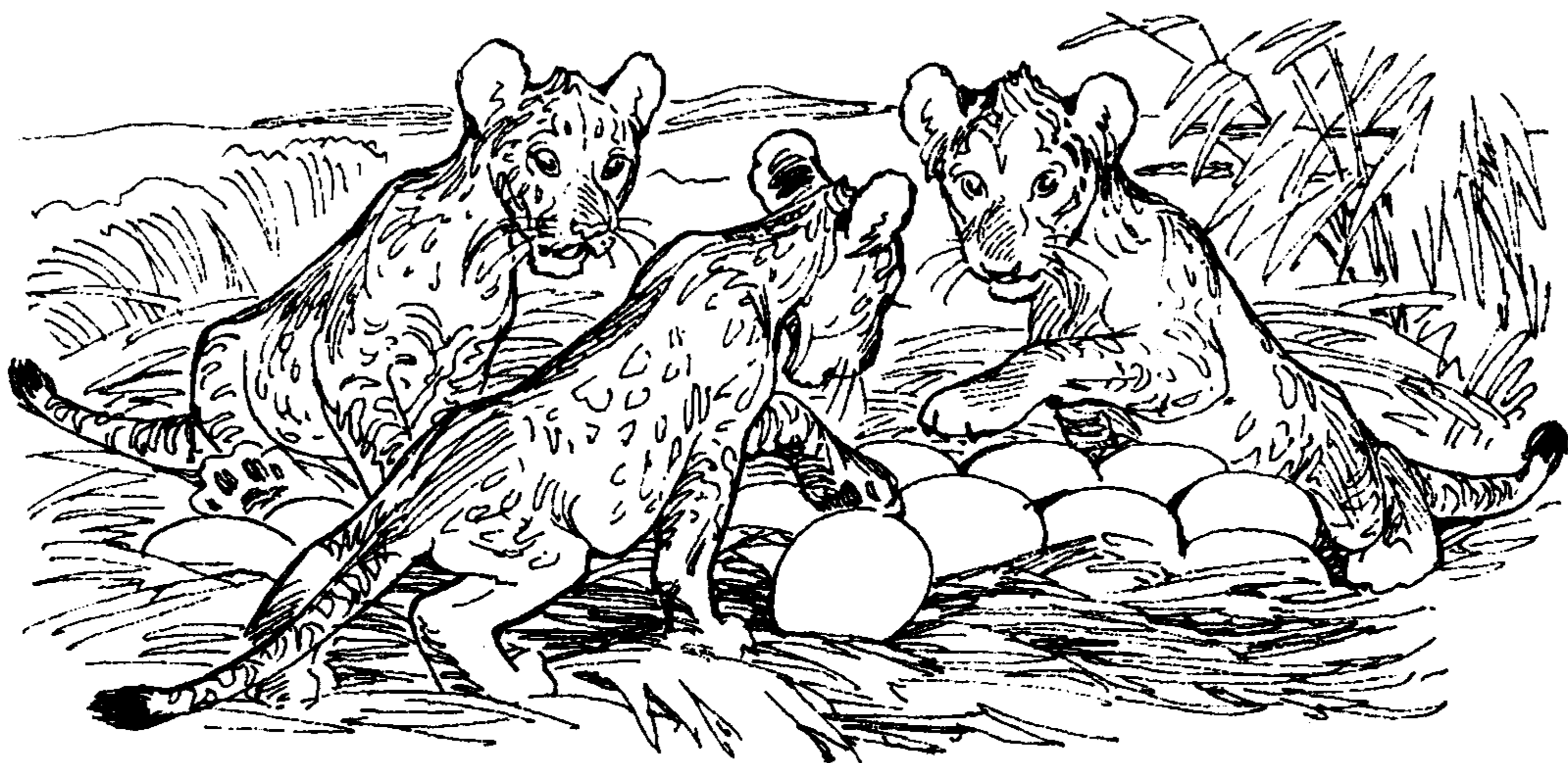
Одна миссионерская газетенка рекомендовала: если на вас нападает змея, ложитесь на землю и замрите, пока она будет вас обнюхивать. Но как только змея начнет натягивать себя на ваши ноги и дойдет до коленей, незаметно вытащите из кармана нож и распорите ей сбоку рот.

Племена, живущие возле горы Меру в Танзании, верят в то, что умирающий питон под конец будто бы выплевывает драгоценный камень. Когда же такого камня не оказывается, то все присутствующие при кончине змеи начинают обвинять друг друга в краже.

Степи Африки и джунгли Индии и Малайского полуострова при наших средствах связи никоим образом нельзя считать очень уж отдаленными и затерянными где-то на краю земли. Если в наши дни где-нибудь кого-то схватит и проглотит змея, то уж будьте уверены, что о таком страшном и волнующем событии сейчас же появятся сообщения на страницах всей мировой печати. А поскольку мы не только за последние годы, но и за десятки лет ничего подобного нигде не читали, следовательно, такие происшествия никогда, или почти никогда, не случались.

Поэтому можно смело утверждать, что такие великаны, как боа и питоны, для нас, людей, практически довольно безобидны.

Глава пятая ПТИЦА СТРАУС

Счастье не рыба — сетью
не выловишь.

Африканская поговорка

Если кто-нибудь сегодня захочет подарить своей подруге сумку из кожи страуса, он вовсе не должен терзаться угрызениями совести по поводу того, что способствует истреблению этой самой большой птицы на земле. Кожу эту теперь получают большей частью не от диких страусов, а со страусовых ферм ЮАР, которые после временного упадка вновь вошли в полную силу. На сегодняшний день на этих фермах содержат 42 тысячи страусов. Страусовые фермы есть и во Флориде, но там этих крупных птиц содержат в основном для показа туристам.

В конце прошлого и начале текущего столетия разведение страусов было одним из наиболее прибыльных ви-

дов бизнеса в Южной Африке. Еще до Первой мировой войны за одного хорошего производителя платили до 30 тысяч марок. Правда, в те времена интересовались не кожей страусов, а их перьями. К 1910 году, например, ежегодно вывозилось 370 тысяч килограммов перьев, в то время как за 70 лет до этого вывозили лишь 1000 килограммов. Перья эти не выщипывают (как, например, у кур или гусей), а аккуратно срезают у самой кожи.

Хорошенько разбежавшись, страус может подпрыгнуть на добрых полтора метра в высоту. Поэтому изгороди на фермах должны быть не ниже двух метров. И вообще агрессивных страусов-самцов необходимо всячески остерегаться. Так, в Ганноверском зоопарке страус одним ударом ноги согнул толстый железный прут под прямым углом. Другой страус, во Франкфуртском зоопарке, погнался за служителем, подцепил его одним пальцем ноги за одежду и рванул ее с такой силой, что сорвал с несчастного все, вплоть до нижнего белья. Но этого ему показалось мало, и он еще забросил раздетого служителя на проволочную изгородь.

В то же время на прирученных страусах взрослый мужчина может кататься верхом, и птица при этом даже не слишком-то напрягается.

Доктор Клаус Иммельман, проведя несколько ночей в нашем павильоне для страусов, сделал очень интересное открытие. Ему хотелось выяснить, когда и как страусы спят. Птицы сидели ночью на полу по семь, а то и по девять часов; шея при этом оставалась в вертикальном положении, хотя глаза и были закрыты. Сидя в таком полудремотном состоянии, страусы меньше реагируют на посторонние шумы или движения, чем когда бодрствуют. Они более десяти раз встают для выделения помета или мочи (которые у страусов в отличие от кур и большинства других птиц выделяются не одновременно, хотя и через одно и то же отверстие). Если страусы целый день проводят на ногах, они, устав, кладут голову на верхний

край изгороди или прислоняют ее к чему-нибудь, и тогда глаза у них невольно закрываются.

До наблюдений Иммельмана никто не знал, что страусы, засыпая, могут класть шею на пол, вытянув ее во всю длину. Делают они это за ночь только от одного до четырех раз и не дольше чем на одну-две, самое большее 16 минут. Только в такие минуты страус по-настоящему впадает в глубокий сон. В это время его можно фотографировать со вспышкой, стучать о пол, заговаривать с ним вполголоса, он даже не пошевелится. Лежа в такой позе, страусы протягивают назад ноги, которые в обычном сидячем положении подогнуты под живот. Однако в столь глубокий сон птицы никогда не впадают все одновременно, кто-то всегда «дежурит». Так происходит, видимо, и на воле, хотя никому еще не удавалось в природных условиях увидеть крепко спящих страусов.

Но описанную выше позу у страуса приходилось наблюдать и раньше, только при других обстоятельствах. Когда страус от кого-нибудь удирает, то может случиться, что он внезапно исчезнет из поля зрения. Если пойти за ним следом, то можно обнаружить, что он сидит на земле, прижав к ней вытянутую шею.

Отсюда, видимо, возникла сказка о птице страусе, которая прячет голову в песок и думает, что ее не видно. Первыми ее записали древние арабы, а за ними в течение столетий ту же небылицу повторяли римляне и многие другие сочинители книг. Особенно охотно принимают эту позу страусы-подростки. Но стоит к ним подойти поближе, как они мгновенно вскакивают и стремглав кидаются прочь.

Недавно орнитологам Ингрид и Рихарду Фауст удалось во Франкфуртском зоопарке вывести страусят в инкубаторе и вырастить их без родителей. Страусята, которые ростом с хорошую курицу, с самого начала требуют к себе большого внимания и заботы. Именно поэтому их до сих пор почти никогда не разводили в зоопарках. Это кажется несколько удивительным: ведь на фермах же вы-

водят огромное количество страусят. Но нельзя забывать, что там это происходит в климатических условиях их родины, а кроме того, воспитание страусят полностью возложено на родителей*.

Страус-самец — преданный и чадолюбивый папаша. Он выкапывает себе углубление в песке и садится в него. После чего страусиха кладет яйца ему под нос, а он старательно закатывает их под себя. Одна самка в природных условиях откладывает до восьми яиц. Насиживание длится около 40 дней. Несмотря на жару вокруг, температура в гнезде поддерживается между 35 и 41,5 градуса. Кладку страусам приходится не обогревать, а скорее охлаждать и оберегать от высыхания.

В национальном парке Найроби видели, как несколько страусих отложили в гнездо одного и того же страуса в общей сложности 42 яйца. Разумеется, он не смог покрыть своим телом такую кучу яиц, и поэтому из всей огромной кладки вылупилось всего 16 страусят.

Страус-папаша насиживает с послеобеденного времени до позднего утра, так что страусихе-мамаше приходится сидеть на гнезде гораздо меньше, чем ему.

Если у других животных отстрел самцов не наносит стаду существенного ущерба, то у страусов наоборот. Оставшиеся в живых самцы не в состоянии насиживать всю массу яиц, которую им подсовывают. Оставить же часть яиц без внимания и ограничиться высиживанием какой-то небольшой толики, на это у страуса, к сожалению, ума не хватает. Все это приводит к тому, что порой страусята вообще не выводятся.

Как-то одна страусиная семья, обосновавшаяся в национальном парке Найроби, попала в неприятную историю. Самец сделал непростительную глупость, устроив гнездо в таком месте, которое хорошо просматривалось с автомобильной дороги. В результате он и его страусиха непрерывно были окружены автотуристами, которые подъезжали на расстояние двух-трех метров и снимали несчастных

птиц на фото- и киноплёнку. Но поскольку обитающие в национальных парках животные не считают человека своим врагом, страусы выдержали это нашествие.

Но однажды к кладке подобралась львята. Они начали играть с яйцами, катали их по земле, словно бильярдные шары, и раскатили довольно далеко в разные стороны. С большим трудом страусу удалось их снова собрать в свое гнездо. И он упорно продолжал насиживать. Трудно даже поверить, но из яиц вылупились страусята!

Страусенок подает голос еще из яйца, до выклева. И родители ему отвечают.

Страусы-самцы умеют издавать прямо-таки львиный рев и рычание. Чтобы издавать эти звуки, они выдавливают воздух из дыхательного горла в рот, крепко зажимают клюв и загоняют этот сжатый воздух назад, в пищевод, который сильно раздувается. При этом вход в желудок тоже зажимается, и воздух не может туда проникнуть. Голая красная шея вздувается, как баллон, и далеко по округе разносится глухой, раскатистый рев.

Красивое шелковистое оперение страуса — источник всех его несчастий. Древние египтяне считали страуса символом справедливости, потому что перо его делится стержнем на две равные половины, в то время как перо любой другой птицы разделено стержнем на более узкую и широкую часть, а следовательно, «несправедливо». Но те же древние египтяне уже заметили, что эти перья могут служить прекрасным украшением.

До тех пор пока страусовые перья красовались только на шляпах средневековых рыцарей, диких страусов еще было довольно много. Но когда в прошлом столетии эти перья вдруг вошли в моду у дам, для страусов настали тяжелые времена.

Из Северной Африки они исчезли совершенно. В Иране и Аравии их тоже невозможно стало найти. Последнего страуса в Аравии видели в 1900 году. А на севере Саудовской Аравии на самой границе с Ираком последне-

го страуса застрелили, кажется, в 1933 году. По рассказам других очевидцев, в 1948 году на стыке границ Ирака и Саудовской Аравии снова увидели двух страусов, которых немедленно уложили.

Страус не исчез еще с лица земли только благодаря страусовым фермам. Ведь с животными, ставшими жертвами моды, это обычно случается неимоверно быстро. И чем реже они начинают встречаться, тем выше поднимаются цены на мех или на то, что они еще «поставляют». Наконец это животное становится настолько редким, что за него платят уже какие-то фантастические суммы. Возможность получить такой баснословный барыш толкает некоторых алчных людей неделями, месяцами и даже годами преследовать последнюю дикую норку, шиншиллу или соболя, забираясь за ними в самую непролазную чащобу. Когда же удастся развести тот же вид животного в неволе, то шкурки его постепенно становятся все дешевле, и вскоре уже теряет всякий смысл заниматься трудоемким и небезопасным преследованием последних диких экземпляров. Так что смело можно утверждать, что шиншиллы, нутрии, черно-бурые лисы, норки и соболи только потому еще сегодня существуют на земле, что люди в последний момент спохватились и научились разводить их в неволе.

Первая страусовая ферма была организована в 1838 году на юге Африки, за ней возникли фермы в Алжире, Сицилии, во Флориде. А в самый разгар моды на страусовые перья такую ферму можно было найти даже в Ницце.

Тот, кому впервые приходится держать в руках страусовое яйцо, всегда удивляется: как «узник» такого яйца без посторонней помощи способен выбраться из своей крепкой тюрьмы? Скорлупа страусового яйца прочностью может поспорить с фарфоровой посудой, и, чтобы разбить ее, нам приходится прибегать к помощи пилы и молотка. Весит оно от полутора до двух килограммов, следовательно, столько, сколько весят 25 — 36 куриных яиц. Страусовые яйца вполне съедобны, у них нет никакого непри-

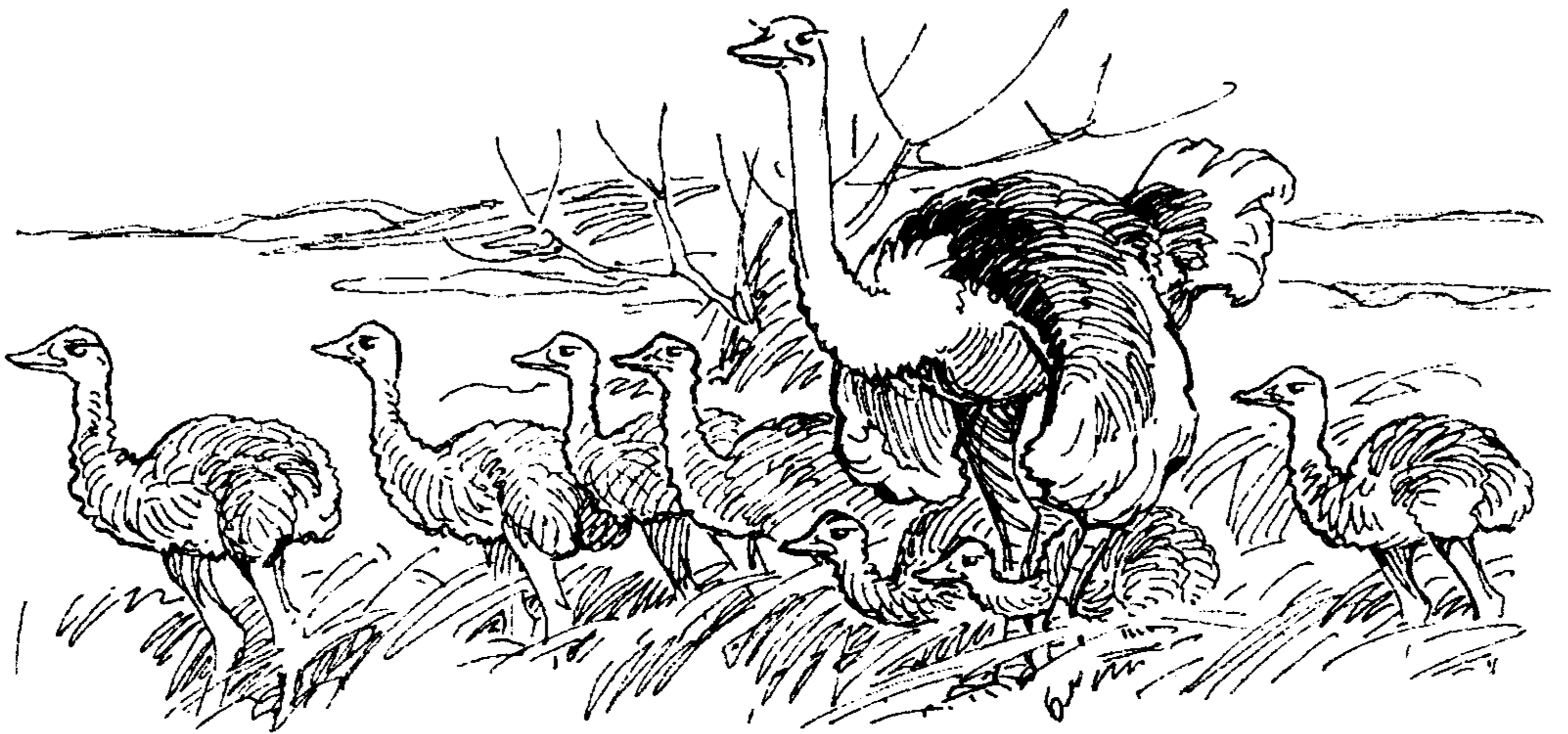

ятного запаха, и вообще-то по вкусу они ничем не отличаются от куриных.

Даже пролежав целый год в холодильнике, это яйцо остается свежим и сохраняет свои вкусовые качества. Из яйца страуса очень просто приготовить омлет или яичницу. Чтобы сделать большую красивую глазунью, нужно сначала отделить белок от желтка, положить на сковородку круг из металлической ленты и, облив его белком, поджарить, оставив внутри круга место для желтка. Желток выливают на сковородку, когда белок уже почти готов. Чтобы страусовое яйцо сварилось вкрутую, его нужно держать в кипящей воде около двух часов.

Страусята вылупляются после 42 дней насиживания и начинают расти как грибы: каждый день по сантиметру. Как только у них появляется способность твердо стоять на ногах, они тотчас же принимаются исполнять те же сумасшедшие танцы, что и взрослые: птица внезапно срывается с места, опрометью бежит куда-то, кружится вокруг своей оси, бьет крыльями и в завершение садится на землю. Воодушевить страусов на подобные танцы может даже появление самолета.

Страусята, выросшие в доме как домашние животные (в Африке это иногда практикуется), бегают за своими хозяевами, словно преданные собачки. Когда такое семейство

отправляется купаться, молодой страус смело бросается вслед за людьми в воду и плавает там, как утенок.

В Серенгети страусы приступают к насиживанию в сентябре, а к Рождеству уже расхаживают со своими страусятами.

Страусы — отличные бегуны. Эти огромные птицы (высотой до 2,5 метров) во время бега, шутя и играя, делают шаги в три с половиной метра. Если поехать вслед за бегущим страусом на машине, то по спидометру можно проследить, что он без особого напряжения в течение четверти часа или даже получаса выдерживает скорость в 50 километров в час. Другие дикие животные, как правило, способны быстро бегать только на короткие дистанции. Страусы же могут в отдельных случаях развивать даже скорость в 70 километров в час. У них должны быть исключительно выносливые сердца.

Сердца у них к тому же еще и мужественные, когда этого требуют обстоятельства. Не так давно мы повстречали страуса и страусиху с восемью страусятами. Вдруг откуда ни возьмись выскочила гиена и хотела схватить одного страусенка. После небольшого переполоха родители тут же разделили свои функции: страус собрал вокруг себя птенцов, а страусиха ринулась на гиену, прогнала ее и преследовала еще целый километр.

Когда то же самое семейство мы встретили несколько дней спустя, в нем осталось только шесть страусят.

Супруги-биологи профессор Франц Зауэр и доктор Элеонора Зауэр из университета во Флориде проводили наблюдения за живущими на воле страусами и выяснили много интересного и нового относительно их жизни и повадок. Для того чтобы незамеченными подобраться поближе к этим осторожным и недоверчивым птицам, исследователи прятались в искусно изготовленные «кочующие» термитники.

На юго-западе Африки страусы живут не только в открытой саванне, но и в почти лишенной растительности песчаной пустыне, в густых зарослях колючего кустарника и даже на крутых скалистых нагорьях. Но там, где нет открытых водоемов, этим птицам грозит неминуемая гибель, потому что потребность страуса в воде не могут удовлетворить даже растения с повышенным содержанием влаги.

Страусам удается выращивать своих страусят в любое время года (хотя бы парочку). Помимо своей обычной растительной пищи страусы не брезгают и низшими животными, и даже мелкими позвоночными, за которыми охотятся, выделявая замысловатые зигзаги.

Несколько семей страусов нередко объединяются в сообщества, насчитывающие иногда до 600 особей. Тем не менее внутри таких огромных сообществ всегда можно отчетливо различить отдельные гаремы.

Приближаясь к чужой группе, страус неизменно принимает позу «подобострастия» и «подчинения» — опускает хвост и низко склоняет голову. Таким образом, не возникает драк и создается возможность для новых знакомств. Одна семья иногда может принять к себе маленьких птенцов или подростков из другой семьи. Бывает, что объединяются несколько папаш с детьми подросткового возраста и такой «страусовый интернат» по нескольку дней и недель кочует по окрестностям. Каждая стая для

своего излюбленного купания в песке выкапывает углубление в почве и устраивает нечто вроде общественной бани.

По наблюдениям, сделанным супругами Зауэр, страусы живут как моногамными семьями, так и гаремами, смотря по обстоятельствам. Споры самцов из-за самок в период спаривания и погоня самцов за самками часто выливаются в целые массовые представления с бешеными танцами, в которых принимает участие вся стая.

Обычно же у одного самца бывает одна основная и две «побочные» самки. Основная самка терпит присутствие побочных, и все вместе откладывают свои яйца в одно гнездо. Но как только яйца отложены, основная, «законная супруга», как правило самая старшая и поэтому более опытная, немедленно отгоняет «побочных» жен от гнезда.

Когда наступает время брачных игр, самец, хлопая крыльями, сманивает или просто отгоняет выбранных им самок от общего стада в сторонку. Основная самка помогает ему прогнать подросших к этому времени детей. Затем новая семья перекочевывает на выбранный для насиживания участок, который рьяно защищает от вторжения посторонних страусов. В период брачных игр самец выбирает то одну, то другую самку и отходит с ней пасть отдельно от остальных. При этом парочка начинает синхронизировать свои движения. Страусы только делают вид, что щиплют траву, на самом же деле они стараются согласовать все свое поведение. Если им это не удастся, брачный танец обрывается, и парочка возвращается в стаю. Но в случае удачи самец все более и более возбуждается, поднимает то левое, то правое крыло, бросается на землю и мощными ударами крыльев поднимает вокруг себя вихри песка; шеей он в это время совершает быстрые спиральные движения. При этом он без конца издает глухие звуки, а самка кружит вокруг него в «позе подбострастия» — с волочащимися по земле крыльями. Ког-

да же самец внезапно вскакивает, она тотчас бросается на землю, а он, хлопая крыльями, покрывает ее.

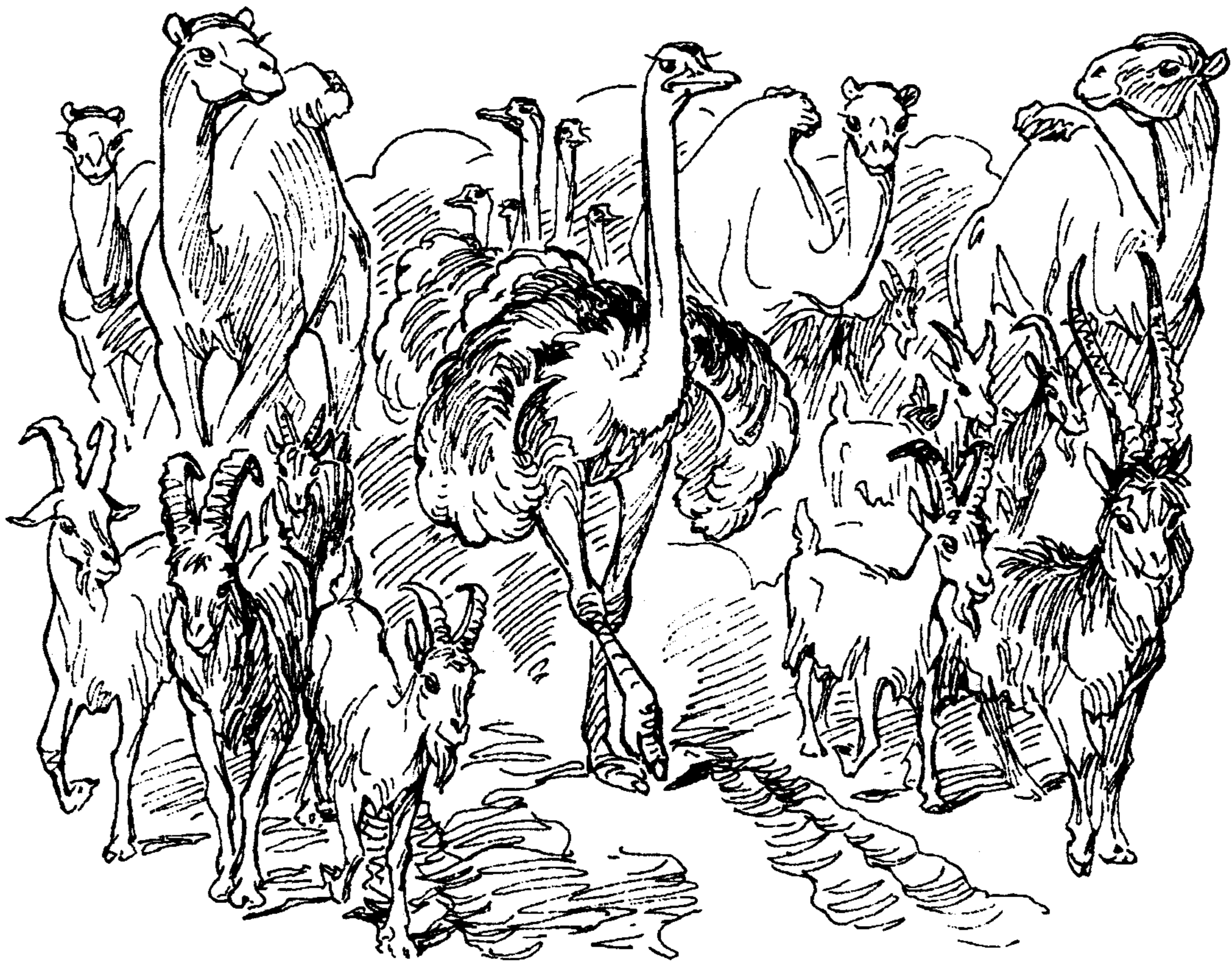
Во время Первой мировой войны в Южной Африке ни у кого не было возможности охотиться за страусами. А поскольку за эти годы страусовые перья вышли из моды и стали очень дешевыми, то было решено избавиться от слишком расплодившихся птиц и открыть на них свободную охоту.

Сразу же нашлись предприимчивые люди, которые начали гоняться за ними на машинах, отстреливая их стаями. Часто после одного такого сафари они возвращались с 400—500 шкурками, из которых затем изготавливались модные тисненные бумажники и дамские сумочки. А вот 100 или 150 килограммов мяса, которые дает такая большая птица, никто забирать не желал, особенно когда убитому страусу было около 30 лет. Разлагающиеся трупы страусов отравляли зловонием всю окрестность, потому что гиены и грифы не в силах были справиться с такой неожиданной благодатью.

Когда в зоопарке нужно полечить страуса, достаточно бывает натянуть ему на голову чулок; после этого он сейчас же прекращает всякое сопротивление и покоряется своей судьбе.

В некоторых зоопарках, где посетителям разрешается кормить животных, уже не раз бывали большие неприятности с этими птицами, потому что они заглатывали самые невероятные предметы. В желудках погибших страусов при вскрытии находили не только монеты, гвозди и половинки подков, но даже перочинные ножи; а один страус выпил полведра зеленой масляной краски, так что ею были залеплены весь его желудок и кишечник.

Старик Карл Гагенбек* во второй половине прошлого века закупал антилоп и страусов, отловленных в районе Суэца (тогда они еще водились в тех местах). В те времена не было грузовиков, и большинство отловленных

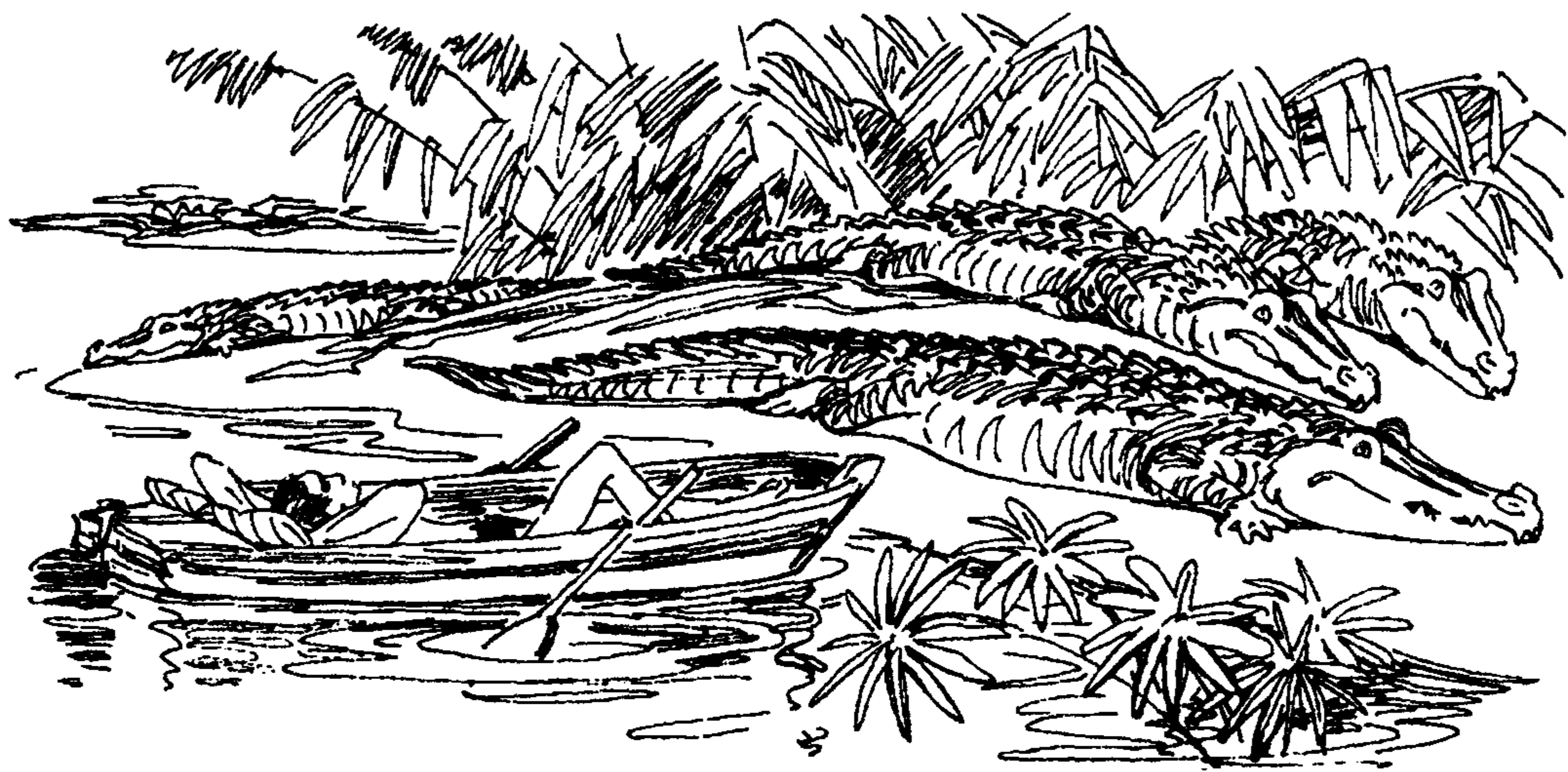
животных гнали в караванах пешком к побережью. Сейчас нам даже трудно поверить, что жирафов, например, вели просто на поводке!

В один прекрасный день, когда Гагенбек со своими помощниками стал загонять 16 недавно закупленных страусов в сарай при гостинном дворе, птицы вырвались и с невероятной быстротой умчались прочь. Одному из помощников Гагенбека пришла блестящая идея погнать вслед за беглецами стадо коз, овец и верблюдов, с которыми страусы в течение многих недель путешествовали в караване. И действительно, возбужденные беглецы моментально успокоились, как только увидели этих животных. Сначала они окружили караван полукругом и, хлопая крыльями от восторга, исполнили свой сумасшедший танец. Затем они преспокойно присоединились к общему

шествию и направились вместе с ним к вокзалу. Страусы так покорно шли между козами и дромадерами, как будто их вела какая-то невидимая сила. Ведь они именно так, без всякой привязи, проделали сорокадвухдневное путешествие от Кассалы до Суакина.

Когда караван достиг вокзала, страусов без особого труда удалось поймать и погрузить в специально выделенный для них вагон.

Глава шестая

КАК МОЙ АВТОМОБИЛЬ ПЛАВАЛ СРЕДИ КРОКОДИЛОВ

Когда огромный баобаб упадет,
по нему могут скакать даже совсем
маленькие козы.

Африканская поговорка

Человек испытывает к различным животным отнюдь не одинаковые чувства: по-разному мы относимся к дождевому червю и слону, к амебе и шимпанзе. И уж, конечно, те животные, которых мы можем зажарить и съесть, нам намного симпатичнее тех, которые сами могут съесть нас... Мне, например, никогда не встречались любители животных, увлекающиеся крокодилами, несмотря на то что в Древнем Египте их почитали за божества. К слову сказать, крокодилы отнюдь не так уж опасны, как расписывают во многих приключенческих романах.

Мой знакомый лесничий Франк Попплетон каждое утро переплывал Виктория-Нил, реку, известную своими крокодилами, и тем не менее его ни разу эти животные не тронули. А вот его африканскому помощнику крокодил однажды совершенно изуродовал ногу. Когда же в Африке крокодилы еще встречались в массовом количестве, они иногда утаскивали и пожирали людей.

Так, в сентябре 1962 года три сына фермера Вильяма Кокса в возрасте трех, восьми и двенадцати лет купались в реке Кабуэ, близ Хинголы. Вдруг плававший там же британский полицейский инспектор Джон Максвелл, к своему ужасу, заметил, как к купающимся детям бесшумно подплыл четырехметровый крокодил. Максвелл был отличным пловцом, он моментально нырнул и успел одного за другим выбросить детей на торчащий из воды валун. Самому же ему уйти не удалось: огромный крокодил схватил его за ногу и потащил под воду. Однако Максвелл сумел, уже под водой, выдавить крокодилу оба глаза, после чего тот его выпустил. Молодая храбрая африканка Маломи прибежала на его крики, пересилив страх, вошла в воду, хотя сама не умела плавать, и вытащила обессилевшего от потери крови Максвелла на берег. Левую ногу ему пришлось ампутировать. А спустя месяц Максвелла привезли в Англию, где его наградили медалью Святого Георга.

В таких случаях африканцы часто проявляют неслыханное мужество и удивительную готовность прийти на помощь. К сожалению, в юношеской приключенческой литературе на Западе эти качества всегда приписываются только краснокожим, то есть индейцам, в то время как они не в меньшей степени присущи и африканцам, но об этом несправедливо редко упоминается в книгах.

Несколько лет назад мне самому довелось зашивать разорванную крокодилом руку молодому биологу Яну Паркеру, который пытался на мелководье поймать не-большого крокодильчика.

Я должен сознаться, что не люблю купаться в водоемах, где водятся крокодилы. Даже если их сверху не видно, они могут быть где-то поблизости, потому что взрослый крокодил способен больше часа находиться под водой и не дышать.

* * *

Но даже то, чего не любишь, может все же привлекать интерес. Туристы, отправляющиеся сегодня в национальные парки Африки, обязательно хотят видеть крокодилов, несмотря на то что они вызывают у них отвращение и страх. А крокодилов-то и нет! Ведь их можно считать уже почти вымершими животными. Они сделались жертвами моды. Дело в том, что с тех пор как в моду вошли дамские сумочки, туфли и перчатки из крокодиловой кожи, за каждый ее сантиметр стали платить немалую сумму. Так, например, в одном только 1952 году из Танганьики (теперешней Танзании) было вывезено 12 509 крокодиловых шкур.

Самые замечательные старые крокодилы сохранились теперь в Африке только в Уганде в национальном парке Мерчисон-Фолс. Когда едешь на моторном катере из туристского отеля вверх по стремительному и широкому Виктория-Нилу по направлению к знаменитым Мерчисонским водопадам, то можно увидеть дюжины этих «степенных джентльменов», греющихся на солнце возле берега и на песчаных косах. Они давно привыкли к лодкам с посетителями и не обращают на них никакого внимания (впрочем, так же ведут себя и кафрские буйволы, слоны, бегемоты и носороги). Это, по сути дела, единственное место не только в Африке, но и на всем земном шаре, где еще можно на воле фотографировать крокодилов.

Много лет назад я лежал здесь часами в одних плавках в маленькой лодчонке и наблюдал за этими чудови-

щами. Так приятно печься под прямыми лучами экваториального солнца и посматривать на этих зеленовато-серых, уже немолодых лентяев! А они в свою очередь поглядывают на меня. Тишина. Время от времени в воде всплескивает какая-нибудь большая рыба, мимо проплывают зеленые пучки нильского салата, и такая на тебя нападет истома, что забываешь про кинокамеру; эти старые ленивцы все равно лежат на берегу без движения и снимать их неинтересно. А ведь некоторые из них уже вылупились из яиц в то время, когда еще ни один белый человек не видел верховьев Нила! По всей вероятности, они помнят и первого британского путешественника Самуэля Бэкера, проплывавшего по этой реке 80 лет назад вместе со своей юной женой — красавицей венгеркой в длинной макси-юбке. Ведь крокодил по достижении 20 лет ежегодно прибавляет в росте только 3,6 сантиметра; следовательно, гигантам, длина которых превышает 5,5 метра, больше 100 лет! Самый большой крокодил, застреленный в этих местах, достигал длины 6,3 метра. Уж такого в квартиру не затащишь! Из живота другого здешнего крокодила недавно извлекли пятиметрового питона, а один из наших лесничих два года назад наблюдал случай, когда крокодил подкрался к группе из пяти львов, спустившихся на водопой, схватил одного подростка и утопил.

* * *

В то же время этих страшилищ нельзя назвать прожорливыми. При своем малоподвижном образе жизни они расходуют очень мало энергии. Биолог Г. Б. Котт исследовал желудки 263 крокодилов. У 55 процентов из них в желудках не оказалось никакой пищи или были обнаружены лишь непереваренные остатки в виде шерсти, чешуи, когтей и так далее; при этом 68 процентов из тех,

у кого желудки были наполнены, принимало пищу совсем недавно. У нас в зоопарке крокодил за 150 дней поглощает лишь столько мяса, сколько сам весит, в то время как, например, пеликан в один «присест» набивает в себя огромную массу рыбы, вес которой может составить одну треть его собственного веса. Следовательно, крокодилов никак не назовешь обжорами.

Национальный парк Мерчисон-Фолс в Уганде издавна славился как «крокодилий рай». Недаром зоологи, изучавшие жизнь этих гигантских ящериц, всегда стремились побывать там. Так было еще несколько лет назад. Правда, и теперь на Виктория-Ниле еще можно встретить крокодилов, но с каждым месяцем их становится все меньше и меньше. Соблазненные высокими ценами на крокодиловую кожу, жители рыбацких поселков на озере Киву занимаются браконьерством. Ночью они тайком пробираются в лодках по Виктория-Нилу, ослепляют спящих на берегу крокодилов прожектором и либо стреляют в них, либо закалывают копьями. Правда, на берегах специально для охраны поселили смотрителей парков, но практически они бессильны: увидев с берега браконьеров, они должны проехать на вездеходе 20 — 30 километров до лодочной станции и только потом догонять нарушителей на моторном катере. За это время те успевают не только исчезнуть в кустах, но и спрятать свои лодки. Смотрители не раз жаловались мне на свою вынужденную неоперативность. «Как жаль, что на автомобиле нельзя проехать по реке, а на моторной лодке — по кустарнику», — сказал мне как-то смотритель Жан Витер.

Тогда-то мне и пришла в голову счастливая мысль, как им помочь. У нас в стране одна фирма выпустила автомашины, на которых можно ездить по воде. Это настоящая находка в борьбе с браконьерством в Уганде! На такой машине можно быстро ехать вдоль берега и, завидя подозрительные фигуры, прямо въезжать в воду. Тогда браконьеры не успевают скрыться. Даже если они побро-

сают свои лодки и побегут по берегу, их можно преследовать и вылавливать, освещая лучами фар. Такое приобретение, безусловно, придаст бодрости духа работникам парка в их бесконечной борьбе с браконьерством. Во всяком случае, это дело стоит того, чтобы его испробовать.

Решено. Я заказываю такую машину и сразу же переправляю ее в Момбасу, в Кению. Мой оператор Алан Рут принимает ее там и гонит своим ходом тысячу километров до Уганды. Когда я после девятичасового полета приземлился на аэродроме в Энтеббе (так быстро теперь туда можно добраться из Европы!), он уже встречал меня в этой весьма элегантной красной машине. Я погрузил туда свои чемоданы, откинул верх, и мы двинулись к национальным паркам.

Наш автомобиль мчался по проселочной дороге со скоростью 110 километров в час. Своим красивым и модным видом он выгодно отличался от обычного вездехода. Когда мы останавливались у бензоколонок, нас сразу же окружала толпа африканцев, которые присаживались на корточки и заглядывали под нашу машину; они тут же замечали, что сзади между колесами имеется два винта. Их удивлению не было границ: ведь они еще ни разу не видели автомобиля, который мог бы ехать и по воде. Когда же я в шутку сказал, что на этой новинке можно еще летать по воздуху, они легко в это поверили.

Автомобиль действительно оказался превосходным: когда мы его опробовали в канале Казинга в национальном парке Куин-Элизабет, а также в озере Эдуард, выяснилось, что на нем совсем не обязательно въезжать в воду осторожно; очень скоро мы научились влетать туда на полном ходу, поднимая целый фонтан брызг. Для того чтобы переключить двигатель с колес на гребные винты, нужно только повернуть рычаг, а управление осуществляется тем же рулем, который дает направление передним колесам.

Трудно себе представить удивление и испуг людей, едущих на пароме, когда я обогнал их и сделал пару «кругов почета». Обе дверцы моего автомобиля достают до воды, однако они закрыты герметически. При переходе с суши в воду их прижимают еще крепче специальной рукояткой.

* * *

Конечно, такой автомобиль-амфибия — превосходная игрушка для взрослых мужчин.

Семья бегемотов принимает мою «амфибию» за лодку, и самец грозно бросается мне навстречу. Но видя, что я спокойно продолжаю свой путь между ними, все 20 толстокожих предпочитают предусмотрительно скрыться под водой. По пузырькам, лучами расходящимся по поверхности, я узнаю, где они сейчас находятся. Дело в том, что, когда бегемоты бегут по дну, они взбаламучивают своими толстыми ногами придонный ил, и пузырьки газа из него поднимаются к поверхности.

Но один самец, оказывается, не удрал — он здесь, подо мной. Я внезапно чувствую, как колеса наезжают на что-то круглое и скользкое. Потом меня приподнимает кверху... Но автомобиль не лодка, его не так-то просто опрокинуть, и тут обычный трюк рассерженного бегемота не пройдет!

Помню, как несколько лет назад на конголезской (заирской) стороне озера Эдуард бегемотиха атаковала мою железную лодку. Правда, опрокинуть ее ей не удалось, но африканец, сидящий на борту лодки, описал в воздухе круг и шлепнулся прямо на клык, торчащий из широко разинутой пасти толстокожего. Человек сильно поранил себе ягодицу, но преследовать и кусать его бегемот не стал: они вообще редко нападают в воде на людей.

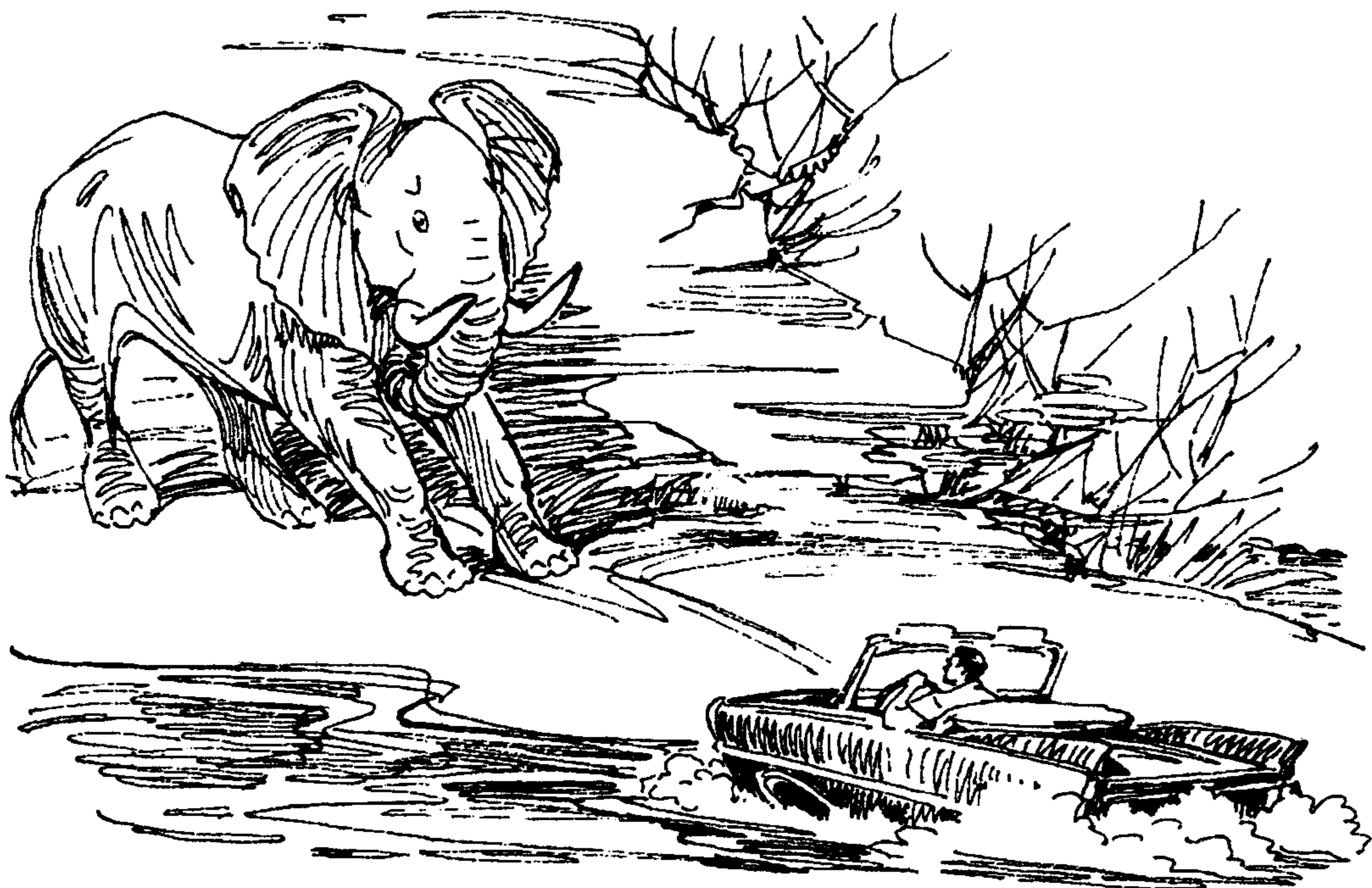
А вот из эдакой машины меня не удастся выкинуть ни одному даже самому сильному толстокожему! Я сижу

удобно и прочно на мягком сиденье и поистине наслаждаюсь «победой человеческой техники над силами природы». Скверно было бы, только если бы приподнявшему мою «амфибию» бегемоту вздумалось пробить своим клыком дырку в обшивке, тогда эта штука легко пошла бы ко дну. Но бегемот настроен не столь агрессивно, он не так уж всерьез рассержен.

Все это неожиданное происшествие с бегемотом Алан успел заснять на кинолентку. Мой оператор находится в гораздо более опасном положении: сидит в настоящей скорлупке — деревянной лодчонке с подвесным мотором, да еще вместе с молодой женой Жоан. Корма лодки едва возвышается над водой, так что Жоан все время приходится вычерпывать воду. Вот если бегемоту вздумается зацепить их суденышко, они имеют шанс быстро промокнуть! Поэтому-то они и стараются держаться на почтительном расстоянии от этих чудовищ и пользоваться телеобъективами.

* * *

Я дерзко подъезжаю прямо к группе слонов, пьющих воду у самого берега: ведь мне известно, что они обычно стараются преследовать своих врагов на суше, а не в воде. Несмотря на то что я заблаговременно выключил мотор и подплываю к ним бесшумно, верзилы забеспокоились. Они отступают, топчя мягкий прибрежный песок, взволнованно поводят своими огромными ушами и быстро исчезают, ловко взобравшись по поросшему кустарником откосу. Сразу же все стихает, словно их здесь и не было. Но одному самцу, пасшемуся отдельно за песчаной косой, пришлось со мной познакомиться поближе. Он оказался столь легкомысленным, что зашел по мелководью на очень узкую полоску пляжа, за которой поднималась отвесная стена берега, слишком гладкая, для того чтобы по ней мог взобраться даже такой хороший скалолаз, как

слон. Вернуться назад он уже не решился, потому что я и мой красный автомобильчик не внушали ему доверия. Он продолжал отступать вдоль отвесной стены, пока ему не преградило дорогу большое дерево. Таким образом этот дуралей попал в ловушку. Памятуя, что лучший способ обороны — это наступление, он, громко трубя, делает несколько угрожающих шагов мне навстречу. Однако, заметив, что красная штуковина и не думает от него убегать (на что он, видимо, втайне надеялся), слон снова теряет присутствие духа и отступает. Окажись он похрабрее, я не уверен, что смог бы так быстро включить мотор, чтобы вовремя отъехать. Наконец, полный отчаянной решимости, он совершает прорыв: быстро с поднятым хвостом проскочив мимо меня, он исчезает в кустарнике на более отлогом месте.

Когда от вас в панике убегают такие великаны, вы начинаете казаться себе значительно внушительнее; во всяком случае, пробираясь по африканским зарослям пешком, я держу себя гораздо скромнее...

Это прекрасное «автомобильное чувство» меня не покидает, и я наслаждаюсь им, удобно устроившись на мягком сиденье. Только на мелком месте надо быть осторожным: винт может застрять в песке. Дело не в том, что он сломается — винты вмонтированы высоко между задними колесами и потому не достают до дна; даже если и застрянешь, нетрудно высвободиться, надо только пустить в ход задние колеса. Однако на переключение двигателя и снятие с мели уходит некоторое время, и, если в этот момент на берегу стоит возмущенный кафрский буйвол и делает угрожающие движения в вашу сторону, вы начинаете чувствовать себя несколько неуютно. Если при подобных обстоятельствах внутрь машины попадает вода, то достаточно потянуть за соответствующую ручку, и заработает электрическая помпа, которая мгновенно ее выкачает.

Мне совершенно непонятно, каким образом в такой надежной посудине двое недавно ухитрились утонуть. Это случилось возле Гамбурга. Вероятно, у них был закрыт верх и они в панике не могли его открыть. Я же предусмотрительно езжу в открытой машине, что для меня совсем непривычно. Ведь обычно здесь, в Африке, мы пользуемся закрытыми вездеходами, где сидишь, как в домике, и откуда в случае необходимости можно вылезти через верхний люк на крышу.

* * *

Семейство львов ничего не имеет против моего визита и даже разрешает осторожно проехать между львицами и их детенышами. Они ведут себя так же, как и все другие современные львы в национальных парках. Эти животные все меньше обращают внимания на назойливых посетителей, приезжающих на машинах.

Львы не только не нападают на вас, но даже не рычат, они просто не удостоивают вас вниманием. Вы не

существуете для них, вы что-то вроде надоедливых мошек. Если они улеглись в тени, то никакой вездеход и даже 20 туристов не в силах вынудить их подвинуться хотя бы на один метр, для того чтобы их можно было сфотографировать при солнечном освещении. Львица не обращает на вас никакого внимания, ее взгляд лениво скользит мимо; вы можете кричать, свистеть, топтать ногами — она даже не повернет головы. Если какой-нибудь лев и посмотрит в вашу сторону, то создается впечатление, что он смотрит сквозь вас, вы для него пустота, воздух.

Многие люди очень тяжело переживают такое пренебрежение. Им хочется бросаться камнями и ругаться, чтобы заставить царя зверей удостоить их хоть беглым взглядом. Однако это большая желтая кошка поднимается, проходит в полуметре от задних колес вашей машины и исчезает за ближайшим холмом.

Львы, которых я обнаружил здесь, прямо среди голой степи, нисколько не заинтересовались моей красной машиной, хотя, безусловно, никогда еще не видели такой сверкающей диковины (такова уж их невозмутимость). Это три взрослые львицы с подростками и одним совсем маленьким, примерно четырехмесячным, детенышем. Я утешаюсь тем, что заинтересовал собой хоть «беби». Он отделяется от общей группы, разглядывает меня и обходит вокруг моей красной «амфибии». Может быть, теперь мамаша забеспокоится о нем и подойдет, чтобы приглядеть за своим малышом? Ничуть не бывало. Я продолжаю оставаться пустотой для нее, хотя она сидит так близко, что при желании я мог бы дотянуться до нее рукой.

И в то же время среди здешних львов есть какой-то преступник. Прошлой ночью на границе национального парка впервые за 50 лет был съеден один человек. Он ловил рыбу, задержался и пришел слишком поздно к пограничной заставе, где его уже не пропустили через границу. Пограничники предложили ему переночевать в ближайшем домике у проезжей дороги. Обитатели хижины

ничего не имели против, только не согласились взять в комнату ведро с пойманной снулой рыбой. Боясь оставить свой улов без присмотра, этот человек решил заночевать на крыльце. На другое утро его не нашли. Кровавый след вел в кустарник. Там в луже крови лев оставил лишь руку и ногу несчастного.

Но это из ряда вон выходящий случай. Для спасения чести львов я должен сказать, что чаще здесь бывает наоборот: за последнее десятилетие бесчисленное множество львов было раздавлено автомашинами на дороге, ведущей через парк Куин-Элизабет. За два дня до трагического происшествия с рыболовом грузовик врезался прямо в группу отдохавших львов, одного убил, а остальных покалечил.

Моя «амфибия» привела в необычайный восторг американских туристов, и они усиленно уговаривали меня продать ее им. Но мы с моим другом Обри Бакстоном решили подарить ее Угандинскому национальному парку. Будем надеяться, что с ее помощью африканскому директору парка Френсису Катете удастся полностью покончить с браконьерством.

Для успешной борьбы с браконьерством на Виктория-Ниле Франкфуртское зоологическое общество подарило ему еще и моторную лодку.

* * *

Спустя несколько месяцев я получил от своего оператора Алана Рута письмо следующего содержания:

«Теперь я уже выбрался из больницы, но чувствую себя еще паршиво, вся рука от самого плеча до кисти опухла и болит. Случилось это со мной в национальном парке Меру, в палаточном лагере Джой Адамсон. Недалеко от лагеря я обнаружил африканскую гадюку длиной примерно в 1 метр 20 сантиметров, которую и поймал, для

того чтобы показать ее Джой и одной американке, сопровождавшей нас в поездке. Я открыл гадюке пасть и выдавил немного яда, чтобы показать дамам, сколько за один раз может выделяться яда у таких змей. Затем я опустил змею на землю, потому что молодая американка должна была перезарядить пленку. Когда же я снова хотел поднять змею и схватил ее за шею, она была уже настолько обозлена, что резко вывернулась и укусила меня за руку.

Поскольку меня десять лет назад уже кусала такая змея и мне вводили противозмеиную сыворотку, я знал, что новое вливание в таком случае может оказаться противопоказанным. Поэтому я решил выждать с этим делом, чтобы сначала выяснить, сколь опасным будет для меня этот укус. Так как я у этой змеи предварительно уже выдавил часть яда, то полагал, что у нее осталось его не так уж много. Однако рука быстро опухала, сознание мое мутилось и к горлу подступала тошнота. Тогда Жоан вкатила мне три шприца (30 кубических сантиметров) сыворотки, и мы вылетели на самолете в Найроби.

Как мы и ожидали, мой организм очень резко прореагировал на противоядие — меня вырвало, дыхание и сердцебиение начали катастрофически учащаться. Когда мы добрались до больницы в Найроби, врач решил, что мое состояние вызвано змеиным укусом, и добавил мне в вену еще 10 кубиков сыворотки. Я сейчас же впал в шоковое состояние, и тогда уж им, чтобы спасти мою жизнь, пришлось срочно вводить в меня антигистамины, кортизон, адреналин и кислород.

В последующие три дня мое состояние все ухудшалось. Кисть чудовищно раздулась и покрылась огромными пузырями, наполненными кровью. Вся рука распухла, посинела и стала толщиной с мою ляжку. Большие кровяные опухоли ползли от подмышки через всю лопатку почти до поясницы, а спереди — до шеи. На четвертый день процент гемоглобина у меня упал до 36—40, что считается самой нижней границей. Тогда мне перелили

2,2 литра крови, после чего я почувствовал себя значительно лучше.

С этого дня дело пошло на поправку. Для моего дальнейшего лечения Жоан вызвала профессора Дэвида Чэпмана, специалиста по лечению от укусов змей, который и прилетел на самолете из ЮАР. Его консультация имела для нас большое значение, потому что в эти первые четыре ужасных дня здешние врачи явно уже склонялись к тому, чтобы отнять поврежденную руку. В ней перестал прослушиваться пульс, а пальцы до того опухли и деформировались, что казалось, я уже никогда не смогу ими пользоваться. Однако теперь, спустя четыре недели после укуса, рука почти приняла свои прежние размеры, и даже кисть каким-то чудом стала приходить в норму. Хотя она еще несколько отечна и болит, тем не менее большой палец и три других стали почти нормальными, я ими двигаю, и в них даже восстановилась чувствительность. Зато указательный палец, в который, по-видимому, глубоко вонзился ядовитый зуб, выглядит неважно. Вся кожа и мясо до самых сухожилий изъедены ядом. В течение ближайших недель его будут латать новой кожей. И только позже выяснится, будет ли он в дальнейшем представлять для меня какую-либо ценность.

Помнишь, ты рассказывал мне о том, как тебя укусил за палец шимпанзе. Я заметил, что ты совершенно свободно владеешь этой рукой, хотя средний палец и не сгибается. Должно пройти, наверное, не меньше двух месяцев, пока я снова смогу хоть как-то пользоваться своей рукой. Хотя у меня уже иссякает терпение, но я понимаю, что должен быть благодарен судьбе, что хоть так отделался.

С сердечным приветом от нас обоих

Алан».

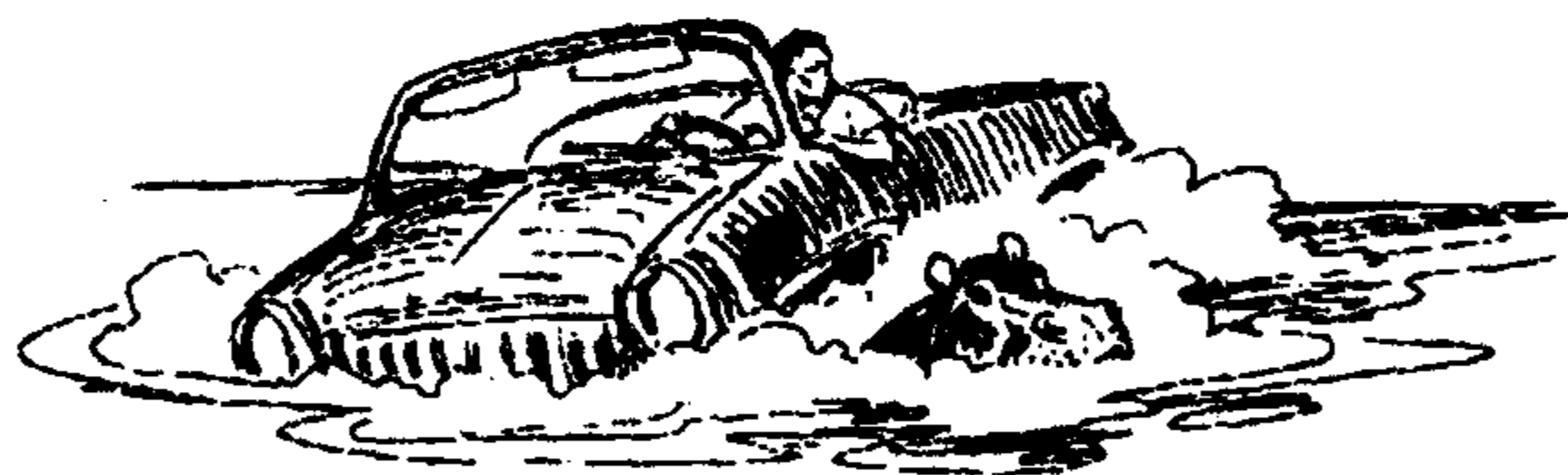
Указательный палец все же пришлось отнять. А поскольку двигательные функции большого пальца восстановились лишь частично, мой друг Алан был вынужден еще

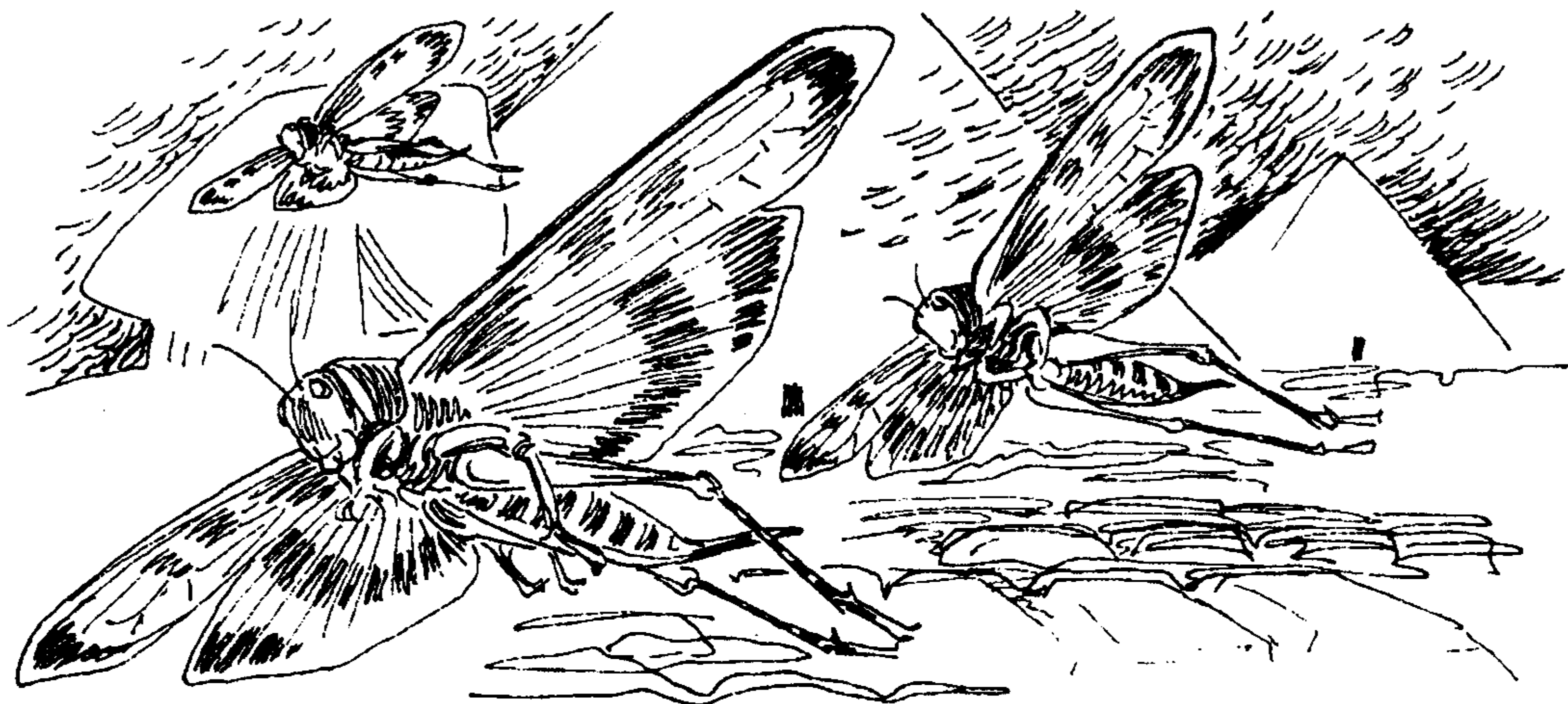
на два месяца вылететь в Англию, где ему повторно прооперировали руку, на сей раз с блестящим результатом.

Когда он вернулся в Африку и все знакомые с жалостью стали разглядывать его изуродованную кисть, на которой не хватало одного пальца, он каждого отводил в сторону и совал ему в руку отрезанный, окровавленный палец, который он якобы законсервировал и привез с собой на память. Знакомые, особенно дамы, вскрикивали, а Алан получал при этом маленькое удовольствие: оказывается, он специально раздобыл себе в Лондоне искусственный палец из мягкой пластической массы для таких «веселеньких шуточек».

Вскоре мне пришлось побывать в Ботсване в болотах Окованго. Тесть хозяина дома, где я остановился, пятидесяти одного года от роду, как раз за четыре недели до этого участвовал в крокодильей охоте, во время которой его укусила за руку ядовитая мамба. Случилось это за 350 километров от его жилища как раз в тот момент, когда он собирался залезть в лодку. Спустя полчаса после укуса он сам впрыснул себе противозмеиную сыворотку, но от волнения разбил одну из двух имеющихся у него ампул. К сожалению, пострадавший решил сесть за руль и самостоятельно добраться домой. В дороге он умер.

Все это означает, что в Африке и в наши дни при определенных обстоятельствах по вине змей могут произойти несчастные случаи. Однако у обычных туристов мало шансов встретить в Африке живых змей. Они могут увидеть их разве что раздавленными на шоссе.

Глава седьмая

САРАНЧОВЫЕ НАБЕГИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Когда бьют собаку, имеют
в виду ее хозяина.

Африканская поговорка

«И тогда Господь Бог сказал Моисею: простирай свои руки над Египтом, призови саранчу, чтобы она спустилась на землю и пожрала все растения, которые не успел добить град. И Моисей сделал это, и Господь заставил раскаленный ветер дуть целый день и последующую ночь; и когда наступило утро, этот ветер принес с собой саранчу, которая и спустилась на Египет и размножилась там в таком количестве, что наводнила собой все провинции Египта. И все растения в стране были полностью уничтожены, и все плоды на деревьях, — все, что не успел добить град, так что во всем Египте на полях не осталось никакой зелени».

Сегодня мы воспринимаем сообщение об этом народном бедствии, записанное в Ветхом Завете, как легенду. Но совершенно напрасно: саранча* сейчас, как и прежде, опустошает огромные территории нашей планеты. Еще в 1873, 1874 и 1875 годах полчища саранчи долетали до самой Германии. Отправным пунктом их большей частью были области, расположенные возле Черного и Каспийского морей. Четырехкрылые полчища пересекали Польшу, Галицию и добирались не только до Силезии и Бранденбурга, но даже до Франции и Англии. Однажды в герцогстве Бранденбургском на площади в 2 тысячи гектаров было собрано 4425 четвериков¹ саранчи, что составляет ровно 250 тысяч литров. На Кипре же во время нашествия саранчи ее было собрано в десять раз больше. Во Вроцлаве и Готе в память о саранче были отчеканены специальные монеты. В 1879/80 году на юге России приходилось наглухо запираить дома, чтобы массы саранчи не проникли внутрь. Улицы были буквально завалены этими насекомыми, и пройти было совершенно невозможно. В некоторых городах приходилось фильтровать воду, потому что все каналы и водопроводы были запружены мертвой саранчой. Люди не могли печь хлеб, потому что и все печи в пекарнях были забиты массами насекомых. В донских степях прекратилось движение поездов, так как рельсы покрывал толстый слой раздавленной саранчи и в этой жиже колеса буксовали, словно в масле.

В 1955 году армия саранчи, растянувшись на 250 километров в длину и на 20 километров в ширину, напала на Южное Марокко. Такое же нашествие повторилось и в 1961/62 году, причем борьба с саранчой была сильно затруднена из-за дождей, которые размыли глинистые дороги, сделав их непроходимыми для машин. Поэтому вредителям за пять дней удалось поразить площадь в

¹ Четверик — старая мера зерна.

500 тысяч гектаров и нанести убыток более чем на миллиард франков. В Соусской долине была уничтожена пятая часть всех сельскохозяйственных угодий, а на остальных четырех пятых — половина всего урожая. За пять дней саранча сожрала 7 тысяч тонн апельсинов, годовое потребление этих фруктов во всей Франции. Чтобы оправиться после нанесенного ущерба, стране понадобилось около пяти лет. Но за это время успели прилететь еще новые полчища. Некоторые из них опустошали по 150 квадратных километров площади. Правда, с этими полчищами удалось справиться более или менее легко: против них было брошено 25 самолетов с инсектицидами. А если бы не эти новейшие средства защиты растений да благоприятная погода, все плантации цитрусовых между Атласом и Антиатласом были бы уничтожены.

А в 1966 году все южноафриканские поезда приходили с опозданием из-за того, что рельсы были покрыты слоем мертвой саранчи. Сотни автомобилей дено и ночью подвозили инсектициды для спасения ферм Оранжевой провинции. На этот раз борьба с насекомыми обошлась в 5,6 миллиона марок.

* * *

Из существующих на земном шаре свыше 10 тысяч видов саранчи только пять предпринимают столь дальние и массовые кочевки, а именно: *Schistocerca gregaria*, *Locusta migratoria*, *Schistocerca paranensis*, *Locustana pardalina*, *Nomadacris septemfasciata*.

Все же остальные скачущие и стрекочущие виды этого насекомого живут поодиночке и избегают более тесного общения (кроме разве брачного периода). Но и кочующие виды саранчи живут обычно тихо и мирно на одном месте. Страсть к путешествиям нападает на них лишь время от времени и только на тех, которые живут в опре-

деленных районах. Только оттуда являются обычно эти прожорливые полчища.

После того как это выяснили, уже удалось кое-что сделать в борьбе с саранчой.

Саранча становится половозрелой только спустя несколько недель или месяцев после последней линьки, когда у нее вырастают крылья. Большинство видов в это время изменяет свою окраску: самки становятся соломенно-желтыми, самцы — лимонно-желтыми. Самки и самцы многих видов находят друг друга лишь по стрекотанию: пока самец пиликает свою песенку, самка идет на его зов в нужном направлении, но, как только он замолкает, она тотчас же теряет ориентацию и блуждает вслепую. Различная тональность и манера «пения» позволяют представителям разных видов отличать своих от чужих и не спариваться с особями другого вида. Что касается кочующих видов, то там бывает так много особей и держатся они столь скученно, что самкам и самцам нет надобности искать друг друга по пению.

После того как самцы оплодотворят самок, те начинают откладывать яйца в почву. Для этой цели у них на конце туловища имеется упругий яйцевод, состоящий из четырех хитиновых колец; благодаря растягивающимся кожным прокладкам между отдельными кольцами он может заметно увеличиваться. Своим яйцеводом самка раскапывает в земле ямку, откладывает туда от 30 до 100 яиц и закрывает их сверху пенной пробкой, пропускающей воздух. Одна самка после одного оплодотворения способна отложить десять таких кладок.

Места, где зреет в земле это чудовищное множество вредителей, легко можно отличить по белым точкам из пенных пробок. Так, в Алжире в 1890 году во время нашествия саранчи удалось уничтожить 560 миллиардов яиц и 1450 миллиардов только что вылупившихся личинок. А если к этому еще прибавить яйца, оставшиеся в убитых самках, то можно считать, что в общей сложности на до-

вольно ограниченном участке было уничтожено 2720 миллиардов штук саранчи.

Спустя 50 или 60 дней после откладки яиц (в зависимости от влажности и тепла) вся земля покрывается мириадами маленьких (длиной примерно в 8 миллиметров) насекомых, ползающих наподобие червяков. Для того чтобы свободно передвигаться, они вынуждены вначале освободиться от пленки, окутывающей их тело. Как только им это удастся, они сразу же отправляются огромными массами в совершенно определенном направлении, причем во время своего похода преодолевают самые различные преграды: переползают через холмы, спускаются в овраги, форсируют даже реки. Потери бывают, разумеется, огромны, но их так много, что это не играет никакой роли. Во время своего пешего похода личинки пожирают все, что попадается на их пути. После пяти линек они достигают трехсантиметровой длины, и у них прорезаются зачатки крыльев. Летать, однако, они еще пока не способны.

Перед своей последней линькой саранча, бесконечно ползая по деревьям и объедая листья и плоды, разыскивает себе наконец на какой-нибудь ветке твердый упор и застывает. Ее новая кожа, будущий хитиновый панцирь, еще сморщенная и сложенная, скрыта под старой оболочкой. А оболочка эта постепенно становится слишком тесной. В один прекрасный день под кожей на спине появляется вздутие из крови и воздуха, и оболочка трескается «по шву» — вдоль всей спины. Медленно, очень медленно оттуда выползает саранча в окончательном своем обличье. Но крылья ее еще свернуты в трубочку на спине, словно сложенный парашют. Но постепенно они расправляются и разглаживаются. Наконец саранча готова. Она взмахивает крыльями. Но до того момента, когда она будет способна к размножению, должно пройти еще три недели, а иногда многие месяцы.

* * *

Еще первый греческий летописец Геродот, живший 2400 лет назад, сообщал о том, что жители пустыни собирают саранчу, сушат ее и размалывают, а полученную муку смешивают с молоком и едят.

Брем же утверждал, что саранча малопитательна и на вкус просто отвратительна. Тем не менее и сегодня, если вы приедете в какой-либо оазис Сахары, вам непременно предложат наряду с сушеными финиками и хрустящую, обжаренную в растительном масле саранчу. Прежде чем ее есть, необходимо отломить ей голову, крылья и нижнюю часть ножек. На вкус она отнюдь не противна, а, наоборот, довольно приятна; кроме того, она богата жиром и питательна, а благодаря набитому растительной массой кишечнику в ней, безусловно, много витаминов. Ее неприятный запах пропадает, как только смешаешь ее с молоком. Иоан Креститель, который, как известно из Библии, 40 дней путешествовал по пустыне, питаясь одной саранчой и медом, вел, как теперь выясняется, отнюдь не столь уж аскетический образ жизни. Мука из саранчи и на сегодняшний день остается единственным продуктом питания кочующего по пустыне племени таурегов.

* * *

Исследователь саранчи Франц Кольманшпергер утверждает, что саранча в южных частях Сахары не нуждается в питьевой воде, но она не может голодать и должна непрерывно питаться. Объясняется это тем, что саранча способна добывать воду даже из сухой растительной массы. Поэтому она пожирает и полусохшие растительные ткани.

Хитиновый покров у саранчи в противоположность многим насекомым водонепроницаемый и поэтому не пре-

пятствует испарению. Такое постоянное довольно интенсивное испарение выполняет роль своеобразной холодильной установки, с помощью которой саранча может создавать в организме собственный микроклимат.

Вот почему эти насекомые так невосприимчивы к жаре и могут опускаться на раскаленную (до 58 градусов) почву.

Как выяснил во время своих опытов Р. Чепман, личинки кочующей саранчи шистоцерки (*Schistocerca gregaria*) выбирали для себя по «температурной шкале» температуры не ниже 32 градусов и не выше 43 (температурная шкала — это аппарат, в котором животные, перемещаясь, могут выбирать такое место, где температура для них наиболее благоприятна). Все до одного исследованные им виды кочующей саранчи предпочитали температуру около 40 градусов.

Некоторые местности, особенно теплые, влажные, с обильным растительным покровом, превратились в настоящие рассадники саранчи. Это относится, например, к долине Руква на юго-западе Танзании, составляющей часть Большого Африканского Грабена. Оттуда уже неоднократно поднимались целые армады этих вредителей и летели на юг Африки.

Именно из-за них в этом отдаленном районе еще в 1950 году поселили около дюжины европейских служащих, построили для них дома, проложили дороги, мосты и устроили посадочные площадки для самолетов. Ведь самое лучшее, что можно придумать, — это уничтожать саранчу сразу на том месте, где она выходит из яиц, не дожидаясь, пока она совершит налет на сады и поля.

По наблюдениям Р. Чепмана, красная кочующая саранча (*Nomadacris septemfasciata Serville*) никогда не поднимается в воздух при температуре ниже 18 градусов и очень редко — при температуре ниже 22 градусов; охотней всего она взлетает при температуре от 29 до 35 градусов. Когда скорость ветра приближается к трем метрам

в секунду, саранча перестает летать. Насекомые эти редко поднимаются выше семи метров. Если ветер слабый, саранча способна лететь против него, если же ветер сильней, она предпочитает лететь туда, куда он дует. Так что бывают случаи, когда саранча из одной и той же стаи в разных слоях воздуха движется в противоположных направлениях.

После последней линьки саранча, почувствовав у себя за спиной крылья, первым делом совершает несколько пробных полетов по кругу, возвращаясь к своей стартовой площадке. Только когда примерно вся стая соберется вместе, саранча улетает в далекие края. Улетает саранча в тех случаях, когда на ее родине вполне достаточно зеленого корма.

Что гонит ее вдаль? Что заставляет кочевые виды саранчи, особи которой в обычных условиях избегают друг друга, объединяться в столь массовые полчища и улетать неизвестно куда?

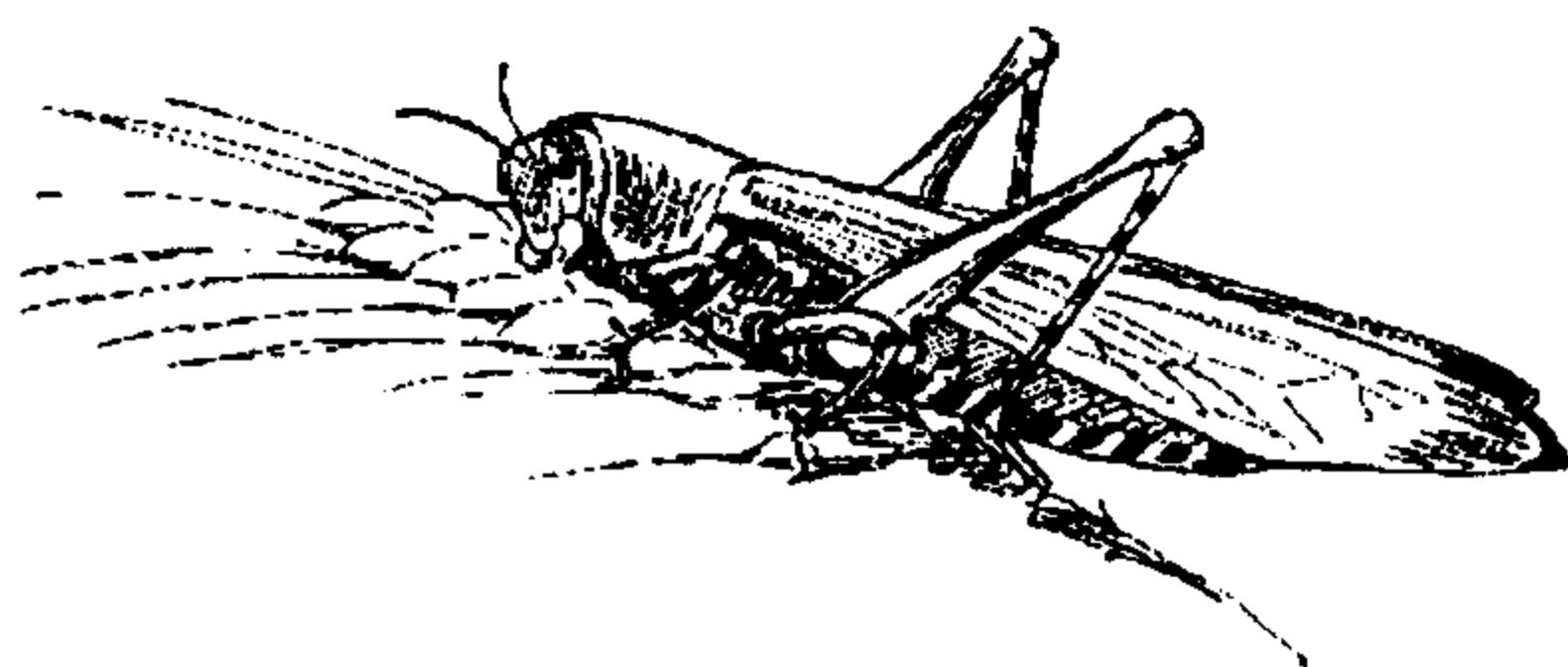
По мнению исследователей Фауре, Хусаина и Матхура, все дело в плотности саранчового населения. Чем чаще встречаются друг друга представители одного и того же вида саранчи, тем легче они превращаются из одиночно живущих насекомых в солдат массового войска.

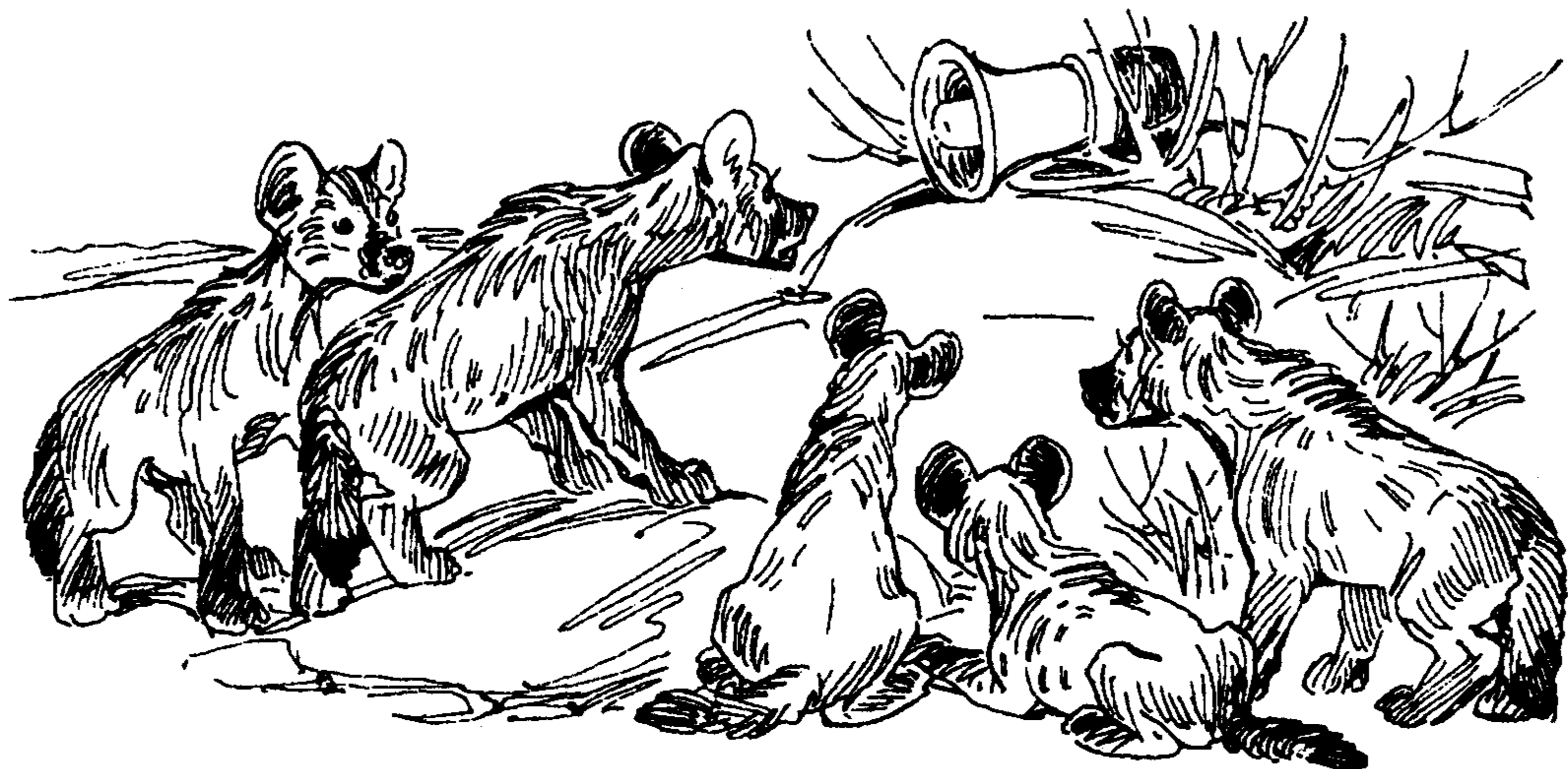
Исследователи держали много личинок оседло живущих видов саранчи в одном общем помещении, и что же? Они тоже превратились в массовую кочующую форму.

Но происходит это не сразу, тем более на воле. Во всяком случае не в первом же поколении. В первом поколении сначала уменьшается число линек — их становится шесть вместо обычных семи. Различия между самками и самцами делаются менее заметными, личинки становятся темнее. И только уж из яиц этого поколения выходят насекомые — любители дальних странствий. И точно так же для превращения кочующего поколения в оседлое между ними должно пройти еще одно промежуточное поколение.

Удивительно, что даже только что родившиеся личинки кочующей формы стараются держаться сообща, а личинки оседлых форм стремятся разбежаться в разные стороны.

Кочевки саранчи определенно не бесцельны. Она ищет наиболее благоприятные места для размножения. Так, перелетев через Сахару, насекомые откладывают свои яйца в Марокко начиная с марта и по июнь, затем летят на юг и на этот раз откладывают яйца уже в степных краях Южной Сахары и в районе реки Нигер, но теперь уже с июля по октябрь. А ее полчища, залетавшие в Центральную Европу, плачевно кончали свое существование.

Глава восьмая

ИЗМЕНИТЕ СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ГИЕНЕ

Если бы солнце вставало в полночь, выяснилось бы, что не одна только гиена плохая.

Африканская поговорка

Я всегда находил гиен довольно милыми созданиями, а некоторых из них даже очень симпатичными. Когда с ними поближе пообщаешься, они становятся абсолютно ручными и доверчивыми. Но я всегда отдавал себе отчет в том, что это мое мнение мало кто разделяет... Даже в самом последнем издании «Жизни животных» Брема Людвиг Гек описывает их как «уродливых, несуразных и неуклюжих пожирателей падали и костей». Но тут я должен возразить, что поедание падали — еще не повод для отвращения к какому-либо животному. Я ведь сам питаюсь «падалью», и вы тоже. Потому что все мы, как пра-

вило, не сами убиваем тех животных, мясо которых едим. Большинство из нас даже и не способно это сделать.

Принято считать, да к тому же часто можно услышать и от фермеров, и от бывалых охотников, что хитрые и трусливые гиены всегда ждут, пока львы, леопарды и другие смелые хищники загонят антилопу, и затем стараются утащить у них кусок добычи или подбирают остатки с «барского стола». И действительно, нередко можно увидеть такую картину: львы пожирают зебру, а вокруг собрались гиены, шакалы и грифы, которые следят за ними голодными глазами, однако терпеливо ждут, пока цари зверей закончат свою трапезу.

У некоторых много работавших в Африке исследователей, в том числе и у меня, иногда закрадывались сомнения в правильности общепринятого мнения о гиене. Ведь вот уже в течение 150 лет из одной книги в другую коцует версия о том, что это животное — трусливый поедатель остатков чужой добычи. А так ли это на самом деле?

И тогда мы с моим другом Аланом Руттом решили проделать следующий опыт. Мы записали голоса львов и гиен на магнитофонную пленку и потом воспроизводили их через громкоговоритель, вешая на дерево в разных местах саванны.

И тут выяснилось нечто совершенно ошеломляющее. Не гиены интересовались львиным рычанием над поверженной жертвой, а львы немедленно сбегались к месту, откуда доносилась похожая на смех «перебранка» гиен, жадно и поспешно разрывающих свою добычу.

Этим звукам не в силах противостоят ни один лев. Они прекращают свое любимое «занятие» — ленивое «ничегонеделанье», встают, потягиваются и направляются туда, откуда раздается пронзительный визг гиен.

На голоса гиен мы приманивали к своему «фольксвагену» целые группы львов, мы даже уводили их за собой

на вершины холмов. А ведь сюда не залезают ни носороги, ни жирафы, ни антилопы, следовательно, никогда не заходят и львы. Кстати, именно поэтому на одном из таких холмов, используемых в Амбосели-парке для обозрения туристами окрестностей, установлен щит со следующей надписью: «Будьте осторожны. Выходить из машины разрешается только на этом месте».

Мы заманивали львов как раз под этот щит, так опрометчиво гарантирующий туристам безопасность, и ради шутки делали снимки, которыми потом пугали своих знакомых.

Когда гиена чувствует себя одиноко и ищет общения с членами своей стаи, она низко опускает голову и издает протяжный, не очень громкий звук. Когда мы этот записанный на пленку звук воспроизводили между скалами, на него сейчас же сбегалось пять или шесть гиен и удивленно окружало громкоговоритель.

Но как только гиены загонят какую-либо жертву и во время трапезы начнут издавать свою возбужденную хихикающую брань, то можно быть уверенным, что незамедлительно появятся и львы, которые отгонят гиен от их законной добычи и примутся за нее сами. Гиенам же удастся прогнать львов крайне редко. Такой случай наблюдали в Мукуми-парке в Танзании, правда, из одиннадцати львов восемь были подростками. Гиены, скрываясь в высокой траве, подкрадывались все ближе и ближе, пока неуверенный в себе львиный молодняк не струсил и не отступил. Обычно же гиенам приходится отступать от своей добычи, стоять вокруг и ждать. А поскольку они охотятся, как правило, по ночам, то мы, явившись утром, обычно уже застаем возле убитой зебры львов, а не гиен. Отсюда и возникло неверное представление об этих животных как о подбирателях падали.

Наши опыты с записью голосов говорили как раз об обратном. Однако это были лишь предположения, а для

естествоиспытателя имеют значение только твердые доказательства.

И вот такие доказательства совсем недавно появились. Нашли их двое молодых голландских натуралистов — доктор Ганс Круук и его жена, работавшие в Серенгети в знаменитом кратере Нгоронгоро.

Теперь нам придется в корне переменить свое мнение о гиенах. Прежде всего этой паре пришлось пожертвовать несколькими ночами, главным образом светлыми, лунными. Ведь до сих пор за гиенами наблюдали только днем, что и привело к неверному суждению о них. А у пятнистых гиен жизнь в основном кипит именно ночью.

Огромный кратер Нгоронгоро как нельзя лучше приспособлен для проведения подобных наблюдений. В нем обитают всегда одни и те же животные, которые, как правило, никогда не выбираются наружу по его 500-метровым отвесным склонам. А поскольку в кратере давно уже не охотятся, живущие там 4 тысячи зебр, 10 тысяч гну и многие другие животные становятся все более доверчивыми и почти не обращают внимания на машины и наблюдающих за ними людей.

Словом, Нгоронгоро — это огромный зоопарк со свободно живущими в естественных условиях дикими животными. Обитатели же примыкающих к кратеру бескрайних равнин Серенгети отнюдь не столь доверчивы, потому что во время своих постоянных кочевок они в определенные сезоны года выходят за границы национального парка и сталкиваются там с браконьерами и охотниками.

Пятьдесят из всех гиен Нгоронгоро Гансу Крууку удалось усыпить наркотическими зарядами и маркировать ушными метками, чтобы потом иметь возможность узнавать каждое отдельное животное «в лицо». Из 50 меченых пятнистых гиен через полгода сохранилось 45, причем на тех же местах, где им в предыдущем полугодии были вдеты в уши метки.

Вот что удалось таким путем выяснить. Территория кратера Нгоронгоро, занимающая 250 квадратных километров, поделена гиенами на восемь индивидуальных участков. Каждый участок принадлежит одной стае гиен, насчитывающей до 80, а то и до 100 голов. Покинуть границы такого участка может изредка лишь самец, самки же этого никогда не делают. Пропавшие пять меченых животных были как раз самцами, притом молодыми.

Гиены, как правило, охотятся только на своем охотничьем участке. Если жертва забегает на чужую территорию, владельцы ее немедленно прогоняют увлекшихся погоней соседей. Вообще любых особей, не принадлежащих к данной стае и пришедших откуда-то со стороны, встречают весьма враждебно и тут же изгоняют. Каждая стая на своем охотничьем участке имеет и свое собственное жилище: хаотически разбросанные (но непременно в одном и том же месте) норы и подземные ходы.

В открытой степи Серенгети, где Круукам удалось пометить 100 гиен, дело обстоит несколько иначе. В обширных долинах, по которым кочуют огромные стада гну, зебр и газелей Томсона, отдельные стаи гиен, хотя и имеют свои собственные владения с постоянными норами, тем не менее большую часть времени кочуют за мигрирующими стадами копытных. Иногда гиены по нескольку дней не возвращаются к своему жилищу, и их можно встретить на расстоянии 80 километров от него.

У одного из смотрителей парка Калахари гиены ночью утащили несколько коз прямо из дому. Он до того был взбешен, что не поленился пойти по следам хищников до самого их жилища. Оказалось, что оно находится за 40 километров от его дома. Значит, чтобы поживиться его козами, гиены проделали путь в 80 километров.

Южноафриканскому исследователю Ф. К. Элову в 1964 году тоже пришлось убедиться в том, что гиены сами уби-

вают свою добычу и очень редко питаются падалью. Он наблюдал за трапезой 1052 гиен и обнаружил, что 82 процента хищников пожирали животных, убитых ими самими, и только 11 процентов из них доедали добычу других хищников — шакалов, львов, гиеновых собак, леопардов и гепардов. В остальных случаях было не ясно, кто убил пожираемое гиенами животное.

* * *

Африканские пятнистые гиены могут иногда проделывать самые невероятные вещи. Так, бывший директор национальных парков Кении, ушедший теперь на пенсию, Мервин Кови рассказывал мне, что вокруг бойни Мбагати близ Найроби вечно околачивались целые скопища гиен, питавшихся за счет мясных отходов. Особенно много гиен было во время войны 1914 — 1918 годов. В то время от туш использовали только мясо, а внутренности, кости и головы просто выбрасывали. Но после войны эту бойню внезапно закрыли, отчего гиены пришли просто в «отчаяние». Они начали обгрызать щетину с половых щеток, уносили горшки из печек, разжевывали и заглатывали все кожаные изделия, включая ботинки, велосипедные седла и даже пропитанные потом кожаные прокладки шляп, потрошили все помойные ведра и несколько раз даже нападали на работавших в поле женщин.

Однажды М. Кови подвесил высоко на дерево часть туши гну, так чтобы гиены не могли до нее добраться. На следующий день он собирался приманить этим мясом львов.

«Я бы никогда в это не поверил, если бы не видел собственными глазами, — рассказывал он мне потом. — Одна гиена подпрыгнула вверх на 2 метра 40 сантиметров и, вцепившись зубами в мясо, повисла на нем. Другая прыгнула вслед и, схватив зубами ногу первой, по-

висла на ней. Они раскачивались до тех пор, пока не лопнула веревка и большой кусок мяса вместе с гиенами не шлепнулся на землю. Следовательно, первая гиена, повиснув на своих зубах, выдержала не только собственную тяжесть, но и тяжесть своего достаточно тяжелого товарища, вцепившегося ей в ногу. Удачная операция вдохновила и остальных собравшихся под деревом гиен на аналогичные прыжки. Вскоре мясо кусок за куском стало исчезать, и наконец ненасытные твари сожрали его все без остатка».

А в Уганде, в парке Куин-Элизабет, произошел такой случай. Из палаточного лагеря для туристов близ Мвеи пропал рюкзак. В рюкзаке были чашки, термосы, столовые приборы и другие вещи. Подозревали воровство, но не знали, на кого подумать. Позже пропажа обнаружилась перед входом в одну из гиеновых нор.

В одном курятнике в Серенгети гиена недавно учудила еще больше: она разгрызла и проглотила 12 гипсовых яиц, которые подкладывают курам для стимулирования.

Однако надо сказать, что многие прегрешения сваливают на гиен совершенно несправедливо. Так, из перевалочной зообазы «Крос де Канж» на Ривьере сбежала молодая гиена. Как только это стало известно, к владельцу зообазы начали поступать заявления о задавленных кроликах, курах, голубях и другой домашней живности, стоимость которой он безропотно оплачивал, чтобы не иметь еще больших неприятностей от полиции. А несколько дней спустя беглянка была найдена мертвой за ящиками, нагроможденными у стены. Она никогда не покидала территории зообазы.

Пятнистые гиены приятные «постояльцы» зоопарка, несмотря на то что посетители не очень-то их жалуют. Своими мощными челюстями они разгрызают даже те кости, которые не в состоянии разгрызть львы и тигры. Из-за этого помет гиен обычно твердый и быстро окаменева-

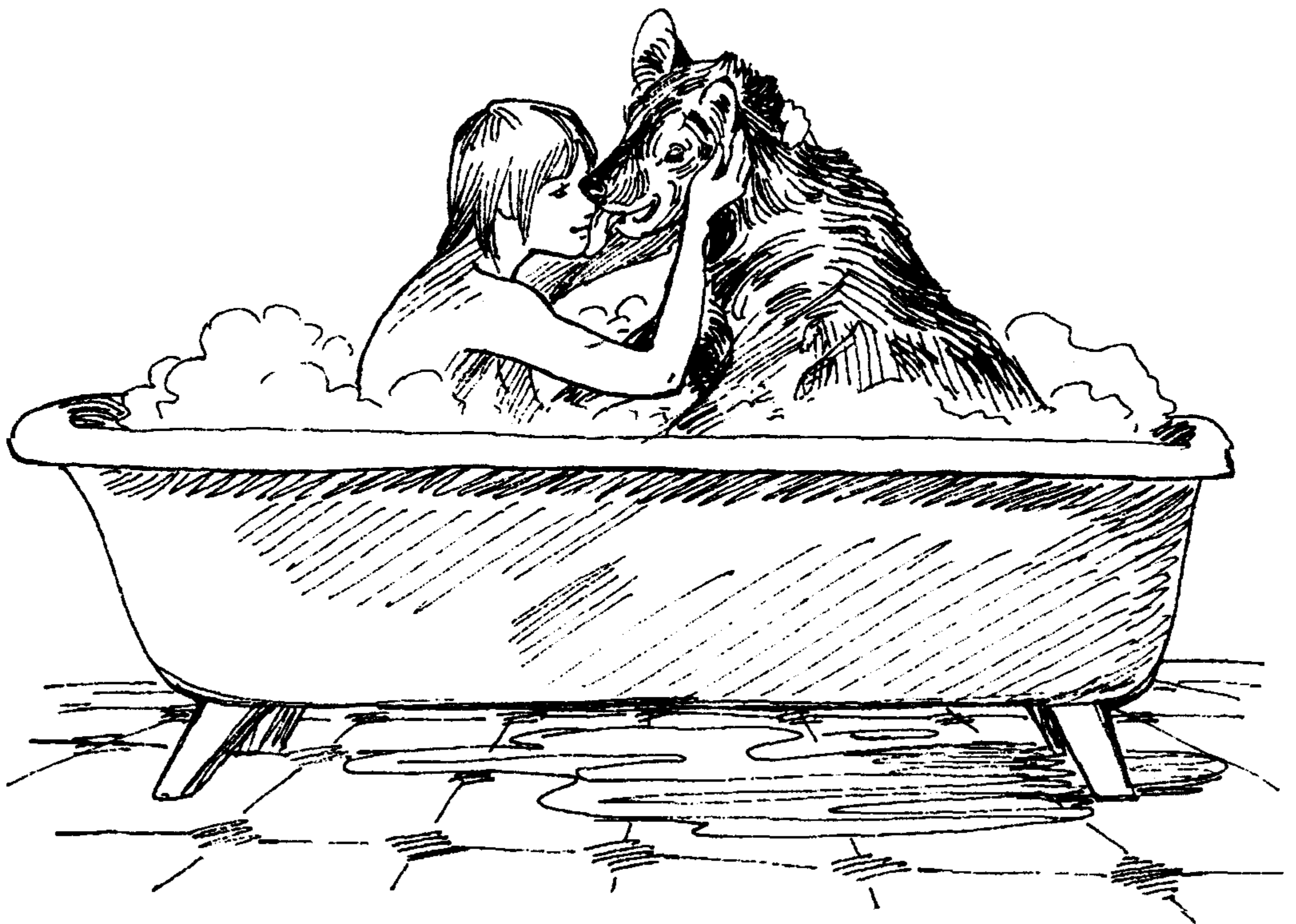
ет. По ископаемому помету и многим сохранившимся костям мы знаем, что в Европе тоже когда-то жили гиены, только пещерные, а не пятнистые. Они были самыми крупными среди трех ныне живущих видов гиен, но во всем остальном очень напоминали современных.

Гиены живут довольно долго. В Берлинском зоопарке гиена умерла в возрасте 40 лет, следовательно, можно считать, что эти хищники в среднем живут в три раза дольше льва, тигра или леопарда.

Большинству людей гиены напоминают собак, к строению тела которых человеческий глаз привык гораздо больше. Поэтому голова гиены кажется нам слишком громоздкой, плечи слишком широкими по сравнению с тазом, а спина скошенной книзу. За это гиену считают уродливой и несуразной. Но нельзя забывать, что каждому виду животных свойственно свое особое строение и своя особая красота, к которой нельзя подходить с той же меркой, что и к другим видам. И не нам, людям, мнить себя ее ценителями.

Вообще-то гиены имеют очень мало общего с собаками. У пятнистой гиены, например, только два соска, следовательно, она приносит не больше двух щенят и лишь в очень редких исключениях трех, но не больше. Беременность их длится от 99 до 110 дней. В отличие от собак и почти всех других наземных хищников детеныши гиены появляются на свет с уже почти открытыми глазами и сразу же могут бегать. У них уже есть почти все резцы и все четыре клыка длиной в 0,5 сантиметра. При рождении детеныши обычно бывают густого черного цвета и только через полтора месяца светлеют, начиная с головы. К девяти месяцам они уже становятся такими же пятнистыми, как их родители.

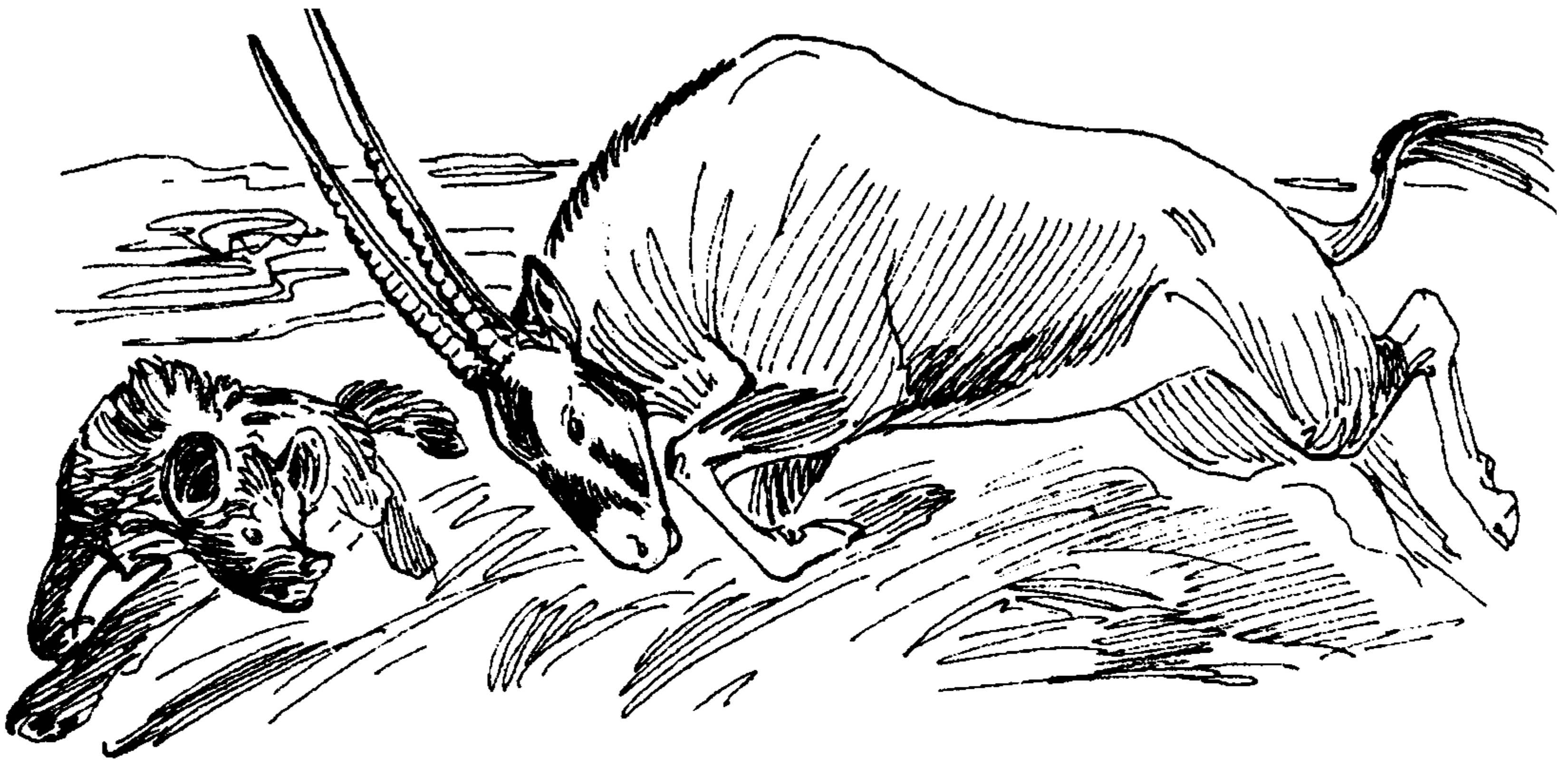
Если щенки гиен попадают к людям еще совсем маленькими, то они становятся весьма игривыми и веселыми домашними животными. Ручные гиены любят, чтобы их гладили, чесали и сажали на колени. У четы Крууков

в их доме в Серонере воспитывался такой щенок. Ему разрешалось свободно бегать по округе, но позже он пристрастился наведываться в гостиницу для туристов, где пугал постояльцев, и его решили вывезти на волю и там оставить: пусть, мол, одичает и живет самостоятельной жизнью. Прошло несколько месяцев, и вот однажды в доме Крууков открылась дверь, и громадная гиена с разбегу прыгнула к своей бывшей хозяйке прямо в ванну, где та как раз купалась.

Собаки и волки воют на луну, подняв кверху морды, гиены же издают свой клич с опущенной головой.

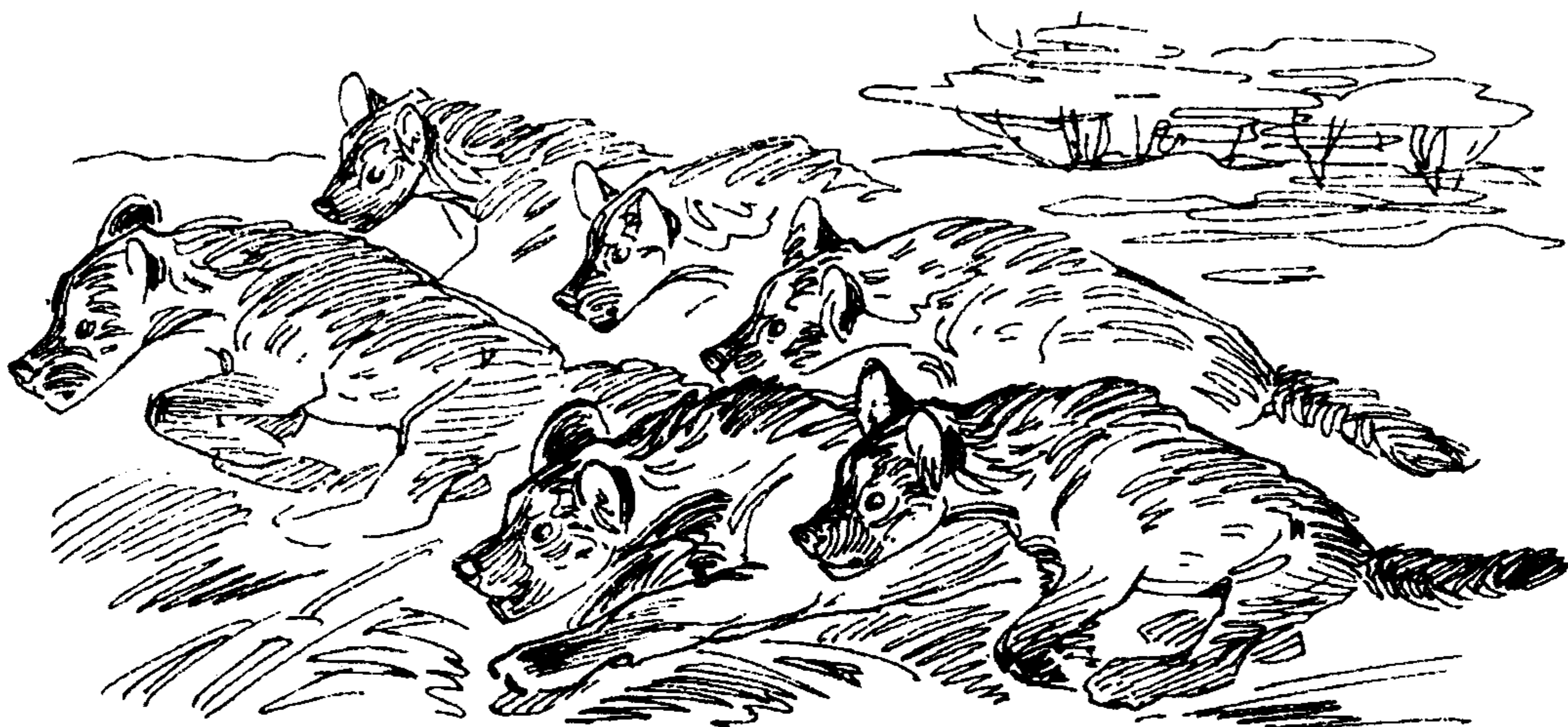
Большое неудобство для зоопарков представляет то обстоятельство, что у гиен совершенно невозможно отличить самца от самки. Половые органы у них внешне абсолютно одинаковые. Многие старые фермеры в Африке твердо верят в небылицу, будто бы одно и то же животное может попеременно то оплодотворять самок как самец, то приносить потомство как самка.

Бывало, что пятнистых гиен дрессировали в цирках. Но известен случай, когда такая дрессированная гиена прокусила своему укротителю обе лодыжки.

Большинство путешественников не принимают гиену всерьез, в то время как перед львами, леопардами и носорогами они неизменно испытывают чувство страха. В общем-то гиен бояться нечего, потому что из 10 тысяч случаев, может быть, только в одном этот хищник решится напасть на человека (между прочим, львы и леопарды тоже). Но если кому-то светлой лунной ночью приходилось видеть, как такие гиены загоняют и рвут на части крупную зебру или гну, тот уже наверняка будет относиться к ним с большим уважением.

Пятнистые гиены могут охотиться и в одиночку, и парно, и втроем, а могут устраивать настоящие облавы целыми стаями. Охота в одиночку обычно менее добычлива. Только в четырех случаях из двадцати, прослеженных Гансом Крууком, гиене в одиночку удалось поймать свою жертву. Однажды такая гиена справилась со взрослым гну только потому, что сумела утопить его в озере. Зато из одиннадцати стайных охот восемь были успешными. Поэтому в одиночку гиены охотятся обычно лишь на

молодняк или газелей, для охоты же на зебру или гну собирается компания из нескольких особей.

Во время ночных атак гиен на стада зебр или гну те убегают прочь со скоростью 40 километров в час. Гиены же способны развить скорость до 65 километров в час.

Должен заметить, что большинство животных, которых разрывают гиены, бывают отменного здоровья. Это отнюдь не противоречит утверждению, что пятнистые гиены и другие хищники в первую очередь изымают из стада больных и слабых особей. Просто в стаде диких копытных недостаточно ослабленных животных, чтобы обеспечить ими всех хищников. Поэтому первым делом их добычей становится значительная часть молодняка. Если бы этого не было, жвачные животные размножились бы с такой невероятной быстротой, что вскоре уничтожили бы всю растительность и их пришлось бы в огромных количествах отстреливать. Но тогда они снова стали бы дикими и пугливыми, и туристы никогда не смогли бы их увидеть, разве что только на большом расстоянии и в бинокль или ночью, словом, так, как у нас в Европе можно увидеть косуль, зайцев, оленей, диких кроликов или лис.

Гиены, загоняющие жертву, хватают ее обычно за ноги или за бока, впиваются в нее зубами и уже не отпускают, пока она не рухнет на землю. Тогда они сейчас же вспарывают ей живот и вырывают внутренности. При этом жертва зачастую еще бывает жива и пытается сопротивляться. Если зебру рвут больше десяти гиен, она обычно уже через четыре-пять минут падает на колени, а примерно через десять выпускает дух.

Я часто видел, как одна или две гиены гонялись за детенышем гну или газели, хватали и разрывали его прямо посреди пасущегося стада. Правда, иногда в таких случаях мать или какое-нибудь из пасущихся поблизости взрослых животных пытается заступиться и прогнать разбойников, однако остальные члены стада не проявляют к этому ни малейшего интереса.

У зебр это бывает совершенно иначе. Там даже жеребец-папаша, как правило, с оскаленными зубами и поднятыми копытами защищает свое потомство. Обычно подбегают также самки из его гарема и помогают отбивать атаку.

Лесничий Майлс Тернер наблюдал как-то за тем, как гиена гонялась посреди стада газелей Томсона за золотистым шакалом и через четыре минуты поймала его.

Первые телята гну, которые появляются на свет к сезону дождей, совершенно определенно обречены на гибель. У них практически нет ни малейших шансов остаться в живых. И только потом, когда все самки гну почти одновременно приносят детенышей, их становится так много, что гиенам и другим мясоедам с ними просто не управиться.

В одну особенно темную ночь в Серенгети гиены учинили настоящую кровавую резню среди стада газелей Томсона. Они зарезали одновременно сотню газелей, а сожрали только несколько штук.

Там, где дикие копытные почти полностью истреблены браконьерами, гиены могут становиться опасными и для человека.

Так, в 1955 году в Мландже, одном из районов Малави, гиены убили трех человек. Первым погиб ребенок, от которого удалось найти только голову; затем гиена напала на женщину и протащила ее три метра по земле. Женщина громко закричала, и жителям деревни удалось ее спасти. Но она потеряла руку и затылок ее был так искромсан, что несколькими часами позже она все же скончалась. По-видимому, женщину искалечила та же гиена, которая напала на ребенка, потому что одно место преступления от другого находилось всего в одиннадцати километрах. Третьим погиб один слабоумный мужчина, направлявшийся в соседнюю деревню. Он был съеден гиеной, которую удалось потом застрелить. Животное весило 71 килограмм.

В 1956 году в том же районе по вине гиен расстались с жизнью еще пять человек, а в 1957 году — еще пять. В 1958 году было шесть жертв, а в 1959 — даже восемь. Нападения происходили большей частью после сентября. Зимой¹ местные жители спят в своих хижинах, а не снаружи, поэтому в это время и не бывает человеческих жертв.

Известно, что гиены не едят мяса своих сородичей, и только Ф. Балестра сообщает о двух случаях, когда они это все же делали.

Мервин Кови, которому 40 лет назад в одном из подведомственных ему районов пришлось уничтожить свыше тысячи гиен, рассказывал мне, что бывают случаи, когда они способны загрызть друг друга (либо в борьбе за самку, либо в драке за добычу). Зато пятнистая гиена никогда не дотронется до трупа другой гиены, до тех пор пока та не стухнет и не начнет разлагаться. На это ухо-

¹ Зима в Южном полушарии продолжается с июня по август.

дит обычно не меньше четырех дней. За это время грифы успевают растащить большую часть мяса, но сородичи гиен в пиршестве не участвуют.

В Южной Родезии на хуторе, находящемся у подножия горы Дарвина, пятнистая гиена как-то схватила женщину. Несмотря на подоспевшую помощь, несчастная несколько часов спустя скончалась. В тот же день один мужчина провожал своего ребенка из школы домой. По дороге на ребенка напала огромная гиена. Отцу удалось отбить ее нападение топором, однако она укусила его за руку. Другого подоспевшего на помощь человека гиена укусила за ногу. Хищника оглушили ударом топора и потом добились из ружья.

Несколько лет назад один немецкий учитель, не сумевший получить комнату в туристской гостинице возле кратера Нгоронгоро, решил переночевать в спальном мешке на свежем воздухе. Ночью он проснулся от того, что кто-то схватил его за ногу и куда-то тащит. Вначале он подумал, что это лев. Но прибежавшие на его крики люди, к своему удивлению, обнаружили, что это была большая гиена, которая сквозь поролоновую прокладку спального мешка схватила спящего за ногу и оттащила в кусты. Нога его была довольно сильно повреждена.

* * *

Порой даже стайная охота может окончиться для гиен весьма плачевно. Так, в парке Калахари, в ЮАР, семь пятнистых гиен пять километров гнались за самцом антилопы орикс. Затем жертва перешла в атаку и убила одну из гиен, пропоров ее насквозь своим острым, как кинжал, рогом. Однако оставшиеся в живых шесть гиен все же прикончили антилопу.

Майлс Тернер видел в Серенгети, как лев убил большую гиену, а затем подкрадывался к еще двум. Чем-то

ему гиены очень досадили. Обычно же львы нисколько не интересуются гиенами как добычей. В Крюгеровском парке гиены загнали как-то на дерево двух молодых львов, а в другой раз — даже взрослую львицу. Тот же Тернер видел спящую под деревом гиену, возле которой дремали два бородавочника, да так близко, что один из них даже касался ее ногой.

А вот почему какой-то слон, визжа от гнева, гонялся за гиеной по берегу реки, остается совершенно непонятным. Впрочем, гиене удалось без труда удрать от него, взобравшись по откосу и скрывшись в кустах.

Поединок гиены с питоном, свидетелем которого был Черри Кэртон, только потому закончился победой гиены, что в папирусовом болоте, где происходила схватка, гигантской змее не за что было ухватиться (вблизи не было ни одного дерева) и она не могла как следует вцепиться в тело противника. А поскольку питон не мог бороться в полную силу, гиена взяла верх и так его отделала, что он остался лежать безжизненным бревном.

Когда однажды в парке Серенгети четыре гиеновые собаки схватили молодую гиену, прибежали 12 ее сородичей и сумели отбить своего маленького товарища.

* * *

Африканский лесничий Н. Л. Охара из Уганды рассказал мне, что население считает желчь гиены ядовитой и вызывающей немедленную смерть. Мясом же ее, наоборот, можно якобы вылечить тропическое кожное заболевание под названием фрамбезия. У того, кто раздобудет себе нос убитой гиены, делается необыкновенно острое чутье. Слепой в таком случае может найти дорогу без провожатого. Но владелец такого носа никогда не должен брать его с собой, когда идет навещать больного, иначе он принесет ему верную смерть. Если размолоть и съесть

первое ребро гиены, то это приносит удачу в делах; этим же порошком лечат бронхит.

Однако не надо уж так снисходительно смеяться над подобными суевериями африканцев; лучше вспомните о гороскопах в современных журналах, которыми увлекаются наши вполне серьезные современники.

Помимо крупной пятнистой гиены, обитающей в Африке южнее Сахары, есть еще два вида этих животных, тоже ведущих в основном ночной образ жизни. Это бурая гиена, которая водится в Южной Африке, и полосатая гиена, живущая в Северной Африке и Южной Азии.

Этих более мелких и более пугливых гиен приручали еще древние египтяне; они использовали их для охоты и откармливали на убой.

В одной пещере, которую бурые гиены использовали в качестве отхожего места, исследователь С. К. Брайн нашел 90 хорошо различимых костных остатков животных, которыми те питались, 60 из них принадлежали зайцам и даманам.

Пока что (и то, как уже говорилось выше, в самые последние годы) более или менее подробно изучена жизнь только одного вида гиен, а именно пятнистой. Как живут два других вида, об этом (как, впрочем, и о многих других диких животных) на сегодняшний день, к нашему великому стыду, почти еще ничего не известно.

Глава девятая

ЖИРАФЫ НАУЧИЛИСЬ ПРЫГАТЬ ЧЕРЕЗ ЗАБОРЫ

Коровы, чуя близкую гибель, начинают лизать друг друга.

Из африканской поговорки

Как бы вы стали транспортировать высокий обелиск весом в несколько тонн — положенным на катки в горизонтальном положении или поставив его вертикально, тщательно соблюдая равновесие, чтобы здоровенная колонна не опрокинулась? Природа в основном выбрала первый путь: плоским, вытянутым в длину животным вроде змей или крокодилов легче двигаться по земле в горизонтальном положении. А вот жирафам наоборот.

Удивляет несоответствие его короткого туловища и огромной высоты. Это самое высокое из ныне живущих животных. Рост жирафа превышает шесть метров, а вес его — 500—700 килограммов. Сердцу жирафа приходится гнать

кверху кровяной столб высотой в два метра, чтобы он мог достигнуть головы; поэтому стенки сонной артерии у этого животного имеют толщину 1,2 сантиметра, а кровяное давление у него вдвое выше, чем у людей.

В Институте физиологии в Ленинграде были сделаны замеры, в результате которых выяснилось, что легкое жирафа набирает за один вдох только 12 литров воздуха, в то время как легкое лошади — 30. Наверное, именно поэтому убегающего жирафа так легко догнать на лошади, и, если за ним долго гнаться, он либо остановится, либо даже рухнет на землю.

Американские исследователи провели такой опыт: они вставили в сонную артерию двух крупных жирафов специальные датчики, присоединенные к автоматическому транзисторному передатчику. Приемник, установленный на вездеходе, регистрировал передаваемые сигналы. Судя по этим данным, биение сердца и кровяное давление у жирафа подвержены очень сильным колебаниям. В состоянии покоя сердце билось от 90 до 100 раз в минуту, а во время быстрого бега — 170 раз. Давление крови колебалось во время галопа в такт опусканию передних копыт. Давление поднимается и опускается в связи с давлением кровяного столба в сонной артерии, меняющимся во время опускания и поднимания головы.

Козы и антилопы, стараясь добраться до какой-нибудь ветки, встают на задние ноги и пританцовывают на месте. Жираф этого никогда не делает. Он всегда остается твердо стоять на всех четырех ногах. Каким же образом животное, столь прочно «прикрепленное» к земле, преодолевает проволочные ограждения?

Когда в Трансваале фермеры начали огораживать свои плантации проволочными изгородями, жирафы поначалу просто прорывали их грудью и шли дальше, волоча за собой обрывки проволоки. Но после трех-, четырехлетнего опыта жирафы, к большому удивлению фермеров, научились просто перескакивать через эти ограждения. За-

боры из колючей проволоки даже высотой в 1 метр 85 сантиметров перестали представлять для жирафов непреодолимое препятствие. При прыжке они резко отбрасывают назад голову и шею и заносят передние ноги через ограду. Только молодняку такие прыжки иногда не под силу. Так, однажды детеныш жирафа остался по ту сторону ограды, в то время как все стадо, включая его мамашу, через нее перемахнуло. Мать вернулась к своему малышу и целых шестнадцать часов металась вдоль заграждения, однако она так и не додумалась до того, чтобы перескочить назад. В конце концов детеныш исчез где-то в кустарнике и, по-видимому, потерялся.

Жирафы даже не боятся пить из цементных корыт с водой, установленных для водопоя домашнего скота. Не всякий вид диких животных решится на такое.

В январе 1963 года охотничье управление Кении с немалыми трудностями перевезло четырех жирафов из района Эльдорет в бывший кратер Мененгаи, расположенный в 160 километрах от столицы Найроби.

Прибыв на новое место, самец жирафа решил «попастись» в кроне одного из деревьев, но там оказался леопард, прилегший поспать после обеда. Леопард ужасно рассвирепел и немедленно прыгнул на незваного гостя, причем так сильно порвал ему шею, что тот вскоре умер. Обычно же жирафы живут в мире с окружающими их животными.

Правда, иногда в эти головы, маячащие где-то на головокружительной высоте, начинают приходиться непонятные и странные мысли и желания. Так, однажды в ЮАР, близ Рузерми, одному врачу, ехавшему вместе со своей семьей в машине, повстречались на дороге два жирафа. Они шли прямо ему навстречу. Происходило это на рассвете, когда еще было довольно темно, поэтому врач притормозил и выключил фары, чтобы не ослепить животных. Заметив машину, один из жирафов тут же сошел с дороги, но другой, несколько не испугавшись, двинулся ей навстречу спокойным и решительным шагом. Подойдя

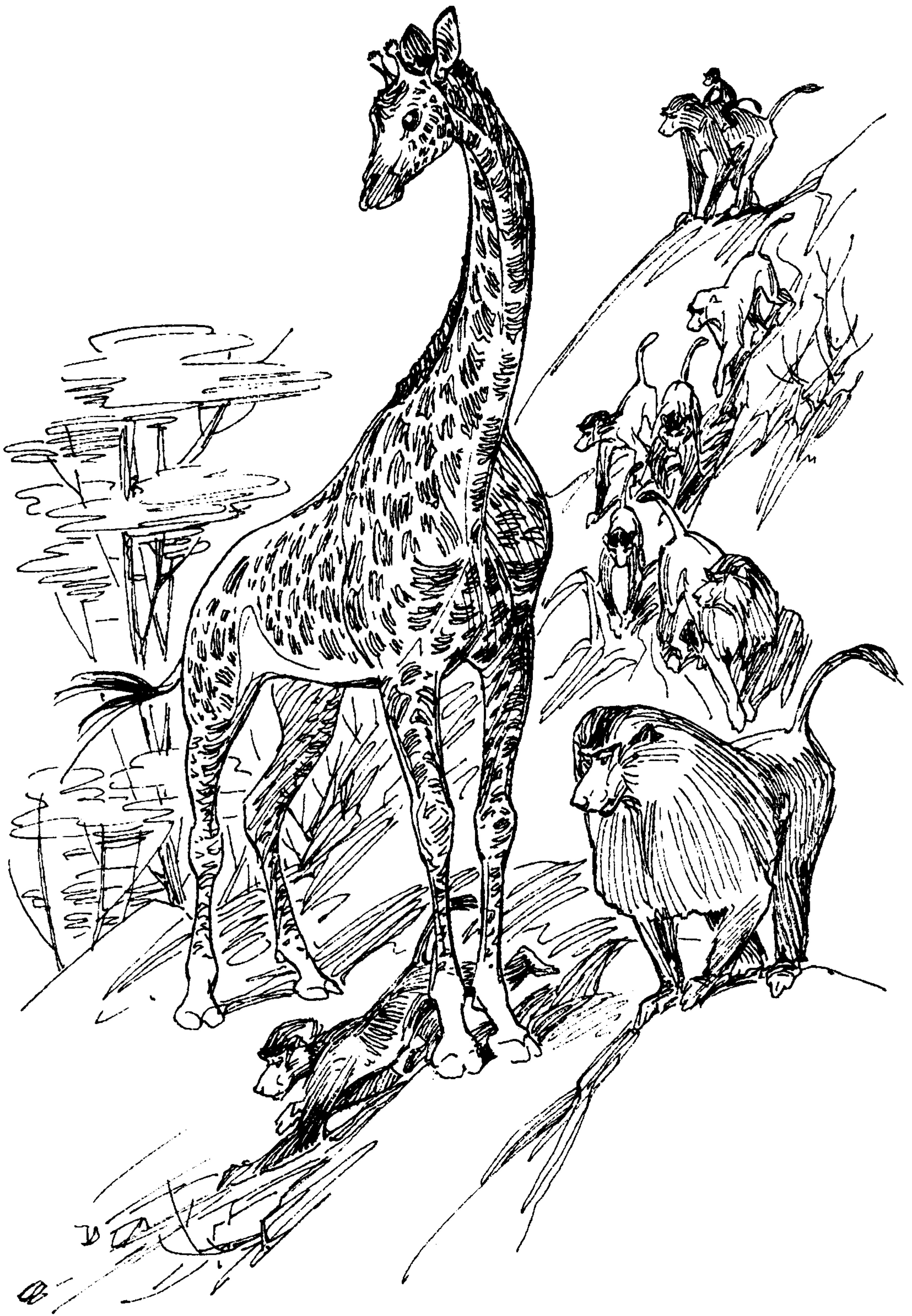
вплотную к автомобилю, он повернулся задом и принялся «обрабатывать» капот своими копытами. Прежде чем растерявшийся врач успел опомниться и, включив полную скорость, удрать, животное умудрилось нанести машине по меньшей мере три столь полновесных удара, что они оставили на ней довольно внушительные вмятины.

Врач потом необыкновенно гордился тем, что именно жираф так отделал его машину, и поэтому еще долго разъезжал на ней в таком виде, не уставая рассказывать о своем приключении. Починил он ее только тогда, когда рассказывать стало уже некому.

В том же году вездеход геологоразведочной партии ехал как-то после наступления темноты в Морото, главный город района Карамоджа (Северо-Восточная Уганда) и по дороге тоже подвергся нападению жирафа. Когда водитель выехал из-за поворота, он увидел примерно в 25 метрах впереди себя стоящего на дороге жирафа. Шофер притормозил перед самым его носом, а жираф повернулся и изо всей силы брыкнул задними ногами. При этом разлетелись вдребезги обе фары, ветровое стекло и погнулся руль. В довершение всего животное перескочило через машину, полную людей. К счастью, никто при этом не пострадал.

Сам я уже бесчисленное множество раз встречался с жирафами и в степи, и на дороге, и ни разу у них не возникало ни малейшего желания «драться» с моей машиной. Следовательно, в обоих этих случаях речь идет о поведении, совершенно нетипичном для этих мирных животных. Поэтому-то описанные происшествия и получили столь широкую огласку.

Определенные сложности возникают для этих «четырехногих башен», когда они попадают в холмистые районы. Правда, в такие места они стараются не забираться, однако недавно в новом национальном парке Аруша, созданном правительством независимой Танзании, наблюдали такую сцену. Самец жирафа пытался вылезти из сплошь заросшего зеленью кратера Нгурдото, карабкаясь

по крутой буйволово́й тропе. Но так как дело было после сильного ливня, а тропинка становилась все круче, ноги животного скользили все сильнее и сильнее, пока оно наконец не упало на грудь. Побарахтавшись, как большой жук, на одном месте, жираф с превеликим трудом снова встал на все четыре ноги. Но тут он увидел перед собой целое стадо павианов. Обезьяны сидели полукругом и с любопытством рассматривали странную башню, преградившую им дорогу к водопою. Спустя какое-то время, которое ушло на взаимное изучение, один нахальный павианий подросток проскочил под брюхом жирафа и покатился кубарем вниз. Жираф брыкнул ногой, однако промахнулся, потому что хитрец бросился на живот и полз по-пластунски. Когда другие павианы это увидели, они все, будто по команде, словно водопад, ринулись вниз, проскакывая мимо жирафа и под ним, а тот так испугался, что стоял как вкопанный. Когда все павианы проскочили, он медленно повернулся и «грустно» заскользил назад по тропе.

Жирафов редко можно встретить в одиночку. Обычно же если увидишь одного из них, то, хорошенько осмотревшись кругом, обязательно обнаружишь поблизости в кустах или между деревьями еще нескольких пасущихся животных. Однажды в 1962 году близ Серонеры нам удалось увидеть гигантское стадо из 51 жирафа. Но такое случается редко.

Если жираф бродит в одиночку, на него может рискнуть напасть лев. Но вообще-то львы неохотно связываются с такими большими и «оборонеспособными» животными.

Правда, лесничий Делабат наблюдал во впадине Этоша, расположенной в Намибии, как лев напал на пасущегося в одиночестве жирафа. Когда тот увидел подкрававшегося льва, он кинулся бежать. Но лев в несколько прыжков догнал его и вскочил ему на загривок. Вцепившись в него когтями, он, по-видимому, тут же перегрыз

ему шейные позвонки, потому что огромное животное зашаталось и упало на землю.

А вот другое сражение с жирафом закончилось для льва весьма плачевно. На этот раз лев, собравшись напасть на жирафа, не сумел подкрасться к нему незаметно, и тот его увидел еще издали. Поэтому хищнику слишком долго пришлось за ним гоняться, прежде чем он его догнал, и к моменту прыжка лев был уже основательно измотан. Вместо загровка он приземлился на круп животного, сполз вниз, да еще получил от жирафа удар в бок обеими ногами. Удар был настолько сильным, что лев в течение нескольких последующих часов так и не смог подняться, и лесничему пришлось пристрелить хищника, чтобы прекратить его мучения. При осмотре убитого льва выяснилось, что вся грудная клетка его вдавлена и почти все ребра поломаны.

Когда же жирафы дерутся между собой, они никогда не пускают в ход копыта. Совсем недавно мне пришлось наблюдать в Серенгети поединки между самцами-жирафами.

Я думаю, что и между жирафами существует определенная субординация, однако живут они обычно столь мирно, что трудно определить, кто высший, а кто низший по рангу. Это можно заметить разве что по тому, как один жираф переходит другому дорогу: если он прямо срезает ему «нос» (как это принято говорить у водителей машин), значит, это «вышестоящий начальник». Кроме того, более «важные» особи держат голову высоко, подбородок их несколько сильнее приподнят кверху. «Подчиненный» же непременно немного опускает голову, когда мимо него проходит «начальник». Когда жираф хочет произвести на кого-нибудь впечатление или напугать, будь это его сородичи или служитель зоопарка, он всегда рывком поднимает голову.

Ни одному молодому жирафу не позволено «улыбаться» в присутствии высшего по рангу. Эта гримаса очень распространена среди лошадей, верблюдов, медведей и

многих других животных. Голова при этом слегка приподнимается кверху, рот приоткрыт, верхняя губа вздернута и обнажены десны. Такая гримаса имеет, по-видимому, какое-то отношение к брачным играм.

Но если жираф задумал кого-то всерьез прогнать, он направляется прямо к нему, слегка нагнув вперед шею и угрожая короткими рожками. Эти рожки, а главное, тяжелая голова, которой животное размахивает, словно кувалдой, — основное оружие в драке между двумя жирафами. Короткие, покрытые шерстью рожки со временем становятся у самцов обшарпанными, с голыми концами. Уже по одному этому можно отличить самца от самки.

Многие люди, хотя и прожили десятки лет в Африке, причем в ее диких районах, тем не менее никогда не видели серьезного боя между двумя самцами-жирафами, потому что случается это крайне редко. Зрелище это производит незабываемое впечатление, несмотря на то что разворачивается оно постепенно и не спеша, как при замедленной съемке.

Происходит это следующим образом. Два противника становятся не друг против друга, как это бывает при аналогичных обстоятельствах у других животных (оленей, антилоп или хищников), а рядом, бок о бок, как пара лошадей в упряжке, причем головами либо в одну и ту же сторону, либо в противоположные. Они никогда не пробуют укусить друг друга. Вместо этого они размахивают по очереди шеей и наносят друг другу чудовищно сильные удары головой. Удар обычно приходится противнику по голове, шее, иногда груди или загривку, а если борющиеся стоят головами в разные стороны, то по задней части и задним ногам.

Силу подобных ударов даже трудно себе представить. К нашему жирафу Отто, живущему во Франкфуртском зоопарке в свободном выгоне, без конца приставал самец антилопы канны. Разозлившийся всерьез жираф нанес ему такой удар головой, что тот с переломанной ключи-

цей пролетел по воздуху и упал на землю. А весил он ни много ни мало 600 килограммов! Антилопа так и не оправилась, и ее пришлось пристрелить.

Злобный жираф, содержащийся в Лондонском зоопарке, целясь в своего служителя, промахнулся и пробил в стене большую дыру.

Бои между самцами за место на иерархической лестнице могут длиться довольно долго — полчаса, а то и дольше. Часто при этом вокруг стоят «зрители»: самки и другие самцы. Но бывают драки, при которых самки не присутствуют. В Серенгети, близ Серонеры, мне удалось заснять на киноплёнку три пары дерущихся самцов. Сражающиеся пары находились в 80 — 100 метрах одна от другой и не проявляли друг к другу ни малейшего интереса. Остальная часть стада мирно паслась поодаль.

Во время драки один из самцов может прижать другого к дереву или они оба могут кружиться вокруг ствола. Когда один из противников признает себя побежденным, он отходит на несколько шагов в сторону, а победитель с гордо поднятой головой следует за ним, но не для того, чтобы прогнать, а просто так, для порядка. В то время как олени, антилопы и многие хищные кошки стараются изгнать побежденного соперника из своих владений и не пускать его туда больше, самцы-жирафы сразу же после поединка уже мирятся и зла друг на друга не таят. Для них важно было лишь выяснить, «кто главнее», а дальше им уже все равно. Иногда недавних соперников вскоре после драки можно увидеть мирно пасущимися рядом и, более того, потирающими друг о друга шею.

Серьезных ранений или смертельных исходов при этих драках почти не бывает. Если же такое все-таки происходит, то это можно рассматривать как несчастные случаи, как непреднамеренные убийства, которые бывают и у нас во время состязаний по боксу.

Возможно, что опухоли и ссадины, которые нередко можно увидеть на шее у жирафов, имеют именно такое

происхождение. Мне самому несколько раз в северной части парка Серенгети встречались такие раненые животные, но я тогда еще не знал, кто бы это мог их так отделать.

Из национального парка Крюгера как-то сообщили, что там появился жираф со сломанной шеей. Перелом находился несколько ниже головы, и кость, по-видимому, уже срослась. Во всем остальном животное было отменного здоровья.

Там же в другой раз нашли мертвого жирафа, «погибшего от укуса мамбы». Такое часто утверждают, когда находят умерших животных хорошей упитанности и без каких-либо видимых повреждений.

Я не очень этому верю. Конечно, если большое животное, весящее около тонны, укусит ядовитая змея, то оно может в конце концов умереть, но будет это выглядеть совсем иначе. Яд мамбы способен мгновенно убивать только мелких животных: ведь именно они — обычная добыча змеи. Укушенный же человек мучается часами, иногда даже днями, прежде чем умрет. Труп в таких случаях выглядит отнюдь не неповрежденным, наоборот, на месте укуса образуется страшная отечность, видны следы кровотечений из всех отверстий тела, часто отмирание ткани приводит к отслоению мяса от костей, а кожа из-за кровоизлияний синее. А у крупного животного, у которого яда в расчете на каждый килограмм веса тела приходится еще меньше, прежде чем наступит смерть, отравление произведет еще большие разрушения организма. Перелом же основания черепа или шейных позвонков от метко направленных ударов противника — это более правдоподобное объяснение смерти внешне неповрежденных жирафов, которых находят, кстати, весьма и весьма редко. Но и основание шеи с его большими кровеносными сосудами у жирафа очень уязвимо. Во время охоты на жирафов (которой теперь не бывает, потому что она считается предосудительной для уважающего себя охотника) всегда старались стрелять в основание шеи.

В 1958 году видели самца-жирафа, который во время поединка упал в обморок и в течение 20 минут не мог прийти в себя. В том же году близ Хайльбронна, в ЮАР, группа туристов нашла в 30 метрах от дороги неподвижно лежащего на земле жирафа. Люди решили, что он убит, и вылезли из автобуса, чтобы его поближе рассмотреть, но, к своему большому удивлению, обнаружили, что он дышит и смотрит на них широко открытыми глазами. Поскольку животное не шевелилось, мужчины набрались храбрости и решили помочь несчастному подняться на ноги. Они перекатали жирафа на живот и подогнули ему ноги, чтобы тому легче было подняться. Они и не подозревали, какой смертельной опасности себя подвергают. Работники зоопарка в аналогичных обстоятельствах повели бы себя значительно осмотрительнее. Но в данном случае жираф не оказывал ни малейшего сопротивления своим неожиданным помощникам. В конце концов он самостоятельно встал на ноги и «высокомерно» посмотрел сверху вниз на людей, копошившихся где-то у его ног, щелкающих фотоаппаратами и жужжащих фотокамерами. Затем он взмахнул хвостом и спокойно побрел в лес. Время от времени он оборачивался и «удивленно» смотрел на своих «спасителей».

Сами же мы в Серенгети как-то нашли мертвую самку жирафа без видимых повреждений. Было это в апреле 1963 года, и умерла она от неудачных родов.

А в национальном парке Крюгера наблюдали за самкой, которая рожала в полном одиночестве. С дороги ее было хорошо видно. Она стояла в небольшой ложбинке под группой деревьев. Самка не обращала ни малейшего внимания на зрителей, стоявших в открытой машине, и спокойно продолжала заниматься своим делом. Время от времени у нее начинались схватки, и она тужилась. Наконец появились плечи жирафчика, а затем, после особенно сильных потуг, он вывалился целиком и упал на землю. Спустя несколько минут мать обернулась и, широко рас-

ставив передние ноги, нагнулась, чтобы получше рассмотреть новорожденного. Уже через пятнадцать минут детеныш пытался встать на ножки. Однако это ему долго не удавалось. Мать же и не думала ему помогать, спокойно и беззаботно пасясь среди стоящих поблизости деревьев. Лишь время от времени она оглядывалась на своего отпрыска.

Во время других родов в том же Крюгеровском парке роженицу окружало девять жирафов. Через десять минут после появления на свет новорожденному удалось подняться на ноги, но он тут же упал. В течение последующих 25 минут он снова и снова пытался встать. Наконец он окреп настолько, что смог обежать вокруг матери. Все присутствующие при этом жирафы потрогали детеныша своими носами.

Молодые самцы-жирафы часто устраивают и просто шуточные бои. Во Франкфуртском зоопарке это любил делать наш жираф Отто со своим сыном Туло. За неимением настоящего противника Отто часто сражался с высоко подвешенной корзинкой для корма, осыпая ее мощными ударами своей «каменной» головы.

О схватке двух жирафов сообщили как-то туристы, путешествовавшие по Крюгеровскому парку. Животные дрались прямо посреди шоссе Малелане. Одно из них было при этом убито. Смотритель парка Деклерк, выехавший на место происшествия, действительно обнаружил мертвого самца-жирафа с громадной раной за ухом, из которой уже натекала огромная лужа крови. Верхний позвонок был раздроблен, и осколки от него проникли в спинной мозг.

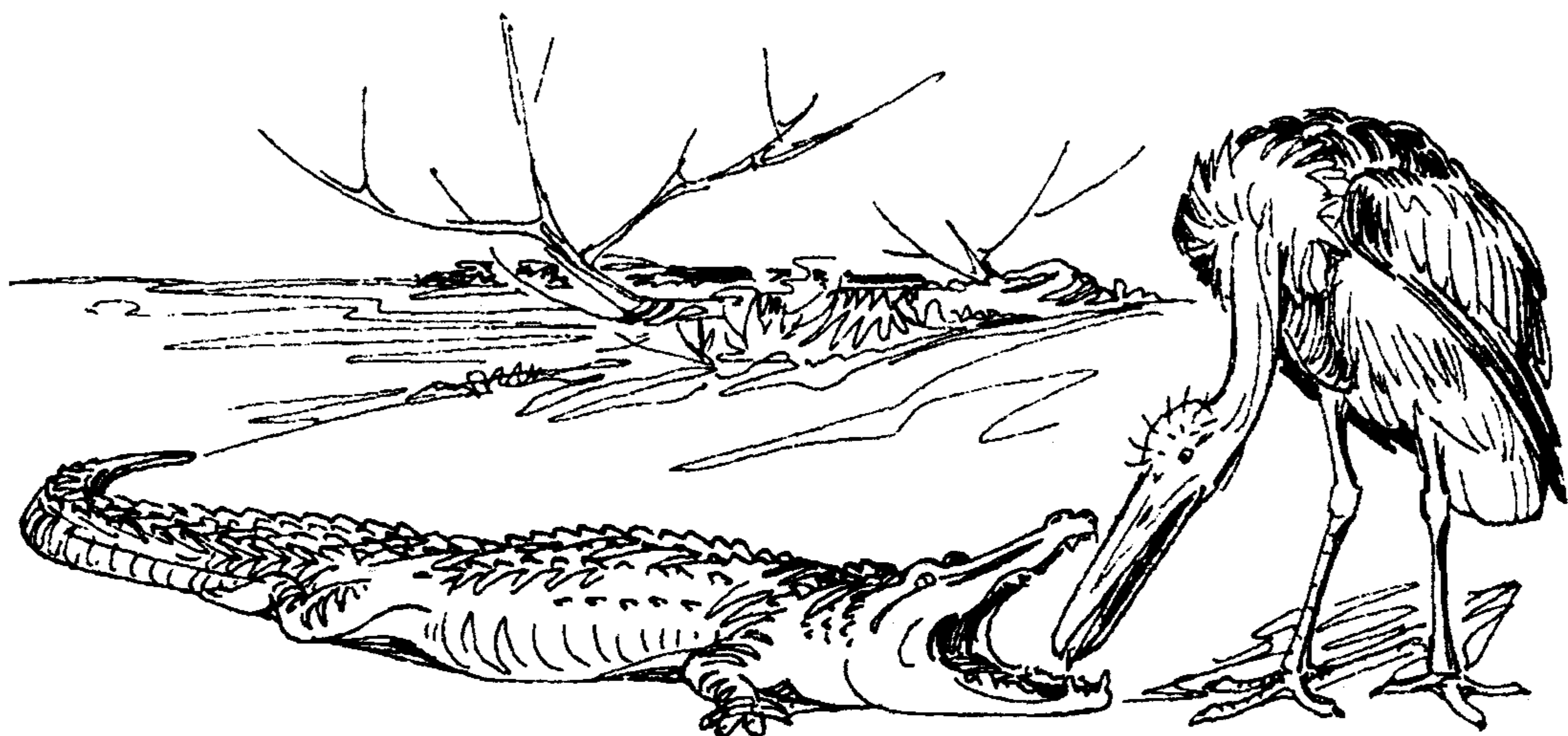
Трудно узнать, что происходит в такой высоко посаженной, твердой как камень голове, каким отражается мир в этих больших глазах, расположенных словно на башне.

Недавно доктор Бакхауз провел во Франкфуртском зоопарке тщательное исследование органов чувств у жирафа, и кое-что ему уже удалось выяснить. Теперь, например, точно известно, что жирафы обладают цветовым

зрением, во всяком случае они способны различать основные цвета: желтый, синий, зеленый и красный. Собственный внешний вид едва ли их волнует. В одном и том же стаде могут мирно пастись животные самых различных оттенков и пятнистости. В Серенгети я часто встречал одного очень темного, почти черного самца; в парках Гарамба и Мерчисонском неоднократно видели и белых жирафов. Видели их в 1963 году и в резервате Руква, в Замбии. Они мирно паслись среди обычно окрашенных животных. Однажды такого «беляка» удалось сфотографировать с самолета. В 1965 году на севере Танзании, в резервате Мкомази, граничащем с кенийским парком Цаво, появился белый жираф. Это был старый одинокий самец, державшийся отдельно от своих сородичей. Но поскольку глаза и отдельные пятна на теле у него были черными, его нельзя было считать чистым альбиносом.

Этого белого жирафа видят здесь уже десять лет подряд. Он уцелел даже после того, как опрометчиво перешел границу национального парка Цаво и углубился на тридцать километров в местность, где еще ведется браконьерская охота. Однако белому жирафу, по-видимому, ничто не угрожает со стороны местных браконьеров, так как они связывают его белую окраску с белизной вершины близлежащего Килиманджаро и с якобы населяющими эту гору духами. Суеверный страх перед возмездием духов надежно сохраняет жизнь этому животному.

Глава десятая

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О КРОКОДИЛАХ?

Если ты бредешь по мелководью лагуны, не ругай вслух пасть крокодила.

Африканская поговорка

С каждым годом все больше туристов устремляется в Африку, чтобы в национальных парках в удобных условиях в непосредственной близости вдоволь полюбоваться разными диковинными животными и привезти домой кучу фото- и кинопленок.

Но того, кто мечтает увидеть знаменитых африканских крокодилов, ждет разочарование; он может их долго искать по рекам и озерам, но тщетно: их там больше нет. А вот где их обязательно увидишь, так это в национальном парке Мерчисон-Фолс, на песчаных отмелях Виктория-Нила, несколько ниже знаменитых Мерчи-

сонских водопадов. Там они часами греются на солнце, не обращая внимания на моторные лодки с туристами, которые бесстрашно подплывают прямо вплотную к ним. Собственно о «бесстрашии» тут говорить не приходится. Еще ни разу не было случая, чтобы крокодилы напали на моторную лодку. Да и зачем им это? Они сыты. Их так мало, что никакого недостатка в питании они не испытывают.

В других национальных парках Уганды крокодилов теперь не найдешь. В озере Эдуард, где когда-то водились эти рептилии, они исчезли в результате вулканических извержений, а из соединенного с ним рекой Семлики озера Альберт они так и не сумели сюда перебраться. Возможно, виной тому огромные водопады, которые этим рептилиям не удалось преодолеть, а может быть, им показалась не очень уютной ледяная вода, стекающая в Семлики со склонов ледников Рувензори... Это уж их тайна.

Но и в Виктория-Ниле крокодилов становится все меньше и меньше. Во всяком случае, таких массовых скоплений этих животных, какие встречались здесь всего несколько десятков лет назад, теперь уже не увидишь: крокодилов истребили браконьеры, которые охотятся за ними по ночам. А изловить браконьеров, как правило, очень трудно.

Крокодилов уничтожали испокон веков. Их ненавидели за то, что они нападали на домашний скот, а иногда и на людей. Но охота с копьями и стрелами никогда не причиняла столь опустошительного действия в их рядах, как изобретенное позже огнестрельное оружие. Еще в первые десятилетия нашего века крокодилов было достаточно много даже в реках и озерах Палестины. А теперь разве что в отдаленных оазисах Южной Сахары еще можно изредка встретить одинокого заморенного крокодила.

Итак, огнестрельное оружие облегчило охоту на крокодилов, а мода на дамские туфли и сумочки из крокодиловой кожи сделала эту охоту особенно заманчивой: за крокодиловые шкуры стали платить огромные деньги. Так что у браконьеров появился немалый стимул обшаривать на утлых лодчонках самые отдаленные реки и болота в поисках дорогостоящих рептилий. Найти их ночью довольно просто: прожектором освещают прибрежный ил и стреляют прямо по отсвечивающим в темноте глазам. При этом не брезгают даже малюсенькими, недавно появившимися на свет крокодильчиками, из которых изготавливают чучела, бойко сбываемые туристам в качестве сувениров.

Одному белому охотнику, промышлявшему в болотах Окованго (Ботсвана), удавалось ежегодно выручать охотой на крокодилов четверть миллиона марок. Поэтому его нисколько не смущала необходимость уплачивать 35 тысяч марок племени батавана и 12 тысяч марок правительству за разрешение на охоту. А в Новой Гвинее недавно целую сенсацию произвела сорокалетняя монахиня, которая охотилась на крокодилов, с тем чтобы на вырученные деньги построить небольшую миссионерскую церквушку. И, как назло, это был как раз наиболее быстро вымирающий на земле вид крокодилов.

Истребление крокодилов в последние годы приняло прямо-таки глобальные масштабы. Так, например, и во Флориде, и в Южной Америке лесничим тоже приходится вести отчаянную борьбу за последних аллигаторов, которых разбойничьим образом убивают организованные банды браконьеров-контрабандистов. Одной из таких банд руководит женщина, прославившаяся как изобретательница своеобразного способа беспрепятственно выносить шкуры убитых крокодилов за пределы заповедника: она обматывает свежеснятую шкуру вокруг голого тела, а сверху

натягивает широченное, не по размеру платье, имитируя беременность на девятом месяце... Вот до чего может довести жажда наживы!

* * *

Кости вымерших крокодилов находят даже на острове Мадагаскар, находящемся далеко от берегов Африки, в океане. Кости эти принадлежали вымершим десятиметровым нильским крокодилам — животным величиной с железнодорожный вагон. Вот это были крокодилы! Не то что теперяшняя мелюзга.

В самом Ниле найти нильских крокодилов теперь практически невозможно. А между тем еще совсем недавно, в начале нашего столетия, в нынешней Танзании их было видимо-невидимо. За уничтожение крокодила правительство выплачивало даже премию — от четверти до трех рупий. Так, в 1910 году один торговец скотом отправился на озеро Руква и за два месяца заработал там на крокодилах 5 тысяч рупий. Еще в 1950 году в Танзании было добыто 12 509 крокодиловых шкур, большей частью в озерах Руква и Виктория и в реке Руфу. Между тем крокодил — это важное звено в жизни фауны африканских водоемов, играющее немаловажную роль в поддержании биологического равновесия в природе. Еще неизвестно, как их исчезновение скажется через некоторое время на состоянии рыбьих стад... Недаром известный английский ихтиолог Хуг Б. Котт, работая в Уганде и Замбии, посвятил пять лет своей жизни (с 1956 по 1961 г.) изучению этого вопроса.

* * *

Индо-африканский биолог М. Л. Модха в 1965 году прожил восемь месяцев на Центральном острове озера Рудольфа (в Северной Кении). Свои исследования он

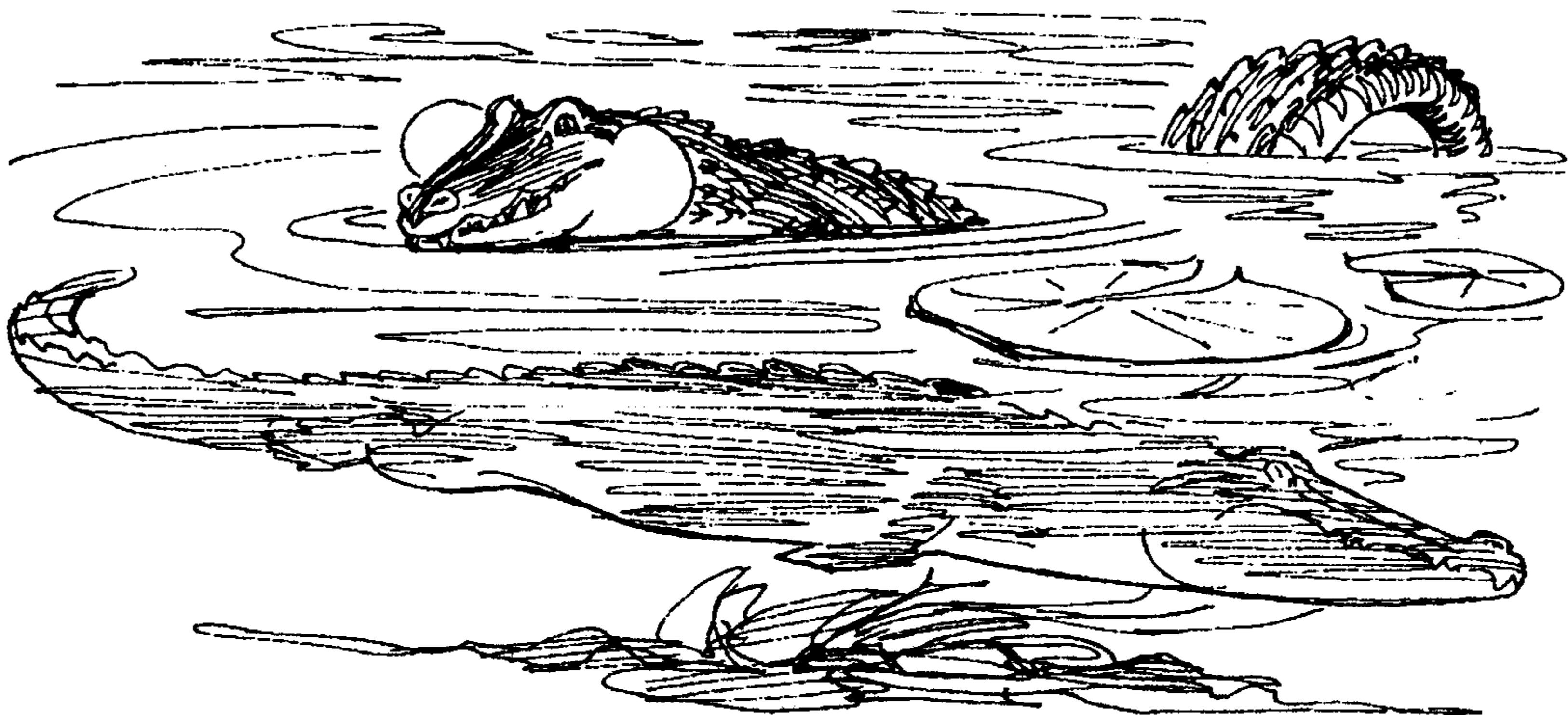
проводил в труднейших условиях. Жара стояла ужасная: ночью температура достигала 26 градусов, а днем — от 36 до 42 градусов. Когда в 1968 году он снова приехал туда для продолжения своей работы, его во время купания схватил небольшой крокодил и жестоко отделал. К счастью, африканскому коллеге ученого удалось его спасти.

Площадь Центрального острова составляет 22 квадратных километра, на нем расположено три больших кратерных озера, в одном из которых обитает около 500 больших крокодилов. Самцы достигают от 3,5 метра до 4 метров в длину, и поэтому их легко отличить от более мелких самок. Наблюдения показали, что каждый самец завладевает собственным участком берега, откуда всякий пришелец немедленно прогоняется. Находившаяся под непосредственным наблюдением зоологов береговая полоса протяженностью 1200 метров была поделена на 12 таких индивидуальных участков.

Что касается самок, то они предпочитали не самых крупных самцов, а тех, которые обладали наилучшими пляжами для солнечных ванн и наиболее удобными местами для рытья гнездовых нор.

Обладатели индивидуальных участков стерегут свои владения даже в самое жаркое время дня, когда все остальные крокодилы лежат на песке на берегу и дремлют. Доплыв до невидимой границы своего участка, крокодил неизменно задерживается там минут на пять — десять, а затем плывет обратно. Если появляются новые претенденты на частную собственность крокодила, иногда происходят кровопролитные бои, после чего границы участков несколько изменяются. И хотя самцы — владельцы индивидуальных участков — не сгоняют самок подобно оленям в один гарем, тем не менее всякого соперника-самца они стараются поскорее выпроводить вон.

Если «правонарушитель» замечен в воде, его выгоняют на берег, причем «законный» хозяин преследует его толь-

ко до берега. Затем он останавливается, ревет вслед убегающему противнику и щелкает челюстью. Уже через несколько минут он успокаивается и, пятясь задом, уходит обратно в воду, где снова принимается патрулировать вдоль берега.

* * *

Как правило, ночь эти огромные ящерицы проводят в воде, а большую часть дня — на берегу, греясь на солнце. Только в полуденный зной они отползают куда-нибудь в тень или ополаскиваются водой. Но как только стемнеет, на берегу не найдешь ни одного крокодила.

Крокодила никогда не встретишь в открытой воде, далеко от берега. Даже тогда, когда их было более чем достаточно, стоило лишь отплыть несколько километров от берега озера Виктория, как уже можно было безбоязненно купаться.

Хотя в учебниках крокодилы причисляются к холоднокровным животным, тем не менее они ухитряются сохранять почти постоянную температуру тела, которая составляет в среднем 25,6 градуса. Когда в полуденный зной им становится слишком жарко, они широко разева-

ют пасть и лежат так подолгу. Крокодилы делают это вовсе не с целью напугать кого-то своими страшными зубами, просто у них нет потовых желез и они не в состоянии потеть, как мы с вами, регулируя таким образом температуру своего тела. Они вынуждены испарять влагу через слизистую оболочку рта.

* * *

На это разевание пасти еще в давние времена обратил внимание Геродот. Уже 400 с лишним лет до нашей эры он описывал, как птица трохилос¹ бесстрашно впрыгивает в открытую крокодилью пасть, чтобы склевывать там пиявок. Это сообщение было подхвачено более поздними античными писателями и не раз повторялось ими в разных вариациях. Так, например, Плиний утверждал, что птицы выклеывают остатки мяса, застрявшего между зубами крокодила, оказывая ему этим неоценимую услугу: ведь у крокодила нет, мол, языка, которым бы он мог себе помочь. Это неверно. У крокодила есть язык, только он короткий и прикреплен таким образом, что животное не может его высунуть наружу.

Аристотель утверждал, что крокодил, прежде чем захлопнуть пасть, определенным движением головы подает птице сигнал, чтобы она успела выпорхнуть наружу. А птица в свою очередь предупреждает крокодила об опасности особым криком. Вот это верно. Например, стоит шпорцевому чибису (*Hiporopterus spinosus*) издать свой резкий свист, как все крокодилы, словно по команде, сползают в воду. Этой птице дозволено бегать по крокодильим спинам и шнырять между ними. Пользуется такой привилегией и другая птица — кулик-перевозчик

¹ Т р о х и л о с — египетский бегунок (*Pluvianus aegyptius*), кулик из семейства тиркушек.

(*Actitis hypoleucos*), гнездящийся у нас в Европе и навещающий крокодилов только зимой. Он тоже склевывает паразитов с кожи этих огромных рептилий и даже бесстрашно бежит навстречу гигантам, когда они вылезают из воды. Однако, чтобы этот кулик залезал к ним в пасть и чистил им зубы, мне еще никогда не приходилось видеть. В новейшей зоологической литературе это тоже ставится под сомнение. Тем не менее Ж. Ж. Плейер описывает, что видел собственными глазами в Зулуленде, как кулик-перевозчик выклевывал корм из пасти крокодила. Швейцарский биолог Гуггисберг наблюдал на Виктория-Ниле за марабу, который трижды клюнул в открытую пасть крокодила и вытащил оттуда небольшую рыбешку. Эту сценку ему удалось даже заснять. Значит, с птицами, во всяком случае с некоторыми, крокодилы определенно в дружбе. Что касается пестроспинной авдотки (*Burinus vermiculatus*), то с этой птицей крокодилы дружат безусловно: ведь она, как правило, насиживает свои яйца прямо рядом с тем местом, где крокодил зарыл свою кладку. Крокодилы старательно охраняют свою кладку, но кулика-авдотку не трогают, наоборот, тот явно чувствует себя в безопасности, имея такого мощного покровителя.

* * *

У крокодилов три разные походки. Торопясь в воду, они могут скользить на животе, растопырив лапы. Однако большей частью крокодилы слегка приподнимают тело над землей и на своих крепких лапах (с как бы вывернутыми наружу «локтями») довольно ловко маневрируют по берегу. Иногда же они переходят в галоп, но это случается очень редко, да и то среди молодых особей. В этот момент они, как ни странно, напоминают скачущих белок, потому что, как и те, бегут не по прямой, а зигзагами. В воде же они плавают точно так же, как рыбы,—

лапы они в это время плотно прижимают к корпусу и движутся только за счет волнообразного движения тела и ударов хвостом.

Чем меньше крокодил, тем чаще он вынужден появляться на поверхности за новой порцией воздуха. Небольшие крокодильчики, не достигшие одного метра, могут находиться под водой до 44 минут, взрослые же особи могут пролежать на дне, не дыша, больше часа.

Много гадали вокруг того странного факта, что в желудках убитых крокодилов находят камни. Едва ли они служат, как это наблюдается у некоторых птиц, для лучшего измельчения пищи. Ведь у крокодилов нет даже настоящего желудка, мускульными стенками которого они перемалывали бы пищу. Кроме того, вместе с камнями зачастую находили неповрежденных червей, раковины проглоченных моллюсков и тому подобное. Причем было замечено, что молодые крокодилы, не достигшие годовалого возраста, не заглатывают камней, а в желудках взрослых особей их так много, что они составляют один процент веса всего тела. Может быть, камни служат балластом при нырянии? Во всяком случае, к такому выводу пришел исследователь крокодилов Х. Котт. Ведь когда такая махина залезает в воду, она теряет 92,5 процента своего веса. Таким образом, животное весом 200 килограммов весит в воде лишь 15 килограммов. Так что предположение о подобном назначении проглоченных камней вполне резонно.

* * *

Эти огромные рептилии весьма живучи. Как-то знаменитый охотник Александр Блэк вырезал у убитого самца крокодила сердце и, завернув его в мокрую тряпку, положил на солнце. Сердце билось. Спустя полчаса оно все еще продолжало биться...

Ганс Бессер, проведший 14 лет в Восточной Африке, однажды смертельно ранил крокодила, который все же уполз в воду. Храбрый африканский помощник Бессера — Мтума побежал вслед за ним, схватил двухметровое животное за хвост и вытащил обратно на берег. Но прежде чем он успел опомниться, раненый крокодил одним ударом хвоста заставил его совершить сальто в воздухе и шлепнуться в воду. Туда же полетел и подоспевший на помощь Бессер. Оправившись от испуга, оба охотника подбежали к своей «жертве» и пригвоздили ее копьём к земле. Однако животное и не думало сдаваться; разинув пасть, оно старалось схватить за ногу кого-нибудь из мучителей. Тогда Мтума вонзил копьё прямо в пасть. Крокодил тут же захлопнул ее и так сильно зажал копьё между зубами, что оба охотника с огромным усилием, рывками сумели выдернуть его обратно. Железное копьё со скрипом протискивалось между не менее «железными» зубами чудовища. Чтобы окончательно разделаться с живучей тварью, Мтума всадил свой охотничий нож по самую рукоятку в загривок крокодила и затем, воткнув в рану копьё, пронзил им насквозь позвоночник.

«Поскольку я не дождался своего приятеля, с которым назначил встречу как раз на этом месте,— пишет дальше Бессер,— я решил над ним подшутить и оставить ему весточку о своем дальнейшем пути, вложив записку в пасть мертвому крокодилу так, чтобы конец ее торчал наружу. Мы подтащили тяжелую махину к самой тропинке и положили ее поперек таким образом, чтобы мой приятель никак не мог пройти мимо и не заметить записку. После этого мы помыли руки в реке, и только сели в тенечке, чтобы позавтракать, как мой помощник Мтума вдруг завопил: «Посмотри, господин, на своего крокодила!»

Каково же было мое удивление, когда я увидел, как «мертвый» крокодил с запиской в зубах бежит к воде и исчезает в ней. И все это несмотря на нанесенные ему раны, из которых каждая, на наш взгляд, была смертельной».

Взрослые крокодилы питаются почти исключительно мясом млекопитающих, не брезгуя и их трупами. В реке Луангва (Замбия) крокодилы километрами следовали за плывущей в воде тушей мертвого животного, причем по дороге к ним присоединялось все больше и больше сородичей, так что вода буквально кипела от копошащихся вокруг добычи крокодилийих тел.

В реках Африки нередко можно видеть плывущие туши; чаще всего это кафрские буйволы, затонувшие во время наводнения. В воде крокодилы могут разорвать даже тушу слона. Набрасываются они и на мертвых бегемотов, погибших во время своих поединков.

Преследуя такую тушу по реке, крокодилы поначалу держатся очень осторожно (особенно если видят, что за ними кто-нибудь наблюдает), но постепенно смелеют, а заметив, что к добыче подбираются крупные рыбы вунду (*Heterobranchus longifilis*) или грифы, они поспешно бросаются к ней. Как-то вокруг одного мертвого бегемота удалось насчитать 120 крокодилов! На расстоянии трех километров по реке в это время нельзя было обнаружить ни одного крокодила — все были здесь.

Однажды было замечено, как крокодил подкрался к льву, пожиравшему кафрского буйвола, и проворно утащил внутренности убитого животного. Крокодил никогда не отказывается от свежего мяса, но оно ему не всегда «по зубам», причем в полном смысле этого слова, потому что у крокодилов нет клыков, специально приспособленных для разрывания добычи. Не способны они и разжевывать то, что попало им в пасть. У только что убитого бегемота или кафрского буйвола крокодилам под силу откусить только уши и хвост; кожный же покров слишком жесток, так что эти рептилии не в состоянии вырвать из туши подходящий кусок мяса. Поэтому крокодилы часто довольствуются полуразложившейся падалью или предпо-

читают поедать свою жертву в воде, где ее кожа размокает и разорвать ее становится легче.

Крокодилы пожирают добычу следующим образом. Подплыв к жертве, каждый крокодил сначала обходит ее так, чтобы очутиться головой против течения. Затем вцепляется в нее зубами и начинает, словно штопор, вертеться вокруг своей оси, как бы откручивая кусок мяса. Таких поворотов крокодил может совершать до двадцати подряд. При этом он бьет хвостом по воде, показывая свое светло-желтое брюхо. С трудом оторвав кусок, рептилия высовывает голову из воды и рывками, как бы давясь, проталкивает его себе в глотку.

Однажды в Серенгети мы с лесничим Майлсом Тернером наблюдали за такой трапезой. После каждого проглоченного куса крокодил, тяжело дыша, оставался несколько минут на поверхности, а затем вновь нырял за следующей порцией. В реке Луангва нам приходилось видеть по 30 — 40 крокодилов, хлопочущих вокруг туши кафрского буйвола, но мы ни разу не заметили, чтобы они подрались между собой за добычу. Эти животные отлично ладят друг с другом. Правда, молодняк никогда не участвует в подобных пиршествах вместе со взрослыми, а старается держаться подальше от своих сородичей (а то, неровен час, по ошибке проглотят!). Зато большие рыбы, которые иногда сами становятся добычей крокодилов, безбоязненно толкуются вокруг туши, стараясь урвать себе кусочек. При резких поворотах, которые совершают эти огромные животные во время кормежки, увесистые рыбины зачастую вылетают из воды и с шумом шлепаются назад.

О том, какой недюжинной силой обладают крокодилы, говорит такой пример. На песчаной отмели в Натале возле убитой антилопы импала лежал четырехметровый крокодил. Заметив, что за ним наблюдают, крокодил схватил зубами свою жертву, зашвырнул ее себе на спину (весит такая антилопа примерно 50 килограммов) и опрометык бросился в воду.

Переваривание пищи у этих рептилий происходит крайне медленно и вяло. Может быть, этим объясняется их стремление затаскивать свою жертву в вырытые под водой прибрежные норы и под береговые навесы и дожидаться несколько дней, пока труп начнет разлагаться. Схватив неосторожную антилопу, зашедшую в воду напиться, крокодил, как правило, никогда сразу ее не пожирает, он сначала топит ее, прячет куда-нибудь и терпеливо ждет...

* * *

А дальше начинаются страшные рассказы о людоедстве. Ведь большие крокодилы при случае отнюдь не отказываются от мяса двуногих существ... Пропавших людей неоднократно находили в их подводных кладовых. Так, по сообщению лесничего национального парка Крюгера Дж. Стефансона-Гамильтона, под береговым навесом был найден труп африканского мальчика, на теле которого почти не было никаких следов укусов.

Газета «Таймс оф Свазиленд» 8 ноября 1952 года описывала страшное происшествие, случившееся на небольшом островке посреди реки Узуту, близ миссии Святого Филиппа. Крокодил длиной в 4 метра 20 сантиметров схватил восьмилетнего мальчика и утащил его под воду. Мужественный девятнадцатилетний молодой человек, подоспевший на крик ребенка, пересек вброд реку, настиг крокодила и несколько раз ударил его копьем. К сожалению, из-за быстро наступивших сумерек преследование пришлось прекратить; продолжить его удалось только следующим утром. На этот раз молодой человек привел с собой деда погибшего мальчика. Они выследили крокодила и, когда он задремал на песчаной отмели, швырнули в него копье, которое застряло у него между лопатками. Однако огромное животное вместе с торчащим из спины копьем сумело удрать в воду. Поскольку древко копья

торчало над водой, легко было определить, куда направился крокодил. Преследователям удалось настигнуть крокодила на другом берегу и добить его копьями. Когда они вскрыли ему брюхо, то нашли в нем верхнюю половину тела мальчика в совершенно неперевааренном виде, хотя оно находилось там более двенадцати часов. Дед зарыл останки своего внука, отсек крокодилу голову и поставил ее сверху на могилу вместо памятника. В пасть мертвой рептилии вставили распорку, чтобы она навсегда оставалась раскрытой и служила предостережением неосторожным купальщикам...

Третий случай произошел в Цаво-парке, в Кении. Двое европейских детей купались в прозрачной воде реки Мзима возле самого берега. Девочка заметила подплывшего к ним под водой крокодила и убежала. Мальчик же замешкался и был схвачен рептилией. Убитые горем родители снарядили большую группу людей, которая, обшарив все окрестности, обнаружила почти неповрежденный труп мальчика, запрятанный в тростниковых зарослях.

Знаменитый торговец животными Герман Рухе потерял на Суматре при весьма необычных обстоятельствах одного из лучших своих звероловов. Тот возвращался на лодке с компанией гостей после удачного сафари к себе домой. Он был в приподнятом настроении, пел и болтал в такт голой ногой, свесив ее за борт лодки. За эту-то ногу его и схватил крокодил; животное сдернуло зверолова с лодки, да так быстро утащило под воду, что даже никто выстрелить не успел. На поиски были снаряжены войска, которым только на третий день удалось обнаружить совершенно изуродованный труп...

* * *

С крокодилами издавна были связаны всяческие легенды и верования. Так, в Древнем Египте считалось, что речного бога можно умилоствивить ежегодным жертвопри-

ношением. Причем в жертву приносилась непременно молоденькая красивая девушка. Устраивалось специальное празднество, во время которого несчастную закланницу бросали в воду крокодилам, которые ее тут же разрывали.

На островах Сесе на озере Виктория местные жители долгое время считали крокодилов священными наместниками какого-то божества, которому считалось необходимым время от времени приносить жертвы. Закланникам предварительно ломали руки и ноги (чтобы они не могли сбежать), а затем относили несчастных на песчаные отмели, откуда крокодилам удобнее было их забирать...

Король Мутса во время религиозных войн свозил пленных африканцев магометанского вероисповедания на маленький остров в Мерчисонской бухте, где они должны были неминуемо погибнуть от голода и жажды, а при попытке к бегству их в реке разрывали крокодилы.

Вместе с моим сыном Михаэлем мы как-то посетили народность дан, населяющую в Западной Африке частично Либерию, а частично Берег Слоновой Кости.

Доктор Химмельхебер сумел подружиться с одним из вождей этого народа и даже пригласил его к себе в Гейдельберг. Из бесед с ним ученому удалось выяснить много интересных подробностей быта и верований этой народности. Так, в частности, выяснилось, что у дан желчный пузырь крокодила считается ядовитым. Как только кто-либо их охотников убьет крокодила, он обязан тут же сообщить об этом в свою деревню. Тогда приходит шаман, собственноручно вырезает желчный пузырь из брюха крокодила, на глазах у всех вскрывает его и содержимое выпускает в реку. Таким образом, никто не сможет использовать во вред якобы ядовитую желчь крокодила...

А вот какой ужасный случай произошел в марте 1959 года в Чикваве (теперешнее Малави). Один старик уговорил некоего Эларда Чипандале убить его непослушную восьмилетнюю внучку. Элард был известен как

«крокодилий колдун». За убийство дед обещал заплатить 22 марки. Но поскольку он не расплатился полностью, убийца подал на него в суд, требуя выплаты обещанной суммы! Каково же было удивление судей, когда этот человек, беззастенчиво объясняя суть дела, стал уверять, что умеет превращаться в крокодила, привязывая к бедрам заколдованные сучья, чем и зарабатывает себе на жизнь. Стоит ему укрепить эти сучья на бедрах, как у него сейчас же вырастают длинное крокодилье рыло, длинный хвост и острые зубы. На расспросы судей он охотно ответил, что указанного ребенка он убил ударом хвоста. Однако на требование судей продемонстрировать им свое превращение в крокодила он ответил отказом, заявив, что уже уничтожил свои чудодейственные сучья. Обоих преступников — и деда и убийцу-колдуна — осудили по всей строгости закона.

* * *

В период брачных игр самцы, призывая самку, издают громкий и протяжный рев, напоминающий барабанный бой. При этом они поднимают голову и широко разевают пасть. Брачные игры происходят в воде, причем в озере Рудольф между 9 и 11 часами утра, сразу же после первой солнечной ванны на берегу. Если, патрулируя вдоль своих владений, самец встречает самку, он первым делом в знак приветствия дугообразно поднимает хвост над водой, только конец его неизменно остается опущенным в воду. Кроме того, он поднимает голову, так что она лежит на поверхности воды; загривок его раздувается, а на обеих щеках появляется по прозрачному пузырью. Хлопаньем челюстей и ударами хвоста самец взбаламучивает вокруг себя воду. Затем он бросается в погоню за уплывающей самкой. Настигнув ее, он сначала плывет рядом, а затем, несколько перегнав, заставляет плавать по кругу. Самка высовывает кончик морды из воды и издает

гортанные звуки. Самец же в это время молчит. Кончается погоня тем, что самка либо удирает от своего преследователя, либо разрешает ему обхватить себя передней лапой за загривок и оседлать. Хвосты при этом шлепают один о другой. Поскольку самец крепко удерживает самку передними лапами, они могут плыть некоторое время вот так, тесно прижавшись друг к другу. На глубоком месте самка может нырнуть, на мелком самец ложится на бок. Само спаривание длится от минуты до двух. Между 13 и 14 часами брачные игры прекращаются, и животные ложатся отдыхать.

Бои между владельцами соседних участков или между владельцем и вторгшимся пришельцем происходят следующим образом. Противники лежат в воде друг против друга так, что видна только верхняя часть головы. Возле носа то и дело поднимаются маленькие водяные фонтанчики. Внезапно один из противников по пояс выпрыгивает из воды и, широко раскрыв пасть, с громким ревом бросается на другого. Такой бой может продолжаться примерно три четверти часа; дерущиеся крокодилы нещадно кусают друг друга, а иногда сцепляются челюстями и с шумом крутятся на одном месте. Подобные поединки привлекают других крокодилов — зрителей.

* * *

Яйцекладка в разных частях Африки приурочена к разным месяцам. На Виктория-Ниле крокодилы откладывают яйца в декабре — январе, то есть во время засушливого сезона, когда вода уходит от берега. На Центральном острове озера Рудольф яйцекладка происходит в конце декабря после первого сезона дождей, молодняк же появляется после второго сезона — в марте.

Гнезда с закопанными в них яйцами находятся обычно на расстоянии от пяти до десяти метров от уреза воды,

примерно в двух метрах над ее уровнем на отлогом берегу. Делают их, как правило, в мягком без камней песке, где-нибудь в тенечке. Самки роют свои гнезда передними лапами, а задними отодвигают песок в сторону, траву же вырывают зубами и передними лапами. Яйца лежат на глубине от 20 до 50 сантиметров в сыром песке; чем меньше тени, тем глубже роются ямы. В гнездо ведет круглый коридор, сужающийся по направлению к гнездовой камере.

Владелица гнезда ночью откладывает в несколько приемов в среднем до 33 яиц и затем старательно засыпает их сверху песком или закрывает слоем травы толщиной до четверти метра. Под этим слоем температура песка почти на десять градусов ниже, чем в окружающем песке, обогреваемом солнцем. Биолог Модха измерял температуру в гнездовых камерах крокодилов, она оказалась равной 30 — 35 градусам.

В некоторых случаях гнезда крокодилов бывают расположены и значительно дальше от воды — даже в 30 метрах.

Инкубация длится обычно 11—13 недель, и все это время самка охраняет свою кладку. Если почва сырая и глинистая, яйца закладываются не так глубоко — всего в десяти сантиметрах от поверхности. Самка почти все время лежит сверху, время от времени удаляясь, чтобы окунуться в воду. Когда она возвращается назад, стекающая с нее вода увлажняет почву вокруг зарытой кладки.

В Мерчисонском парке была измерена температура в десяти таких кладках. Она оказалась равной 30 градусам и в течение суток колебалась не больше чем на три градуса.

Когда жара становится нестерпимой, самка иногда уходит в тень ближайшего дерева, но и оттуда зорко наблюдает за своей кладкой. Однако во время «насиживания» крокодилы становятся очень вялыми и медлительными, что объясняется, по всей вероятности, большой поте-

рей влаги в организме за счет испарения. Этим обстоятельством пользуются нильские вараны, полутораметровые сухопутные ящерицы, зарекомендовавшие себя как воры крокодильих яиц. Раскопав с быстротой молнии кладку крокодила, они хватают одно яйцо за другим и разбивают о какой-нибудь камень или дерево, чтобы добраться до содержимого. Надо отметить, что оболочка крокодильих яиц в отличие от змеиных твердая, известковистая.

В прежние времена крокодилы, по-видимому, собирались в гнездовые колонии подобно некоторым видам птиц. И сейчас еще в местах, где много крокодилов, кладки их расположены довольно близко одна от другой. Так, на южном берегу озера Альберт на участке в 62 квадратных метра было обнаружено 24 кладки.

В южноафриканском резервате Мкузи сейчас занимаются искусственным выращиванием крокодилов, с тем чтобы снова заселить ими окружающие водоемы. При этом выяснилось, что яйца крокодилов отнюдь не скоропортящийся продукт. В ящиках, выстланных соломой, они выдерживали долгий путь в 250 километров — и в лодке, раскачивающейся на волнах, и в машине, трясущейся по плохой дороге. Для дальнейшей инкубации важно только помечать верх и низ, чтобы уложить их в таком же положении, как они лежали в гнезде. В искусственных условиях яйца держат не в песке, а в корзинах с сеном, которые время от времени обрызгивают водой, а в сильную жару переставляют в тень. При таком способе инкубации на свет появляется гораздо больше крокодилов, чем на воле, потому что в естественных условиях очень много яиц уничтожается. Наилучшей температурой для выклева из крокодильих яиц считают 27—35 градусов. На короткое время температура может опускаться до 19 градусов и подниматься до 38, что не нарушает инкубации.

Незадолго до выклева из яиц начинает раздаваться нечто вроде лягушачьего кваканья. В природных условиях эти звуки хорошо прослушиваются даже сквозь 30-сантиметровую толщу земли на расстоянии четырех метров. В условиях неволи было замечено, что звуки раздаются в ответ на стук по ящику, на тяжелые шаги поблизости от него или тогда, когда рядом запущен магнитофон с записью этих звуков. Писк крокодильего потомства привлекает и взрослых сородичей. Герпетолог Войлцков, проводивший свои наблюдения на Мадагаскаре, заметил, что крокодильчики подавали голос из яиц, как только он топал ногой возле ящика, в котором они находились, или стучал по нему рукой. По всей вероятности, крокодилье потомство подает голос, услышав шаги своей матери. Та же в свою очередь, услышав их писк, начинает разгребать лапами землю, чтобы помочь своим деткам выбраться на волю: без ее помощи они не в состоянии этого сделать.

Во время выклева потомства крокодилицы становятся очень агрессивными. В этот период они могут напасть даже на суше, чего крокодилы при обычных обстоятельствах никогда не делают.

Так, на зоолога Ганса Бессера в Танзании на довольно большом расстоянии от берега реки вдруг напал крокодил. Застрелив животное, Бессер исследовал место, где оно рылось в момент появления непрошеного гостя. Он лег на землю, чтобы лучше разобраться, в чем тут дело, и отчетливо услышал оживленную возню и звуки, подобные тем, которые издают щенята, насытившиеся материнским молоком. Он раскопал землю и вытащил нескольких маленьких крокодильчиков, которые тут же попытались цапнуть его за руку. В длину они достигали 25 сантиметров, и у некоторых еще сохранился желточный мешок. Все они стремительно стали карабкаться к воде, хотя с того места, где их откопали, реки не было видно. Ганс Бессер разными способами старался прегра-

дить им дорогу и поворачивал мордой в обратную сторону, но они безошибочно находили правильный путь и снова торопились к спасительной воде... В общей сложности в яме оказалось 205 яиц. Трудно предположить, что кладка принадлежала одной самке. По всей вероятности, этой ямой воспользовалось несколько самок.

Обычно твердая скорлупа яиц к моменту выклева, по видимому, размягчается, потому что крокодильчики довольно легко ее разрывали и с волочащимся желточным мешком спешили к воде. Ни одного тухлого яйца в кладке не оказалось. Ганс Бессер отобрал 30 крокодильчиков, взял их с собой и поселил в специальном бочажке в своем саду. Но сколько он их ни кормил мясным фаршем и рыбьей икрой, они за три года почти не подросли. Вся компания с неизменной жадностью набрасывалась на брошенный им корм, поглощая его только под водой и никогда не делая этого на суше.

* * *

Поскольку молодым крокодильчикам в первые дни их жизни со всех сторон угрожают опасности, мать сопровождает их повсюду, как утка своих утят. Они даже залезают ей на спину и катаются на ней, чувствуя себя там в полной безопасности. Вылупившийся из яйца крокодильчик достигает в длину 28 — 34 сантиметров и имеет желточный мешок величиной с куриное яйцо. Содержащегося в нем запаса пищи может хватить на несколько месяцев.

Новорожденные крокодильчики — лакомое блюдо для орлов, марабу и грифов. Нильский варан преследует их до самой воды, а в воде за ними охотятся водяные черепахи, да и взрослые сородичи тоже не прочь ими поживиться. На озере Рудольфа молодых крокодильчиков промысляет и сом. Так что тут смотри в оба.

В первое время весь выводок держится вместе. Малыши очень беспокойны; они общаются между собой при помощи звуков, напоминающих кваканье или хрюканье, и щелкают друг на друга челюстями. Завидев мать, они приветствуют ее особым хрюканьем, залезают ей на голову или на рыло и кидаются вслед за ней, когда она ныряет. Хотя крокодилицы и отгоняют варанов, а также других взрослых крокодилов и цапель от своих «детских комнат», тем не менее потери бывают весьма велики.

Путем мечения Модхе удалось установить, что каждый выводок держится вместе от двух до трех недель, а затем объединяется с молодежью из других гнезд. Самки с одинаковым рвением охраняют и чужое потомство. Живут молодые крокодильчики в совсем иных местах, чем взрослые, где-нибудь в заболоченной бухте, заросшей кустарником. Окрашенные в защитные цвета, они практически невидимы для посторонних глаз. Питаются они поначалу улитками, личинками стрекоз, кузнечиками, жуками и другими насекомыми; позже переходят на крабов, жаб, лягушек, птенцов и грызунов. В подростковом возрасте они начинают ловить рыб и охотиться за разными рептилиями и млекопитающими.

Джой Адамсон, приемная мать известной львицы Эльсы, нашла в небольшом бочажке недалеко от своей палатки семь крокодильих «беби». Их почти нельзя было отличить от окружающей водной растительности: по серовато-коричневому фону их кожи расплывались большие черные пятна. У них были несоразмерные с туловищем несуразные большие головы, они свободно плавали, барахтаясь и отталкивая воду всеми четырьмя конечностями. Но охотнее крокодильчики садились на плывущий тростник и плавали на нем, как на лодке. Глаза у них были цвета светлой охры, выпуклые, величиной с горошину, и защищенные большими надбровьями. Как только на расстоянии шести-семи метров происходило малейшее движение, они мгновенно исчезали под водой. Однако

звуки голосов или щелканье фотокамеры даже совсем рядом с ними не пугали их ни малейшим образом. Когда им предлагали на конце палки кусочки мяса, они не обращали на него никакого внимания, не интересовались они также брошенными им на съеденье червями, стрекозами и мухами. Но когда Джордж, муж Джой Адамсон, попробовал имитировать звук, издаваемый крокодилами («имн, имн, имн»), они сейчас же сбились в кучу и повернули головы в его сторону. Однако они не тронулись с места, а остались под надежным прикрытием тростниковых зарослей. Но тем не менее они доказали этим, что отнюдь не глухи. Следовательно, они слышат и разговоры, и щелканье камеры, но просто не обращают на это никакого внимания, потому что звуки подобного рода ничего для них не означают.

Крокодильчики первые семь лет растут довольно быстро, прибавляя примерно по 26,5 сантиметра в год. После же 22 лет крокодил прибавляет лишь по 3,6 сантиметра в год.

При искусственном выращивании, например в резервате Мкузи в Зулуленде (ЮАР), особенно следят за тем, чтобы обязательно были тепло и тень. Загон, где содержатся крокодильчики, должен быть обнесен металлической сеткой с ячейей не более 1,3 сантиметра в диаметре, иначе эти маленькие рептилии ухитряются протискиваться сквозь нее. Кроме того, такую металлическую сетку необходимо закапывать на полметра в землю и с внутренней стороны обкладывать шифером, чтобы эти бесенята не могли устроить подкоп и удрать. Высота сетки может достигать 90 сантиметров, важно лишь, чтобы верх был загнут внутрь. Весь загон снаружи на некотором расстоянии обносится еще одним забором из деревянных кольев, оплетенных камышом, который служит для защиты от ветра и хищных животных. Искусственный водоем на территории загона разделяют пополам маленькой плотиной. Одну половину наполняют холодной водой, а вто-

рую, во время похолодания,— подогретой. Делается это для того, чтобы крокодилы во все сезоны не переставали принимать пищу и росли быстрее. Подвешенная над водой большая лампа служит ловушкой для насекомых, которые, опалив крылья, падают в воду и становятся добычей молодых рептилий. Если животных кормят мясом, им необходимо добавлять в рацион кальций. К концу первого года крокодильчики удваивают свой рост, достигая в длину примерно 75 сантиметров, а к концу второго года их уже выпускают в ближайшие реки.

* * *

Между прочим, на воле крокодилов-подростков практически встретить невозможно. Недаром Питнам писал: «Создается впечатление, что крокодилов размером от шестидесяти сантиметров до полутора метров вообще не существует в природе!»

До тех пор пока эти подростки не станут взрослыми, они прячутся в самых отдаленных бочажках, болотцах и закрытых бухтах, чтобы до поры до времени не попасться на глаза своим взрослым сородичам, склонным к канибализму...

Однажды произошел чрезвычайно смешной случай. На реке Итшен, близ Саутгемптона (Англия), два рыбака никак не могли вдвоем вытащить попавшуюся на крючок рыбу. Удилищегнулось и трещало, чуть не переламываясь пополам. Когда же наконец им удалось вытащить свою добычу на берег, выяснилось, что это молодой нильский крокодил. По-видимому, кто-то выпустил его в реку.

Самцы крокодилов становятся половозрелыми, достигнув длины от 2,9 до 3,3 метра, а самки начинают производить потомство, достигнув 2,4—2,8 метра, следовательно, лишь с восемнадцатилетнего возраста.

При таком медленном темпе размножения даже при самой строгой охране потребуется немало времени, чтобы какую-нибудь местность вновь заселить крокодилами.

Как сообщает охотничье управление Уганды, в реке Семлики был убит крокодил длиной 5 метров 95 сантиметров с объемом брюха в 1 метр 73 сантиметра. А Ганс Бессер сообщал об уложенном им в марте 1903 года в реке Мбака в Танганьике крокодиле, достигавшем в длину целых 7 метров 60 сантиметров; при этом у него еще не хватало одной четверти хвоста! Объем брюха у этого экземпляра составлял 4 метра 26 сантиметров, а череп имел 1 метр 40 сантиметров в длину и 95 сантиметров в ширину.

* * *

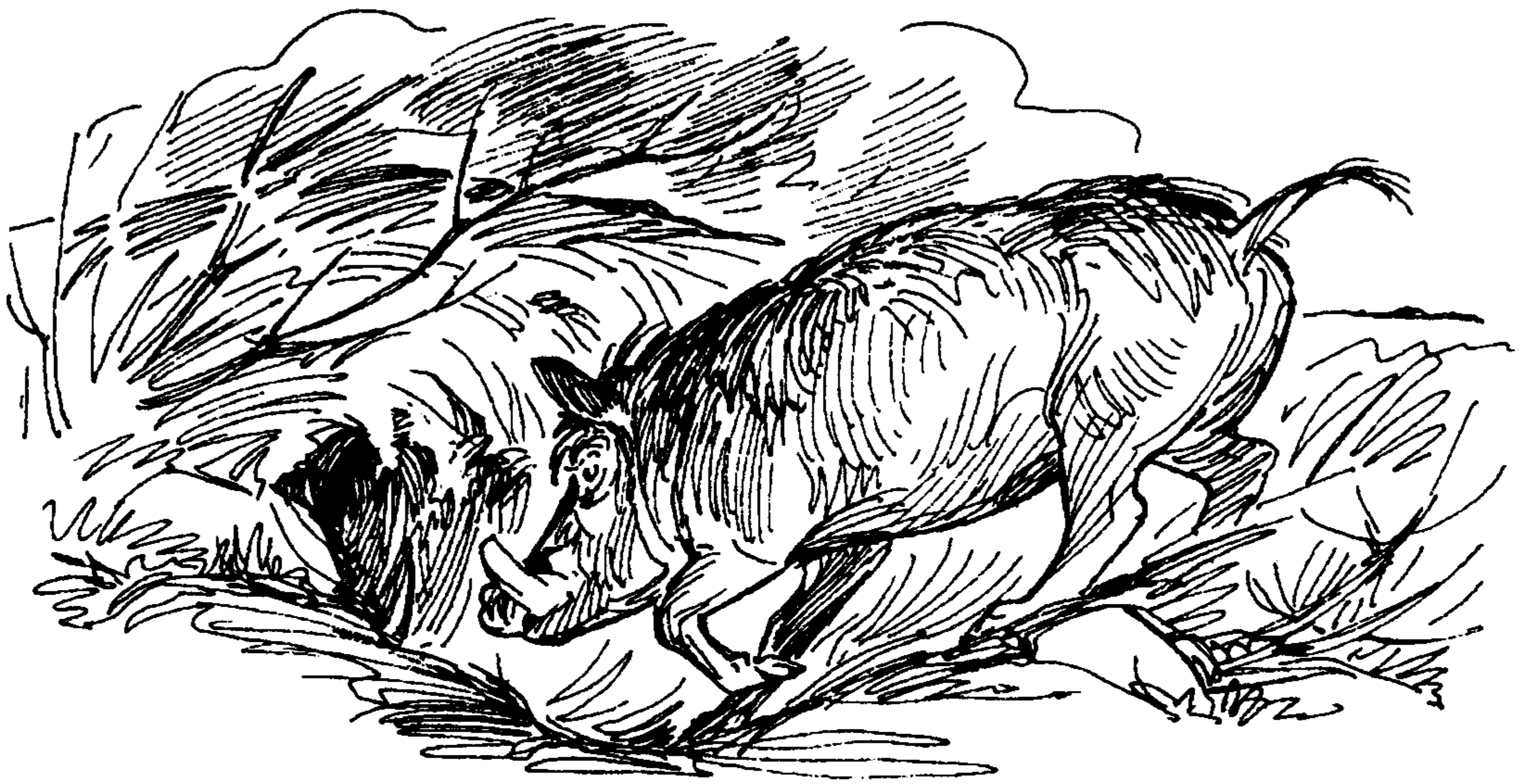
Эти страшилища издавна привлекали внимание европейцев. Так, в 58 году до нашей эры некто Эмилиус Скаурус привез в Рим пять крокодилов, которых демонстрировал в специально вырытом для них водоеме. Во время празднества по случаю постройки храма Марса-мстителя (2 года до нашей эры) римский император Август приказал напустить воды в цирк и устроил там представление, во время которого было убито 36 крокодилов. Подобные зрелища позже неоднократно повторялись, поскольку имели огромный успех у публики. Римский император Гелиогабал держал в своем дворце прирученного крокодила, ставшего его любимцем.

Интерес к демонстрации этих рептилий в цирках не угас и в наши дни. Только при этом крокодилам на всякий случай завязывают пасть невидимой нейлоновой леской. Так же поступают при перевозке этих животных и в тех случаях, когда нескольких вновь прибывших крокодилов сажают в общий бассейн. Завязанная пасть не позволяет им передрапаться между собой, а что касается приема пищи, то они ведь могут подолгу голодать, так что

первое время, пока они не привыкнут друг к другу, их можно и не кормить.

Если выкармливать крокодила с юного возраста, он может стать вполне ручным. Такой крокодил позволяет носить себя по арене цирка на вытянутых руках, разевая при этом во всю ширь пасть и показывая публике свои устрашающие зубы. Однако для подобных представлений обычно дрессируют значительно более миролюбивых американских аллигаторов, которые и на воле никогда не нападают на людей.

Глава одиннадцатая

КАК ЖИВОТНЫЕ ОТНОСЯТСЯ К ОГНЮ

Тот, кто выуживает муху
из супа, не голоден.

Африканская поговорка

Рано утром 8 апреля 1896 года служители Бернского зоопарка обнаружили лежащий в медвежьем загоне труп мужчины. С него была содрана вся одежда вплоть до ботинок и носков, а 16-летний медведь Мани распростер над ним лапы, не подпуская к трупу медведицу. Чтобы отогнать медведя от трупа, в загон стали швырять зажженные связки соломы, но зверь ничуть не испугался, а трижды гасил огонь лапой, окуная ее затем в воду. Убитый молодой человек, от которого сильно несло спиртом, по-видимому, прокрался ночью в зоопарк, чтобы подразнить животных. Но так как он был основательно

пьян, то не смог удержать равновесия, когда перегнулся через барьер, и упал вниз.

Следовательно, нельзя считать, что животные ужасно боятся огня.

Когда у Джой Адамсон, приемной матери знаменитой львицы Эльсы, однажды вечером в лагере взорвалась лампа, львята спокойно продолжали лежать в своем углу, удивленно взирая на огромный столб пламени. А их мать, львица Эльса, так близко подошла к огню, что ее пришлось отозвать, иначе она опалила бы себе усы. Когда в Серенгети происходят степные пожары, львы иногда приходят погреться возле пламени и поваляться в свежей, еще горячей золе. Что касается зебр, антилоп, слонов и кафрских буйволов, то те тоже отнюдь не бросаются в панике бежать при виде пожара, как это много раз описывалось в книгах об Африке, а, наоборот, часто пасутся в самой непосредственной близости от огня.

Для всех птиц, кормящихся насекомыми, ящерицами, лягушками и другими мелкими животными, пожар имеет даже большую притягательную силу. Вся эта мелочь вынуждена массами бежать от огня. Тут-то со всех сторон слетаются аисты, марабу, орлы, канюки, различные сизоворонки, и начинается азартная охота на спасающихся от огня мелких животных.

Пожаров, возникающих от удара молнии, в Африке почти никогда не бывает. Ведь грозы обычно сопровождаются дождем, который быстро тушит пламя, если оно и занялось. Дикие животные не убегают от молнии и грома, как бы оглушительно ни грохотало. И их может убить молнией точно так же, как и нас. Так, на берегу реки Инн в марте 1964 года молнией убило сразу восемь косуль. И тем не менее очертя голову убежать от молнии совершенно нецелесообразное действие, которое в борьбе за существование может принести только вред. Ведь убежать от молнии все равно невозможно,

а бегущие куда глаза глядят животные легко могут стать добычей хищников.

Когда нам были нужны деньги для восстановления разрушенного Франкфуртского зоопарка, мы организовывали всякого рода платные увеселительные мероприятия. Время от времени мы устраивали и мощные фейерверки и убедились в том, что постояльцы нашего зоопарка не обращают ни малейшего внимания ни на огонь, ни на взрывы, ни на сверкание и грохот.

В Европе в природных условиях огонь можно увидеть гораздо реже, чем в Африке. Непривычные желтые языки пламени должны либо отпугивать диких животных и заставлять их убежать, либо, наоборот, привлекать своей необычностью.

Не одни мы любопытны. Когда однажды утром граф фон Тизенхаузен подкрадывался на животе к токующему тетереву, его увидел лось. Животное очень удивилось этой непонятной фигуре, ползущей по земле, втянуло носом воздух и затопало ногами. Охотник зажег спичку, чтобы прогнать его, не поднимая излишнего шума. Лось действительно поначалу испуганно убежал, но вскоре вернулся, мучимый жгучим любопытством. Он подошел вплотную к охотнику и ухнул ему в лицо. От лосиного крика, да еще над самым ухом, могут задрожать все поджилки. Тизенхаузен зажег сразу целый пучок спичек и швырнул их животному в морду. Только таким способом ему удалось отделаться от навязчивого лося.

На островах реки Лулэо, в Заире, бегемоты не раз нападали на рыбаков или носильщиков экспедиций, дремлющих вокруг костра.

Одна дама из Гамбурга описывала мне, как ее собака встретила свое первое в жизни Рождество:

«Тут вошел Неро и увидел горящие свечки на рождественской елке, которая стояла на полу. Он понюхал одну из них, но эта штука, оказывается, кусалась! Нужно было укусить ее в ответ. Но «штука» цапнула его за нос.

Тут он разозлился и ну на нее лаять: «Ав-ав!» Смотрит — огонь погас. Скорее к следующей, опять «ав!» — и эта тоже погасла. На третьей получилась осечка: огонь остался жить. Тогда с большой осторожностью он пустил в ход лапу, и злое «животное» было уничтожено. И так продолжалось до тех пор, пока все достигаемые для собаки свечи не были потушены. С этого времени Неро тушил каждую спичку, которую ему подносили под нос. И в кафе, куда его иногда брали с собой, он развлекал посетителей тем, что «залаивал» спички. Однажды кто-то из сидящих за столиками бросил собаке окурочек сигары, чтобы посмотреть, что она будет с ним делать. Неро с лета схватил окурочек, обжегся и выронил его. После этого он бросился на пол и так долго катался по окурочку, пока и этот незнакомый «зверь» сдох. Но что удивительнее всего — он его проглотил! Сколько раз он повторял этот фокус и сколько окурочков сигар и сигарет таким образом «выкурил», осталось неизвестным. Но от этого его стало рвать, и ему сделалось так плохо, что мы спокойствия ради перестали брать его с собой в кафе».

Уже не раз случалось, что зарянки и скворцы поджигали свои гнезда и скворечники, принося туда в качестве строительного материала горящие окурочки сигарет. Ручная зарянка, летающая по кухне, испугавшись появившейся за окном хищной птицы, опрометью кинулась в открытую дверцу затопленной печки, но тут же выпорхнула обратно целой и невредимой.

Но вот чем объяснить прямо-таки болезненное пристрастие галок и ворон к огню и дыму? Прирученные, они учились без посторонней помощи зажигать спички и затем подносили их зажженными под крылья и прямо купались в дыму и пламени. Причем перья при этом почти не опаляются. Почему им это доставляет такое удовольствие, пока еще выяснить не удалось.

Некоторые птицы выхватывают иногда из костра горящую соломинку или ветку и отлетают с ними прочь. В

прежние времена часто утверждали, что соломенные крыши часто загораются по вине птиц. Так, например, в 1201 году большой пожар в Лондоне начался якобы именно по такой причине. Категорически отвергать подобные сообщения никак нельзя, потому что новейшие исследования скорее подтверждают возможность подобных действий птиц.

* * *

Что же касается широкоизвестного бегства обезумевших от страха перед степным пожаром копытных, то его легко и, главное, «убедительно» можно показать в кино следующим образом. Надо ехать на нескольких машинах по степи и гнать впереди себя зебр, гну и других антилоп, снимая их, когда они несутся во весь дух. Затем отдельно следует снять фронт огня, пожирающий траву, и в конце концов все это вперемежку смонтировать в своем фильме. Тогда получается полное впечатление, что животные убегают от огня. Настоящие же лесные пожары, во время которых гибнут не только животные, но и люди, происходят только в Европе, в нетропической Азии и Северной Америке, то есть в более прохладных областях. Девственный лес в тропиках слишком влажен, чтобы гореть.

В 1955 году в одной только Калифорнии за 18 дней (с августа по сентябрь) произошло 436 лесных пожаров, и на борьбу с ними иногда выходило по 14 тысяч человек. В том же году на всей территории Соединенных Штатов лес горел 154—160 раз, и это было наименьшее число пожаров за десять лет. В Канаде за один год сгорело 13 лесоводов, которых сбрасывали с парашютом, для того чтобы они помогали тушить пожары еще в самом зародыше. Пожары в таких случаях иногда тушат прямо с воздуха.

Во многих районах Англии, Франции, Швейцарии и Норвегии с 26 по 28 сентября 1950 года солнце и луну видели абсолютно синими. К вечеру солнце садилось не красным шаром, а совершенно белым. В Соединенных Штатах в эти дни солнце было настолько затемнено, что на него можно было смотреть без темных очков. Причиной столь странного превращения солнца было более 100 пожаров, одновременно бушевавших в Западной Канаде. Дым от них заволок половину земного шара. 27 сентября дожди и снега обуздали наконец разбушевавшуюся стихию огня.

* * *

В Африке пожары, как это ни странно, имеют прямое отношение к распространению сонной болезни. Эту болезнь, так же как и родственное ей заболевание домашнего скота под названием нагана, переносит муха цеце, снискавшая себе этим дурную славу.

Новейшие исследования показали, что муха цеце живет почти исключительно за счет крови бородавочников; кровь других животных она высасывает в значительно меньшем количестве.

Широко распространенный прежде метод борьбы с эпизоотией нагана заключался в планомерном отстреле дичи по всей округе, чтобы мухе цеце нечем было питаться. Но при подобных массовых облавах на диких животных как раз бородавочники-то и остаются целыми и невредимыми: ведь при малейшей опасности они прячутся в свои подземные сильно разветвленные норы. А гибнут, наоборот, ни в чем не повинные зебры, буйволы, жирафы, слоны и множество видов антилоп.

Изучавший этот вопрос биолог из Замбии Б. Л. Митчелл указывает на то, что бородавочники питаются в основном степными травами, корнями травы, а также некоторыми видами тростников и осок. На нагорьях они жи-

вуд целиком за счет травы *Loudetia superba* и корней различных видов *Huraphenia*. Этих трав на нагорьях больше всего.

Лесное управление Северной Родезии (теперешней Замбии) в течение 25 лет проводило опыты по сжиганию растительности. При этом выяснилось, что такие ежегодные искусственные пожары ведут к тому, что в первую очередь исчезают деревья и кустарники, а твердые, как бы «огнеупорные», травы *Loudetia superba* и *Huraphenia*, наоборот, все больше и больше распространяются. По-видимому, все учащающиеся сильные пожары текущего столетия создали условия, способствующие размножению бородавочников, а с ними и мухи цеце. Вот чем можно объяснить расширение ареала мухи цеце, происшедшее за последние 60 лет.

В Африке почти повсеместно поджигают траву, чтобы легче было охотиться. Поэтому в местностях, где отстреливают животных, в тщетной борьбе с мухой цеце степь горит каждый год. Но как мы теперь видим, подобный метод борьбы ведет лишь к увеличению числа бородавочников и вслед за ними — мухи цеце. Остается лишь надеяться, что все-таки настанет время, когда при этих массовых отстрелах перестанут истреблять хотя бы ни в чем не повинную антилопу конгони, кровь которой, как показали анализы, муха цеце никогда не сосет.

* * *

Однако я не собираюсь утверждать, будто в Африке ни одно крупное животное не может погибнуть от пожара.

В отдельные годы в сезон дождей бывает необыкновенно много осадков. Так, в 1962/63 году в Восточной Африке выпало столько дождей, сколько не было ни разу за 40 лет. Потoki воды срывали мосты, размывали дороги. Но главное, благодаря влажности трава в отдельных

районах выросла в человеческий рост, и при этом необыкновенно густая. Мы уже рисовали себе страшные картины, что будет в последующий засушливый сезон, когда она пожелтеет, высохнет и при первом же пожаре будет объята пяти-, шестиметровой стеной огня.

А избежать степных пожаров в Африке абсолютно невозможно. Уже более тысячи лет подряд люди ежегодно поджигают степь. И в том, что пустыня Сахара ежегодно продвигается дальше на юг, а пустыня Калахари — дальше на север и, следовательно, весь континент все больше превращается в сплошную пустыню, нужно винить именно эти бесконечные степные пожары, учиняемые самим человеком.

Но в том засушливом 1963 году нам все же удалось спасти кенийский Цаво-парк от пожара. В самых опасных местах мы с помощью больших дорожных машин проложили параллельные просеки длиной в 180 километров, а траву между ними сожгли, пока она была еще наполовину влажной. Поэтому в разгар сухого сезона пожары доходили до двойной совершенно голой линии заграждения и не могли проникнуть внутрь парка. Таким образом нам удалось спасти многих животных от мучительной смерти.

Между прочим, должен упомянуть, что деньги, необходимые для проведения столь срочных дорожно-строительных работ, собрали мне телезрители, которым я в своих передачах рассказал о надвигающейся беде.

К сожалению, люди, заботящиеся только о своей выгоде, никогда не пекутся об охране природы и не задумываются даже о будущем своих собственных детей. Так, во всех странах Средиземноморья, которые еще в античные времена были густо облесены, леса постепенно были почти начисто сведены. Лес использовали и на деревянные суда греков, римлян, турок и испанцев, и как топливо для многочисленных купален античного времени. Сейчас в Испании, Югославии и Греции господствуют

унылые, голые ландшафты; плодородные почвы их нагорий смыты, и мы все снова и снова читаем в газетах о происходящих там страшных наводнениях.

Точно так же были уничтожены немногочисленные леса Австралии — континента, все более подвергающегося засухам. А сведены они были ради овец, шерсть которых на мировом рынке стоила огромные деньги. Фермеры «кольцевали» большие деревья, обрезаая кору по кругу, и, когда деревья засыхали, их поджигали. Все это делалось для того, чтобы освободить земли под пастбища, где смогли бы пастись огромные отары овец.

Один мой знакомый, доктор Х. О. Вагнер, рассказывал мне, что, проезжая в 1937 году на машине из Брисбена в Сидней, он по дороге не видел ни одной не подожженной куртины леса или кустарника. Обугленных деревьев было вдвое больше, чем живых. Год спустя во время полета из Мельбурна в Сидней он насчитал сверху 17 лесных пожаров. Во время таких пожаров погибли, между прочим, миллионы прелестных мишек коала, которых теперь можно встретить только в заповедниках, где их заботливо оберегают.

Когда я 30 лет спустя сам проезжал на машине по этим районам, с пожарами дело обстояло ничуть не лучше.

В 1965 году во время засухи в районе Лонгву, в 130 километрах севернее Мельбурна, бушевал огромный пожар. В огненном море погибли тысячи животных, а вместе с ними и восемь человек. 260 квадратных километров внутренних земель штата Виктория превратились в пустыню. Огонь загорелся в самую сильную жару, которая здесь когда-либо бывала. Температура воздуха достигала 43,3 градуса. Полиции и солдатам, вооруженным пулеметами, пришлось перестрелять по меньшей мере шесть тысяч голов овец и рогатого скота, окруженных со всех сторон бушующим огнем. Таким образом их спасли от мучительного сгорания заживо.

Точно так же в Африке могут погибнуть от пожара и слоны. В 1956 году в Уганде погибло целое стадо слонов из 64 голов, окруженное со всех сторон стеной огня. Такие случаи могут служить потом поводом для известных легенд о кладбищах слонов. Когда на одном месте находят массу костей этих животных, очень легко прийти к столь романтическому толкованию такого явления.

В 1958 году в Цаво-парке во время лесного пожара погибло 15 молодых слонов. Их трупы были самым тщательным образом обследованы, чтобы проверить, не погибли ли животные еще до пожара от какой-либо болезни. Но затем совсем в другом месте парка нашли еще пять погибших от пожара слонов. А на такой огромной площади, которую занимает Цаво-парк, их могло быть и значительно больше.

Известный южноафриканский знаток змей Ф. В. Фицсиммонс сообщил о таком случае. В одной деревне начался пожар. Люди кинулись спасаться на близлежащий скалистый холм, но были немало напуганы, когда заметили, что туда же прибежало много диких животных, которые в страхе жались друг к другу. Но самое неприятное было то, что на этот же холм стали сползаться змеи: питоны, мамбы, гадюки и кобры. Очутившись в столь непривычной обстановке, животные были настолько подавлены, что не проявляли ни малейшей агрессивности и никого не трогали.

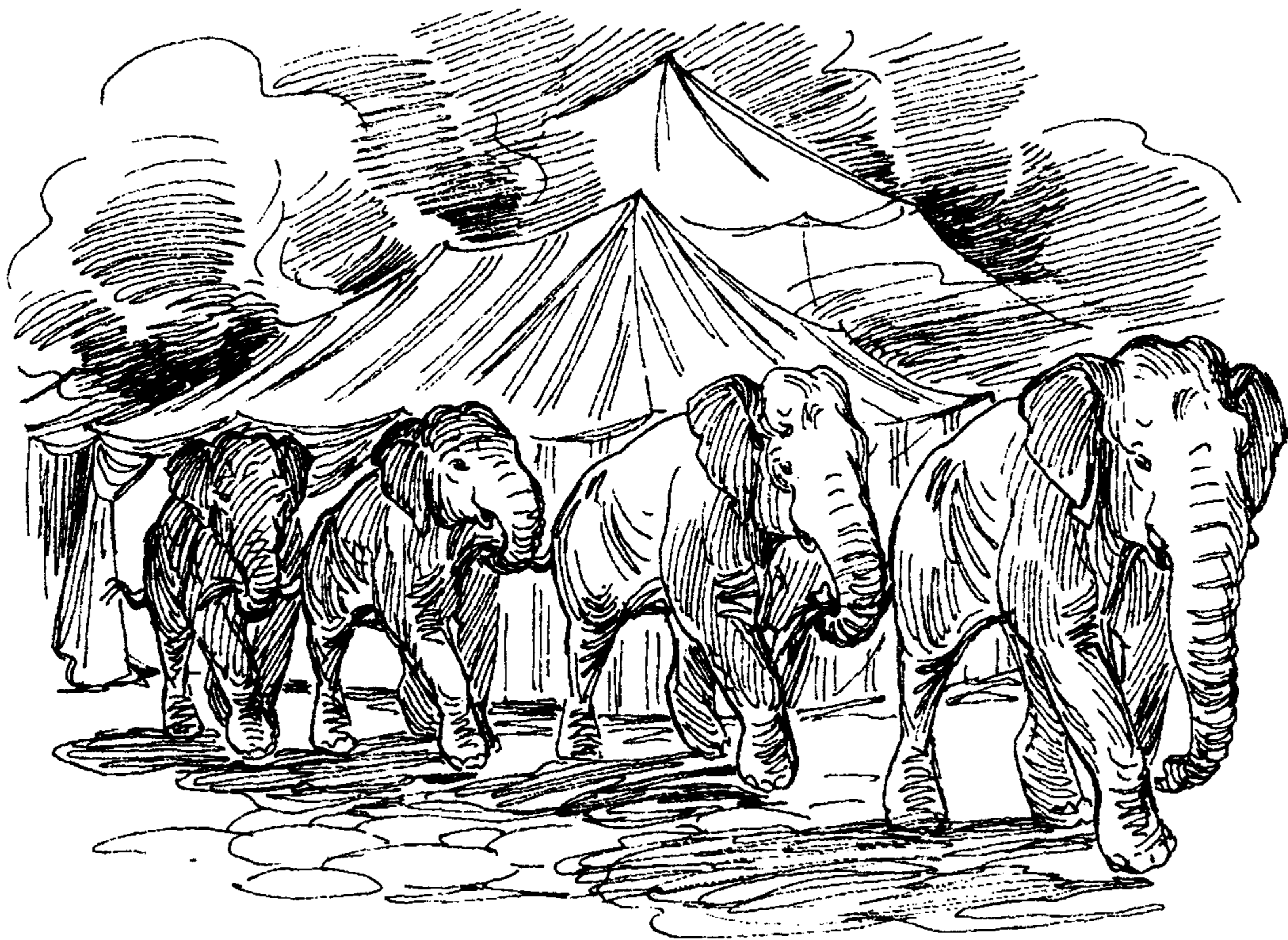
В том же, 1958 году нечто подобное произошло в Англии, когда в Манчестерском зоопарке загорелся павильон птиц. Все здание охватило море огня высотой от 17 до 20 метров. Директор и все сотрудники парка бросились в павильон, открывая клетки и выхватывая оттуда

всех птиц подряд. Их бросали, не разбирая, в пустующие запасники и в клетки по соседству с горящим павильоном. Хищников кидали вперемешку с другими видами, но никто никого не тронул. Стоял лишь дикий крик: попугаи орала и визжали на все голоса или повторяли слова, которым их учили, а смеющиеся зимородки от волнения непрерывно издавали свой дикий хохот, который в такой обстановке звучал особенно жутко.

Хуже бывает во время пожаров в цирках. Там ведь крупных зверей обычно держат на цепи или привязывают веревкой. Брезентовые шатры вспыхивают мгновенно и рушатся на привязанных животных.

Немецкий цирк Саррасани в 1931 году выступал впервые после Первой мировой войны в бельгийском городе Люттих. По неизвестной причине ночью весь цирк внезапно был охвачен огнем. Убыток исчислялся в миллионы марок, но, кроме того, сгорело восемь из двадцати двух слонов. Один из вырвавшихся наружу горящих слонов, испытывая страшные муки, бросился в крепостной ров, пробил лед и повредил себе при этом позвоночник. Достать его оттуда так и не удалось.

4 августа 1942 года в Кливленде (штат Огайо) в течение трех минут сгорел шатер с дрессированными животными, принадлежавшими цирку Барнум и Бейлей. 65 животных погибло, причем часть их из-за страшных ожогов пришлось пристрелить. Среди них было 4 слона, 13 верблюдов, 12 зебр, 2 жирафа, 4 льва, 3 тигра, 16 обезьян и 1 зебу. Слоны испеклись заживо, мясо лентами метровой ширины отставало от костей. Уши почти у всех сгорели и отвалились. Зебры как безумные металась по наполненному огнем и дымом помещению. Слоны же терпеливо стояли на местах и двинулись к выходу только тогда, когда появился дрессировщик. По его приказанию каждый слон схватил хоботом кол, к которому была прикована цепь, вытащил его из земли, затем взял впереди стоящего слона за хвост, и так, в полном «боевом» порядке, они

без паники покинули горящее помещение. Верблюды, те вообще не сдвинулись с места; они лежали, уставясь в пространство, и молча прощались с жизнью.

Цирковой ветеринар Ж. Хендерсон потом писал:

«В тот раз я понял, что каждое животное обладает свойством, которое у человека мы именуем внутренним благородством и выдержкой. Решающее значение при этом имеет не величина их тела, не их проворность или сила. Нет, дело в том, что они каким-то непонятным образом могут правильно оценивать окружающую обстановку, словно понимают, что в природе временно и преходящее, а что вечно и незыблемо. С этого момента у меня появилось до тех пор незнакомое мне чувство уважения к животным».

Естествоиспытатель Вильям Биб наблюдал, как во время извержения вулкана на Галапагосских островах кипящая лава лилась в море. Сразу же появилось много обож-

женной кипятком снулой рыбы. Обилие рыбы привлекло морских птиц, в первую очередь качурок и буревестников, но некоторым из них пришлось поплатиться за свою жадность жизнью.

«Печальнее всего была судьба взрослого тюленя, внезапно вынырнувшего из воды у самого берега. Пять раз он перепрыгивал туда и обратно через двухметровые, а местами даже трехметровый кипящий поток в воде и под конец, ослепленный, измученный нестерпимой болью, направился напрямик к огненной лавовой дельте. Никакой отчаянной борьбы мы не увидели, просто последним своим броском он кинулся в пасть смерти».

Многие скотоводы считают, что домашний скот можно огнем вылечить от болезни или предохранить от эпизоотий. Но такой «лечебный» огонь нужно добывать особым образом — трением одной деревяшки о другую. В Средней Европе этим спасительным «очищением огнем» пользовались уже в VII веке. Таким же «девственным огнем» пробовали излечивать скот в Шотландии и Англии и в 1840 году. Весной 1855 года в одной брауншвейгской деревне заболевших свиней прогоняли через огонь, зажженный старостой по древнему обычаю. А свиней из Гандерсхайма в начале XIX века заставили трижды пробежать через большой костер, зажженный посреди площади. Предварительно во всех домах был погашен огонь в очагах. После окончания процедуры его вновь зажгли, но только от головешек, вытащенных из «лечебного костра». Крестьяне в те времена верили также в то, что этот огонь может спасти их скот от ведьм.

Нам, людям, в природных условиях абсолютно невозможно обходиться без огня. В 1906 году на один из Галапагосских островов, а именно на остров Индефатигабле, попали десять матросов, потерпевших кораблекрушение. Два с половиной месяца они вынуждены были питаться сырым мясом и кровью гигантских черепах. И только не-

задолго до того, как их нашли, они обнаружили, к ужасному своему огорчению, что один из них все это время протаскал в своем саквояже коробку спичек, ничего об этом не подозревая...

* * *

Однажды я был свидетелем того, как зажженная сигарета может побудить дремлющего хищника к молниеносным действиям. Это, по-видимому, вообще их основной трюк, с помощью которого они заставляют свою жертву врасплох.

Было это в 1946 году во Франкфуртском зоопарке. Львы тогда еще содержались не в свободных загонах, а в примитивных клетках, на всякий случай отгороженных от зрителей еще деревянным барьером. Молодой американский солдат перелез через этот барьер и подкрался к льву, лежавшему так близко у решетки, что хвост его свисал наружу. Решив посмешить зрителей, а заодно показать свою удаль, солдат погасил окурок сигареты об этот хвост. В мгновение ока лев вскочил на ноги и сорвал передней лапой всю кожу с головы «шутника», форменным образом оскальпировав его. К счастью, такой скальп хорошо приживляется, и в лазарете его удалось снова натянуть на голову и пришить. Насколько мне известно, голова у этого солдата зажила, а вот окурки о львиные хвосты он, пожалуй, больше тушить не будет.

Глава двенадцатая
ОКЛЕВЕТАННЫЙ ГОРИЛЛА

Если хочешь поссориться
с соседом — заведи козу.

Африканская поговорка

100 лет прошло со дня открытия гориллы (в 1860 г.), и все 100 лет до наших дней его считают проклятым чудовищем леса, которое с бешеной злобой нападает на людей и убивает их.

Первым из зоологов гориллу описал Р. Овен. Вот что он рассказал об этих черно-бурых или густо-черных человекообразных обезьянах: «Когда негры крадучись пробираются сквозь сумрак тропического леса, они замечают присутствие одной из этих страшных гигантских обезьян лишь по внезапному исчезновению одного из своих спутников. Его затаскивают высоко на дерево, и он успеваает

разве что издать короткий предсмертный вопль, а затем, задушенный, падает на землю».

Еще совсем не так давно один журналист, пишущий очерки об охоте, утверждал, что ему в Западной Африке пришлось казнить самца-гориллу за то, что он «третировал и колотил всех самок подряд, ломился в хижины местных жителей и убил одну самку, у которой был детеныш». Мне потом удалось доказать, что этот самец-убийца на самом деле был самкой.

До самого последнего времени о жизни и повадках этих огромных существ в природных условиях знали до смешного мало. А между прочим, они наши ближайшие родственники.

Профессор Джордж Б. Шаллер из Международного научно-исследовательского института в Серенгети провел целых 20 месяцев среди горных горилл, наблюдая за ними ежедневно. Ему принадлежит огромная монография (420 страниц) о гориллах (G. B. Shaller. The Mountain Gorilla. Chicago, 1963). Из всех когда-либо издававшихся исследований об африканских животных это наиболее исчерпывающее.

С его согласия я направил в Конго (теперешний Заир), в ту же местность, где Шаллер сумел установить своего рода дружественные отношения с гориллами, моего помощника Алана Рута вместе с его молодой женой Жоан, для того чтобы они смогли поснимать там горилл на кино- и фотопленку.

Горилл, в особенности горных, как правило, снимать необычайно трудно. Они пугливы, прячутся в зарослях, и, кроме того, они черные. Поэтому для хорошей съемки никогда не хватает освещения, даже если снимаешь на самую высокочувствительную пленку. Те немногие сцены из жизни свободно живущих горилл, которые были показаны в двух или трех фильмах, в действительности всегда снимались так: несколько сот загонщиков окружали, а затем отлавливали животных и перевозили их в специально

приготовленные загоны, где и выпускали для последующих съемок.

И вот нам представилась блестящая возможность по-снимать горилл в их естественной обстановке на склонах вулканов Вирунга, где за время постоянного соседства с супругами Шаллер они потеряли страх перед человеком и стали намного доверчивее.

К сожалению, теперь в этой местности опять началось браконьерство, и я боюсь, что те несколько сот горных горилл, которые здесь обитают, скоро опять станут бояться человека.

Горная цепь Вирунга состоит из шести потухших вулканов. Подножия гор окружают плодородные земли, относящиеся к наиболее густонаселенным районам Африки. Чтобы сохранить горных горилл на склонах вулканов, бельгийцы в 1925 году основали национальный парк Альберт (теперь — Киву), площадь которого составляла 3150 квадратных километров; в него вошли и обширные степные и озерные ландшафты, где, разумеется, никаких горилл нет. Горная цепь Вирунга расположена как раз на границе между Заиром и Руандой, которые не так давно находились под бельгийским владычеством. И хотя правительство Заира взяло горных горилл под особую защиту, тем не менее им непрерывно угрожает опасность и со стороны крестьян-земледельцев, старающихся увеличить свои пашни за счет сведения лесов, и охотников, преследующих их ради мяса, и, наконец, со стороны скотоводческого племени ватусси, которое пытается пасти свои огромные стада на территории, принадлежащей гориллам.

Надо сказать, что место, в котором обитают эти человекообразные животные и куда за ними приходится карабкаться их исследователям и наблюдателям, отнюдь нельзя считать «тропическим раем». Находится оно на высоте от 2650 до 4300 метров. Здесь часто идут дожди; нередок и град, причем он бывает величиной с воробьи-

ное яйцо. Горный девственный лес то и дело окутывают облака и туман, и температура иногда резко снижается даже ниже нуля.

Горные гориллы водятся в самом сердце Африки, и только здесь на сегодняшний день их не меньше пяти тысяч и не больше пятнадцати. Они отнюдь не избегают мест, затронутых хозяйственной деятельностью человека, и нередко держатся поблизости деревень, плантаций, дорог или горных разработок. Дело в том, что в таких местах огромные деревья сведены и вместо них появились подрост, кустарники и зеленая травянистая растительность, представляющие для питания горилл гораздо большую ценность (не говоря уже о полях и огородах человека). Между прочим, должно пройти не менее 80 лет, пока исконные виды деревьев вновь заселят отнятые у них территории и вырастут настолько, что их уже нельзя будет отличить от основного, несведенного девственного леса.

То, что обезьян видели на опушках леса и вблизи человеческого жилья, вводило всех в заблуждение; считали, что если гориллы даже здесь встречаются так часто, то уж в бескрайних девственных лесах их должно быть видимо-невидимо.

Обе супружеские пары — Шаллер и Рут — жили в сборном домике и в палатках, обследуя в основном район Кабары. Из 400—500 горных горилл, населяющих вулканы, здесь, в районе Кабары, обитает ровно 200; притом они делятся на десять семей, или групп. За 466 часов наблюдений за этими группами Джордж Шаллер встретил их 314 раз. Шесть из наблюдаемых семей под конец совершенно привыкли к его присутствию.

Наблюдать за ежедневной деятельностью этих обезьян — дело отнюдь не простое: заросли травы и кустарник полностью скрывают их от наблюдателя. Но район Кабары был удобен для исследователей тем, что сюда редко добирались люди и здешние гориллы почти с ними не стал-

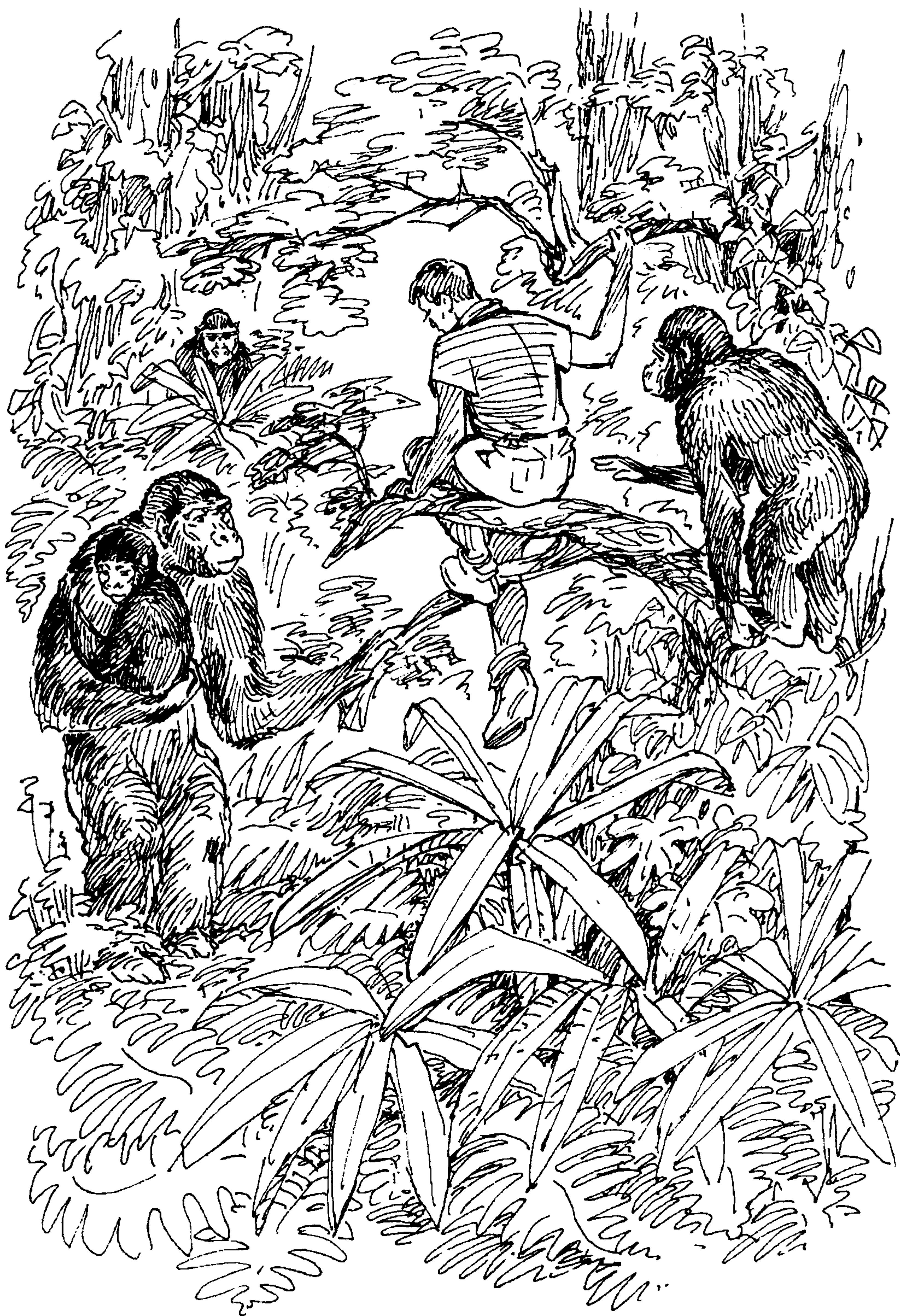
кивались. Поэтому от одиночного наблюдателя они удирали очень редко.

Вожак стаи, мощный, грузный самец, заметив человека, поворачивает к нему лицо и издает несколько предостерегающих криков, после чего к нему собираются все самки и молодняк, чтобы тоже получше рассмотреть незнакомое существо; многие для этого залезают на пни или нижние ветви деревьев. Чаще всего они вскоре снова принимаются за еду или ложатся отдыхать. Если наблюдатель орудует каким-нибудь незнакомым для них предметом, например кинокамерой, они вытягивают шеи или залезают куда-нибудь на возвышение, чтобы получше разглядеть незнакомую штуковину.

Одна семья, или группа, может насчитывать от двух до тридцати голов. В районе Кабары в каждой семье их бывало в среднем до 17. К гориллам нельзя подходить быстрым шагом, нельзя при них делать резких движений или говорить громким голосом; нельзя на них и подолгу смотреть: они этого не любят и обязательно уйдут. Нападений же с их стороны не было ни разу.

Иногда у горилл любопытство брало верх над осторожностью, и они решались подойти к наблюдателю. Причем было непонятно, что именно придавало им смелости. Так, группа животных, которую Шаллер встречал уже 76 раз, в один прекрасный день решила поинтересоваться им поближе. Обезьяны начали приближаться к нему и, не дойдя десяти метров, сели и принялись его внимательно разглядывать. Одна из самок с трехмесячным детенышем на руках подошла еще ближе, протянула руку и резко качнула ветку, на которой сидел Шаллер. Затем она посмотрела наверх, чтобы проверить, какое это произвело на него впечатление. Один из подростков решил этот номер повторить, а молодая самочка (о, женщины!) даже залезла на несколько секунд к нему на ветку.

Еще чаще самцы, и в первую очередь вожаки стай, делали ложные выпады в сторону наблюдателя — то ли

чтобы посмотреть, как он это воспримет, то ли с целью прогнать его. Однажды один крупный самец пробежал навстречу Шаллеру 7 метров, однако вдруг остановился, не добежав 25 метров, по-видимому отказавшись от своего первоначального намерения.

Вряд ли найдется какое-нибудь животное на земле, которое бы так бессовестно оклеветали, как гориллу. К такому заключению приходит каждый, кто читал толстые дневники Шаллера, где записаны его многочисленные наблюдения за этими животными.

Большинство животных занимает определенный участок земли и рьяно его отстаивает. Группа горилл тоже имеет собственную территорию, которая обычно занимает от 25 до 40 квадратных километров. Животные эти, проводящие большую часть времени на земле, постоянно кочуют по своей территории в поисках пищи. Иногда они проходят за день только 100 метров, иногда же до 5 километров. Но в той же области живут и другие группы горилл, иногда их бывает до шести в одном районе. Когда эти группы встречаются, то никакой драки не возникает, просто вожаки подходят друг к другу и пристально смотрят в глаза, иногда они для порядка покричат, а то обходится и без этого. Затем члены обеих групп на время смешиваются, пасутся рядом и потом мирно расходятся — каждый в свою сторону. Шаллеру ни разу не приходилось наблюдать между гориллами ни ссор, ни тем более боев.

Драк из-за самок у них тоже почти не бывает, и брачные игры у горилл в отличие от других животных, включая и других обезьян, играют самую незначительную роль. Вожак стаи спокойно сносит «ухаживания» другого самца за одной из самок его гарема; он равнодушно взирает на то, как «соперник» в трех метрах от него спаривается со своей избранницей.

Беременность у самок бывает довольно трудно определить по внешнему виду, поскольку у них и так обычно

сильно раздуты животы. Судя по родам, происходившим в условиях зоопарков, беременность у горилл длится восемь с половиной месяцев, у шимпанзе — неполных восемь, а у орангутанов — ровно восемь. Во время беременности у некоторых самок отекают щиколотки ног. Роды длятся всего несколько минут. В отличие от детенышей многих низших обезьян новорожденный горилла не умеет самостоятельно держаться за шерсть матери, самка носит его при себе, прижимая одной рукой к груди.

* * *

К началу 1969 года в зоопарках был зафиксирован 21 случай родов горилл (правда, выжило из новорожденных только 18); кроме того, в шести случаях произошли выкидыши.

Почти все роженицы отказались от своих «беби», и малышей пришлось искусственно выкармливать. Объясняется это, по-видимому, тем, что и сами мамы попали к людям совершенно молодыми, как, например, наша Макула во Франкфуртском зоопарке. Они никогда не жили в стае среди себе подобных, где могли бы научиться, как нужно обращаться с новорожденными. В моем собственном доме выросло пять детенышей гориллы.

Детеныши у горилл рождаются в любое время года, размножение не приурочено к какому-либо сезону.

Когда Макула попала к нам в руки, она была еще такой крошечной, что не умела самостоятельно поднять головку. Пришлось купить ей детскую кроватку и поставить ее в спальне рядом с нашей собственной кроватью. За горилленком требовался примерно такой же уход, как за человеческим младенцем, но развивался он вдвое быстрее, чем ребенок.

Наш первенец — горилленок Макс, родившийся во Франкфуртском зоопарке 22 июня 1965 года, весил при

рождении 2100 граммов, а спустя год — уже 16,5 килограмма. Первые молочные зубы (резцы) прорезались у него на шестой неделе жизни, а на семнадцатой появились и коренные зубы. Двух недель от роду он уже следил глазами за движущимися предметами, смеялся, если его щекотали, а когда его клали на живот, поднимал голову. В десять недель он уже отличал своих приемных родителей от прочих людей и самостоятельно поворачивался с живота на спинку. В 19 недель он бегал на четвереньках, поднимался, держась за что-нибудь, на ноги и барабанил руками в стену. В 34 недели он уже мог сделать несколько шагов на двух ногах, не опираясь на руки.

А 3 мая 1967 года у той же самки родились близнецы женского пола, но разнояйцевые, заметно отличающиеся друг от друга не только по весу, но и по всему поведению.

* * *

Как показали наблюдения в области Кабары, маленькие гориллы двух с половиной месяцев от роду уже начинают кроме молока получать и растительный корм, а в шесть или семь месяцев они, по-видимому, уже полностью переходят на этот вид питания. Тем не менее некоторые детеныши до полутора лет могут еще время от времени сосать мать. В шесть-семь месяцев они уже умеют лазить по деревьям.

Когда у самок появляются собственные детеныши, это не означает, что они становятся неприветливыми к чужим детям. Случается, что чужой детеныш подходит к самке с малышом на руках, садится к ней на колени и даже пытается раздобыть себе молока, и та его не отталкивает. Даже мощные самцы гориллы позволяют детенышам играть возле себя, шалить, залезать на себя верхом. Одна самка гориллы из популяции, обитающей на скло-

нах вулканов Вирунга, все время носила на руках восьмимесячного детеныша с глубокой раной на животе. Детеныш никогда не ездил на ней верхом, как это часто делают гориллята его возраста; видимо, он был слишком слаб, для того чтобы крепко держаться за шерсть. Мать носила его очень осторожно, чтобы не прикасаться шерстью к ране, всегда брюшком от себя. Время от времени она тщательно осматривала рану со всех сторон, слегка притрагивалась к ней пальцами. Как-то в такой момент подошла другая самка, потерявшая два месяца назад собственного детеныша, наклонилась над раненым горилленком и дотронулась губами до его мордочки.

Присаживаясь, самки обычно держат своих детенышей двумя руками. Одна самка в течение четырех дней носила с собой мертвого детеныша и никак не хотела с ним расстаться.

Никому еще ни разу не приходилось видеть, чтобы детеныш гориллы сосал палец, как это делают наши дети. Молодняк до трех лет остается с матерью и спит вместе с нею в одном гнезде. Взаимная привязанность ослабевает, когда детеныш достигает четырех-пяти лет, но и тогда мать никогда грубо не прогоняет своего отпрыска. Подросток еще долгое время продолжает спать в гнезде матери, даже тогда, когда у той уже появляется новый «беби». Только через некоторое время она начинает спокойно снимать руку подростка со своей шерсти, когда тот во время дневного перехода по привычке цепляется за нее.

Детеныши гориллы обычно светлее, чем взрослые обезьяны, особенно долго сохраняет свой коричневый оттенок их голова.

В Анголе в лесу Нко возле реки Рио-Мусси в 1966 году был пойман двухлетний самец альбинос, весь белый, с голубыми глазами. Он живет теперь в зоопарке Барселоны.

Половозрелость у самцов гориллы наступает к пятидесяти годам, у самок — к шести-семи.

Какого возраста они достигают, живя на воле, сказать трудно; в зоопарке же они могут дожить до 38 лет.

Взрослый самец-горилла — это весьма внушительная личность: его вес достигает 135-200 килограммов. Самки же весят от 70 до 110 килограммов. Крупный самец Пил в зоопарке Сент-Луиса (США) весил перед своей смертью 350 килограммов, но он явно был чересчур раскормлен.

В десять лет у самцов середина спины становится серебристо-серой. Только такие серебристоспинные самцы имеют право быть вожаками групп. Но если бы у них и не было этого серебристого седла, их все равно легко было бы отличить по их огромному росту и внушительному виду. Однако в отличие от павианов они проявляют свою власть без драк или грызни. Ссор из-за еды между гориллами никогда не возникает. Что у горилл существует какая-то иерархия, можно заметить только в одном случае — когда две обезьяны встречаются на узкой тропе или обгоняют одна другую. В такой ситуации «нижестоящий» должен уступить дорогу «вышестоящему». Если он не делает этого сразу и добровольно, обычно бывает достаточно легкого прикосновения пальцев старшего. Лишь в редких случаях вожак просто отодвигает обеими руками того, кто мешает ему пройти, или идет прямо на него, спокойно сметая с пути.

Вожак никоим образом не старается прогнать из группы «нижестоящих» взрослых самцов или держать их на почтительном расстоянии. Точно так же он не запрещает чужим, одиночно или попарно живущим в лесу самцам присоединяться к своей группе. Иногда взрослых самцов можно видеть сидящими на расстоянии полутора или двух метров друг от друга.

Детеныши имеют особое пристрастие к такому верзиле-вожаку. Как только группа садится отдыхать, тот или иной малыш обязательно покинет свою мать, подсядет к нему и влезет на руки. Однажды наблюдали, как сразу

четверо отпрысков собрались вокруг своего «папаши». Когда один из расшалившихся малышей стукнул его по лицу, этот могучий зверь ограничился только тем, что отвернулся. Он разрешал им даже вцепляться ручонками в свою густую шерсть и ехать на себе верхом, подолгу держал их «на коленках». Но когда детеныши уж слишком надоедали, ему достаточно было только взглянуть на них пристально, и они тут же уходили.

Среди обезьян широко распространена привычка как бы «искать блох» друг у друга. На самом деле такое перебирание шерсти не имеет никакого отношения к поискам паразитов: у обезьян, как правило, ни вшей, ни блох не бывает. Это скорее всего жест, выражающий симпатию и привязанность, который воспринимается как ласка. У нас ему соответствует поглаживание по голове или похлопывание по щечке. Гориллы чрезвычайно редко перебирают шерсть друг у друга, разве что мать своему детенышу. А чтобы этим занимались молодые черные самцы, вообще никому никогда не приводилось видеть. В то время как детеныши павианов и шимпанзе от такой процедуры явно получают большое удовольствие (они форменным образом «вынуждают» к этому своих мамаш), маленьким гориллам, наоборот, это не доставляет никакой радости; они вырываются и всячески сопротивляются, так же как некоторые человеческие детки не желают, например, умываться.

Многим приходилось видеть, как играют между собой шимпанзе. Да и многие другие взрослые обезьяны охотно и подолгу играют друг с другом. Гориллята же собираются вместе и играют только тогда, когда группа делает привал. Взрослые в этих играх не принимают никакого участия: гориллы — народ серьезный. Желание играть пропадает у живущих на воле горилл примерно лет в шесть, то есть с наступлением половой зрелости. Излюбленные же игры у детенышей — это прятки, догонялки, защита занятого пня или холмика от посягательства других, сло-

вом, те же игры, в которые играют и наши дети на всем земном шаре. Если горилленок один, он занимает себя тем, что качается на какой-нибудь свисающей ветке, прыгает, съезжает на попке с пригорков и одновременно лупит руками по растущим кругом растениям, а то и кувырывается или в невообразимом восторге бегаёт по кругу.

Вся группа согласовывает свои действия с действиями вожака, хотя он, казалось бы, и не даёт никаких команд. Как только он трогается после отдыха в путь, поднимаются и все остальные, причем не в порядке субординации, а кто как хочет. Вожак самый бдительный, самый возбудимый из всех в стае, он продолжает кричать и угрожать даже тогда, когда все остальные уже давно успокоились. В то же время он и самый дикий и чаще других прячется за деревьями. Иногда в одной группе бывает два серебристоспинных самца, которые держатся друг от друга на некоторой дистанции, один-два черных взрослых самца, шесть-семь самок, два-три подростка и четыре-пять детенышей.

У горилл бывает зевота, кашель, отрыжка, икота, они чихают и почесываются точно так же, как и мы. Для общения между собой у них существует 22 различных звука, но, разумеется, нет никакого настоящего языка, которым обладают одни только люди. И хотя все члены стаи сохраняют между собой мир и лад, тем не менее явно выраженной дружбы между какими-нибудь отдельными особями, как это обычно бывает у шимпанзе, у горилл не наблюдается.

* * *

Когда вожак стаи хочет приструнить своих «домочадцев» или угрожает каким-нибудь незнакомцам, в том числе и людям, он запугивает их своего рода спектаклем с неистовыми «танцами». Сначала вожак выпускает

подряд несколько диких криков, в паузах между которыми он просовывает между губами листочек. Крики следуют друг за другом все быстрее, обезьяна поднимается на ноги и начинает швырять в воздух ветки и листья. Кульминационный пункт представления заключается в том, что великан принимается бить себя в грудь руками, устраивая настоящий барабанный бой. Потом он снова опускается на четвереньки и бежит боком, срывая и топчя растения. Под конец он ударяет ладонью о землю.

Элементы этого «танца» знакомы уже четырехмесячным детенышам: они умеют стучать руками себе в грудь и затем обрывают и топчут растения вокруг себя. Но кричат и угрожают во время запугивающих представлений только взрослые самцы.

Если горилла всерьез собирается напасть, он ведет себя совсем иначе, но опять же сходным с нами образом. Когда горилла пристально смотрит в глаза приближающемуся человеку или другому горилле — это означает угрозу. Точно так же он воспринимает за угрозу продолжительный взгляд человека. Поэтому наблюдателю или оператору надо остерегаться слишком пристально разглядывать этих обезьян. Разозлившись, горилла начинает строить гримасы: морщит лоб, нахмуривает брови, сжимает губы. При этом он издает короткие, отрывистые хрюкающие звуки. В заключение горилла резко вскидывает голову в сторону противника, иногда делает бросок всем телом, якобы собираясь кинуться на него, и наконец действительно бросается, но обычно, не пробежав нескольких метров, останавливается или пробегает мимо. Если у охотника при этом есть с собой ружье, он в такой момент непременно выстрелит, считая, что спасает свою жизнь от нападения лесного чудовища. Все сообщения, относящиеся к прошлому столетию, полны описаний таких случаев.

Реальная опасность может возникнуть только в том случае, если при приближении лесного великана человек потеряет мужество и побежит. Тогда горилла непременно бросится на четвереньках догонять беглеца, будет хватать его за ноги и кусать за ягодицы. Но, как правило, он затем убегает, не задерживаясь возле перепуганного «храбреца», не стараясь сильнее его поранить или тем более убить.

Пристальный взгляд у людей тоже нередко означает вызов. Еще несколько десятков лет назад члены некоторых немецких студенческих союзов считали за оскорбление, если на них в ресторане кто-нибудь «глазел». «Нахала» вызывали в коридор или туалет, обменивались с ним сначала пощечинами, затем визитными карточками, потом присылали секундантов и дрались на дуэли. Как видите, в наше поведение от рождения заложено очень много весьма схожего с поведением этих крупных человекообразных обезьян. Во всех драках и дуэлях доля смертельных случаев была не так уж велика, а при нападении горилл эта доля, безусловно, еще меньше.

Сама природа позаботилась о том, чтобы гориллы, такие необычайно сильные животные, не калечили и не убивали друг друга. Когда «повелитель» пристально смотрит на самку или низшего по рангу самца, те отводят глаза, а иногда даже отворачиваются, чтобы показать, что у них нет ни малейшего намерения мериться с ним силами.

Когда в Колумбийском зоопарке самец-горилла затевал любовные игры с самкой, он, встречаясь с нею глазами, непременно отворачивался, чтобы не запугать свою избранницу.

Как-то в Нью-Йоркском зоопарке решили поселить в одном общем помещении пару горилл, которые уже прежде были знакомы друг с другом, но через решетку. Вначале они подходили друг к другу с большой осторож-

ностью, старательно отводя глаза в сторону. Но в один прекрасный день самка, решив наподдать самцу, размахнулась и... сильно разодрала руку о его острый клык. Целый день после этого она занималась своей раной. На самца же этот неприятный случай произвел самое тягостное впечатление, он был подавлен, всячески избегал встреч с самкой и еще долгое время немедленно покидал помещение, как только она входила.

Если человек напрямик направляется к горилле, то у него имеется три способа показать свои миролюбивые намерения: во-первых, сейчас же отвести глаза в сторону или отвернуться; во-вторых, начать кивать головой и, наконец, лечь на землю лицом вниз.

«Я много раз проделывал очень простые опыты, с тем чтобы выяснить, что означает такое кивание головой,— рассказывает Шаллер.— Один из серебристоспинных самцов сидел на расстоянии десяти метров от меня и откровенно за мной наблюдал. Тогда я поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза. Он явно почувствовал себя неуверенно и в конце концов отвернулся от меня. Но, заметив, что я продолжаю на него смотреть, он начал кивать головой, а затем встал, стукнул себя рукой в грудь и ушел.

Аналогичным образом изучал меня с такого же расстояния черноспинный самец. Когда я начал кивать головой, он отвернулся. Тогда уж я в свою очередь уставился на него, и он тоже начал кивать головой. Так мы с ним играли в течение десяти минут. Я заметил, что молодые самцы начинали иногда кивать головой, случайно подойдя слишком близко ко мне. Я тоже стал использовать этот прием, когда неожиданно натыкался в чащобе на обезьян. Казалось, что кивание их успокаивало. По-видимому, оно означает: «У меня нет злых намерений».

Если горилла в неволе боится, что его побьют, или желает показать свою покорность особе более высокого ранга, он бросается на землю и сжимается в комок, пря-

ча под себя руки и ноги. При этом молодые обезьяны иногда одной рукой закрывают затылок. Таким образом, все уязвимые места тела оказываются спрятанными, а главное, подобная подобострастная поза отбивает у вышестоящего по рангу животного всякую охоту нападать.

Можно только поражаться, насколько наши человеческие жесты и поведение схожи с гориллыми. Низкий поклон или придворные реверансы дам — это не что иное, как выражение подобострастия, подчинения или уважения.

Когда дикарь Пятница впервые повстречал на острове Робинзона Крузо, он, как известно, упал плашмя на землю и сам поставил себе его ногу на затылок. Точно так же у многих ныне живущих племен к владыке подползают на четвереньках или на животе. В исторически недавние времена подползать к владыкам на коленях и бить земные поклоны было принято и у нас в Европе. У племени ньякиуза в Юго-Западной Танзании женщина, приветствуя мужчин, должна склоняться в три погибели и отводить в сторону глаза. По-видимому, приветствовать знакомых кивком головы — это жест, говорящий о вашем дружелюбии, доставшийся нам в наследство от нашего общего с гориллами предка...

Мой сослуживец по Франкфуртскому зоопарку доктор Шмитт проводил в последние годы очень скрупулезные электрофорезные и другие сравнительные исследования крови человекообразных и других видов обезьян и человека. Судя по результатам этих анализов, гориллы после шимпанзе — самые ближайшие родственники человека; а уж за ними следует орангутан. Это же самое можно сказать и о степени схожести нашего поведения и образа жизни. И тем не менее нам кажется, что гориллы ведут себя иногда значительно привлекательнее, чем шимпанзе.

Шимпанзе гораздо чаще ссорятся. По наблюдениям Джейн Гудолл, проведенным ею в маленьком нацио-

нальном парке Гомбе в Танзании, шимпанзе иногда даже ловят мелких обезьян других видов, убивают их и съедают.

У живущих на воле горилл ничего подобного никогда не наблюдалось. Гориллы — настоящие вегетарианцы. Шаллер осматривал много тысяч куч помета этих обезьян и ни в одном случае не обнаружил шерсти, хитиновых панцирей насекомых, костей, кожи или каких-либо других следов животной пищи.

Однако в неволе они очень быстро приучаются есть мясо. Это можно объяснить полной перестройкой организма в условиях неволи и нехваткой белковой пищи.

На воле гориллы не обращают ни малейшего внимания на животных, которые им иногда попадаются на пути. Однажды группа горилл устроила привал недалеко от сидящей на гнезде горлицы, не разглядеть которую было невозможно. Тем не менее они не испугали птицу с кладки.

Питаются эти мощные животные в основном листьями, почками, соком молодых побегов и растений. Иногда они срывают и жуют кору деревьев.

У разных популяций, обитающих в различных районах, свои вкусы. Так, популяция горных горилл, живущая в гористой местности, предпочитала всем другим определенные виды растений, к которым популяция, обитающая в другом месте, даже не притрагивалась, хотя они росли там в изобилии. Попав в неволю, взрослые гориллы поначалу отказываются есть такую непривычную для них пищу, как хлеб, а также бананы и другие фрукты. Легко переходят на употребление незнакомой пищи только детеныши горилл. Едят они в основном при помощи рук, почти никогда не срывают растений прямо зубами. Выбором растений они тоже отличаются от шимпанзе, которые листьям и побегам предпочитают плоды.

Шаллеру удалось выяснить, что гориллы употребляют в пищу около 100 видов растений. Однажды в районе Кисоро я сам отправился по следам группы горилл и перепробовал все растения, которые они ели. На вкус они были большей частью горьковатые. По-видимому, сок этих растений удовлетворяет потребность горилл в воде, потому что никто никогда не видел, чтобы эти животные пили, во всяком случае на воле.

Иногда гориллы переходят вброд речку, достигающую глубины от 30 до 60 сантиметров. Но уже более глубокие и широкие реки представляют для них непреодолимую преграду. Перейти их они решаются разве что по перекинутому через них бревну. Ведь горилла, как и две другие человекообразные обезьяны, а также человек, не обладает врожденной способностью плавать в отличие от всех прочих видов низших обезьян и почти всех других животных. Уже не раз гориллы тонули в отгораживающих их от публики рвах, наполненных водой.

Неторопливо расхаживая по лесу, гориллы едят в течение целого дня, прекращая жевать лишь на время отдыха. При этом у них никогда не наблюдается суеты или жадности к еде. Обезьянам приходится поглощать так много листьев и других растений потому, что они содержат не очень-то много питательных веществ. Сухой вес отложенного ими за один день помета составляет от одного до полутора килограммов. Следовательно, выделения гориллы составляют довольно внушительную массу.

* * *

Живущих на воле горилл в отличие от шимпанзе еще ни разу не видели использующими какие-либо несложные орудия в виде палок или других предметов. Они не вороваты и редко проявляют любопытство в отношении

незнакомых им предметов. Так, однажды рюкзак Шаллера лежал на самом виду, всего в пяти метрах от молодого самца гориллы. Но тот бросил лишь самый беглый взгляд на непонятную вещь, отвернулся и больше ею не интересовался. Ярko выделявшийся среди зелени кусок белой бумаги, которым пометили определенную тропу, совершенно не заинтересовал проходящую мимо группу горилл.

Поистине сущность гориллы в самосозерцании. Как сказали бы философы, она интровертирована (обращена внутрь), причем как на воле, так и в зоопарке.

* * *

А каков у горилл уровень развития?

Они видят, слышат и чувствуют запахи, как мы. Между шестью и восемью часами утра они встают со своих самодельных постелей, затем в течение двух часов «завтракают», между десятью и одиннадцатью часами снова отдыхают, а после этого опять собирают себе корм. Незадолго до наступления темноты, в шесть часов, они снова устраивают себе постель из пригнутых к земле веток кустарников и растений, изготавливая пружинящее, мягкое ложе. Подобным же способом устраивают гнезда на деревьях в развилке ветвей. Такое гнездо вполне может выдержать и вес взрослого человека. Излюбленные места для постройки гнезд в разных районах у них различны. Так, в окрестностях Кабары девять гнезд из десяти бывают на земле, в районе же Уту — только два из десяти.

Гнезда шимпанзе внешне очень схожи с гнездами горилл, но находятся обычно гораздо выше на дереве и никогда не строятся на земле.

Каждую ночь горилла строит новое гнездо и для этого, как правило, всегда выбирает новое место. Гнез-

да располагаются всего лишь в нескольких метрах друг от друга. При этом не существует строгих правил, кто где должен располагаться на ночлег: где самки, где молодняк, а где сам «владыка». В местностях Уту и Кисоро гориллы иногда разбивали свои лагеря всего в каких-нибудь 30—70 метрах от человеческих поселений.

Серебристоспинные самцы не строят своих гнезд на деревьях, они всегда спят на земле. Гориллы ведь вообще пешие животные. На деревья они забираются очень осторожно и большей частью затем, чтобы сорвать что-нибудь особенно вкусное или, если надо, что-нибудь сверху лучше разглядеть. Самки вдвое чаще самцов забираются на деревья, а молодняк — в четыре раза.

Самки гориллы приносят детенышей очень редко: только через каждые три с половиной или даже четыре с половиной года, причем добрая половина потомства гибнет в младенческом или подростковом возрасте. В группах на каждого самца приходится по две самки. Если же учесть и отдельно живущих самцов, то получится, что на одну самку приходится полтора самца.

В тех немногочисленных местах гор Центральной Африки, где только и встречаются эти обезьяны, их в среднем приходится по одной на четыре квадратных километра.

Но было бы неверным считать, что горилла чувствует себя привольно только в сумраке влажного тропического леса. Хотя эти животные и обитают в лесу, а горные гориллы к тому же в туманных и дождливых местностях, тем не менее они отнюдь не избегают солнца. Наоборот, они явно радуются, когда оно выглянет на пару часов. Приходилось наблюдать, как некоторые из горилл более двух часов подряд лежали животом кверху под плящими лучами солнца, так что обильный пот капельками выступал у них на верхней губе и струйками стекал по груди. Они не только не избегали солнца, но, наоборот, каждый

раз, когда на них падала тень, вставали и переходили на освещенный солнцем клочок земли.

От дождя они вовсе не приходят в восторг. Как только начинает капать, многие обезьяны встают с места и переходят под кроны деревьев, усаживаясь поближе к стволу, где посуше. Но иногда они остаются сидеть и под дождем. Слабый дождик их вообще мало беспокоит. В это время они перестают только собирать себе пропитание. Если дождь застал их во время сна, они переворачиваются со спины на живот или принимают сидячее положение. Когда начинается сильный ливень, гориллы слезают с дерева (если они в это время там сидели), а детеныши бегут к своим матерям. Оставаясь во время дождя под открытым небом, они низко опускают голову, скрещивают на груди руки и кладут левую руку на правое плечо. Матери берут своих малышей на колени и наклоняются над ними таким образом, чтобы прикрыть их от дождя.

Вот так они и сидят неподвижно часами под дождем, не издавая ни единого звука, ко всему безучастные, а вода сбегает струйками по их плечам и капает с выступающих надбровий. В таком положении они являют собой весьма жалкое зрелище и вызывают всяческое сочувствие. В это время они ни на что не реагируют. Шаллеру удалось как-то спокойно пройти между ними, и только одна обезьяна подняла при этом голову. В другой раз он совершенно открыто подошел к сидящей под дождем группе горилл и сел под дерево в трех метрах от них. Они смотрели на него, но никуда не уходили. Проходит не менее двух часов, прежде чем они решаются под ливнем идти собирать корм. Из-за дождя они никогда не покинут и своих спальных гнезд.

Точно так же они ведут себя и во время града. Раскаты грома, которые в горах можно услышать довольно часто, обезьян нисколько не трогают. Правда, однажды

неожиданный и очень резкий гром испугал не только горилл, но и наблюдателя.

На других животных эти гордые великаны почти не обращают внимания. Комаров и прочих насекомых, способных жалить и кусаться, в Кабаре нет. Когда ворона или какая-нибудь другая птица неожиданно опустится слишком близко от горилл, они вздрагивают и иногда начинают «ругаться». Надо сказать, что наблюдатель в таких случаях тоже вздрагивал от неожиданности.

Однажды из дупла поваленного дерева, на котором сидели гориллы, вылез древесный даман — животное величиной с кролика. И хотя многие из горилл его тут же заметили, ни одна из обезьян не пошевелинулась. Также мало интересуются гориллы слонами. Правда, они стараются избегать вытоптаных слонами склонов, где уже мало свежей травы. Но иногда их можно встретить в одной и той же местности, и при этом между ними никогда не возникает никаких конфликтов; более того, часто группы горилл спят в непосредственной близости от стада слонов.

Не было замечено, чтобы гориллы обращали особое внимание и на больших лесных буйволов.

. * * *

В книжках часто можно прочесть, что леопарды утаскивают детенышей горилл, в особенности по ночам. В районе Кабары таких случаев не наблюдалось. За все время наблюдений Шаллера по неизвестной причине исчез всего только один детеныш.

Помет леопардов в этой местности содержал лишь шерсть и другие остатки дукеров — маленьких лесных антилоп, а также древесных даманов.

Но в такой местности, как Кисоро в Руанде, занимающей весьма небольшую площадь, где лес все дальше от-

тесняется надвигающимися на него полями и плантациями человека, дукеров почти не осталось из-за неумеренной охоты и браконьерства. Вот там действительно однажды нашли самца гориллы, убитого в борьбе с леопардом, а в другой раз — убитую леопардом самку. Леопард напал на спящее в своем гнезде животное и вместе с ним покатился вниз по склону. В третьем случае наблюдатель видел, как черный леопард подкрадывался к ничего не подозревающему самцу гориллы, сидевшему на земле в полном одиночестве. Однако, прежде чем леопард успел подкрасться на подходящее для прыжка расстояние, горилла встал и ушел.

Неожиданно встречаясь в лесу с человеком, одиночный горилла старается незаметно уйти. Шаллер рассказывает, что такое столкновение одинаково пугает обоих. И хотя расстояние между человеком и обезьяной однажды составляло полтора, а в другой раз — два с половиной метра, гориллы — два раза самки и один раз самец — не выражали ни малейшего желания напасть. Одна из самок вскрикнула от неожиданности и отбежала метра на три в сторону. Два же других животных только вскинули глаза и больше не интересовались человеком, который медленно отходил от них прочь. Группы горилл часами находились на расстоянии 20 или 25 метров от наблюдателя, не уходя и не нападая. Правда, они старались сесть так, чтобы он все время оставался в поле их зрения.

Когда группа горилл сталкивается в лесу с группой людей, она старается мирно разойтись с ними и исчезнуть. Это их обычное поведение. Они ранят людей только в исключительных случаях, например когда горилл окружают для отлова или кого-то из группы обезьян убивают. В редких случаях это происходит и тогда, когда животных прогоняют с принадлежащих людям полей и огородов.

Когда местным охотникам удастся застрелить вожака стаи, растерявшихся без него самок добивают просто ду-

бинками, причем они часто даже не стараются убежать. Страшно смотреть, как эти несчастные создания под градом ударов только прикрывают руками голову, чтобы по возможности смягчить прямое попадание, а потом падают на землю и пребывают в позе подчинения, ожидая милосердия, которое обычно следует за этим от себе подобных...

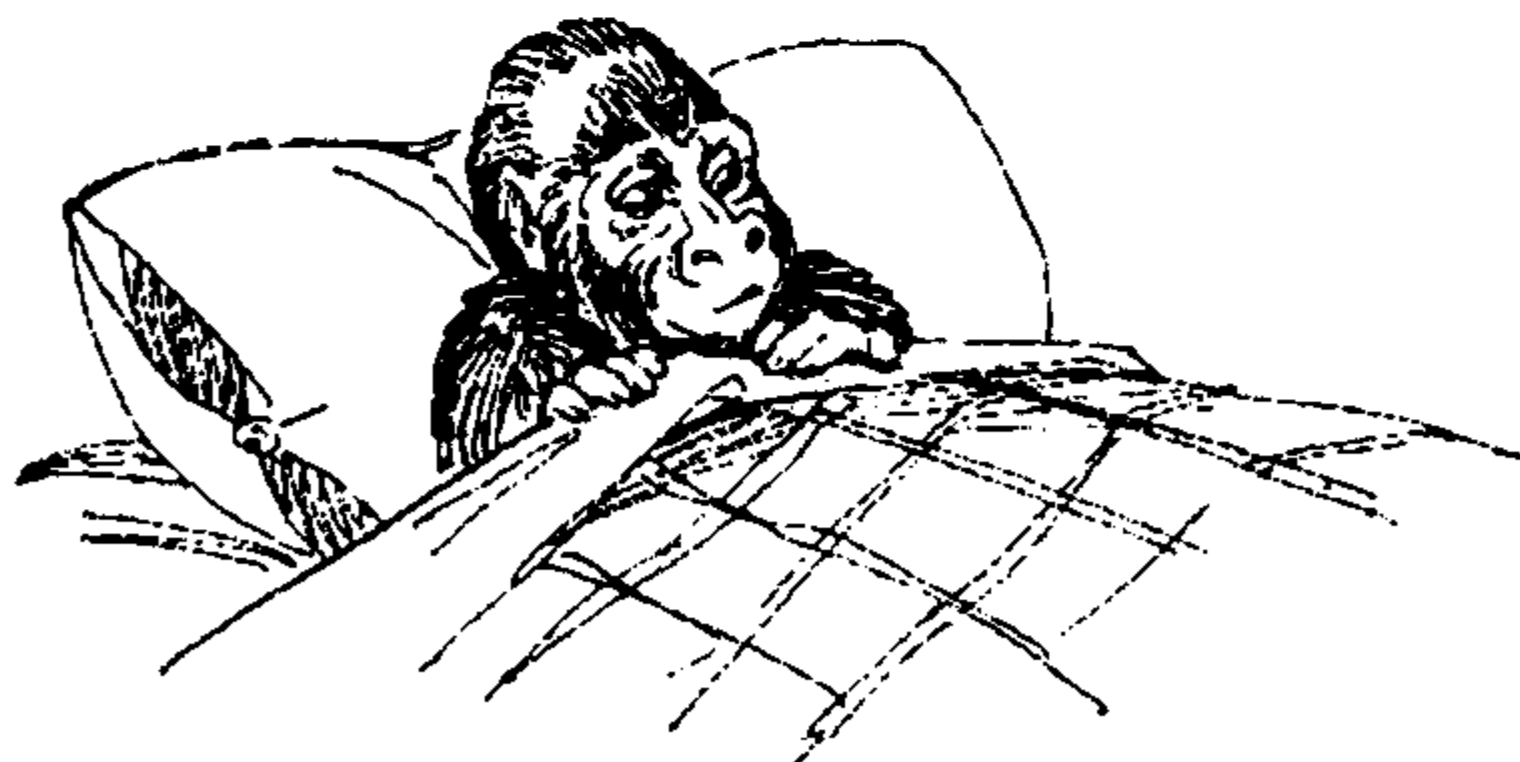
В миссионерский госпиталь Китсомбиро близ Луберо между 1950 и 1959 годами девять раз попадали раненные гориллами люди. Лишь шестерым из них требовалось более или менее продолжительное стационарное лечение. Трех африканцев покусал серебристоспинный самец, которого они окружили и хотели убить. У одного была прокушена ляжка, у другого — голень, а у третьего — рука. В другой раз люди окружили молодого черноспинного самца. Один из охотников струсил, побежал, но поскользнулся и упал. Горилла догнал его, укусил за коленку и за пятку, а затем вырвал из голени кусок мускула длиной в 18 сантиметров.

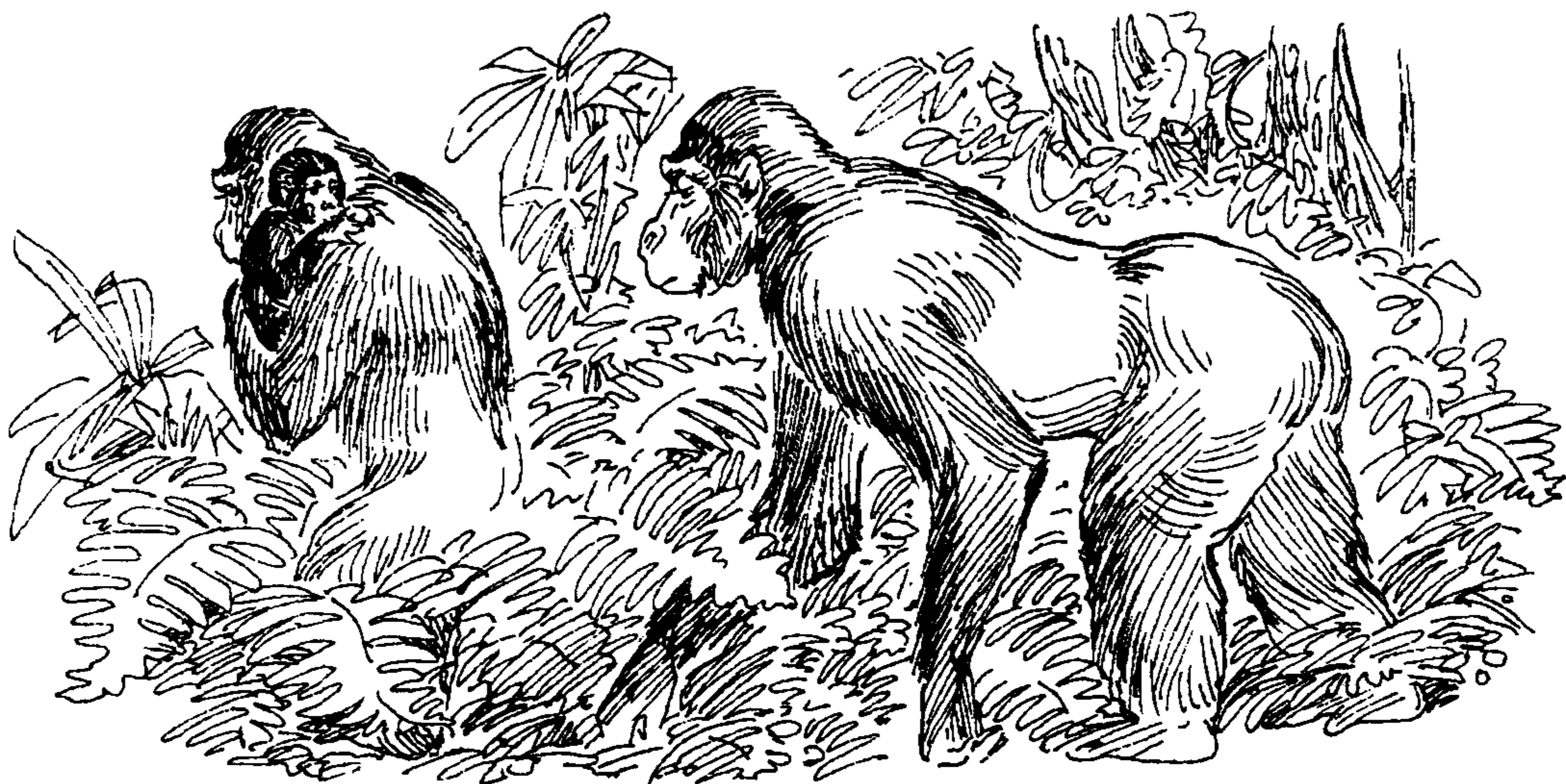
В Кайонзе одного человека из племени банту горилла укусил за зад. Люди из этой деревни до сих пор смеются, когда рассказывают об этом, потому что незадачливый охотник еще долгое время не мог сидеть. Когда на горилл нападают, защищаются обычно только самцы, но иногда в атаку могут перейти и самки. В Камеруне считается позорным быть укушенным гориллой, потому что там всем известно, что это животное может напасть только в том случае, если человек струсил и побежал.

Итак, мы теперь знаем, что при всей силе и мощи горилла отнюдь не «хитрое и злобное чудовище», каким его клеветнически описывали охотники. А делали они это, верно, оттого, что их мучили угрызения совести. Ведь убийство такой большой человекообразной обезьяны должно действовать на охотника подобно убийству человека. Выражение лица раненого гориллы, его поведение,

предсмертный укоризненный взгляд — все это выглядит так невыносимо по-человечески, что это трудно себе простить. И вот тогда убитого стараются изобразить чудовищем, напавшим на невинного человека.

Имеем ли мы на самом деле право допустить, чтобы такие великолепные создания, как гориллы, навеки исчезли с лица земли? Можем ли мы уйти от ответственности за это?

Глава тринадцатая
ГОРИЛЛА СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Все, что кукарекает, когда-то было яйцом.

Африканская поговорка

В 1953 году я проводил перепись горилл, проживающих вне Африки (этих животных было тогда всего 56, а к 1967 году насчитывалось уже 302 равнинных и 12 горных горилл). Вот тогда-то я и услышал, что одна дама в Гаване на Кубе держит у себя в доме взрослого гориллу.

У каждого, кто имеет представление, что такое взрослый горилла, известие о подобном факте вызывает огромное любопытство. Долгое время я никак не мог раздобыть точного адреса этой удивительной дамы. Узнать же окольными путями мне удалось лишь одно: горилла — самка, воспитывающаяся в домашних условиях с самого раннего детства.

Но недавно мне удалось завязать оживленную переписку с хозяйкой гориллы Марией Хойт. В 1926 году ее муж Е. Кеннет Хойт решил покончить с делами в Южной Америке и поехать со своей молодой женой путешествовать по белу свету. Были они и на Цейлоне, и в Алжире, и в Марокко, и в Индокитае, и в Японии, были в Гонконге, изъездили всю Европу и Восточную Африку. Не было места, где бы они жили дольше шести месяцев, пока наконец не прибыли в Западную Африку.

Вот там-то с госпожой Хойт и произошло событие, сыгравшее огромную роль в ее жизни. Было это в 1932 году. Чета Хойт отправилась на грузовике в длительное путешествие из Берега Слоновой Кости по тогдашней Французской Западной Африке, затем через Судан, Нигерию и Чад. Восемь месяцев они были в пути и проделали по плохим африканским дорогам 13 тысяч километров.

Кеннет Хойт еще мальчиком очень увлекался разведением бойцовых петухов. Вот и на этот раз он всю дорогу вез с собой десять несушек этой породы с Берега Слоновой Кости. Вечером, когда усталые путники разбивали очередной лагерь для ночлега, кур выпускали из клеток, и они сразу же бежали к выстланной соломой корзине, в которой и откладывали яйца. Когда им было уж очень невтерпех, они для этой цели использовали коробку с термосами или что-нибудь в этом роде. Когда к ним подступались местные деревенские петухи, бойцовый петух Архи немедленно отгонял их прочь.

Африканские куры удивительно остро чувствуют опасность. Они быстро и бесстрашно расклевывали не только ядовитых пауков и скорпионов, но даже маленьких змей. При приближении более крупного врага куры предупреждали всех невообразимым кудахтаньем. Слуги, которым было приказано каждый раз выяснять причину «куриной паники», в результате не раз находили опасных змей

(либо свисающих с ветки, либо выглядывающих из-под какого-нибудь ящика).

Во Французской Экваториальной Африке, на территории теперешней Народной Республики Конго, Кеннет отправился на охоту за гориллами. Он обещал Американскому естественному музею в Нью-Йорке привезти для экспозиции взрослого гориллу. В этой охоте приняли участие не только 14 слуг и два водителя Кеннета, но и по меньшей мере 200 жителей окрестных деревень.

Семья горилл была уже заблаговременно окружена местными охотниками на небольшом островке посреди широкой реки. Загонщики начали гнать животных мимо того места, где укрылись охотники.

«Сразу же за самкой с детенышем на руках пробирался сквозь чащу огромный самец,— писала впоследствии Мария Хойт, присутствовавшая на охоте.— В его поведении было что-то прекрасное и благородное, и мое сердце начало бешено колотиться в страхе за него. Точными движениями своих мощных рук он с легкостью раздвигал тяжелые ветки и вскоре исчез из видимости. Но тут я услышала выстрел и сразу же за этим крик Али, оруженосца моего мужа. Он бежал мне навстречу и, размахивая руками, кричал: «Мемзабиб! Большой горилла готов! Мертвый!» К сожалению, на этом дело не кончилось. Вместо одного гориллы, который был нужен музею, было убито восемь штук. В живых остался лишь малюсенький «беби»-горилленок весом всего в четыре килограмма. Он в бешенстве кусался, царапался и колотил ручонками по голой груди схватившего его вождя племени. Мария Хойт подбежала, протянула к нему руки, и, к удивлению всех окружающих, несчастное маленькое существо прижалось к ней и сразу затихло. Мария почувствовала себя обязанной спасти хотя бы этого крошку.

Обезьянка не умела еще ходить. Спустя несколько недель Хойты вместе с Тото (так называли горилленка)

отправились в Париж. Вместе с ними в качестве «дядьки» при Тото поехал молодой африканец Абдулла.

В отеле «Рю де Риволи» в Париже у Тото началось серьезное воспаление легких. Детский врач, которого пригласили для лечения необычного пациента, вкатил в ногу обезьяне здоровую порцию кислорода. В отель доставили переносной рентгеновский аппарат, чтобы сделать снимок дыхательных путей Тото. Здесь же, в номере, поставили кислородную палатку. А в соседнем номере ежедневно совещалось несколько докторов.

Маленького смертника удалось спасти, но он за время болезни до того избаловался, что хотел спать только либо в постели Марии Хойт, либо ее мужа.

Когда Тото разрешили вывезти для поправки на побережье близ Бордо, его сопровождала не только приемная мать, но еще и целая свита из пяти человек. Однако выводить Тото на пляж было далеко не просто: Мария Хойт вечно шла окруженная толпой любопытных, в основном женщин. Правда, было еще неизвестно, кто их больше привлекал — горилленок или красавец Абдулла. Африканец быстро освоился и заигрывал со всеми гостиничными горничными, так что Марии Хойт не раз приходилось спасать его от ревнивых любовников и мужей. В конце концов ей это надоело, и она переехала на частную квартиру. Теперь она избавилась от зевак и спокойно могла греться на солнце с крошкой Тото. Маленькая самочка-горилла стала проявлять повышенный интерес к тряпкам. Одни платья своей приемной матери она явно не любила, а другие ей очень нравились. Из шляп Марии она любила только несколько штук. Тото разглядывала их внимательнейшим образом и нежно дотрагивалась до них пальцами. Те шляпы, которые ей почему-то не нравились, она бесцеремонно срывала с головы своей хозяйки, и в один момент достижения парижской моды превращались в мятые и рваные тряпки.

Но пора было отправляться в Гавану, где господин Хойт к этому времени купил дом, считая, что тропический климат Кубы благотворно скажется на здоровье их разборчивой приемной «дочки».

Умудренная опытом, Мария Хойт перед посадкой на судно дала своему «беби» дозу снотворного. Таким образом удалось усыпить бдительность команды корабля, и все подумали, что в руках у этих пассажиров переносная спальная корзина с ребенком, заботливо прикрытым одеяльцем. Мария Хойт занимала на корабле просторные апартаменты из нескольких комнат, так что при появлении стюарда обезьянку и двух шпицев каждый раз удавалось вовремя перевести в другое помещение, и за всю поездку они так и не попались никому на глаза.

Вот там, в Гаване, Тото и выросла. О том, что она вытворяла в первые годы своей жизни, мне нечего было расспрашивать: все это я наблюдал собственными глазами у себя дома. Ведь у нас в семье тоже воспитывался детеныш гориллы. Но мы его растили только до определенного возраста: ведь держать дома взрослого гориллу не такое уж безопасное дело. Да и кто еще на свете, кроме Марии Хойт, решился бы на подобный эксперимент?

Тото любила играть тугими резиновыми мячами. Кроме того, она часами могла сидеть на каменных ступенях дома Хойтов и рисовать мелом какие-то непонятные картины. Иногда ее каракули напоминали цифры, и тогда садовники и слуги спешили ставить именно на эти номера в лотерею и однажды даже таким образом выиграла.

Мать Марии, то есть «бабушка» Тото, научила горилленка рисовать пальчиком в воздухе обычный детский рисунок: «Точка, точка, запятая, минус — рожица кривая». Тото отлично усвоила эту игру и часто приветствовала по утрам свою «бабушку» этими знаками, будто они были членами какой-нибудь тайной секты. Позже горилленок стал изображать этот рисунок на каменных

плитах ступеней, и, хотя он получался не всегда удачным, тем не менее было ясно, что это человеческие лица.

Горилленок почему-то имел пристрастие ко всему холодному. Когда ему было два года, он особенно любил возиться со старомодной холодильной установкой (ящик со льдом), стоящей на террасе перед кухонной дверью. Но его интересовали отнюдь не поставленные туда блюда, он старался вытащить оттуда куски льда. Тото дожидалась, пока все уйдут с террасы, затем запирала дверь кухни на ключ, чтобы никто не мог войти, подставляла к ящику стул, залезала на него и вытаскивала кусок льда. Часто обезьянка таскала куски льда весом по четыре килограмма; она прятала их в саду или разбивала вдребезги о ступени каменной лестницы.

И хотя на воле гориллы, как известно, никогда не едят мясной пищи, Тото с удовольствием ела мясо, даже сырое. Это пристрастие к мясу она сохранила и позже, когда стала уже взрослой.

Она никого не признавала, кроме Марии, ее матери, Кеннета Хойта, Абдуллы и одной из служанок; всех остальных, если они пытались к ней приблизиться, она кусала и царапала.

Однажды, когда она вела себя особенно плохо, «бабушка» дала ей небольшой шлепок. Тото подняла невообразимый крик, убежала в угол комнаты, встала там лицом к стене и, топая ногами, продолжала орать во всю мочь, пока весь дом не сбежался узнать, в чем дело.

Мария с тревогой думала о том, что будет с горилленком, когда Абдулла уедет назад в Африку. А ведь этого не избежать.

Наступил и день отъезда Абдуллы. В последующие несколько недель после этого у Марии Хойт перебивали один за другим пять воспитателей для Тото. Одна кубинка пробовала развеселить тоскующую по Абдулле обезьянку тем, что стучала у нее перед самым лицом

кастаньетами, с которыми обычно танцуют румбу. Тото в конце концов так разозлилась на женщину, что выхватила у нее из рук трещащую штуквину и разломала о ее голову.

В конце концов Марии Хойт посчастливилось: к ней поступил работать энергичный молодой испанец, по имени Томас, который оставался при Тото в течение 30 лет и вместе с нею состарился.

Томас работал прежде у некой мадам Абрен, питавшей особую склонность к человекообразным обезьянам. Она разводила шимпанзе в неволе и твердо придерживалась мнения, что у этих столь похожих на людей животных непременно тоже должны быть «бессмертные души». Поэтому она построила в своем имении часовню и посещала службу вместе со своими воспитанниками...

В 1930 году мадам Абрен умерла, и ее наследник распродал большую коллекцию обезьян разным зоологическим садам, а Томас остался без работы.

Он быстро привязался всей душой к смешному горилленку. В течение многих лет он не расставался с ним ни днем ни ночью, разве что уходил на часок после обеда. Первое время они спали вместе в одной кровати в специально построенном для Тото доме.

Но иногда ночью на обезьяну нападала тоска по приемным родителям. Тогда она неслышно сползала с постели, чтобы не разбудить Томаса, тихо отпирала двери, запирали их снаружи и уходила в спальню супругов.

Позже пришлось изготовить для нее специальную железную кровать. На эту кровать опускалась решетчатая крышка, которая на ночь запиралась. На кровати имелся пружинный матрац и наматрачник; в углу в них было прорезано отверстие, под которое подставлялся горшок. Тото в отличие от многих человеческих детенышей очень рано научилась пользоваться горшком и не напускала лужи в постель. Днем она тоже пользовалась горшком.

Поскольку Тото очень быстро научилась самостоятельно отвертывать в доме все водопроводные краны и пить из них, а кубинская вода небезопасна в отношении микробов, пришлось заменить все краны такими, которые открываются только гаечным ключом.

Между прочим, анализы кала и мочи горилленка в течение многих лет регулярно посылались на исследование в одну медицинскую лабораторию. На этикетке всегда писалось только «Беби Тото», и ни один человек из лаборатории не подозревал, что речь идет не о ребенке.

Тото и Томас ели всегда вместе, причем каждому из них приносили обед на отдельном подносе. Если поднос Томаса приносили первым, Тото очень сердилась и отбирала у него еду. Когда же оба подноса приносили одновременно, она старательно изучала все блюда, которые дали Томасу, чтобы проверить, нет ли среди них чего-либо такого, что не досталось ей. Если таковое обнаруживалось, она немедленно брала себе и пробовала, вкусное ли. Поэтому вскоре вошло в обычай давать Томасу и Тото одинаковую еду.

Между прочим, Тото всю жизнь ела ложкой, а не руками.

Когда горилле исполнилось три года, у нее была уже такая сила, что с нею не справились бы и двое мужчин. А проказливости ее хватило бы на добрую дюжину мальчишек! Не было в доме двери, которую бы она не умела отпереть. Запирать их на ключ не имело никакого смысла, потому что она рылась повсюду до тех пор, пока не находила ключ и не отпирала нужную ей дверь. Если ключ не находился, она обламывала дверную ручку. Став больше и сильнее, она вскоре поняла, что, для того чтобы открыть дверь, ей достаточно разбежаться и навалиться на нее плечом.

Из дома в сад вела широкая каменная лестница, которую по обеим сторонам окаймляли мраморные перила семиметровой длины. Перила эти заканчивались витым мраморным столбиком, и такой же столбик находился на самой середине марша. Тото разбегалась, вскакивала на широкую мраморную доску перил и с восторгом съезжала вниз; казалось, вот-вот она врежется лбом в мраморную колонку посередине, но ничуть не бывало, она мгновенно уклонялась в сторону, хваталась рукой за колонку, описывала в воздухе полукруг и, приземлившись на нижней половине перил, катилась дальше. Внизу она проделывала тот же трюк в конце лестницы, спрыгивала на мраморный пол и еще несколько раз перекувыркивалась через голову. Это занятие превратилось в основной вид спорта, которым она занималась, когда ей разрешили находиться в вилле. Явно желая посмешить окружающих, она иногда кубарем скатывалась с лестницы, кувыркаясь через голову на каждой ступеньке. Когда ее запирали на железной кровати, которую не могли сдвинуть с места даже двое мужчин, она ухитрялась ехать в ней через всю комнату и, добравшись до звонка, вызывала прислугу.

Построенный специально для нее дом находился рядом с гаражом и состоял из комнаты для игр площадью в 40 квадратных метров и просторной спальни. К нему был

пристроен зарешеченный вольер размером 13 на 27 метров. Но там ее запирали лишь в тех случаях, когда в доме бывали гости, которые ее боялись. Обычно же дверь всегда оставалась открытой, и Тото могла свободно бегать, где хотела.

Вначале кровати Томаса и Тото стояли рядом, но затем он постепенно в течение нескольких месяцев сантиметр за сантиметром отодвигался, пока наконец не оказался в соседней комнате. Со временем Томас приучил обезьяну не кричать и не плакать, когда он запирал на ночь дверь своей спальни. Теперь он мог спокойно спать один за закрытой дверью.

Однажды, когда Томас находился в спальне Тото, она потихоньку прокралась наружу, закрыла дверь и задвинула засов. Заперев таким образом своего воспитателя, Тото в восторге пустилась танцевать какой-то бешеный танец. Только через час, когда игра ей уже несколько наскучила, Томасу удалось позвать обезьяну к двери. Хорошенько выругав ее, он велел отпереть дверь, что она и сделала.

Так как Тото любила постоянно что-нибудь рвать и кромсать, Томас приносил ей для этой цели пальмовые листья и различные палки. Она все время должна была чем-нибудь заниматься, иначе от нее можно было ожидать любых проказ.

Рядом с гаражом находилась прачечная. Одна из излюбленных проказ гориллы заключалась в том, чтобы сорвать с веревки рубашку или полотенце и, пока никто не заметил, мгновенно разорвать их в клочья. Никакие увещевания не помогали. Тогда было решено обнести площадку для сушки белья металлической сеткой, окна и двери прачечной также были зарешечены. Но и после этого обезьяне не раз удавалось отпереть железные двери и проникнуть в прачечную. Прачки с криком разбежались в разные стороны, а Тото вставала на их место и «стирала» белье до тех пор, пока от него оставались одни

ключья. Прекратить ее «хозяйственную» деятельность мог только один Томас, который прибегал с сучковатой палкой и выгонял обезьяну из прачечной.

Большую часть месяца Тото вела себя в общем достаточно благоразумно и была довольно послушной. Но потом на два-три дня она превращалась в сущего беса, становилась неуправляемой и раз от разу опаснее. По утверждению Марии Хойт, эти дни совпадали с новолунием. Я же подозреваю, что они были связаны с месячными циклами. Мария предполагала, что гориллы становятся половозрелыми тогда же, когда и люди, в то время как нам теперь уже точно известно, что у них половая зрелость наступает гораздо раньше — уже на шестом году жизни. Страшно подумать, на какой риск шла эта женщина, держа своего лесного гостя до девяти лет на свободе, без клетки!

В такие дни Тото любила поиграть в прятки с членами всей семьи и заставляла их часами искать себя в зарослях сада. Она сидела, притаившись как мышь, где-нибудь в кустарнике и не шевелилась, пока об нее буквально не спотыкались. Но как только обнаруживший ее начинал звать Томаса, она удирала и пряталась в каком-нибудь другом месте.

«Хотя она и не умела говорить, но по-испански понимала не хуже любого ребенка ее возраста, — писала мне Мария Хойт. — К счастью, она не умела читать. Поэтому каждый из ищущих запасался щитом на палке, где было написано, в каком направлении нужно идти Томасу».

Но бывали дни, когда она переставала слушаться даже Томаса. Она бросала в него песком и камешками, а как-то с размаху ударила по голове качелями. Пришлось Томаса вооружить «электрической палкой», которая усмиряла разбушевавшуюся обезьяну легкими электрическими ударами.

В один прекрасный день Томас и Тото, гуляя по парку, нашли на своем любимом месте под банановым кус-

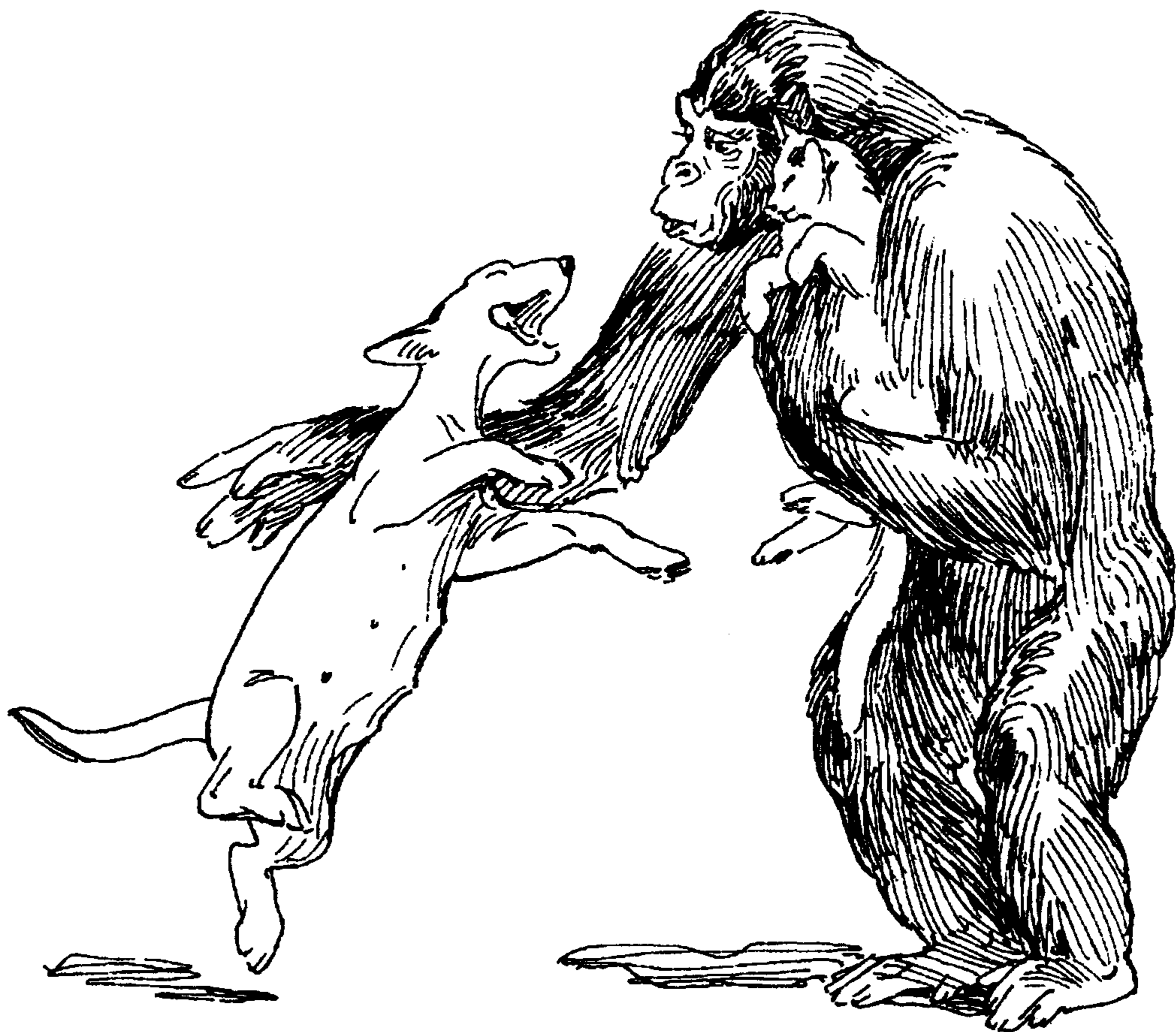
том четырех маленьких котят, которых принесла сюда кошка. Тото пришла в неописуемый восторг. Она внимательнейшим образом осмотрела малышей, заулыбалась, вытянула губы и, осторожно трогая котят пальцами, произносила звуки вроде «мы-мы-мы». В конце концов, осмелев, она взяла одного котеночка на руки и, прижав к себе, пошла с ним домой. Маленькое существо тоже оказалось довольным: малыш прижался к теплomu и густому обезьяньему меху и замурлыкал. Всю дорогу Тото шла на двух ногах, опираясь время от времени на согнутые пальцы правой руки; левой же она крепко прижимала к себе свою находку.

Тото была так увлечена «приемышем» Бланкитой, что ни о чем другом и слышать не хотела. Она отказывалась даже танцевать под граммофон, что обычно делала с огромным удовольствием.

С тех самых пор Тото, куда бы она ни ходила, таскала за собой Бланкиту, то держа ее под мышкой, то закинув себе за спину, то обернув вокруг шеи наподобие горжетки. Когда кошка выросла, она все равно продолжала почти все время находиться вместе с Тото.

Но в один прекрасный день кошка окотилась и принесла шестерых котят. Из них Тото снова выбрала себе одного — на этот раз маленького кота, которого называли Принсип. Теперь все время она уделяла только новому котенку, а на кошку почти не обращала никакого внимания. Когда Бланкита приходила к Тото, терлась о нее мордой и мурлыкала, та и глядеть на нее не хотела и часто нетерпеливо отодвигала рукой в сторону.

Другим закадычным другом Тото была собака Валли — один из английских бультерьеров. Валли была единственной собакой, не боявшейся гориллы. Пока горилленок был маленьким, все собаки играли с ним, катались и кувыркались по газону. Обезьянка кусала их и царапала, но собакам это нравилось. Но когда она стала старше и силы у нее прибавилось, она хватала ту или иную собаку

на руки, поднималась во весь рост и швыряла ее с размаху на землю. Постепенно собаки потеряли интерес к этим играм и начали бояться гориллы. Все, кроме Валли. Та продолжала дружить с Тото, и обезьяна очень ее любила.

Однажды между собаками разгорелась довольно серьезная грызня. Тото поначалу это мало заинтересовало, она собиралась лишь подойти поближе и посмотреть, но тут обнаружила, что в свалке участвует и Валли, причем та лежала снизу, а две другие собаки надели на нее и кусали. В один миг Тото сорвалась с места, издала низкий воинственный клич и бросилась на помощь своей подруге. Томас приказал ей остаться, но она не желала слушаться. Он схватил ее за руку, но она начала бешено

вырваться, кусаться, царапаться. Тото во что бы то ни стало хотела броситься на помощь Валли. Томасу с большим трудом удалось палкой загнать ее в дом и там запереть.

Но Тото не забыла этой истории. Когда два дня спустя она гуляла с Томасом по саду, мимо пробежала одна из собак, напавших в тот раз на Валли. В мгновение ока Тото кинулась к ней с оскаленными зубами. И если бы Томас не пустил в ход все, что ему попало под руку, наверняка дело кончилось бы убийством.

С тех пор этих двух злодеев псов всегда приходилось держать на запоре, за исключением того времени, когда Тото сама бывала заперта.

Когда Тото была еще маленькой и у нее расшатался первый молочный зуб, она пришла к Томасу с широко раскрытым ртом, прижимая палец к кончику злополучного зуба. Она раскачивала его из стороны в сторону, чтобы показать, что с ним творится что-то неладное. Ее выразительные глаза требовали у человека объяснения. Тогда Томас взял кусок суровой нитки, завязал его вокруг зуба и рывком выдернул его. Считая, что образовавшуюся ранку полезно продезинфицировать, Томас налил в стакан немного коньяку и, разбавив его водой, дал обезьяне выпить. Тото выпила и сейчас же потребовала еще. Но ничего не получила. Теперь, как только у нее расшатывался очередной зуб, она радостно бежала к Томасу, широко открывала рот и терпеливо ждала, пока он обвяжет зуб ниткой. Как только процедура заканчивалась, она сейчас же требовала коньяку.

Любила она, как ни странно, и комаров. В то время как в мае и июне люди на Кубе страшно мучились от засилья комаров, обезьяне они особенно не досаждали: у нее достаточно густая шерсть. Но как только комар садился ей на лицо, она без промаха ловила его рукой и... съедала. Столь же успешно она ловила комаров, которые садились на ее друзей, и тоже отправляла их в рот.

Постепенно Тото становилась все сильнее, и ей очень хотелось куда-нибудь применить свою силу. Так, однажды утром она схватила садовника — низенького японца Кайяму — и полезла вместе с ним по наружной стороне своей вольеры наверх. Несчастный отчаянно отбивался и вопил во всю мочь. Обезьяна поднялась на высоту двух метров, но вдруг, потеряв интерес к этой затее, выпустила из рук садовника, и тот шлепнулся на землю.

Однажды в гостях у Хойтов был один любитель боксер, которому захотелось пожать горилле руку через решетку (из-за прихода гостей обезьяна предусмотрительно была заперта в своей вольере). Хотя горилле в это время было всего пять лет, тем не менее Кеннет Хойт предупреждал гостя, чтобы он этого не делал. Тот не послушался и, надеясь на свою боксерскую силу, все же просунул руку сквозь решетку. В тот же миг его дернули с такой силой, что он с размаху врезался головой в решетку и вскрикнул от резкой боли. Боксера немедленно отвезли в больницу, но, к счастью, серьезных ранений у него не оказалось.

Единственный человек, с которым Тото всегда обращалась крайне осторожно, не допуская ни малейшей грубости, — это была старая мать Марии Хойт. Она часто собственноручно приносила горилле второй завтрак. Тото неизменно брала ее руку, целовала и прикладывала к уху, чтобы послушать, как тикают ее часики. Томас же никогда не мог себе позволить носить на руке часы: Тото все равно отняла бы их и сломала. Может быть, ей казалось, что такая хорошенькая тикающая вещица подходит только для руки этой приятной старой дамы с белыми волосами.

В последующие годы на усадьбе был заведен специальный сигнал, оповещавший всех находящихся на территории о том, что Тото выпущена на волю. Как только раздавалась переливчатая трель свистка, все, кто боялся гориллы, поскорее искали, куда бы спрятаться, а еще

лучше запереться: нельзя забывать, что эта махина весила уже целых 200 килограммов! Словом, как только обслуживающий персонал слышал свисток, означавший: «Тото на свободе», — все бросались баррикадировать двери и закрывать окна. Одно время у Тото появилось тщеславное чувство, что она господствует во всем доме. Как правило, она в таких случаях бежала к вилле, барабанила и рвалась во все двери, влезала на решетку у окон и заглядывала внутрь. Томас защищался от нее ветками колючего кустарника и сплетенными из такого же кустарника щитами. Несмотря на то что она частенько его так отделявала, что страшно было смотреть, и без конца рвала на нем одежду, он никогда не изъявлял желания уйти со своей работы.

И все же положение становилось все более невыносимым. В декабре 1937 года Тото играла со своей приемной матерью в комнате для игр. Развеселившись не в меру, она вскочила на качели и изо всей силы качнулась в

сторону Марии Хойт, сбив ее с ног. Упав навзничь на каменный пол, бедняжка сломала себе обе руки.

Когда огромная обезьяна увидела, что она серьезно ранила свою хозяйку, она пришла в страшное смущение и стала целовать ее. Поскольку Мария знала, что ее муж распорядится убрать из дома обезьяну, если узнает, что она натворила, то сказала ему, что сама поскользнулась на ступеньках и упала. Но она видела, что он не очень-то ей верит.

Только через три месяца Мария Хойт вновь смогла пользоваться своими руками. Каждый раз, когда Тото удавалось увидеть Марию, вид у нее делался весьма подавленный. Обезьяна очень осторожно брала руки своей приемной матери, осторожно поворачивала их ладонями вверх, внимательно разглядывала, дула на них и целовала — словом, повторяла все то, что делала с нею сама Мария, когда Тото была еще маленьким «беби» и, падая, разбивала или царапала себе руки.

Вскоре после этого тяжело заболел сам Кеннет Хойт и через некоторое время умер в больнице в Нью-Йорке. Марии становилось все труднее держать мощную обезьяну у себя на вилле. С тех пор как той исполнилось восемь лет, она перестала выполнять чьи бы то ни было приказания и стала такой сильной, что справиться с нею не было никакой возможности.

Кроме того, она начала... «влюбляться». «Влюблялась» она именно в те два-три дня каждого месяца, которые ее хозяйка прежде увязывала с новолунием. «Влюблялась» она в кого-нибудь из мужчин, живущих в доме, причем каждый раз в нового: то в одного из садовников — красивого и высокого молодого человека, то в шофера, то еще в кого-нибудь. В такие дни она неотступно следовала за «предметом своей любви», шла за ним в парк и, сев где-нибудь поблизости, не сводила с него глаз, пока тот работал. Иногда она пыталась и потрогать выбранный ею объект. Но этого Мария и Томас старались не допускать,

потому что неизвестно, чем бы это могло кончиться. Когда же они пытались отвлечь внимание Тото на что-нибудь другое, она начинала злиться. Даже этим своим любимым людям она швыряла назад в лицо цветы, которые ей всегда доставляли столько удовольствия, а если они хотели ее погладить, она недовольным жестом отводила от себя руку.

Управлять ею становилось все труднее. То она, казалось, забывала о своих «любовных» переживаниях и радостно кувыркалась по газону, как большой плюшевый мишка; то она внезапно поднималась во весь рост и без всякого предупреждения бросалась в атаку, словно бешеный бык. И происходило это с такой быстротой, что убежать было уже невозможно, поэтому следовало сразу же бросаться на землю и откатываться в сторону. Видимо, как раз этого-то она и добивалась, потому что атака моментально же заканчивалась.

Эти ложные атаки соответствуют, между прочим, поведению диких горных горилл в Киву-парке. Ведь и они тоже сейчас же перестают кусать противника или самку, как только те упадут ниц и примут позу повиновения.

Иногда Тото хватала даже свою приемную мать и волокла ее за руку или за платье по газону, дорожке или через свою песочницу. Отпускала она ее лишь тогда, когда на ее крики о помощи прибежал Томас.

Но и старые свои игры она не забывала. Она брала руку Марии, подносила ее к ступням своих ног или под ребра, показывая, что хочет, чтобы ее пощекотали, и смеялась во весь рот, когда это делали. Иногда она приносила щетку и заставляла себя причесывать или ложилась на пол, клала голову на колени своей приемной матери и мгновенно засыпала. Особенно же она любила потихоньку вытаскивать связку ключей из кармана Марии. Прячала она ее, как правило, в складке кожи между бедром и выступающим вперед мощным животом. Держа

ключи в этом месте, она ухитрялась с ними даже бегать и вообще всячески показывала, что у нее их нет: открывала рот, высовывала язык, поднимала вверх обе руки. И только когда ее очень уж просили или начинали сильно ругать, она нехотя отдавала связку.

Иногда Тото сама замечала, что у нее начинается приступ дурного настроения. Чувствуя, что игра становится все более дикой, она внезапно прекращала ее, обнимала свою «мать» обеими руками, целовала ее и резко отодвигала от себя. Тогда надо было скорее уходить. Если та не успевала сделать это вовремя, платья бывали сорваны и разорваны в клочья, а лоскутья обезьяна относила куда-нибудь на крышу. Поэтому Мария на всякий случай держала в комнате для игр особый ящик с запасной одеждой.

Она пришла к выводу, что гориллы абсолютно не способны к самоконтролю. Они не могут владеть собой. И в этом заключается самая большая разница между ними и человеком, гораздо более существенная, чем неумение говорить. Единственная попытка к самоконтролю выражается у них в том, что они стараются как можно скорее прекратить общение с дружеским существом, как только почувствуют, что возбуждение и беспричинный гнев сейчас захлестнут их с головой.

Тото не любила солнечных лучей и всегда старалась уйти в тень. По этой же причине она постепенно возненавидела всех фотографов. Из-за того, что у гориллы слишком темная шерсть, люди всегда старались посадить ее для съемок на солнце. А она не хотела. Поэтому на многих снимках Тото виден и конец электрической палки, которой Томас вынужден был на всякий случай удерживать ее от попыток кинуться на фотографа.

Однажды (было это в 1940 году), когда Тото опять как-то бесновалась и все сокрушала на своем пути, Марии удалось заманить ее в клетку только с помощью особого трюка. Она попросила шофера схватить ее за пле-

чи и трясти изо всех сил, а сама принялась кричать: «Тото! Тото! Спаси меня!» Почти в ту же секунду слышались тяжелые шлепки босых пяток по каменным ступенькам, и горилла как метеор ворвалась в помещение. Увидев Жозефа (шофера), она грозно хрюкнула и двинулась на него со скоростью курьерского поезда. Глаза ее сверкали недобрым огнем. Жозеф же в последнюю минуту успел выскочить через запасную дверь и захлопнуть ее перед самым носом разъяренной гориллы. Она застучала кулаками в дверь и нажала на нее плечом, пытаясь продавить, но двери в обезьяньем доме были крепкие. Таким образом Марии Хойт и Томасу еще раз удалось заманить Тото домой и освободить окружающих от ее тирании.

Местные власти стали угрожать, что они пристрелят эту огромную опасную обезьяну. Поэтому Марии Хойт пришлось скрепя сердце отдать ее в цирк братьев Ринглинг. Было это в 1941 году. Поскольку она не продала им обезьяну, а просто отдала, то оставила за собой право забрать ее назад, если обезьяне будет плохо, и проводить с нею столько времени, сколько захочется.

Самым трудным делом было доставить Тото на корабль, который должен был отвезти ее во Флориду. Для транспортировки обезьяны было решено запереть ее в железной кровати, которую обмотали для прочности металлической сеткой.

Когда Тото заметила, что происходит, она пришла в дикую ярость. Ухватившись руками за железную решетку своей кровати, в которой ее запирали на ночь в течение многих лет, Тото разогнула прутья, несмотря на то что они были толщиной в два сантиметра. Двенадцати грузчикам понадобилось целых два часа, чтобы водрузить железную кровать с запертым в ней мощным животным в «жилой вагон», построенный специально для этой цели. Когда этот вагон вкатили на палубу и открыли запор на кровати, Тото стремглав выпрыгнула оттуда и бросилась

к Томасу. Вся дрожа, она обняла его и требовала, чтобы ее утешали.

Во время путешествия она сильно страдала от морской болезни и ничего не ела. Ни она, ни Томас ночью не спали, а сидели, обнявшись, рука об руку и старались утешить друг друга.

Мария Хойт вылетела вперед на самолете. Увидев ее по прибытии, Тото страшно обрадовалась.

В цирке ее ждал Гаргантюа — одиннадцатилетний мощный самец-горилла. Не только все работники, но и вся пресса с напряженным интересом ждали, как произойдет встреча «жениха» и «невесты». Их не решились сразу же поместить в общую комнату, а временно разгородили «жилой вагон» решеткой, так что они могли друг друга видеть и слышать.

Но Тото и знать не хотела этого чужого, непонятного, огромного и черного страшилища. Сначала она очень удивилась, увидев его, а затем пришла в ярость. Как только он протягивал сквозь решетку руку, чтобы нежно до нее дотронуться, она начинала топтать ногами и орать как резаная. Когда во время обеда он взял у себя с тарелки стебелек сельдерея и бросил ей в виде дружественного подарка, она сейчас же швырнула его обратно.

Кот Принсип тоже приехал вместе с Тото. Он мог свободно выходить наружу через решетку вагона, но тем не менее всегда возвращался обратно. Мария Хойт в течение первых семи месяцев повсюду сопровождала Тото, разъезжая вместе с цирком, и учила Томаса, как готовить необходимые для обезьяны блюда, пока он сам не научился справляться с этим делом. В последующие десятилетия Мария Хойт проводила лето обычно в разных странах Европы, но зимой непременно на три-четыре месяца приезжала в Сарасоту во Флориде, чтобы составить компанию Тото.

Безусловно, найдутся люди, которые скажут, что грех расточать столько любви и денег на дикое животное и

что совершенно несправедливо «усыновлять» обезьяну, когда так много бездомных сирот. Но Мария Хойт ведь никогда и не хотела брать к себе в дом гориллу. Просто тогда, в 1932 году в Африке, она была поставлена перед необходимостью решить: оставить ли беспомощного черного детеныша погибать в лесу или спасти его и вырастить. Что из этого получится, она тогда и сама себе не очень представляла. Ведь такую обезьяну, как Тото, привыкшую жить только среди людей, нельзя взять и отвезти обратно в Африку: она бы там непременно погибла.

Тото умерла 28 июля 1968 года в своей большой транспортной клетке в доме Марии Хойт в городе Венеция во Флориде. Погребена она на кладбище для животных в Сарасоте. Среди всех горилл, живших в неволе, она на втором месте по долголетию: ей было 36 лет.

Конец Тото

Мария Хойт написала мне об этом так:

«С начала марта 1968 года Тото стала страдать от запоров, в то время как обычно она, наоборот, была склонна к расстройствам желудка, и мы вынуждены были держать ее на особой диете. Врач посоветовал мне давать ей сиблин, подмешивая его в апельсиновый сок. Средство это подействовало, но недостаточно сильно, и нам приходилось добавлять к нему еще и касторки. Но при этом Тото оставалась веселой, ела с аппетитом, и никаких признаков плохого самочувствия мы не замечали. Как-то в середине мая, когда я пришла к ней (а приходила я к ней каждый день), мне сразу же бросилось в глаза, что она волочит правую ногу и не владеет правой рукой и поэтому двигается как-то неестественно и неловко. Я тотчас же подумала, что это инсульт; мне и теперь кажется, что в этом и была причина ее смерти. У нее вдруг появился неумеренный аппетит, как это в подобных случаях бывает и со многими людьми. Так, например, когда я

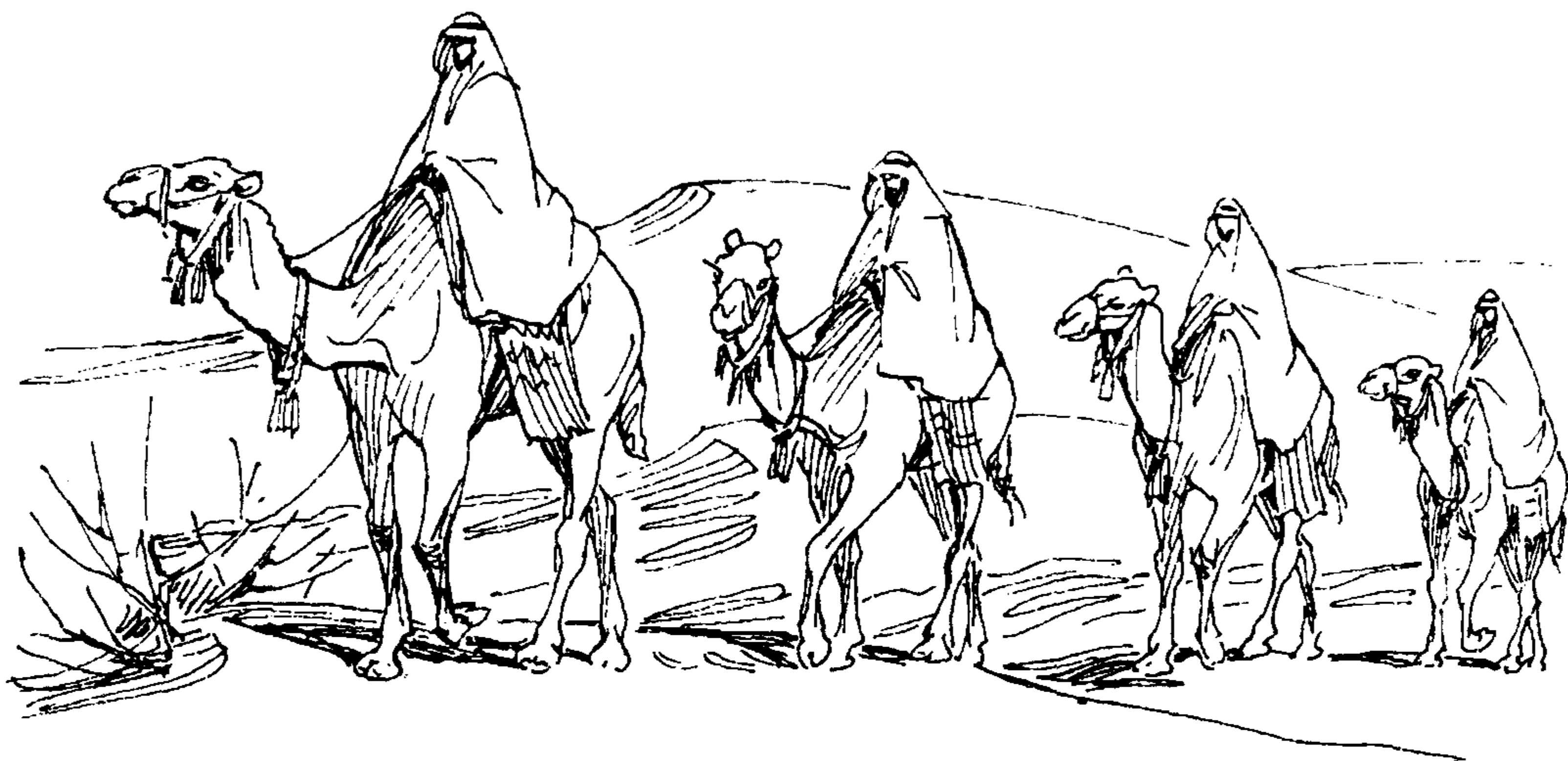
раньше приносила ей кусок торта с ванильным кремом, то она, как правило, тесто выбрасывала, а слизывала один крем. Теперь же она начинала сердиться, когда видела, что я собираюсь снять для нее ложкой крем с торта; она требовала дать ей весь кусок и проглатывала его целиком. Так же было и с виноградом, который она прежде только высасывала, а кожицу выплевывала; теперь она жадно заглатывала его полностью. Она вообще все время хотела есть и пить больше, чем когда-либо. Передвигалась она все хуже и хуже. Мы протянули в ее помещении по всем направлениям канаты, чтобы она могла опираться на них при ходьбе. Но при этом Тото оставалась ласковой и нежно целовала меня каждый раз, когда я приходила и уходила. Иногда она брала мою руку, клала на нее свою голову и тут же засыпала. Она охотно следила за тем, что происходило на экране ее телевизора, и сердилась, когда его выключали. Каждый день я проводила с нею послеобеденные часы, расчесывала щеткой ее шерсть, которая до самой смерти животного отливала изумительным блеском. Я мыла ей лицо и руки: она была исключительно чистоколотной. Даже тогда, когда Тото почти уже не могла двигаться, она с трудом, но все же поворачивалась на своей кровати, чтобы облегчить мне возможность ее лучше обмыть.

Когда Тото слышала мои шаги (а слышала она их еще издали), она тут же начинала стучать рукой в дверь, в которую я должна была войти. И только в последний день, 27 июля, она, видимо, уже так ослабла, что не могла стучать. Я сразу заметила, как дрожала ее рука, которой она брала у меня свой кусок торта; в этот день я принесла ей еще и большой сочный плод манго. Она смотрела на меня своими темными выразительными глазами, словно благодарила за все, что я для нее в жизни сделала. Я уговорила ее выпить и свой обычный вечерний стакан молока.

Когда я уходила, у нее уже не было сил поднять голову с подушки, и, прощаясь со мной, она губами беззвучно посылала мне поцелуи... Вы не представляете себе, дорогой профессор, как трогательно было привязано ко мне это удивительное существо и как мне не хватает его теперь!

28 июля в 10.30 утра Тото, подложив себе руку под щеку, уснула, чтобы уже никогда не проснуться».

Глава четырнадцатая

ПОЧЕМУ ВЕРБЛЮД НЕ УМИРАЕТ ОТ ЖАЖДЫ?

Слово старших словно помет гие-ен: свежий он черный и только потом постепенно светлеет.

Африканская поговорка

В Кении возле озера Рудольфа, то есть почти в самом центре Африки, я повстречал большие стада дромадеров (в Африке может идти речь только об этих одногорбых верблюдах).

Вы, как и я, читали, наверное, в некоторых книгах, посвященных путешествиям по Африке, о том, каким образом путники,двигающиеся с караваном, избегали неминуемой смерти от жажды. Когда у них кончалась питьевая вода, они убивали одного из своих верблюдов, вспарывали ему брюхо и выпивали запас воды, который это животное якобы всегда носит с собой в особой сумке ря-

дом с желудком. В такой «сумке с неприкосновенным запасом воды» и кроется решение непонятной загадки, почему эти горбачи способны в течение многих дней и недель путешествовать по пустыне и при этом ничего не пить, в то время как лошади и люди в аналогичных обстоятельствах давно бы погибли.

В приключенческих романах можно прочесть всякие чудеса относительно дальности преодолеваемых верблюдом расстояний и развиваемой им необычной скорости. Правда, известен случай, когда натренированный верховой верблюд со всадником на спине побил своеобразный рекорд: он проходил по 80 километров за день и за пять дней проделал 400 километров. Но было это зимой, когда даже в Северной Африке и в Сахаре не так уж нестерпимо жарко и когда растения, которыми питаются верблюды, еще зелены и содержат достаточно влаги.

Караваны же передвигаются обычно не спеша, в невозмутимом спокойствии, проделывая по четыре километра в час. А поскольку животным полагается еще по дороге отдыхать, то за день они проходят обычно немногим больше 20 километров.

При состязаниях в беге между лошадьми и верблюдами на коротких расстояниях побеждают лошади, а в многодневных переходах — верховые верблюды. Но это зависит еще от того, какие лошади и какие верблюды участвуют в состязании.

В новейшей естественнонаучной литературе уже не найдешь рассказа о сумке с неприкосновенным запасом воды в брюхе верблюда. Потому что всякий, кто видел, как режут и потрошат верблюда в Северной Африке, сразу же убедится, что никакой в нем сумки нет. Желудок, правда, содержит кашицеобразную массу, но в ней не больше жидкости, чем в желудке коров или других жвачных. Разумеется, если эту кашицу процедить сквозь тряпку, стечет какое-то количество жидкости. Но содержание солей в ней такое же, как в крови, потому что это

скорее желудочный сок, а не вода. Только перед лицом неминуемой гибели можно решиться утолить жажду этим пахнущим гнилью зеленым «супом».

Нечто подобное испытал однажды Разван, проживший много лет у руалов, во Внутренней Аравии. Во время какого-то военного похода, в котором он принимал участие, первыми вышли из строя ценные лошади, стоящие больших денег. «Чтобы хоть чем-то напоить наших кобылиц, — пишет он, — Рашейд приказал зарубить четырнадцать запасных верблюдов. Из рубцов и кишок вылилось достаточно жидкости, чтобы наполнить ею одиннадцать бурдюков. Процедив ее через тряпки и смешав с десятью литрами молока, которые удалось выдоить из нескольких верблюдиц, мы приготовили довольно странное питье, но нашим кобылицам оно пришлось по вкусу... С забрызганными кровью бородами и спутанными вихрами люди наклонялись над вспоротыми животами убитых верблюдов, лихорадочно окунали в гущу кишок оголенные до плеч руки, вырывали рубец и переливали кисловатую на вкус жидкость в бурдюки...»

Не знаю, возможно, человек или лошадь действительно могут утолить жажду содержимым верблюжьего желудка, но верблюд, во всяком случае, должен довольствоваться именно тем количеством воды, которое ему удалось выпить во время последнего водопоя. Ведь и мы сами в более прохладную погоду в случае необходимости можем обойтись без воды, если питаться в это время сочными фруктами и овощами. Поэтому не так уж странно, что верблюд во время североафриканской зимы может месяцами ничего не пить. Но вот почему он в летний зной в пустыне выдерживает без воды в десять раз дольше, чем человек, и в четыре раза дольше, чем осел, — вот это действительно интересная загадка для натуралиста.

Все мы, наземные млекопитающие, состоим в основном из воды и выделяем эту воду из организма по одним

и тем же законам — и через почки, потому что нам нужно избавляться от мочевины и солей, и через легкие во время дыхания, и, наконец, через потовые железы кожи или слизистую рта, чтобы охладиться и удерживать постоянную температуру тела.

Организм кенгуровой крысы, например, так мало содержит воды, что ее моча, выделяясь, моментально отвердевает. Когда день особенно жаркий, кенгуровая крыса заползает в свою глубокую сырую нору. Так поступают многие мелкие животные пустыни.

А вот верблюд не может заползти в нору. Как же ему удастся уцелеть под изнуряющими лучами солнца пустыни?

В новейшей зоологической литературе объясняется, что верблюд выживает без воды благодаря жиру, накопленному в горбе. Ведь все составные части нашего организма — белки, жиры и углеводы — в какой-то мере состоят из воды. Когда они сгорают и при этом входят в соединение с кислородом воздуха, получается вода. Удалось высчитать, что 100 граммов белка при сгорании в организме дают 41 грамм воды, а 100 граммов жира — даже 107 граммов воды. Значит, верблюжий жировой горб весом в 40 килограммов дает 40 литров воды!

Это, безусловно, убедительное объяснение, к тому же оно решает и другой вопрос — почему среди всех животных только у верблюда есть на спине жировой горб.

К сожалению, у этого остроумного теоретического решения загадки есть одно «но». Ведь необходимое для сгорания жира количество кислорода животное может получить только через легкие. В то же время при дыхании организм теряет больше влаги, чем получает ее путем переработки жиров. Вот так номер! Значит, с разгадкой «верблюжьей загадки» дело обстоит не так-то просто.

Настолько непросто, что два американских исследователя — доктор Кнут Шмидт-Нильсен и Т. Р. Хаупт — вместе с доктором Жарнум из Копенгагенского универси-

тета решили поехать в оазис Бени-Аббес, который расположен южнее Атласских гор в Сахаре, чтобы там серьезно заняться изучением верблюдов.

Первая трудность, которая их ожидала, была совершенно неожиданной: они не могли достать верблюдов. Никто не хотел им их продать. Наконец им удалось раздобыть себе нескольких, и они с удвоенным рвением принялись за дело. Верблюдов тщательно взвешивали, у них брали анализы крови, мочи, измерялась температура.

Летом, когда в оазисе Бени-Аббес становится невыносимо жарко, европейцев там обычно не бывает. Температура воздуха поднимается до 50 градусов, а там, где солнце раскаляет камни, и до 70 градусов. Человек в таких условиях теряет за один час 1,14 литра пота и, конечно, начинает сильно страдать от жажды. Когда из человеческого организма испаряется 4,5 литра пота, что составляет 5 процентов общего веса его тела, он уже теряет способность здраво рассуждать и правильно воспринимать окружающую действительность. При потере жидкости, составляющей 10 процентов веса, человек гложет, испытывает страшные боли и теряет рассудок. В более прохладном месте люди способны значительно дольше обходиться без воды и умирают лишь при потере 20 процентов веса тела. В знойной пустыне мы неминуемо погибнем от теплового удара уже при потере 12 процентов своего веса.

Верблюд может выдержать дольше. Когда исследователи продержали одного верблюда под солнцем восемь дней, не давая ему пить, он потерял 100 килограммов, то есть 22 процента общего веса тела. Он страшно исхудал, живот его втянулся под самые ребра, мускулы съежились, и ноги поэтому казались необычайно длинными. Наверняка он не был бы в состоянии работать и далеко бежать, но он отнюдь не выглядел тяжелобольным.

Мне очень понравилось, что эти три исследователя не стали ждать, когда верблюд умрет от жажды, чтобы выяснить, сколько ему для этого надо потерять в весе. Это

их очень хорошо характеризует. Они, наоборот, дали ему пить сколько влезет. И он пил и пил одно ведро за другим и на их глазах снова стал нормально упитанным.

Вот так выяснилось, что верблюд даже под палящим солнцем может потерять четверть веса своего тела, не подвергаясь опасности умереть от жажды. Умирает он, по-видимому, только при гораздо большей потере веса.

Секрет того, почему верблюды могут терять такое большое количество влаги, а мы нет, заключается в степени содержания воды в крови. Вообще-то в человеческой и верблюжьей крови примерно одинаковое содержание воды: около двенадцатой части всей воды, находящейся в организме. Однако если верблюд за счет испарения теряет четверть своего веса, то в крови исчезнет лишь одна десятая часть содержащейся в ней воды и кровь при этом останется по-прежнему жидкой. У нас же при аналогичных обстоятельствах из крови исчезает треть воды, и кровь становится густой, еле течет, не проходит в капиллярные сосуды и медленно циркулирует по телу. Следовательно, она уже не в состоянии транспортировать накапливающееся внутреннее тепло к кожному покрову, где это тепло должно рассеиваться. Поэтому внутренняя температура тела быстро повышается, и мы умираем от теплового удара.

Другой верблюжий секрет недавно открыл зоолог профессор К. Перк. Он выяснил, что во время питья вода не только накапливается во всем организме верблюда, но ее набирают (до 240 процентов) и красные кровяные шарики. Это еще одна причина того, почему верблюд, с одной стороны, способен переносить длительное отсутствие воды, а с другой — пить ее в огромных количествах.

При своих исследованиях верблюдов доктор Кнут Шмидт-Нильсен хотел также выяснить, есть ли зависимость между количеством поглощаемой ими влаги и солей в моче. Чтобы получить для своего эксперимента как можно больше мочевины, он кормил подопытного верблю-

да пищей, наиболее богатой белками, в том числе земляными орехами. Но он не учел, насколько верблюды «консервативны», как они держатся за свой хоть и плохой, но привычный корм. Подопытный верблюд сначала от орехов отказался, устроил забастовку и не стал принимать пищи: он хотел есть свои полусохшие колючие кустарнички. Исследователю пришлось постепенно подмешивать ему в корм земляные орехи, раз за разом увеличивая порцию. Когда же ему наконец удалось «переубедить» упрямого верблюда, то во всей округе уже не оказалось больше земляных орехов. Поэтому он вынужден был прекратить свой эксперимент.

Итак, верблюд переносит нехватку воды в организме гораздо лучше, чем мы. Но это еще не все. Он обладает также способностью выделять из организма гораздо меньше воды. Если температура окружающего воздуха превышает температуру нашего тела, мы начинаем потеть. Только путем испарения содержащейся у нас в организме воды мы можем предотвратить перегрев нашего тела. Но потение — это расход воды, и притом немалый.

У верблюда все это происходит иначе. В течение дня, по мере того как воздух все больше раскаляется от солнца, температура его тела все поднимается и поднимается, пока не достигнет 40 градусов. Только тогда верблюд начинает потеть. Этим он, разумеется, сильно экономит воду. Кроме того, ночью, когда в пустыне становится довольно холодно, температура тела верблюда резко снижается — до 34 градусов. Таким образом, после восхода солнца должно пройти немало времени, прежде чем такая машина снова прогреется и начнет потеть.

Подобные колебания температуры тела у «кораблей пустыни» происходят только во время летнего зноя. Зимой или на побережье Средиземного моря они гораздо менее заметны.

Но это еще не все верблюжьи секреты, разгаданные в оазисе Бени-Аббес.

Так, ослы тоже ведь пустынные животные и тоже в отличие от людей могут из-за жажды потерять четверть своего веса. Однако они теряют воду в три раза быстрее, чем верблюды. В то время как дромадер даже под палящим солнцем пустыни выдерживал без водопоя по 17 дней, ослов приходилось поить каждый четвертый день; колебания температуры тела у них хотя и значительно, чем у людей, но не столь велики, как у верблюда. Следовательно, ослы начинают потеть значительно быстрее дромадеров. Это объясняется помимо прочего еще и малой густотой их волосяного покрова. Верблюды хотя и линяют каждое лето, тем не менее на спине у них сохраняется свалявшийся, словно войлок, слой шерсти толщиной от пяти до десяти сантиметров. Естественно, он прекрасно предохраняет кожу от прямого попадания солнечных лучей (ведь и бедуины пустыни отнюдь не стараются одеться в легкие летние одежды, а носят шерстяные бурнусы, часто один поверх другого).

Жир — очень плохой проводник тепла. Поэтому верблюдам крайне выгодно носить свои жировые накопления на спине: они их тоже предохраняют от обжигающих лучей солнца. А если бы жир был равномерно распределен по всему телу между внутренностями и мускулами, он мешал бы выходу тепла из организма.

Но в одном осел все же превзошел верблюда. «Высохший» дромадер выпивает 135 литров воды за десять минут и восстанавливает этим прежний вес своего тела. Делается просто страшно, когда видишь, как животное за один прием выпивает больше десяти ведер воды. А осел ухитряется даже за две минуты выпить количество воды, равное четверти веса его тела.

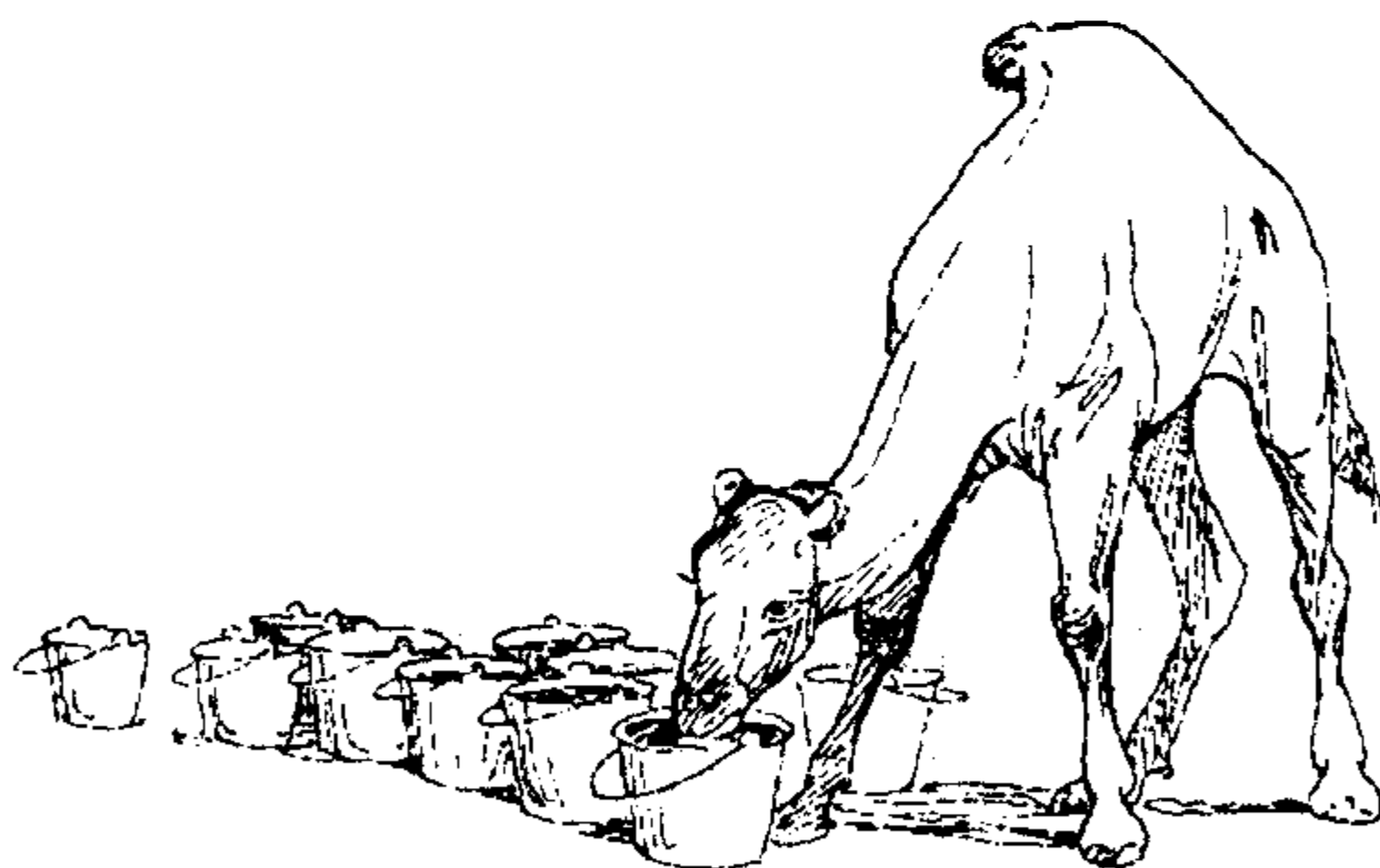
Если же мы, люди, проведем целый день под палящим солнцем, то, для того чтобы восстановить свой потерянный вес, нам нужно пить в течение многих часов (разумеется, с перерывами), да еще и есть при этом.

Дикие животные, способные жадно и поспешно пить, имеют ряд преимуществ. Летом воды мало, обычно в округе найдется лишь несколько бочажков, у которых, как правило, караулят свою добычу хищники. Когда умеешь «заправляться» водой за две минуты, то сокращается и риск подвергнуться нападению.

Вот эти-то таинственные способности верблюдов, о которых мы до самого недавнего времени ничего не подозревали, помогали нам в течение многих столетий вести торговлю с Северной Африкой и с многими областями Азии. Благодаря этим качествам верблюда расцветали королевства и власть человека распространялась на огромные безжизненные пространства, которые без дромадеров освоить было бы невозможно.

В середине прошлого столетия верблюдов начали завозить в Северную Америку, и их способность легко переносить голод и жажду уже начала было играть решающую роль в судьбах нового континента, но тут появилась железная дорога и оттеснила их на задний план.

То же самое происходит сейчас в Сахаре. Машина не потеет и способна в своих «внутренностях» перетаскивать огромное количество воды. Пьет она, конечно, не так быстро, как верблюд, но зато бежит резвее и дольше. Словом, машина во всем превосходит старый, добрый «корабль пустыни» (правда, только тогда, когда каждый винтик в ее «брюхе» в полном порядке!).

Глава пятнадцатая

ПОЧЕМУ СЛОНОВ ОДНОВРЕМЕННО И СЛИШКОМ МНОГО И СЛИШКОМ МАЛО?

Для того чтобы погибнуть,
даже слону достаточно одного-
единственного дня.

Африканская поговорка

Как же в Африке в действительности обстоит дело со слонами? Газеты сообщают, что их необходимо тысячами отстреливать, потому что они перенаселяют некоторые местности и уничтожают там всю растительность. А старожилы Африки жалуются, что теперь неделями можно ехать по африканским дорогам и не только не увидеть ни одного слона, но даже нигде не наткнуться на их помет. Охотникам за крупной дичью уже давно не удастся раздобыть в качестве трофея настоящего, «капитального» слона с мощными бивнями.

Расцвет хоботных на нашей планете давно позади. Слоны появились 50 миллионов лет назад и населяли все материки земного шара, за исключением Австралии. При раскопках обнаружено уже более 350 различных видов слонов. Наши предки в Европе и Азии еще «существовали» с гораздо более мелкими шерстистыми слонами. В слое вечной мерзлоты Сибири время от времени откапывают вмерзших в лед мамонтов с сохранившимся мясом и кровью. А иногда у них во рту находят даже корм.

Что касается родства слонов с некоторыми другими видами животных, то этот вопрос сейчас кардинально пересмотрен. Дело в том, что слоны не имеют ничего общего с носорогами и бегемотами, с которыми их раньше объединяли под общим названием «толстокожие». Сейчас их перестали причислять даже к собственно копытным животным. По строению тела слонов объединяют в одну общую группу вместе с сиренами, или морскими коровами, а также с капскими даманами. Посетители зоопарка, рассматривая этих внешне столь различных животных и читая соответствующие объяснения на табличках, обычно недоуменно пожимают плечами: чудеса, да и только.

В наше время по земле топают только два, причем легко отличимых друг от друга, вида слонов: азиатский, или индийский, и африканский. Первый — плотный, стремительный, с выпуклыми лобными выступами и небольшими ушами. У самок индийских слонов, как правило, полностью отсутствуют бивни. Наивысшая часть туловища у этого слона — голова, в то время как у африканского — спина. Второй — «африканец» — имеет покатый лоб, значительно большие уши, он менее плотный, и в отличие от «индейца» хобот его заканчивается двумя «пальцами», а не одним. Азиатских слонов можно увидеть значительно чаще, чем африканских. В 1965 году во всех американских зоопарках, вместе взятых, проживало

всего 30 африканских слонов, ввезенных из Африки, и 90 индийских (четверо из которых были рождены уже в зоопарках).

Первый зоопарковский африканский слоненок появился на свет лишь в 1943 году в Мюнхене. С тех пор родилось всего несколько.

Азиатских слонов люди уже тысячелетия приручают и используют в качестве тягловой силы. В свое время карфагенцам удавалось также приручать теперь уже давно вымерших североафриканских слонов. Слоны эти были значительно меньших размеров, чем теперешние. Слоны, с которыми Ганнибал в 220 году до нашей эры пересек Альпы и которые нагнали тогда такого страха на римлян, по всей вероятности, были «африканцами». Шестидестью годами раньше греческий король Эпира Пирр с помощью слонов неоднократно побеждал римлян в битвах, происходивших на территории Италии.

Но затем почему-то в течение двух тысяч лет африканские слоны в отличие от индийских считались неприручаемыми. Однако за последние десятки лет бельгийцам удалось доказать, что это не так. Они сумели обучить этих слонов возить повозки и людей, а также всевозможным другим работам.

Я провел некоторое время на станции по приручению слонов «Гангала на Бодио» и впоследствии в своей книге «Для диких животных места нет» описал, какие работы там проводят.

Число этих серых великанов идет в Африке на убыль. Когда первые голландцы прибыли в Южную Африку, в районе Капштадта еще паслись огромные стада слонов. В первые десятилетия прошлого века из этих стран на мировой рынок поступало внушительное количество слоновой кости.

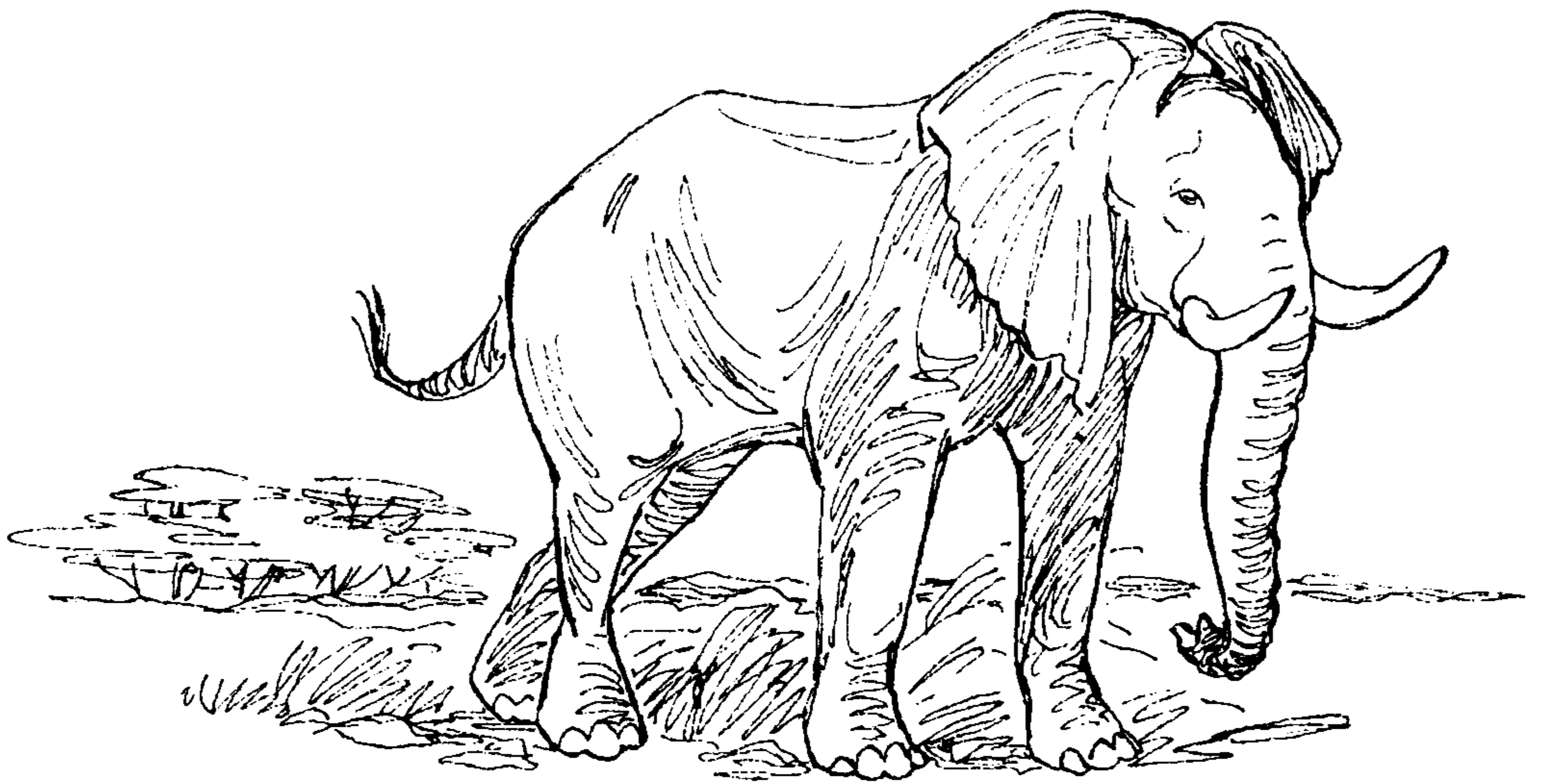
Но затем слонов безжалостно перестреляли. Их не стало даже в знаменитом национальном парке Крюгера. Они вернулись туда значительно позже, забредя из по-

граничного с ним «португальского» Мозамбика. Единственное место, где слонам удалось удержать свои позиции, была северная часть бассейна Замбези.

Слоны, которые в доисторические времена, по всей вероятности, были обитателями леса, впоследствии лучше других видов сумели освоить самые различные жизненные пространства. Так освоиться удалось, пожалуй, еще только крысе, воробью и человеку. Иногда африканских слонов можно увидеть погруженными по самую спину в воду, а порой они поднимаются и высоко в горы, иногда выше пяти тысяч метров; в одних местах они пасутся на траве, словно коровы, в других — валят деревья...

Африканские слоны из различных местностей выглядят по-разному. В прошлом столетии, когда в зоологии появилась мода на выделение бесконечных видов и подвигов, различали дюжины видов слонов (по форме и величине ушей и по другим деталям строения тела). Но с тех пор специалисты установили, что речь может идти только о двух подвидах слонов Африки: о более мелком круглоухом, или лесном слоне (*Loxodonta africana cyclotis*), обитающем в лесах Западной Африки, и о большеухом, или степном, слоне (*Loxodonta africana africana*), которого можно встретить как в Южной, так и в Восточной Африке — до Эфиопии и Сомали.

У лесного слона на передней ноге пять, а на задней четыре пальца, в то время как у степного на передней ноге обычно четыре пальца, а на задней — три. У лесного слона верхние края ушей никогда не соприкасаются друг с другом, у степного же это случается сплошь и рядом; ведь уши у степного значительно больше, при этом почти треугольной формы, острым углом книзу. Спина лесного слона возвышается над землей на 2,2—2,5 метра, реже выше этого, в то время как степные слоники достигают в высоту в среднем 2,85 метра, а степные слоны — 3,2 метра, наиболее же рослые экземпляры могут достигать и 3,5—3,7 метра. Но основное отличие между лес-

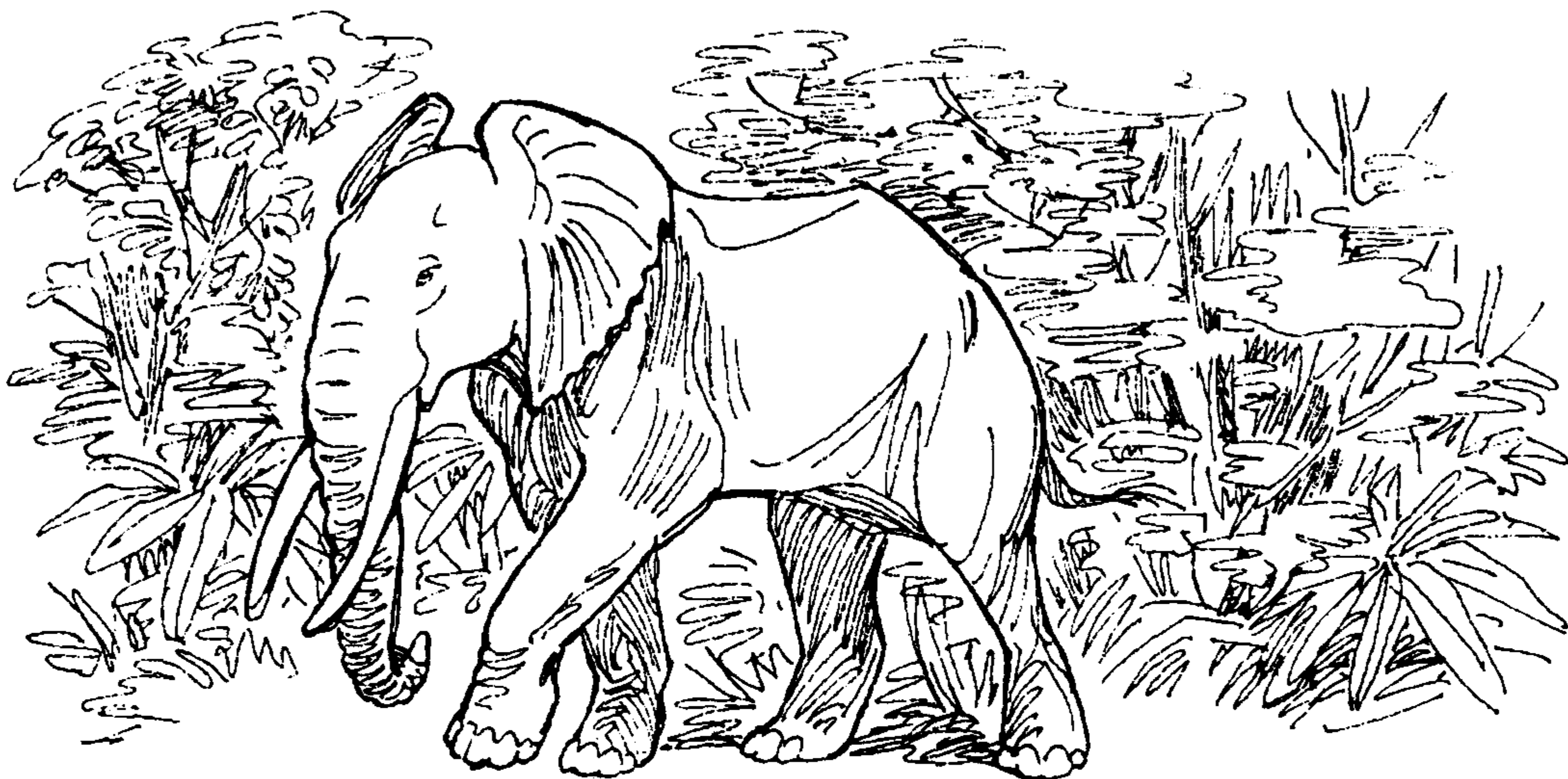

ными и степными слонами заключается в том, что у лесных слонов бивни тоньше и загнуты книзу, в то время как бивни степных слонов направлены косо вперед и большей частью еще загнуты кверху. И хотя бивни у степных слонов больше и толще, тем не менее кость у лесных слонов тверже.

Но различия между этими двумя подвидами четко выявляются тогда, когда лесной слон с западного побережья Африки встанет рядом со степным слоном с восточного побережья.

Там, где эти подвиды смешиваются, встречаются самые различные переходные типы. Так, среди слонов станции «Гангала на Бодио» я видел таких, которых по форме ушей следовало бы причислить к степным, а по числу пальцев на ногах — к лесным. А в Уганде, в национальном парке Куин-Элизабет, возле озера Эдуард, водятся слоны, бивни которых по своей форме очень похожи на бивни лесных слонов. По-видимому, оба этих подвида легко и просто скрещиваются между собой.

А где же обитают знаменитые карликовые слоны, спросите вы? Немецкий зоолог Ноак в 1906 году ввел их в определитель животных под латинским названием

Elephas africanus pumilio. Свое описание он сделал по одному-единственному экземпляру, жившему тогда в Нью-Йоркском зоопарке. Высота этого слона составляла 1 метр 80 сантиметров, возраст его по состоянию зубов определяли в 6 лет. Обычно же слонам такого роста бывает не больше полутора лет. Слон этот прожил в зоопарке девять лет и вырос за это время еще на двадцать сантиметров.

С тех самых пор взрослых слонов ниже двух метров стали рассматривать как карликовых. Однако большинство «карликов», демонстрируемых в цирках и в зверинцах, оказывались просто молодняком. На воле же, а именно в Западной Африке, не раз встречали таких маленьких слонов с длинными бивнями. Майор Пауэлл-Коттон видел там беременную слониху, высота которой в холке составляла 1 метр 80 сантиметров.

На станцию по приручению слонов однажды доставили двух особенно маленьких слонов высотой всего лишь в 1 метр 30 сантиметров и с бивнями длиной в 70 сантиметров! Судя по этим бивням, им было от 12 до 14 лет. За последующие десять лет животные выросли всего лишь до 1 метра 60 сантиметров, длина же бивней

достигла 1 метра. К сожалению, обоих «карликов» потом продали, и дальнейшего их развития проследить не удалось.

Однако ни в коем случае нельзя утверждать, будто бы такие слоны заселяют какую-либо определенную территорию. Их нигде не встречали стадами или вообще помногу. Поэтому мы считаем, что здесь речь идет не о какой-то особой расе или виде, а просто об отдельных «недомерках».

Охотиться на самых мощных животных своего континента было для африканцев опасным и трудоемким занятием (правда, только до тех пор, пока у них не появилось огнестрельное оружие). Добыть себе мясо для пропитания было значительно легче, охотясь на любую другую более мелкую дичь, которой кругом было полным-полно. Охота на слонов привлекала другим: добычей слоновой кости, которая с незапамятных времен продавалась по очень высоким ценам. Ради слоновой кости вокруг стада слонов поджигали лес, окружая его огненным кольцом, копали ямы-ловушки, отстреливали животных отравленными стрелами.

Когда еще не было железной дороги, носильщикам приходилось нести на себе слоновую кость от Уганды до побережья целых 90 дней! Это был единственный товар, окупавший столь дорогостоящую доставку. Исследователь Африки Сэмюэль Бейкер оценивал доход от торговли слоновой костью в 1500 процентов; сам он иногда выручал и 2000 процентов.

Довольны оставались и поставщики слоновой кости: ведь большую часть бивней они отрубали у слонов, умерших собственной смертью, так что добыча их не составляла особых трудностей. Во времена колониализма охота на слонов проводилась с официального одобрения властей, хотя и контролировалась охотничьим управлением. Но даже и теперь, по утверждению зоолога Нила Саймона, из-за браконьерства и хорошо организованной контрабан-

ды Кения, например, теряет из своего бюджета свыше миллиона марок.

Однако на сегодняшний день отстрел слонов иногда диктуется необходимостью. Особенно это важно для Восточной Африки, где с каждым годом требуется все больше земли под поселки разросшегося коренного населения.

Так, к примеру, в 1963 году охотничьему управлению Танзании пришлось поручить своим служащим отстрелить 3247 слонов да еще выдать 393 лицензии на отстрел приезжим охотникам. Продав 116 500 килограммов слоновой кости, управление выручило тогда 103 540 восточноафриканских фунтов (исходя из стоимости 1 фунта слоновой кости в 16 шиллингов). Но в то время как бивни, которые попадали на рынок Занзибара в 1850—1860 годах, весили от 25 до 50 килограммов каждый, а те, которые в конце прошлого столетия продавались в Родезии, весили в среднем 20 килограммов, то уже бивни слонов, застреленных с 1927 по 1958 год, весили только по 12 килограммов.

В 1929 году слонов еще можно было встретить на 70 процентах территории Уганды, 30 же лет спустя — только на 17 процентах, и с тех пор их распространение продолжало сокращаться.

Мне рассказывали, что раньше в Северо-Восточном Конго (Заире) в определенное время года скапливалось огромное множество (до двух тысяч) слонов. А один из спутников Ливингстона однажды возле Замбези наткнулся на скопище из 800 слонов. Такие «природные спектакли» теперь трудно увидеть в Африке.

Как же с этим повсеместным сокращением числа слонов вяжутся газетные сообщения о необходимости отстрелить несколько тысяч слонов, чтобы спасти деревья и кустарники?

После страшной засухи 1960 и 1961 годов я находил в Кении, в Цаво-парке, поваленные или ошкуренные слонами деревья.

В Уганде, в национальном парке Мерчисон-Фолс, на огромной территории все деревья погибли по вине слонов, которые безжалостно обдирали с них кору. Подобным же образом ведут себя слоны сейчас в национальном парке Киву в Заире, в национальном парке Крюгера в ЮАР и в разных других местах.

Е. Дэвисон наблюдал в Ванкие-парке в Южной Родезии, как из целого стада слоних только две занимались тем, что ошкуривали акации, остальные этого не делали. Солидные самцы себе этого вообще никогда не позволяют.

В июне и сентябре 1962 года в Цаво-парке, занимающем более 20 тысяч квадратных километров, проводился авиаучет слонов. По этой «переписи слонового населения» (которая, безусловно, очень точна, так как на безлесной ровной поверхности эти крупные животные хорошо заметны), вышло, что в июне слонов было 6825, а в сентябре — 10 799. К этому числу следует еще добавить 4804 слона, пасущихся в пограничных с парком районах. Животные держались иногда стадами, которых было 1007, а иногда в одиночку — таких одиночных слонов насчитывалось 128. Примерно 300 стад состояло из двух — пяти животных и столько же из шести — десяти голов. Видели и десять скоплений, состоящих из более чем 100 животных.

Нужно сказать, что 10 тысяч слонов на 20 тысяч квадратных километров — это совсем не так уж много. Ведь площадь Цаво-парка равна примерно половине всей Швейцарии. Плотность слонового населения составляла в июне 0,34, а в сентябре — 0,54 слона на каждый квадратный километр. Эти цифры очень невелики, если их сравнить с другими областями Африки: в горах Абердара (Кения) насчитывается 1,1 слона на 1 квадратный километр; на равнинах Руинди-Ручуру в национальном парке Киву (Заир) — 1,7 слона на каждый квадратный километр; в национальном парке Куин-Элизабет — 1,72, а в Мерчисонском национальном парке (Уганда) — 1,8.

И тем не менее для Цаво-парка их все равно слишком много: ведь это район очень засушливый и там слишком мало растительности по сравнению с другими национальными парками. Все подсчитанные здесь животные были найдены в радиусе 23 километров от постоянного источника воды. В Цаво-парке есть одна-единственная река, которая круглый год не пересыхает, — это Галана. За два засушливых года слоны настолько истребили всю прибрежную растительность, что в 1960 году из 780 живущих в парке носорогов 300 умерло с голоду.

Цаво-парк, который в прежние времена представлял собой поросшую кустарником местность с высокими галерейными лесами по берегам рек, постепенно превращается в травянистую степь. Правда, для слонов это не так уж страшно: они ведь могут довольствоваться и одним травяным кормом. Гораздо хуже это для черных носорогов, которым для пропитания необходим веточный корм. Кроме того, они не в состоянии проделывать таких дальних кочевок, как слоны, которые благодаря этому могут уходить из засушливых районов. Степная трава, корни которой в отличие от деревьев и кустарников не уходят глубоко в землю, во время засушливых месяцев целиком увядает и не содержит, следовательно, ни малейшей влаги, а из-за постоянных степных пожаров она и вовсе исчезает.

Однако основная причина ущерба, наносимого слонами в Цаво-парке, кроется в другом. Во всем виноваты искусственные колодцы и образовавшиеся возле них бочажки с водой. Во всяком случае, к такому выводу пришла Сильвия Сикс, изучавшая «слоновую проблему» в Восточной Африке.

Все началось, по ее мнению, еще со строительства железной дороги Момбаса — Найроби, когда приходилось обеспечивать колодцами строительных рабочих. Вода притягивала мучимых жаждой животных, и в особенности «влаголюбивых» слонов (взрослому слону требуется от

90 до 130 литров воды в день). Слоны и потом, в засушливые сезоны, старались держаться поблизости от железной дороги, потому что вдоль нее возникли поселки с колодцами. Животные по ночам приходили туда напиться и с рассветом неслышно исчезали. Положение еще более ухудшилось после того, как управление национальными парками Кении построило в парке Цаво постоянные искусственные водопои. Теперь слоны круглый год старались держаться в районе водопоя, а растительности вокруг уже явно не хватало: она вся была съедена. Это неизбежно привело к набегам животных на посевы во всей округе.

Сильвия Сикс придерживается мнения, что в первую очередь следует бороться со степными пожарами и затем во время засушливого сезона перекрывать воду на искусственных водопоях, чтобы прогнать слонов из парка.

А чем же объяснить перенаселение слонами других районов? Ведь в отличие от многих других африканских животных слоны способны совершать длительные и дальние кочевки. Дело в том, что во многих областях Африки на них так усиленно охотятся, что местами уже полностью истребили. Поэтому слоны скапливаются в резерватах и перенаселяют их так, что растительности начинает грозить опасность. При этом они, возможно, часто бывают отрезаны от мест, где прежде могли удовлетворить свою потребность в минеральных солях и микроэлементах. Кора деревьев и ветки содержат не только влагу, но, например, и 3,4—5,68 процента извести, в то время как в траве ее лишь от 0,18 до 0,33 процента.

В этих вопросах до сих пор еще нет никакой ясности. Хотя мы уже в течение многих веков знаем слонов, охотимся на них и восторгаемся ими, а охотники выпустили уже изрядное число приключенческих книг об этих животных, тем не менее нам до смешного мало известно о том, как они живут и в чем нуждаются.

Поэтому хорошо, что соответствующие деятели в Кении не прислушивались к газетной шумихе, раздутой вокруг слонов, и не приступили немедленно к проведению намеченного отстрела трех тысяч или даже пяти тысяч слонов, живущих в национальном парке. Вместо этого они решили пригласить вначале группу ученых, которые должны были тщательно изучить жизнедеятельность и потребности этих животных.

Между прочим, не исключена возможность, что гибель деревьев происходит и из-за постоянных степных пожаров, которые в Африке учащаются с каждым годом. Эти искусственно учиняемые пожары со временем приводят к тому, что облесенные территории постепенно превращаются в открытую, ровную степь (столь желанную для скотоводов). Однако спустя некоторое время поросшая травой земля начинает зарастать колючим кустарником и другой несъедобной для скота растительностью. Такое превращение произошло уже во многих районах парка Цаво.

Получается довольно постыдное положение: пока европейцы господствовали в Африке в качестве колонизаторов, они почти не давали себе труда изучить жизнь слонов, животных, играющих столь огромную роль в поддержании биологического равновесия в местной природе, а ведь нарушение его способно изменить даже климат, что в свою очередь может поставить под угрозу само существование всего живого в этих жарких районах земного шара. Только в последние годы после завоевания африканскими государствами независимости биологи приступили к работе над разрешением многочисленных загадок жизни этих серых великанов.

Дальше мы увидим, как далеко им удалось продвинуться в своих исследованиях. Наиболее значительное учреждение в этом плане — Научно-исследовательский институт в национальном парке Серенгети, созданный энергичным директором национального парка Джоном Ове-

ном. Туда приезжают работать сроком не менее чем на три года зоологи, ботаники, почвоведы и этологи из всех стран мира. Обычно там работают одновременно 10—18 человек. Жилые дома для ученых и Лаборатория имени Михаэля Гржимека построены на деньги, пожертвованные людьми, радеющими об охране природы.

* * *

Прошло несколько недель, прежде чем мне наконец удалось увидеть первого дикого слона. Это было в лесах Берега Слоновой Кости в Западной Африке.

Мы удобно расположились на большой банановой плантации, владелец которой временно отсутствовал. Сюда, на эту плантацию, еженощно являлось стадо слонов. Назойливые, но пугливые животные проходили обычно вдоль небольшой речки, пересекавшей эту местность. Для переезда машин через речку был переброшен бревенчатый мостик. Слонам это почему-то не нравилось. Вместо того чтобы воспользоваться мостиком для перехода через речку или в крайнем случае обойти его стороной, они каждый раз аккуратно разбирали мостик по бревнышку.

Слонов вообще многое раздражает из того, что мы, люди, сооружаем на их родине. Невысокие столбики дорожных указателей они зачастую засыпают ветвями или просто выдергивают из земли и оттаскивают в сторону. Целые участки только что проложенных асфальтированных дорог они тоже частенько забрасывают ветками. Телеграфные столбы, которые здесь вкапывают в почву с большим трудом, они сплошь и рядом по ночам вытаскивают и укладывают рядами на землю.

Однако фильмы, в которых показано, как слоны нападают на деревни местных жителей, топчут их хижины и раскидывают во все стороны обезумевших от страха людей, — чистый вымысел и ерунда. В действительности

все бывает совсем иначе. Правда, может случиться, что такой великан часами будет бродить между хижинами и даже иногда разберет какую-нибудь из них или продавит стену, учуяв, что внутри лежит что-то съестное или возбуждающее его любопытство. Но в таких случаях прогнать слонов не представляет особого труда. Так, в Эзо, в Южном Судане, трех таких навязчивых гостей удалось выпроводить с помощью громких звуков вальса (находящийся поблизости инспектор по сельскому хозяйству включил на полную громкость радиоприемник в своей машине).

Совершенно новое явление последних лет — так называемые туристские слоны. Это, как правило, одиночные животные, пристрастившиеся посещать туристские гостиницы и лагеря в национальных парках. Такие слоны со временем становятся очень назойливыми, потому что, несмотря на все запреты, получают от туристов подачки. В моей книге «Они принадлежат всем» описана история как раз такого слона, по кличке Лорд-мэр, или Бургомистр, и его печальный конец (его пришлось застрелить). Это произошло в модной туристской гостинице «Пара-Лодж», построенной в национальном парке Мерчисон-Фолс.

Но прошло совсем немного времени, и за мной в том же туристском лагере увязался уже другой слон, на этот раз подросток, по кличке Чарли. Когда я ночью возвращался из ресторана в свою комнату, расположенную в отдаленном коттедже, он так внимательно меня оглядывал, что я предпочел пробираться к себе за домами, а большие открытые площадки пересекал чуть ли не бегом.

Когда туристы садились ужинать, Чарли подходил совсем близко к окнам столовой и с завистью взирал на стол. Он вел себя как ребенок, который, прислонясь лбом к витрине кондитерского магазина, с вожделением разглядывает заманчивые сладости. Однажды он своими короткими бивнями так сильно надавил на раму, что выбил

ими сразу три стекла. Ничуть не испугавшись шума и звона, он проворно просунул хобот в образовавшееся отверстие и стал шарить по столу. А несколько дней спустя он пристал к директору ресторана, стараясь отнять у него какие-то продукты, так что тому пришлось взобраться на веранду и отбиваться от него палкой.

А одна слониха получила кличку Мусорщица Нелли, потому что вместе со своим слоненком Билли повадилась рыться в помойных ведрах. Когда кто-то из туристов вздумал на близком расстоянии с веранды сфотографировать ее детеныша, она бросилась в атаку. Лесничему едва удалось втолкнуть незадачливого фотографа в комнату. Не добежав двух метров до «обидчика», Нелли повернулась и ушла.

В другой раз малыша Билли страшно заинтересовала радиомачта. Он с такой силой стал тянуть за железные тросы, удерживающие ее в вертикальном положении, что верхняя часть антенны свалилась прямо на спину его матери. Оба слона ужасно перепугались и бросились наутек. Но это не помешало Билли вскоре сломать прибитый при въезде в туристский лагерь щит с надписью, предупреждающей посетителей быть осторожными с полуручными слонами. Кроме того, он дважды старательно пытался сдвинуть машины с места их стоянки. К сожалению, Билли погиб, не достигнув трехлетнего возраста: по-видимому, он проглотил что-нибудь несъедобное из мусорного ящика. В экскрементах слонов, пристрастившихся рыться в помойных ямах, нередко можно обнаружить полиэтиленовые мешочки и пергаментные обертки от ветчины.

Возможно, именно повышенной любознательностью слонов и присущей им игривостью можно объяснить тот факт, что они часто попадают в проволочные удавки, расставляемые браконьерами для других животных. Такая петля, затягиваясь вокруг хобота, постепенно все глубже врезается в тело и вызывает страшные нагноения. Мне уже дважды пришлось встречать слонов с такими ранами.

Однажды лесничий из Ахоли в Уганде увидел слона, хобот которого попал в такой капкан. Когда лесничий некоторое время спустя вернулся к месту происшествия с вооруженным провожатым, слон уже исчез, а в петле висел оторванный кусок хобота длиной около метра. Такого бесхоботного слона видели как-то в Малави во время кормежки: он пасся, стоя на коленях, и, видимо, справлялся с этим успешно, потому что выглядел вполне упитанным.

* * *

Попробуйте как-нибудь не пустить слона туда, куда он хочет пройти, разумеется не применяя стрельбы.

Несколько лет назад в Замбии возле реки Саньяти, в 100 километрах выше по течению знаменитой плотины Кариба, соорудили высоченную изгородь. Предназначалась она для того, чтобы помешать диким животным, обитающим в низменности Замбези, проникать в густо заселенные людьми окрестные районы. Эта изгородь, возведенная прямо посреди леса, очень часто повреждалась слонами и во многих местах была ими проломана. Поэтому пришлось вырубить с обеих ее сторон широкие просеки, да еще нанять сторожей, которые выстрелами в воздух должны были отпугивать «злоумышленников». В общем и целом это помогло.

Изгородь состоит из восьми стальных тросов, каждый из которых выдерживает натяжение до 550 килограммов. Тросы привязаны к столбам из прочного дерева, врытым в землю на целый метр. Если порвать такой трос, то концы его, отскочив, могут ударить с чрезвычайной силой.

И тем не менее двум слонам все же удалось перебраться через это мощное ограждение. Сначала они безуспешно пытались его разрушить, потом пришли в ярость и вырвали с корнем 40 деревьев, росших поблизости.

Шесть из них толщиной примерно в 25 сантиметров они подтащили к изгороди и бросили на тросы. От тяжести деревьев тросы прогнулись настолько, что слонам удалось через них перелезть. Спустя неделю они таким же способом проникли обратно, используя для этой цели один мощный древесный ствол.

Кому хочется узнать, как в Африке строят «слоноупорные» изгороди, тому надо съездить на юг материка в маленький национальный парк Аддо, занимающий всего 67 квадратных километров. Там, недалеко от Порт-Элизабет, на самой южной оконечности Африки, в 1931 году выделили участок земли и объявили его заповедной зоной. Туда и согнали последнюю дюжину южноафриканских слонов.

Сначала все шло хорошо, и число животных увеличилось до 25. Но потом пошли неприятности. Дело в том, что парк со всех сторон окружен жилыми поселками: здесь примерно 30 ферм, на которых проживает не менее 150 европейцев и около 300 африканцев. К 1949 году положение сделалось прямо невыносимым — почти ежедневно слоны «нарушали» границы парка и чинили всяческие безобразия: сносили заборы, вырывали из земли водопроводные трубы, разрушали плотины, портили сады, затаптывали огороды, а иногда убивали и домашних животных. Люди испытывали панический страх перед этими великанами, внезапно, без всякого предупреждения появляющимися из ночной тьмы. Фермеры палили в слонов (иногда действительно в случае опасности для жизни, а то и без оной), а подранки начинали потом преследовать других людей, как правило смотрителей парка.

Однажды ночью пять слонов пересекли железнодорожное полотно. Когда они на рассвете возвращались обратно, как раз подходил товарный поезд. Четыре слона успели перебежать через линию, а одна слониха замешкалась. Яростно заскрипели тормоза, но было поздно: смертельно раненная слониха покатила под откос.

Четырнадцать дней спустя такая же участь постигла вожака этого стада.

А один большой самец то и дело стал нападать на крестьян, работающих в поле; тем приходилось спасаться бегством и забираться на железные конструкции ветряков. В один прекрасный день этот слон решил вступить в единоборство с паровозом. Однако паровоз оказался сильнее, и покалеченный слон едва унес ноги. Из-за него пришлось на некоторое время закрыть парк для посетителей.

Год спустя тот же слон снова появился на железнодорожном полотне. Однако, завидя приближающийся поезд и вспомнив, по всей вероятности, о своем горьком опыте, он повернулся и опрометью бросился бежать, но оказался недостаточно расторопным, и его задняя нога попала под колесо. Слон издал дикий вопль и, хромя, на трех ногах заковылял прочь, однако, пройдя 20 метров, рухнул на землю. Всю ночь напролет раздавались его предсмертные стоны и крики, но спасти его не было никакой возможности. Остальные слоны обступили его со всех сторон. Жизнь в нем медленно угасала. С его смертью слонов в парке осталось всего 17, и среди них только три полноценных производителя.

Вот тогда-то и приняли решение отгородить национальный парк от окружавших его ферм прочной изгородью. В середине 40-х годов был испробован вариант с колючей проволокой, через которую пропускали слабый ток. Однако такое ограждение оказалось для слонов не помехой. Они по-прежнему продолжали прорываться за пределы парка и бедокурить на соседних фермах.

Прошло немало времени, прежде чем национальному парку удалось раздобыть достаточную сумму денег на постройку прочного ограждения. Начали его строить с 1951 года, а закончили только в 1957 году. Ограждение это состоит из старых трамвайных и железнодорожных рельс, вкопанных в землю на глубину 1,8 метра и тор-

чащих кверху на 2,4 метра. Расстояние от одного столба до другого составляет 7,5 метра, но между ними через каждые 2,5 метра вкопаны еще дополнительные деревянные столбы из особо твердой древесины. Между столбами в несколько рядов натянут толстенный стальной трос, который используется обычно в лифтах или угольных шахтах. Для лучшего натяжения тросы соединены между собой свободно висящими бревнами, не достигающими до земли. Эти бревна сплошь утыканы острыми шипами, чтобы отбить у слонов охоту обхватывать их хоботом и тянуть.

Подобная ограда не рушится даже тогда, когда слон, разбежавшись, наваливается на нее изо всей силы. Только таким дорогостоящим способом удалось отгородить 25 квадратных километров непролазной чащобы от окружающего мира. И все это исключительно ради слонов. С тех пор они успели благополучно размножиться.

Подобное ограждение, только намного короче, можно увидеть в национальном парке Маньяра в Танзании. Там оно тянется между озером и отвесным склоном Большого Грабена.

* * *

На меня лично слон напал только один раз.

Произошло это в национальном парке Куин-Элизабет, где мы с моим сыном решили сфотографировать хорошенького маленького слоненка. Только мы вылезли из машины и начали устанавливать камеру на штатив, как появилась слониха, явно недовольная нашими манипуляциями. Пока мы совещались, она угрожающе оттопырила уши и бегом направилась в нашу сторону. Мы поняли, что шутить она не намерена, и с необыкновенной проворностью прыгнули в машину, хлопнув за собой дверцу. Но, как всегда в подобных случаях, мотор, как назло, не заводился. Впрочем, слониха остановилась совсем рядом,

не пытаюсь даже дотронуться до машины. Она просто хотела нас прогнать.

Слоны вообще чрезвычайно редко связываются с автомобилями. Тем не менее был случай, когда два пассажира, спавших в машине, «на свежем воздухе», возле туристской гостиницы национального парка Мерчисон-Фолс, были не на шутку перепуганы, увидев, как в окно их автомобиля просунулся слоновый бивень.

Известен случай, происшедший с тремя южноамериканскими профессорами, осматривавшими вместе со своими студентами на микроавтобусе национальный парк Киву в Заире. Внезапно, без всякой видимой причины, на них напали два слона. Профессору Гиверсу удалось, сидя в машине, запечатлеть на пленку атакующего слона, но в следующую же минуту разъяренное животное раздавило мотор, пробило бивнями боковую стенку кузова и опрокинуло машину набок. У профессора оказались сломанными обе ноги, а слон бросился наутек. Не пробежав, однако, и нескольких сот метров, он почему-то замертво рухнул на землю. Причину его внезапной смерти выяснить так и не удалось. А профессору вручили один из бивней на память об этом приключении.

* * *

Совсем недавно, в 1965 году, в ЮАР довольно внушительная группа слонов пересекала асфальтированное шоссе, ведущее через национальный парк Крюгера. Животные не торопились, и поэтому дорога в течение пятнадцати минут оказалась полностью блокированной. Возле «живого шлагбаума» собралось уже несколько автомашин. Когда одна из малолитражек начала нетерпеливо сигналить, огромный самец, прикрывающий переход через дорогу слоних со слонятами, грозно обернулся, оттопырил уши (верный признак раздражения), затрубил и быстры-

ми шагами решительно направился в сторону нарушителя спокойствия. Великан поддел своими бивнями и хоботом передний мост машины и приподнял ее, причем сильно помял кузов. Но этого ему показалось мало. Встряхнув машину еще два раза и оттащив ее на пять метров в сторону, он сбросил ее с дороги в кювет. К счастью, сидящие внутри пассажиры — супруги Бауэры отделались легкими ушибами, но когда они вылезли из машины, то вид у них был весьма бледный. Газета «Кэпитл таймс» заканчивала сообщение такими словами: «У господина Бауэра своя собственная ремонтная мастерская, так что починка машины обойдется ему недорого».

* * *

На картинках, изображающих слонов в момент нападения, художники обычно рисуют их с оттопыренными ушами и с поднятым хоботом. Это наводит на мысль, что с помощью обоняния и слуха слоны стремятся побольше узнать о противнике.

Правда, я лично ни разу не замечал, чтобы атакующий слон поднимал кверху хобот, хотя мне неоднократно приходилось фотографировать их с близкого расстояния. От людей, работающих со слонами, я тоже не слышал ничего подобного. Наоборот, слон, идущий на врага, подворачивает хобот под подбородок и низко наклоняет голову, становясь по мере приближения как бы все «меньше». То же самое подтверждает господин Ж. Жилетт из Южной Родезии, машину которого атаковала слониха. Она пробила бивнями радиатор и откатила машину на 30 метров назад по шоссе, прежде чем водителю удалось затормозить. «Уши у нее при этом были плотно прижаты к голове, а хобот подвернут вниз», — сообщал впоследствии «пострадавший», которому удалось выйти из этой ситуации целым и невредимым.

В 1958 году в Уганде, в парке Куин-Элизабет, слон чуть было не убил одного моего знакомого кинооператора. Это случилось во время съемок возле реки Ньямугазани. Нарушив запрет, этот оператор вылез из машины и стал снимать пасущихся слонов. Неожиданно один из них повернулся и погнался за незадачливым фотографом. Он вытащил его хоботом из кустов, куда тот спрятался, и трижды подбросил в воздух. К счастью, оператор отделался только небольшой раной на ноге и переломом щиколотки.

В том же году слон вне границ национального парка убил двух африканцев. Этого слона застрелили. Подобные случаи, как правило, происходят по вине браконьеров, ранивших этих животных, или по милости самоуверенных, но неумелых европейских охотников, обзаведшихся лицензиями: за их промахи потом приходится расплачиваться невинным жертвам.

* * *

Один африканский дорожный инспектор ехал на велосипеде через национальный парк Мерчисон-Фолс в Масинди, где лежала в больнице его беременная жена. Занятый мыслями о супруге, он даже не заметил, как внезапно очутился прямо посреди стада слонов. Вот что он рассказал впоследствии: «Я оказался в окружении слонов — они были и спереди, и сзади меня, и справа, и слева — словом, повсюду. Я слез с велосипеда и на несколько минут замер на месте. Мое присутствие как будто несколько не взволновало животных, хотя они меня, безусловно, заметили и внимательно разглядывали. Спустя некоторое время они решили уйти, и у меня отлегло от сердца. Но тут одна из слоних надумала вернуться и напасть на меня. Я бросил ей под ноги свой велосипед и пустился бежать с такой скоростью, которую мне еще никогда не приходилось развивать. Однако слониху велосипед ни-

сколько не заинтересовал, и она продолжала меня преследовать. Тогда я снял на ходу плащ и бросил ей. Но и плащ не произвел на нее никакого впечатления. Погоня продолжалась. Я обернулся и бросил в нее ботинком, но и это не отвлекло ее внимания от моей особы, она явно жаждала крови. Тогда я поднял длинную палку, валявшуюся у обочины дороги. Но слониха тут же ухватила за другой конец палки, и так мы вдвоем, держась каждый за свой конец, пробежали еще некоторое время. Мне казалось, что я лечу, как птица, но силы мои быстро истощались, я бежал все медленнее, а слониха все быстрее. Я уже почувствовал затылком прикосновение ее влажного хобота — она, видимо, намеревалась схватить меня за шиворот. Но тут я споткнулся и упал ей под ноги. Слониха остановилась как вкопанная, наклонила свою огромную голову и вонзила свои бивни в землю по обе стороны моего тела. К счастью, я такой худой, что ей не удалось пришпилить меня, словно бабочку на булавку. Изловчившись, я вылез из своей куртки и в отчаянии засунул ее в рот рассвирепевшей слонихи. Та от неожиданности меня выпустила, поддала мне напоследок ногой и убежала. Я почти потерял сознание, но еще нашел в себе силы на коленях проползти примерно 200 метров к обочине дороги. Придя в себя, я встал и побрел назад в лагерь дорожных строителей. А оттуда меня отвезли в больницу в Масинди».

* * *

В особенно засушливое лето 1951 года в Северной Кении даже слоны умирали от жажды. Часами они простаивали возле колодцев, стараясь отнять ведра и кувшины с живительной влагой у пришедших за водой женщин.

Такие колодцы бывают обычно вырыты в глубоких ямах, и местным жителям приходится поднимать наверх

воду при помощи лестниц и веревок. Люди, работающие на подаче воды, не решались уйти домой, прежде чем их одежда полностью не просохнет, потому что измученные жаждой слоны, чуя влагу, преследовали их всю дорогу.

* * *

До сих пор еще не удалось найти точного объяснения следующей особенности в поведении слонов: если они находят трупы людей, то непременно старательно прикрывают их ветками, листьями или травой. В 1954 году в северной части Кении полуслепая старуха из племени туркана сбилась с дороги, и ей пришлось заночевать в лесу. Она выбрала дерево, нижние ветки которого почти стелились по земле, залезла под них и там уснула. Ночью ее разбудил крик слона. Он нащупал ее хоботом и, по-видимому, принял за мертвую. Тогда он начал обламывать ветки с ближайших деревьев и осторожно накрывать ими старуху. На другое утро группа людей, отправившаяся на поиски пропавшей, нашла ее под грудой веток высотой в полтора метра, из-под которой она не в силах была сама выбраться.

Один фермер в Конго (теперешнем Заире) хотел выстрелами прогнать слона со своих плантаций пиретрума, но раненое животное схватило обидчика и подбросило высоко в воздух. Ударившись о землю, фермер потерял сознание. Очнулся он с переломанными ребрами под грудой сучьев. В Танзании в районе Килва близ Макумби слон убил одного из смотрителей парка. Тело его нашли засыпанным землей, поверх которой разъяренное животное нагромоздило еще кучу хвороста.

Доктор Вольф Дитрих Кюме, который довольно долгое время сотрудничал в Лаборатории имени Михаэля Гржимека в Серенгети, однажды проделал следующий опыт. Было это в Опельском зоопарке, расположенном в горах

Таунус¹. В пять часов утра он лег недалеко от мусорной ямы на землю и притворился мертвым. Африканские слоны находились за загородкой в двух метрах от него. Вожак стада, заметив неподвижно лежавшую фигуру, немедленно принялся забрасывать ее навозом, сучками и гравием. Когда доктор Кюме встал, то на земле четко выделялся силуэт его тела — пустое место среди наброшенной кучи мусора.

То, что прирученные слоны прекрасно отличают своих сторожей в зоопарке или дрессировщиков в цирке от других людей, общеизвестно. Правда, это касается чаще всего азиатских слонов.

То же самое я заметил и у рабочих слонов, содержащихся на станции «Гангала на Бодио», в лесах Итури. Несмотря на все наши заигрывания, эти слоны держались по отношению ко мне и моему сыну Михаэлю весьма настороженно, в то время как с наездниками и погонщиками-африканцами они вели себя очень дружелюбно и покорно. Тогда моему сыну пришла в голову счастливая идея: он вымазал себе лицо, руки и ноги черной краской, надел униформу наездника и пошел к слонам. И что же? Животные, которые до этого каждый раз боязливо от него пятились, спокойно позволили ему взобраться на себя, охотно катали его на спине и вообще исполняли любое его приказание. Поведение слонов по отношению к нам, людям, станет понятным, если поближе ознакомиться с их взаимоотношениями с другими животными.

* * *

Врагов у африканских слонов практически нет, исключая, конечно, вооруженного современным оружием человека. Может быть, именно поэтому эти великаны так ве-

¹ Хребет Таунус расположен на территории ФРГ.— *Примеч. ред.*

ликодушны по отношению к другим существам. Водяные козлы, антилопы импала, кафрские буйволы, да и совсем маленькие антилопы могут спокойно пастись рядом с этими серыми колоссами. Все животные, даже носороги, бегемоты и львы, непременно первыми уступают дорогу взрослому слону, если повстречаются с ним где-либо на узкой тропинке, отгороженной с обеих сторон кустарником.

Как-то Б. Никольсону пришлось наблюдать за небольшим стадом слонов, пасшимся на самом берегу реки Килломберо в Танзании. Стадо состояло из животных, среди которых лишь одно имело бивни: даже у возглавлявшей стадо слонихи бивней не было. Внезапно эта слониха чего-то явно испугалась, попятилась и низко опустила голову (поза обороны). В тот же момент из оврага вылез носорог и направился в ее сторону. Однако, когда он приблизился на расстояние четырех-пяти метров, мужество его покинуло, и он повернул назад. Трижды носорог возобновлял свои атаки на это стадо, явно желая прогнать его со своего пастбищного участка, но так ничего и не добился. Не добежав нескольких шагов, он поворачивал вспять, пока наконец не убежал совсем, подняв свечкой свой смешной хвостик. Слоны же все это время лишь оборонялись.

В парке Крюгера столкновение между слоном и носорогом окончилось не так благополучно: после отчаянной схватки носорог остался лежать на поле битвы, пронзенный в четырех местах бивнями.

Видимо, слоны не боятся и крокодилов, потому что спокойно подходят к воде и даже нередко заходят в нее.

Правда, однажды полковнику Редфорду удалось быть свидетелем забавной сценки. Он проезжал на моторной лодке по Виктория-Нилу через национальный парк Мерчисон-Фолс. На берегу группа слонов пила воду. Вдруг один слон испуганно выдернул из воды хобот и вытащил вцепившегося в него полутораметрового крокодила.

Отшвырнув рептилию далеко в сторону, слон поспешно убежал.

Со львами дело обстоит подобным же образом. Так, А. Шис, находясь в юго-западной части Африки, однажды заметил, что огромный слон несколько раз подряд предпринимал злобные атаки в сторону одиноко стоящего дерева мерулы. Затем он изменил тактику, обошел дерево и атаковал его с другой стороны. И тут высокая трава возле самого ствола зашевелилась. Великан, видимо устыдившись собственной трусости, решительно двинулся к меруле.

Результат был сногшибательным: затаившиеся возле мерулы четыре льва, словно их подорвали динамитом, высоко подпрыгнули и бросились в разные стороны. Только один молодой лев остался спокойно стоять и с любопытством рассматривал бушующего великана. Заметив смельчака, слон стал нерешительно топтаться на месте, совершая такие комичные телодвижения, которые можно увидеть только в мультипликационных фильмах Диснея.

Несколько секунд лев и слон не спускали друг с друга глаз, готовые броситься бежать. Наконец, у юмбо сдали нервы, и он, громко трубя, стал отступать, после чего лев спокойно вернулся на свое место под деревом. По движению травы было видно, что остальные его собратья тоже успокоились и вернулись на прежнее место. Слон же еще постоял несколько минут в раздумье, разглядывая дерево, а потом повернулся и побрел к пруду. Когда он проходил мимо зарослей кустарника, ему, по-видимому, пришла новая мысль. Прячась за кустами, он снова стал подкрадываться к дереву, но на сей раз очень осторожно. На какое-то время мы потеряли его из виду, но затем вдруг его громадная голова появилась над кустами: хобот был высоко поднят в воздух. Постепенно этот хобот опускался, пока, словно указующий перст, не протянулся в сторону дерева, напоминая змею, готовую к броску. Львы не шевелились. Тогда слон повернулся, еще раз бросил взгляд в сторону злополучного дерева и пошел на водопой.

В Ванкие-парке лесничий заметил тяжелораненого старого слона, у которого было явно дурное настроение. Лесничий обнаружил, что одной ногой слон стоял на кабане-бородавочнике, которого незадолго до этого убил, по-видимому, гепард. Слон прогнал гепарда от его добычи и караулил ее, придавив передней ногой. Когда слон ушел, гепард не заставил себя долго ждать: он тут же вернулся и принялся за прерванную трапезу.

Никогда нельзя заранее предсказать, что взбредет в голову толстокожему, какие планы зреют в такой чудовищно огромной черепной коробке. Так, в сентябре 1957 года в парке Куин-Элизабет на дне кратера возле маленького топкого болотца стояли 13 слонов, которые пришли сюда на водопой. Примерно в двадцати метрах от них ждали своей очереди два взрослых кафрских буйвола с довольно большим теленком. Один из слонов решил прогнать конкурентов. Сначала он сделал в сторону буйволов несколько ложных выпадов, а затем подбежал, схватил хоботом их теленка, бросил с размаху на землю и стал медленно топтать ногами несчастное животное. Мамаша-буйволица безуспешно старалась отбить свое дитя — ничто не помогало. Под конец слон еще наподдал теленку бивнями и после этого удалился. Тогда буйволица подошла к своему детенышу и лизнула его — он еще шевелился. Он даже приподнялся на передние ноги, но вся задняя часть его тела была разбита, и когда он попытался последовать за матерью, то тут же рухнул на землю. А та, видимо, поняла, что ждать безнадежно, и медленно побрела вслед за буйволом.

В национальном парке Крюгера африканских рабочих лагеря Летаба по ночам частенько беспокоили дикие животные. Поэтому лесничий разрешил им завести собаку, что вообще-то в национальном парке запрещается. Этот пес прославился тем, что неоднократно отгонял слонов. Слоны пробовали вначале убить нахальное и шумливое существо, но им никак не удавалось его схватить. Пес изворачивался, лаял и хватал их за задние ноги. Вскоре

все соседние слоны узнали о «непонятном и опасном страшилище» и обходили лагерь стороной, не решаясь приблизиться более чем на сто метров. Держа их на таком почтительном расстоянии от лагеря, собака больше ими не интересовалась.

Почему же гиганты, не знающие себе равных в силе, испугались маленькой собачонки? Может быть, это объясняется страхом этих животных перед незнакомыми вещами? Ведь собака — животное совершенно диковинное для слона. А слоны так же недоверчивы, как лошади.

Но вот приписываемая им боязнь перед мышами — это сушья выдумка. Кому-то пришло в голову, что мыши якобы могут забраться слону в хобот и тем самым довести его до удушья. И белые и чернокожие лесники охотно рассказывают эту басню. Между тем слону стоит только дунуть, и мышка (если бы она забралась в хобот) вылетела бы наружу. Кроме того, слоны могут дышать и ртом. В зоопарке я опытным путем проверял отношение слонов к мышам и убедился в том, что слоны без малейшего страха протягивали свой хобот к этим маленьким животным, чтобы их обнюхать. Но зато перед запущенными к ним в загон кроликами и таксами они испуганно отступали, забрасывая их издали песком и камнями и топая на них передней ногой.

* * *

Возможно ли убежать от нападающего слона? Африканский слон обычным шагом за час проходит от четырех до шести километров, то есть примерно столько же, сколько человек. Но он способен увеличить эту скорость вдвое и не сбавлять ее в течение нескольких часов. Если слоны, испугавшись чего-либо, убегают или же на кого-то нападают, они могут развить скорость и в 30 километров в час. Следовательно, они быстроходнее, чем бегун-

спринтер, но не в состоянии перегнать верховую лошадь, антилопу и большинство хищных кошек. Кроме того, слоны могут быстро бегать лишь на короткие дистанции, не более 100 метров. Зато пробираться сквозь чащобу им значительно легче, чем более мелким животным или человеку: они прокладывают себе дорогу сквозь заросли тяжестью своего тела. Слоны не способны перейти в галоп, не умеют прыгать, и поэтому сравнительно невысокие, но отвесные стенки представляют для них непреодолимую преграду. Так, в Нюрнбергском зоопарке слоны уже десятки лет отгорожены рвом шириной в 1 метр 70 сантиметров, глубина которого в самом мелком месте составляет всего 1 метр 40 сантиметров.

Зато эти тяжеловесные животные умеют лазить по крутым склонам и, как уже было сказано, забираются иногда высоко в горы. Так, в горах Заира мы с трудом карабкались по слоновой тропе: настолько круто она шла вверх. А между тем мы заметили, что слоны за ночь проходили по ней более 80 километров.

* * *

Долгое время было распространено мнение, будто бы слоны спят стоя и никогда не ложатся на землю. Профессор Хедигер, проследив за индийскими цирковыми слонами, опроверг это мнение. Слоны ложатся на землю, но чаще всего только после полуночи. Старые слоны лежат всего от двух до трех часов, молодые — дольше.

Мне самому ни разу не доводилось увидеть на воле лежащего или лежа спящего слона. Однако в девственных лесах Берега Слоновой Кости я не раз натыкался на лежки слона, где он незадолго до этого спал: в мягком грунте отчетливо отпечатались все формы его тела.

Во время своего пребывания на станции по приучению слонов «Гангала на Бодио» я иногда ночью осторож-

но заходил в помещение, где содержались слоны. Если это было до полуночи, то, как правило, все слоны были на ногах; после полуночи 12 слонов из 16 спали, лежа на земле. Мне удалось заснять это при вспышке магния.

Слоны не просыпались от толчков и звуков, которые исходили от их сородичей, однако от магниевой вспышки моего аппарата они все разом вскочили на ноги.

Видимо, в зоопарках слоны сейчас же вскакивают на ноги, как только в неурочное время начинают поворачивать ключ в замке. Поэтому их и не удавалось застать в лежачем положении. С другой стороны, было замечено, что лежа слоны могут впасть в очень глубокий и крепкий сон.

Служитель слоновника в нашем зоопарке случайно оказался запертым вместе со слонами. Поскольку выйти через основную дверь было невозможно, он решил воспользоваться запасным выходом. Но чтобы туда добраться, ему пришлось перелезть через всех лежащих на земле спящих слонов, и ни один из них даже не шелохнулся. Правда, служителя этого слоны хорошо знали и доверяли ему.

Другой случай произошел в 1963 году в Мерчисонском национальном парке в Уганде. Несколько рабочих, работавших близ туристской гостиницы «Пара-Лодж», придя туда ранним утром, увидели мертвого слона. Они решили, что неплохо бы отрубить у слона бивни и получить за них вознаграждение. Один из рабочих побежал за топором, а другой остался караулить мертвое животное. Когда первый вернулся, они все же решили на всякий случай кинуть камнем в лежащего на земле слона. Трудно описать испуг этих людей, когда «мертвый» слон вдруг вскочил на все четыре ноги и, громко затрубив, кинулся на обидчиков. Хорошо, что те догадались броситься в разные стороны, а не в одну.

Укладываясь спать, слоны часто подкладывают себе под голову «подушку» из веток и травы, приготовленных им для корма. В зоопарках, во всяком случае, это бывает так, не знаю, как на воле. Если слон спит стоя, он опус-

кает голову и старается бивнями опереться о землю. Хобот при этом тоже касается земли. Эта поза характерна для лесных слонов, у которых бивни круче направлены вниз.

* * *

Слоны умеют плавать, но делают это весьма редко, несмотря на то что купаются они очень охотно. В парке Куин-Элизабет близ туристской гостиницы «Мвея-Лодж» часто можно наблюдать слонов, переплывающих залив Казуга. В Мерчисонском же парке быстро текущий Виктория-Нил служит непреодолимой преградой для двух популяций слонов, живущих по разным берегам реки. Зафиксированы лишь отдельные, весьма редкие случаи, когда какой-нибудь слон решался пуститься на противоположный берег.

Увидев однажды плывущего слона, смотритель парка догнал его на моторной лодке и посмотрел, как такая машина передвигается в воде. Слон сначала пришел в замешательство от столь близкого соседства лодки, но затем успокоился и продолжал плыть в прежнем направлении. Плывет слон довольно своеобразно: сперва он целиком уходит под воду, затем на поверхности появляется хобот, а за ним — голова. Манера слона плавать напоминает стиль кроль.

Второй раз здесь заметили слона, плывущего от Пары к Намзики. Это был старый самец с висячими ушами, и чувствовалось, что плыть ему очень тяжело. Выбраться на берег ему тоже стоило немалых усилий.

* * *

Какие звуки умеют издавать слоны? Волнуясь (во время атаки, от испуга или когда отдельное животное отбилось от стада), они могут резко трубить. По словам охот-

ников, подраненные слоны издают настоящий рев; правда, сам я его никогда не слышал.

Много гадали вокруг странного клокотания или урчания, которое порой издают слоны. По-английски эти звуки называют *to purr или rumble*, что буквально означает «урчание в желудке». До самого последнего времени считалось, что слоны производят их желудком или кишками. Но против говорит тот факт, что это звуки не произвольные; слоны способны ими управлять (например, умолкнуть, если к ним подкрался человек); кстати, они никогда не издают их во сне. Следовательно, такое урчание подвластно центральной нервной системе, в то время как самостоятельно функционирующие желудок и кишки не имеют мускулов, управляемых мозгом.

Одиночные животные таких звуков не издают, зато у слонов, собравшихся в группу, их услышишь почти всегда. Скорее всего это своеобразный способ общения между животными, дающий им возможность удостовериться, что другие члены стада никуда не ушли, а также своего рода паспорт, удостоверение личности, как бы подтверждающее «я — слон» при встрече с другими, неизвестными сородичами.

Специалист по слонам И. О. Басс, долгое время изучавший животных в Уганде, тоже бился над разгадкой значения таких звуков, но разгадать их удалось ему только позже в Базельском зоопарке. Там служитель, к которому животные очень привыкли, умел «уговаривать» слонов урчать. Стоило начать урчать одному из слонов, как немедленно подходили другие, и вскоре И. О. Басс и служитель оказывались в тесном кольце животных.

Басс проделал следующий опыт: он положил одну руку на глотку урчащего слона, а другой накрыл кончик его хобота. Руки явно ощущали вибрацию глотки и струю воздуха, рывками выталкиваемого из хобота.

Какую роль это урчание играет в общении между полами или в иерархических взаимоотношениях в стаде, пока остается невыясненным.

Неоднократно наблюдались случаи, когда слоны пытались помочь своим раненым собратьям. Так, сотрудник Управления охоты в Танзании пишет: «В районе Тундуру близ реки Рувума я выстрелом раздробил плечо крупного самца. Две слонихи, которые уже было пустились наутек, услышав крик, взывающий о помощи, тотчас же вернулись назад. Они с двух сторон вплотную подошли к раненому и пытались его полунести, полутащить. Я боялся, что им это и на самом деле удастся, поэтому забежал сбоку и стал на них кричать, пытаюсь прогнать. Но не тут-то было. Одна из слоних повернулась и пошла прямо на меня. Я был вынужден ее пристрелить. И только после этого мне удалось добить и слона. Испугавшись выстрелов, вторая слониха пошла прочь, то и дело останавливаясь и оглядываясь. Когда же она увидела, что самец рухнул на землю, она, по-видимому, поняла, в чем дело, и медленно, как-то грустно побрела прочь».

То, как слоны делают попытки поднять своих застреленных товарищей, видели уже много раз. Иногда целое стадо слонов, трубя и крича, возвращается к рухнувшему на землю сородичу и старается ему помочь. Некоторые охотники воспринимали подобные действия как «массовую атаку слонов».

Смотритель Патулани Нгуни получил распоряжение прогнать четырех слоних, упорно топчущих плантации и сады в Замбии. Он застрелил слониху-вожака. Тогда другая слониха бросилась на смотрителя и преследовала его более чем полкилометра, но затем повернула обратно к убитой. Когда Нгуни вернулся, он застал оставшихся слоних вокруг туши. Они старались приподнять мертвое животное, поддевая его хоботами под голову, под бивни, хватая за ноги и поперек спины. Но приподнятая туша вновь валилась на землю. Во время одного из падений отломился один из бивней мертвой слонихи. Сородичи

тотчас же схватили его и отбросили прочь на пять метров. В течение примерно четырех часов животные оставались возле погибшей слонихи-вожака и занимались тем, что валили деревья вокруг. Придя сюда на следующее утро, Нгуни нашел мертвую слоницу, засыпанную ветками дерева мопани.

Другой наблюдатель в Замбии наблюдал возле протоки Катете, как слоны в течение полутора часов пытались поднять своего застреленного собрата, таща его за голову и за передние ноги.

Никольсон пишет: «Мне удалось установить, что самцы обычно стараются оказать помощь упавшему самцу, самки приходят на помощь и самцам и самкам, но странно, что ни разу мне не довелось увидеть, чтобы самец сделал хоть малейшую попытку помочь упавшей на землю слонихе».

Дэвид Шелдрик, лесничий, много лет проработавший в кенийском парке Цаво, утверждает, что слоны зачастую выламывают бивни мертвых сородичей и уносят их более чем за полкилометра, а иногда швыряют об скалы или деревья, разбивая вдребезги. Прежде всегда грешили на гиен, считая, что это их проделки. Однако гиена не в состоянии утащить бивень весом в 35 — 45 килограммов на такое далекое расстояние, а тем более разбить его обо что бы то ни было.

* * *

В общении слонов между собой большую роль играют движения ушей и обоняние. Выяснить это удалось зоологу В. Кюме, годами наблюдавшему за двумя слонами и одной слонихой, находящимися на полувольном содержании в Опельском парке. У этих животных была довольно обширная вольера, и по ночам их не сажали на цепь. От них уже неоднократно получали приплод.

Итак, об ушах. В зависимости от температуры воздуха слоны машут ушами то быстрее, то медленнее. Если температура поднимается даже только на полградуса, уши все равно начинают двигаться быстрее. Агрессивность, намерение напасть на кого-нибудь, тоже выражается вначале движениями ушей: они резко оттопыриваются в стороны и начинают двигаться гораздо быстрее, чем это вызывается температурой воздуха. Животные, стоящие на низших ступенях иерархической лестницы, в присутствии вышестоящих не решаются сильно размахивать ушами, даже если температура воздуха того требует. Только при испуге и желании убежать уши бывают плотно прижаты к голове.

Когда слоны копают ямы, они становятся на колени и отбрасывают землю своими бивнями. Они любят кататься по земле, забрасывать себя пылью и песком, который сначала сгребают в кучу, а затем набирают в хобот и с силой кидают себе на спину. Точно так же они забрасывают себя и ветками, листьями, травой, землей и навозом. Иногда они энергично трясут поднятой кверху головой, да так сильно, что передняя нога отрывается от земли и качается в такт этой тряске. Если же слоны кивают головой, часто это, как правило, означает, что они собираются напасть или убежать. Они способны также в течение нескольких минут вертеться вокруг своей оси, словно на карусели.

Поскольку слоны узнают своих сородичей главным образом при помощи обоняния, то они обычно водят хоботом по их головам, ощупывая в первую очередь рот, височные железы и ушные отверстия. Слон-самец часто держит хобот под мышкой у слонихи, время от времени вынимая его и всовывая на несколько секунд себе в рот.

Если слон абсолютно спокоен, уши его не шевелятся, а хобот опущен книзу. Приходя в возбуждение или агрессивное состояние, он первым делом оттопыривает уши и слегка приподнимает голову; кончик хобота при этом

ползет кверху. По мере того как возбуждение растет, хобот поднимается все выше, пока не окажется поверх головы. Если слон переходит в серьезное наступление, его поза снова меняется. Слон, который признает себя побежденным или подчиненным, подворачивает под себя хобот, даже засовывает его в рот или хватается им за кончик уха или височную железу.

Затевая «спортивный поединок», самцы (особенно молодые) становятся друг против друга на расстояние от пяти до десяти метров. Затем они поднимают голову, забрасывают хобот на лоб, оттопыривают уши и быстро бегут друг другу навстречу, пока не стукнутся основаниями поднятых хоботов. В момент столкновения слон старается схватить своим хоботом голову партнера или хоботы их сплетаются между собой, как две борющиеся змеи. Ногами они упираются в землю, и каждый старается своим телом столкнуть противника с места. Если никому из них это не удастся, они перестают давить друг на друга и отходят на исходные позиции; спустя несколько минут все повторяется снова.

Когда полуручные слоны, рассердившись на людей, задумывают их наказать, они проделывают это следующим образом: поворачиваются всем телом в сторону обидчика, какое-то мгновение стоят с поднятой головой, оттопыривают уши, а затем с опущенным хоботом быстро начинают приближаться к нему. Чем ближе подходит слон, тем сильнее раскачивается его хобот. Остановившись совсем рядом, слон размахивает хоботом (прикасаясь при этом кончиком его к выводному отверстию либо левой, либо правой височной железы) и с силой ударяет им человека. Удар приходится иногда сверху вниз, иногда сбоку.

Серьезные бои, которые, правда, случаются крайне редко, начинаются так же, как и «спортивные», но затем ведутся с невероятной яростью и бешенством.

Так, в парке Куин-Элизабет два слона, из которых один был значительно моложе другого, затеяли драку

вокруг термитника, где росло небольшое деревце. Они боролись и осыпали друг друга ударами, вертясь вокруг этого холмика. В конце концов младший из слонов вырвал хоботом деревце и угрожающе замахнулся им на противника. Но почему-то не стал применять его как оружие и отшвырнул в сторону. Слоны еще некоторое время продолжали таранить друг друга головами; их бивни с треском сталкивались, а хоботы сплетались в крепкий узел. И хотя у старшего слона раны на голове были значительно серьезнее, младший вдруг струсил, повернулся и кинулся бежать. Другой бросился вдогонку и преследовал его до тех пор, пока не заметил машину лесничего, наблюдавшего за всей этой сценой, и предпочел броситься на нее.

Как-то в Цаво-парке пять слонов пришли на водопой. Трое, напившись, ушли, а двое — самцы с тяжелыми бивнями — остались и затеяли драку. Один вдруг накинулся на другого и загнал его примерно на восемьдесят метров в кустарник. Но затем загнанный повернулся к противнику, и начался кровавый бой. У напавшего слона бивни были прямые, как кинжалы, и он пронзил правым из них небо во рту другого, а левым пропорол ему гортань, да с такой невероятной силой, что приподнял противника с земли. Когда агрессор вытащил свои бивни из тела соперника, несчастный упал на колени. Но злодей на этом не успокоился. Размахнувшись бивнями, он пропорол своей жертве плечо и, вероятно, попал в сердце, потому что раненый замертво рухнул на землю.

Победитель снова вернулся к воде и немного попил. Он тоже оказался отнюдь не целым и невредимым: из нескольких ран на его груди обильно текла кровь. Пройдя немного вдоль берега и снова попив, он вернулся назад, на поле битвы. Увидя поверженного врага, он опять пришел в ярость и пронзил бивнями голову мертвого животного до самого мозга, а потом начал перекачивать тело на другой бок. После этого он утомился и встал в

тень под ближайшее дерево, находящееся на расстоянии примерно сто метров.

Один из зрителей парка, ставший свидетелем этой кровавой драки, решил спуститься с берега и рассмотреть поближе убитого слона. Однако ему пришлось броситься бежать со всех ног, потому что разъяренный слон-убийца его заметил и направился к нему.

Некоторое время спустя к месту страшного поединка подошло другое стадо слонов, намереваясь спуститься на водопой. Однако злюка немедленно бросился его прогонять, и тем слонам пришлось окольным путем добираться до другого места, пригодного для водопоя.

Гордый победитель караулил свою жертву еще около шести часов и только потом ушел в лес.

Бивни убитого слона весили 52 и 49 килограммов, следовательно, это был, безусловно, очень сильный взрослый самец. Напавший на него слон был примерно одинакового с ним размера и имел столь же тяжелые бивни.

Однажды в голове застреленного в провинции Киву (Заир) слона было обнаружено острие бивня его противника, обломившееся и застрявшее у основания черепа. Бивни вообще часто ломаются во время поединков. В Судане был найден убитый во время драки слон, в теле которого торчал большой кусок бивня. Он был разломан на четыре части, которые вместе весили 25 килограммов. Судя по таким находкам, можно представить себе силу ударов, которые наносят друг другу эти исполины.

* * *

К мертвому слону сейчас же со всех сторон слетаются стервятники, и в первую очередь грифы. Быстро исчезает не только мясо, но и кости. Могучий череп скоро выветривается, поскольку состоит в основном из пустот, окруженных тонкими костными стенками.

Неверно утверждение, будто бы никогда нельзя найти мертвого слона. Я сам находил их не раз, и среди них бывали не только застреленные, но и умершие по каким-либо другим причинам. В национальном парке Мерчисон-Фолс за последние несколько лет было найдено 325 слонов, умерших естественной смертью. Это удалось констатировать ученым при осмотре. Тем не менее до сих пор еще ходит легенда о знаменитых «кладбищах слонов» в Африке. Легенда утверждает, будто бы эти мощные животные, почуяв приближение смерти, уходят куда-нибудь в болота или уединенные местности, где потом можно найти целые горы их скелетов. Поводом для подобных сочинений могли послужить массовые отстрелы, которые практиковались в прошлые времена, а также облавы на целые стада во время засухи или окружение их подожженным со всех сторон лесом, из которого животным не удастся выбраться. Способствует массовой гибели слонов отравление их ядом с целью добычи ценной кости, а возможно, и скопление в низинах удушливого газа, о котором в свое время уже писал доктор Верхарен. В таких низинах может погибнуть сразу много крупных животных. А поскольку трупы слонов, как правило, встречаются лишь поодиночке разбросанными по саванне, огромное их скопление, безусловно, может стать причиной для сочинения легенд о «кладбищах слонов». Племя туркана, например, из года в год в определенных местах (а именно возле бочажков с водой среди засушливой степи) устраивало ловушки для слонов, и, разумеется, в таких местах со временем скапливалось огромное множество их костей.

* * *

Слоны — настоящие великаны животного царства в полном смысле этого слова. Они и самые тяжелые, и, не считая жирафов, самые высокие сухопутные животные.

Известны случаи, когда убивали степных слонов (самцов), весивших 6,5 тонны.

Доктор Лавс в Уганде — в Мерчисонском парке и в парке Куин-Элизабет — обследовал 360 слонов. Средняя высота в холке у самцов в Мерчисонском парке составляла 3 метра 15 сантиметров, в парке Куин-Элизабет — 2 метра 98 сантиметров, а у слоних и там и здесь — 2 метра 72 сантиметра. Средний вес слоних составлял 2766 килограммов, наибольший вес самцов — 6000 килограммов.

Обычно цирковые и зоопарковские слоны (чаще всего слонихи) весят от трех до четырех тонн; слон, весящий пять тонн, считается уже необыкновенно тяжелым. Одна только кожа весит целую тонну. Вес легких составляет 137 килограммов, печени — 105, почки весят 18 килограммов, уши — 80, хобот 120, скелет — 1600, сердце — 20, мускулы — 2700 килограммов и сало — 100 килограммов. Вот сколько весит разобранный на части слон!

У слона на каждый килограмм веса приходится значительно меньше квадратных сантиметров кожи, чем у более мелких животных. Поэтому он теряет относительно мало тепла через ее поверхность, не нуждается в шерстяном покрове и не так уж плохо переносит даже северный климат. Для охлаждения же тела ему служат уши, которые у африканского слона занимают шестую часть поверхности всего тела. Взрослый слон выделяет столько тепла, сколько 30 человек, вместе взятых. Сердце его делает 30 ударов в минуту.

Бивни слона — это не клыки, а резцы верхней челюсти. Встречаются африканские слоны, у которых вовсе нет бивней или имеется только один, или (в виде уродства) целых пять или семь. В Южной Родезии в долине Замбези в 65 километрах восточнее Хирундо встречается много безбивневых слонов; у каждого десятого бивней нет.

Бивни слонов не покрыты эмалью и растут в течение всей жизни, но не более чем на пять сантиметров в год.

У слона с каждой стороны челюсти имеется только по одному коренному зубу (правда, размером с хлебный батон), который за время жизни животного сменяется шесть раз (по мере того как стачивается предыдущий). Остатки выпавшего коренного зуба выплевываются, но иногда нечаянно и заглатываются; тогда их можно найти в помете слона.

Бивни прорезываются у слона в возрасте от одного до трех лет. По утверждению доктора Лауса, проводившего специальные исследования в угандинских национальных парках, у самок в возрасте 16 лет оба бивня вместе весят в среднем 17,7 килограмма, у самцов — 109 килограммов.

Но самое удивительное орудие слона — это его хобот. Своим своеобразным «носом»¹ слон может ломать деревья, рыть ямы, убивать других животных и в то же время поднимать мельчайшие монетки. Слон может набрать в хобот 15 — 20 литров воды, которые затем направляет в рот. Точно таким же образом слон обливается водой. Хобот может гнуться во все стороны, может удлиняться и укорачиваться, потому что состоит из 40 тысяч узлов продольных и кольцевых мышц. Он такой жесткий и упругий, что его почти невозможно перерезать ножом, хотя в нем и нет костей.

И тем не менее слоны могут прожить и без хобота. Так, в Южном резервате Луангва-Валли в течение четырех месяцев наблюдали за годовалым слоном, не имеющим хобота. Он оставался хорошо упитанным, несмотря на то что ему приходилось опускаться на колени, чтобы добраться до плодов диоспироза (*Diospyros*), которыми он питался. В национальном парке Аддо слон, у которого не хватало кончика хобота, пробавлялся тем, что присасывался обрубком хобота к апельсинам и затем забрасывал их себе в рот. А слон, убитый в районе Нзегга в Танза-

¹ Хобот — это не нос, а верхняя губа, сросшаяся с носом.

нии, имел два хобота, причем один из них был недоразвитым, длиной всего в 46 сантиметров, и имел на конце только один «палец».

Благодаря хоботу слон способен улавливать запахи и высоко в воздухе, как жираф, и низко на земле, как дикая собака. Опыт показывает, что для слона главное из пяти чувств — это обоняние.

Как-то произошел такой случай. В Замбии одна дама хотела сфотографировать слона, стоящего посреди сухого русла реки. Сама она в это время находилась под большим деревом на берегу. Но не успела она отснять первый кадр, как слон повернулся и пошел прямо на нее. Дама не на шутку перепугалась, бросила на землю яблоко, которое собиралась надкусить, повесила на шею фотоаппарат и приготовилась к поспешному отступлению. Слон медленно приближался, пока не остановился по другую сторону дерева, за которым спряталась перепуганная дама. Затем он не спеша протянул свой хобот, поднял с земли брошенное яблоко, сунул его себе в рот, повернулся и так же степенно отправился обратно. Все это время его, оказывается, привлекал запах яблока, и именно из-за него он подошел на расстояние метра к человеку.

Как-то в национальном парке Крюгера один из зрителей заметил тяжело раненного слоненка, подошедшего к бочажку с водой, а затем исчезнувшего в кустарнике. Двумя часами позже возле бочажка появилась группа слонов и поспешно принялась пить. Одна крупная слониха вдруг подняла хобот и принялась нюхать воздух, а затем опустила его книзу и стала обнюхивать землю. После этого она двинулась по следу и нашла дерево, под которым сначала лежал раненый слоненок. Поиски продолжались, слониха передвигалась очень медленно, тщательно изучая хоботом следы на земле. Через час она вышла из кустарника уже вместе со слоненком и присоединилась к общей группе.

Две тысячи лет назад Плиний писал: «Слону от природы свойственны такие качества, которые редко можно найти у человека, а именно: добросовестность, ум, справедливость и послушание. Как только наступает новолуние, слоны идут к реке, чистятся там и торжественно купаются. После того как животные таким образом поприветствовали планету, они уходят обратно в лес. Когда они больны и лежат на земле, то подбрасывают в воздух траву, словом, приносят небу жертвоприношения».

Подобное очеловечивание слонов и мистические объяснения их образа жизни мы и сейчас еще находим во многих романах и приключенческих книжках.

Хотя мозг слонов весит четыре-пять килограммов, то есть он втрое тяжелее человеческого, тем не менее об их умственных способностях пока еще сказать можно очень мало, во всяком случае об «африканцах». Все эксперименты проводятся обычно с «азиатами».

Я об этом подробно рассказывал в своей книге «Школа слонов». Рабочие слоны осваивали свыше 30 различных команд и вполне разумно обращались с бревнами, канатами и тому подобными предметами.

Мне стоило больших трудов «уговорить» одного зоопарковского слона наступить мне на ногу. Нога при этом не раздавливается и даже не повреждается. Ощущение такое, будто на нее поставили мешок с зерном. Разумеется, нельзя подставлять свою ногу под передний край слоновой ноги, где находятся копыта. Пятка же слона состоит из студнеобразной массы, именно поэтому эти исполины ступают так тихо и мягко. Ведь даже если целое стадо слонов бросается в бегство, все равно не слышно ни стука копыт, ни грохота, как это бывает при бегстве антилоп или зебр.

Стопа слона становится шире и толще, когда животное на нее наступает, и делается заметно тоньше, когда оно

поднимает ногу. Площадь стопы может уменьшаться почти на целую четверть. Поэтому слону нетрудно вытаскивать свои ноги даже из глубокой и вязкой тины. В 1958 году в Крюгеровском парке нашли слона без подошв: на их месте было голое мясо. Обожженные подошвы его валялись рядом. Оказывается, животное угодило в горящий лес.

* * *

Относительно возраста, которого могут достичь слоны, раньше всегда приводились преувеличенные данные. Обследование 325 слонов, умерших естественной смертью, проведенное недавно в обоих национальных парках Уганды, показало, что средний возраст, до которого доживает слон в природных условиях, — 15 лет. Человек по сравнению с ними — долгожитель. По опросным данным доктора Альфреда Зайтца, в зоопарках (где отдельные животные явно могут прожить дольше, чем на воле) ни один африканский слон не прожил более 40 лет. Большинство азиатских слонов умирает, не дожив до 50 лет. А до 60-летнего возраста ни один из них еще не доживал.

* * *

Слонам требуется довольно много корма, потому что они его недостаточно хорошо усваивают. В нашем Франкфуртском зоопарке мы ежедневно даем слону 6 килограммов овсяных хлопьев, 3 килограмма отрубей и примерно 75 килограммов зеленых кормов. Рабочие лошади, которые весят только пятую часть веса слона, съедают ежедневно 40 килограммов зеленых кормов, 2—3 килограмма картофельных хлопьев, смешанных с сечкой, и вдобавок еще кормовую солому.

На слоновой станции «Гангала на Бодио» слону дают 350—400 килограммов древесной листвы и зеленых рас-

тений, однако очень много растительной массы он разбрасывает и растаптывает. Когда эти остатки как-то взвесили, то оказалось, что животное в действительности за 24 часа съедает лишь 150 килограммов корма и употребляет около 150 литров воды, которые, однако, выпивает не целиком, а частично разбрызгивает хоботом по телу.

Слон в течение дня почти ежечасно выделяет большие кучи помета, в среднем за 24 часа 14—18 раз. Состоят они на 80 процентов из воды. Ночью для этой цели ему каждый раз приходится вставать. Но, несмотря на значительное количество употребляемого корма, работоспособность слона не очень велика. Пара слонов способна везти повозку весом в две тонны, на которой лежит поклажа еще в четыре тонны, то есть общим весом в шесть тонн, а это не больше, чем весят сами слоны. Правда, надо сказать, что дороги вокруг станции «Гангала на Бодио», откуда поступили эти сведения, отнюдь не из лучших и ровных. С таким грузом слоны за день могут пройти лишь 20 километров при скорости 4 километра в час. Слоны работают в неделю не более пяти дней, а во время работы должны через каждый час отдыхать в течение десяти минут и при этом получать корм. На спине слон может унести 300 — 400 килограммов груза и за четыре часа может вспахать две трети гектара при глубине вспашки около 12 сантиметров.

Возможно, правда, что эти данные нарочно занижены, чтобы фермеры, которые берут в аренду слонов, не слишком сильно их перегружали. Комендант станции поведал мне, что его слоны способны тащить и девять тонн груза.

* * *

Восточноафриканский степной слон явно предпочитает травянистые степи, но с непременным условием, чтобы на них росли хоть небольшие рощицы, или же он де-

ржится берегов рек, окаймленных полосой деревьев. Это необходимо животным, для того чтобы прятаться в тень во время дневного зноя.

Именно в таких местностях вблизи границ национального парка Мерчисон-Фолс исследовали содержимое желудков слонов, застреленных с января по март 1959 года. Слонов было 47. При этом выяснилось, что их пища на 91 процент состояла из травы, на 8 процентов — из коры деревьев и кустарников и на 1 процент — из зелени типа ботвы. Только 10 процентов съеденной травы было зеленой и свежей, а 90 процентов составляли высохшие потемневшие растения.

Во время пастьбы слоны непрерывно кочуют с места на место. Когда они находят пастбища, где после степного пожара только что появилась молодая зеленая травка, они настолько увлекаются едой, что перестают замечать, что делается вокруг. В это время к ним можно приблизиться на расстояние 15 метров, и они даже ухом не поведут. Дело в том, что во время пастьбы они либо совсем закрывают глаза, либо смотрят только себе под ноги. Если в такой момент подойти поближе, то можно увидеть полузакрытые верхние веки с красивыми длинными ресницами, которым может позавидовать любая кинозвезда. Пучки травы слоны вырывают из земли с корнями, потом стряхивают их об ногу или о бивень и уже затем кладут в рот. Никольсон утверждает, что если слоны едят что-то вкусное, у них изо рта капает слюна. Когда пастбища во время засухи выгорают, слоны переходят на питание веточным кормом.

Слоны могут проявлять себя большими гурманами. Кончик их хобота, с помощью которого эти животные так тонко могут различать любые запахи, позволяет им выискивать те или иные растения и даже отдельные листья.

Так, в сад лесничего, живущего близ «Пара-Лодж» в национальном парке Мерчисон-Фолс, ночью залез слон.

Он осторожно перешагнул через забор и начал выбирать себе закуску по вкусу. В первую ночь он поел всю зеленую кукурузу, дыни, огурцы, свеклу и некоторые сорта баклажанов. Во время второго визита он угощался оставшимися баклажанами и перцем. Помидоров, салата и моркови он не трогал.

В Танзании слоны в октябре и ноябре любят пастись в лесах. Они бродят там целыми днями и питаются исключительно молодыми побегами. В феврале скопления слонов наблюдаются на юге, в области Литуа-Киперере, где в это время созревают плоды мугонго. А во время засухи они обычно откочевывают в местности, где особенно много широколистной травы магугу.

В ЮАР в национальном парке Крюгера слоны часто лакомятся спелыми плодами дерева мерулы, от которых как бы пьянеют. Некоторые «пьяные» слоны становятся агрессивными, но большинство из них бывает лишь «приятно навеселе».

Хотя «пьяные» слоны в этой местности каждый год что-нибудь да учиняют, для туристов они никакой опасности не представляют по той простой причине, что вокруг туристских гостиниц все деревья мерулы предусмотрительно вырублены.

А вообще-то это дерево наиболее распространено в национальном парке. Местные жители изготавливают из его плодов довольно крепкое пиво. Поэтому они не рубят эти деревья на дрова. Плоды начинают созревать сначала в северной окраине парка. Оттуда слоны постепенно продвигаются к югу, лакомясь этим изысканным блюдом.

Однажды такой «хмельной» слон столкнул смотрителя парка с велосипеда. Другой слон проткнул головой хижину одного местного жителя и, надев ее себе на шею в виде хомута, убежал в лес. Слава Богу, никто при этом не пострадал. Как сообщал директор национального парка доктор Н. Вандермерве, какой-то «пьяный» слон стащил с велосипеда не менее пьяного велосипедиста и уволок его

примерно на десять метров от дороги в лес. Затем он вернулся на дорогу и втоптал в землю велосипед.

Хочу сказать в защиту слонов, что в прежние времена их стада имели обыкновение откочевывать в поисках лучшего источника корма. Но теперь во многих областях Африки их полностью лишили этой возможности. Поэтому они вынуждены искать себе другие продукты питания, а это в свою очередь приводит иногда к вредным привычкам.

* * *

Слоны, пожалуй, единственные животные в Африке, которые копают ямы, для того чтобы добыть воду. Сначала они разрыхляют землю бивнями, а затем выгребают ее хоботом, выкапывая колодцы метровой глубины. Таким способом они добывают воду в высохших руслах рек. Этими своеобразными колодцами пользуются затем и другие животные (носороги, антилопы, зебры, стаи птиц, змеи и другие), так что можно считать, что слоны помогают этим животным пережить засуху. Подобной же деятельностью занимаются некоторые виды кенгуру в Северо-Западной Австралии.

Биолог А. Гордон утверждает, будто бы некоторые слоны прикрывают свои колодцы листьями, травой или навозом и поверх этого засыпают песком. Если в таких случаях слоны во время засухи покидают из каких-либо соображений данную местность, для других животных это может иметь пагубные последствия.

В январе и августе 1957 года, то есть во время короткого и длинного засушливого сезона, биолог Х. К. Бюхнер насчитал в южной части национального парка Мерчисон-Фолс более четырех тысяч слонов. Когда в середине сентября начался сезон дождей, их число увеличилось вдвое. Животные переходили из более облесенных местностей вне границ парка в травянистую степь.

За последнее время в этом национальном парке очень сильно возросло число слонов. Из-за быстро растущих вокруг него поселений слоны вынуждены проводить в нем весь год, вместо того чтобы кочевать по его окрестностям.

Поскольку в обширных районах парка весь подрост деревьев был начисто уничтожен слонами, в 1964 году было отстреляно 200 слонов в части парка, расположенной южнее Виктория-Нила, и еще 200 — на северном берегу реки. Ученым путем тщательных исследований трупов этих животных удалось установить резкие отличия в биологии южных и северных слонов. Выяснилось, что у северных самок половая зрелость наступает в среднем в 14 лет (от 10 до 15), а у самок с южного берега — в 18 лет (от 13 до 22).

У самцов с северного берега соответствующий возраст наступает в среднем в 13 лет (от 8 до 15), у самцов же с южного берега реки — в 16 лет (от 13 до 20). Средний промежуток времени между двумя беременностями у самок из тех и других стад одинаков и составляет примерно четыре-пять лет. Однако длительность кормления у самок южной и северной популяций неодинакова: у южных самок она меньше (о чем говорит повышенная смертность слонят в этих стадах). Поэтому у южных самок новое яйцо образуется в яичнике за одиннадцать месяцев, а у северных — за четыре. Слоновье население северного берега в своей массе моложе: средний возраст его составляет 19 лет. Южные слоны в среднем 20-летнего возраста, и число их все убывает. Животные моложе десяти лет в северной группировке составляют 40 процентов, в южной же — 22 процента. Самки с северного берега спариваются с самцами с ноября по апрель, а южные слонихи — с апреля по сентябрь. По всей видимости, это зависит от условий питания. Разница в производительности слоновьего населения может объясняться тем, что растительность южнее Виктория-Нила гораздо больше истреблена. Земли, покрытые когда-то лесами, под воздействием слонов пре-

вращены здесь в травянистую степь. На северном же берегу еще остались отдельные облесенные или заросшие кустарником районы. Севернее Виктория-Нила на каждый квадратный километр приходится 0,9 слона, а южнее — 1,7 слона.

В прежние времена, когда слонам принадлежала вся Африка, такое положение регулировалось бы само собой: стада этих гигантов перекочевывали бы из обезлесенных южных областей куда-нибудь в другое место, и дело с концом. Или же их численность в таком бескормном районе сразу бы резко пошла на убыль. Сегодня же нельзя допустить, чтобы слоны превратили национальные парки, эти последние остатки естественных ландшафтов с буйной зеленой растительностью, в полупустыни, а затем и в настоящие пустыни.

Это ставит людей, ответственных за охрану природы, перед тяжелым выбором. Как быть?

* * *

Раньше ежегодно отстреливалось примерно 45 тысяч слонов. Это легко можно подсчитать, зная, что во всем мире в год перерабатывалось 600 тысяч килограммов слоновой кости и что наибольшая часть ее поступала из Африки. Тем не менее долгое время никто не брал на себя труд изучить поближе жизнедеятельность этих колоссов, покопаться в гекатомбах внутреннего устройства такой убитой «горы». А ведь к концу нашего столетия вне границ немногих национальных парков наверняка уже не останется ни одного живущего на воле слона. Поэтому очень отрадно, что слоны, которых приходится отстреливать вследствие перенаселения ими отдельных территорий и из-за того, что они губят растительный покров в некоторых национальных парках, теперь неизменно попадают в руки ученых и используются для науки.

Например, И. Бассу удалось выяснить, что так называемый маст — жидкость, вытекающая из височных желез слона, расположенных между глазом и ухом, никакого отношения не имеет к половозрелости (по крайней мере, у африканского слона). Столетиями же считали обратное. У слонов, убитых с июля по сентябрь, такой жидкости не обнаруживали. У тех же, которые были убиты после 20 октября и до конца марта, маст непременно наблюдался; его не обнаружили только у нескольких очень маленьких слонят. Выделения из височных желез в этот промежуток времени наблюдались у всех взрослых слонов; и у половозрелых самок и самцов, и у старых самок, и у слоних, только что родивших и кормящих своих детенышей, и даже у подростков.

Возможно, деятельность височных желез имеет какое-то отношение к терморегуляции, но с размножением она совсем не связана.

Одновременно Бассу удалось выяснить, что слоны с особенно мощными и тяжелыми бивнями очень старые. Причем это относится и к самцам и к самкам.

В резервате долины Луангвы в Замбии В. Полес наблюдал у диких слонов спаривание. Слон при этом взял хвост слоницы в рот, прижался головой к ее заду, а затем продвинулся вперед, положил хобот ей на загривок и, как бы обняв им ее, захватил его кончиком край противоположного уха самки. Слоница не двигалась до тех пор, пока слон ее не отпустил. После спаривания животные встали друг против друга с поднятыми в виде буквы S хоботами. Два других слона, все это время пасшиеся неподалеку, подошли поближе и даже прошли между «флиртующей» парочкой, против чего первый слон, как ни странно, ничего не возразил. Все четверо стали мирно пастись рядом.

Самцы часто нежно ощупывают своими хоботами слоних просто так, не имея ни малейшего намерения спариваться. Как мы говорили раньше, слоны спариваются на

протяжении всего года, определенного периода для этого у них не существует.

Аллан Райт наблюдал однажды в Родезии в районе Нуанетси такую сценку. Молодой самец, по-видимому самый младший в стаде, быстро рыскал между пасущимися животными. Как только он приближался к какой-нибудь из самок, та сразу же переставала пастись и настороженно останавливалась. Если же он подходил слишком близко, самка тут же убегала. В конце концов все семь слоних объединились в отдельную группу и бросились бежать. Однако серьезного намерения скрыться у них не было, они бегали по кругу, трубя и визжа, причем слонята бежали впереди своих матерей. Сзади всех несся разгоряченный самец и пытался догнать одну из слоних. Во время этой беготни слоны втоптывали в землю кусты и небольшие деревца. В конце концов молодому слону все же удалось догнать свою избранницу.

То, что до сих пор африканские слоны так редко размножались в зоопарках, не в последнюю очередь объясняется тем, что в неволе обычно содержат индийских слонов вместе с африканскими слонихами. Скрещивание между африканскими и индийскими слонами еще ни разу не удавалось. На станции же по приручению слонов «Гангала на Бодио» начиная с 1925 года постоянно содержатся не менее 12 африканских слоних и несколько африканских же слонов. Животные эти живут в привычной им природной обстановке. Днем они свободно пасутся на пастбище под присмотром своих погонщиков (корнаксов) и только ночью привязываются на цепь, как это принято делать в зоопарках. Правда, отдельные слишком резвые животные бывают стреножены и днем.

И тем не менее даже от этих почти свободно живущих слонов за 30 лет был получен приплод только четыре раза, и, что удивительно, от всех самок в один год — в 1930-м. И еще один слоненок родился в конце 50-х годов.

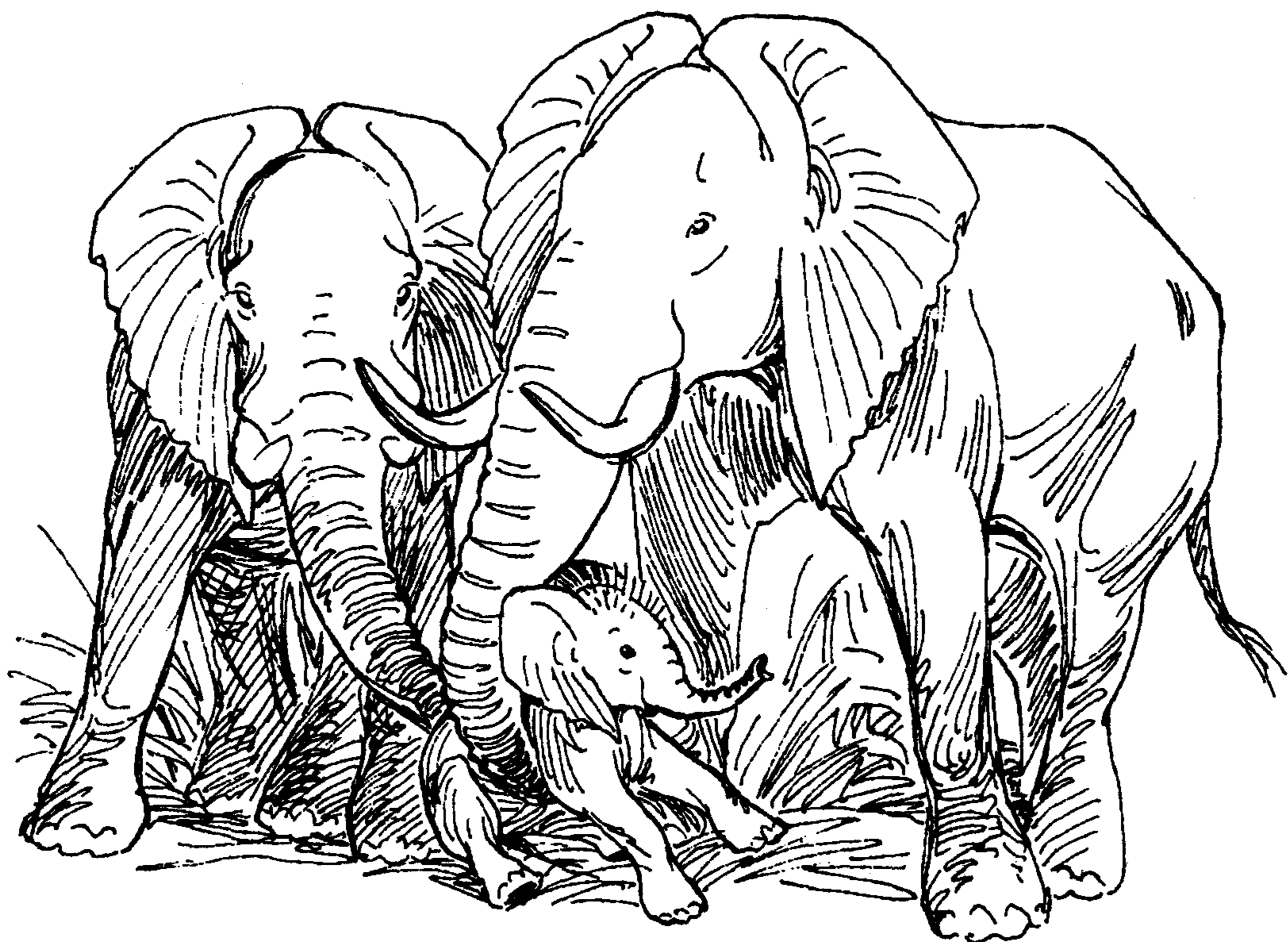
Беременность африканских слоних длится ровно 22 месяца.

Во время родов роженицу часто окружают со всех сторон «товарки» из ее стада и, если можно так выразиться, как бы охраняют ее покой.

Ф. Попплетону, прежнему лесничему парка Куин-Элизабет, удалось пронаблюдать во всех подробностях, как протекают роды у слоних в природной обстановке. Было это в декабре 1956 года. К сожалению, он подоспел к месту происшествия уже после того, как слоненок появился на свет. Ему бросилось в глаза, что часть большого стада сгрудилась в тесную кучу, причем слоны вели себя очень беспокойно — трубили, хлопали ушами. Попплетон остановился на расстоянии 25 шагов от них и стал в бинокль следить за всем происходящим. Группа состояла из шести взрослых самок с пятью маленькими слонятами и одного молодого самца, державшегося в некотором отдалении, но наблюдавшего за всем происходящим. В середине тесного кольца слоних лежал только что появившийся на свет слоненок. Брюхо матери было неестественно разбухшим и свисало почти до самой земли. Животные пытались с помощью хоботов поднять новорожденного с земли.

Новорожденный слоненок был мокрым, покрытым слизью. На нем виднелся хорошо различимый шерстный покров, особенно густой на голове.

Слонихи трубили и визжали еще в течение десяти минут. Затем четыре из них ушли вместе со своими слонятами, оставив роженицу в обществе одной взрослой слонихи и молодого слона, которому на вид было не более семи лет. Все остальное стадо тоже двинулось в сторону реки и вскоре исчезло, а роженица, другая слониха и молодой слон — все старались поставить новорожденного «беби» на ножки. Спустя четверть часа вторая слониха

тоже исчезла, оставив новорожденного на попечение его матери и брата. Молодой слон подсовывал свой хобот под брюшко детеныша и старался удержать его в стоячем положении, но тот был еще слишком слаб и опять валился на землю.

Наконец спустя два часа новорожденный слоненок сделал свои первые шаги. Он качнулся, как пьяный, упал, перекувырнувшись через голову, и неуклюже забарахтался на спине. Но слониха-мать и молодой самец не позволяли ему лежать, а все снова и снова ставили его на слабые ножки.

Через некоторое время молодой самец тоже потерял интерес ко всему происходящему и исчез в том же направлении, куда ушло стадо. Когда Попплетон сделал попытку подъехать на своей машине поближе к новорожденному, слониха тотчас же грозно бросилась ему навстречу.

Сам процесс родов удалось наблюдать лесничему из Замбии. Слониха привалилась боком к большому дереву. Все сильнее и сильнее прижимаясь к стволу, она наконец «выдавила» из себя слоненка, который упал на землю. Тогда самка тотчас встала, причем так, что слоненок оказался у нее под брюхом. Тщательно обнюхивая хоботом детеныша, она стояла так 20—30 минут. Затем малыш поднялся на ножки и принялся искать вымя. Все это время поблизости не было ни одного другого слона. Эта самка управлялась со всем совершенно самостоятельно.

В противоположность этому случаю Р. Хойер, будучи однажды в бассейне Конго, в течение четырех часов не мог переехать через маленький мостик, потому что как раз возле него какая-то слониха расположилась рожать. Окружавших ее сородичей невозможно было разогнать ни гудками, ни криками.

В резервате Этоша-Пан (Намибия) тоже видели рожавшую молодую слониху. Однако здесь стадо, к которому она принадлежала, продолжало пастись полукругом на расстоянии примерно 400 метров от роженицы. Только одна старая слониха паслась поближе, метрах в 200, причем с подветренной стороны.

Лесничий Баард вылез из машины и подошел поближе, чтобы осмотреть животное. Когда он находился примерно в 20 метрах от слонихи, он увидел, как все ее мускулы внезапно напряглись и по телу от ребер к животу прокатилась волнообразная судорога. Затем она начала трубить.

Остальные члены стада, казалось, не обращали на это никакого внимания. Только находившаяся поблизости старая слониха приподняла хобот. Болезненные схватки участились и сотрясали теперь тело роженицы через каждые пять минут. Спустя полчаса показалась голова слоненка. В это время силы как бы покинули слониху, она казалась крайне утомленной. Прошло еще пятнадцать минут, пока

появились передние ноги и плечи детеныша. Слониха вдруг опустилась на землю и теперь лежала на боку, часто и жалобно трубя. Под конец она издала протяжный стон и замерла. Дыхание ее становилось все спокойнее.

Новорожденный слоненок лежал на земле и во все стороны брыкал ногами, стараясь высвободиться из родовой пленки. Мать либо впала в обморочное состояние, либо была слишком измучена и не оказывала своему первенцу никакой помощи.

Слоненок, которому уже наполовину удалось выбраться из пленки, был розового цвета, только подошвы ног имели желтовато-коричневый оттенок. Прошло примерно десять минут, пока слониха подняла свой хобот и направила его в сторону новорожденного.

С момента прибытия наблюдателя до этого завершения родов прошел один час и десять минут.

В западногерманских зоопарках было только два случая появления на свет африканских слонят: в Мюнхенском зоопарке и в Таунусе, где они в Опельском парке находятся на полувольном содержании.

По данным станции по приручению слонов «Гангала на Бодио», вес слонят при рождении равняется 100 килограммам, а высота — 80—85 сантиметрам. Годовалый слоненок достигает метровой высоты, в два года его рост составляет 115—120 сантиметров. Только в это время мать перестает его кормить. До пяти лет слоненок ежегодно прибавляет в высоту по десять сантиметров, позже — несколько меньше. У него уже хорошо заметны бивни, которые прорезаются в возрасте от года до трех лет.

В первое время слонихи стараются помочь своим на редкость неловким детям. Так, близ Фаяо группа слонов взбиралась по довольно крутому склону берега Нила. Один совсем маленький слоненок никак не мог вскарабкаться наверх. Тогда слониха-мать, уже взобравшаяся наверх, опустилась на колени и, подхватив беспомощное су-

щество своим хоботом, очень осторожно подтянула его наверх.

Смотритель парка Кахари встретил в Замбии возле реки Колози двух слоних с четырьмя слонятами. Завидя человека, они кинулись бежать. Пока они поднимались по крутому берегу, передняя слониха непрерывно подталкивала своего слоненка хоботом, чтобы он проворнее карабкался. Когда слоны добрались до места, где лежало много поваленных деревьев, эта же слониха начала приподнимать хоботом лежащие на земле стволы, чтобы ее слоненку не приходилось через них перелезть. Каждый раз, когда слоненок в нерешительности останавливался перед поваленным деревом, мать подходила к нему, приподнимала ствол от земли и пропускала свое чадо.

Когда Р. М. Бэр в сопровождении министра природных ресурсов Уганды в 1959 году объезжал национальный парк Куин-Элизабет, он увидел слониху, несшую мертвого слоненка. Судя по зловонию, он, по-видимому, погиб не менее трех-четырех дней назад. Мать опускала трупик своего детеныша на землю только тогда, когда хотела попить воды или попасть на траве. Но продвигалась она вперед медленнее, чем остальные слоны этого стада, и те время от времени терпеливо дожидались, пока она их догонит. Мертвого слоненка она поднимала с земли бивнем, а затем зажимала его между нижней челюстью и плечом наподобие того, как скрипач держит свой инструмент.

Когда слоны купаются, слонихи заботливо поливают водой своих детенышей и набрасывают им на спину ил.

* * *

И тем не менее, даже собрав все эти сведения воедино, мы убеждаемся, что, к сожалению, все еще слишком мало знаем о том, как живут африканские слоны и что

им необходимо для нормального существования. Это тем более печально, что в самые ближайшие годы мы должны будем найти средства и пути сохранить в нашем цивилизованном мире хоть часть этих прекрасных и благородных существ. Ведь именно слоны — настоящие цари зверей, потому что не боятся никаких врагов из животного царства, даже льва.

Так, между прочим, считает и племя дан, населяющее Либерию и Берег Слоновой Кости. Я сам не раз слышал от этих людей и, кроме того, знаю из исследований Ганса Химмельхебера, что они верят в переселение душ. Они считают, что в человеке самое главное — живущий в его теле дух. Тот же дух может одновременно жить и в каком-нибудь животном. Тот, кто ощущает в себе способность быть одновременно и человеком и животным, должен стараться вступить в орден какого-либо животного, но за это часто приходится дорого платить предводителю этого ордена. Чей дух одновременно способен быть духом животного, может достичь и в своем человеческом организме желаемых качеств этого животного.

Наивысшим орденом животных считается орден слонов; его члены — повелители над всеми людьми, они становятся вождями племен. Эти люди всегда высокие, у них большой, внушительный живот и величественная походка. Дух вождя вселяется не в первого попавшегося слона, а в какого-то особого. Если этого слона убьют, то и принадлежащий к нему человек должен умереть. В этих местах часто можно услышать от умирающего, что он должен расстаться с жизнью, потому что он и есть одновременно тот слон или буйвол, которого уложили позавчера. Если значительный человек умирает без какой-либо видимой причины, то считается, что это результат колдовства, и поручают колдунам выявить злоумышленника. Но прежде чем заняться этой неприятной процедурой, покойника раздевают и тщательно осматривают со

всех сторон в поисках какой-либо ссадины или небольшого нарыва, указывающих на ранение животного, к которому данный человек относился. Однако охотника, убившего это животное, никогда не наказывают, потому что он исполнял лишь свой профессиональный долг, обеспечивая деревню мясом.

Дороже всего вступить в орден слонов. Состоятельный человек неожиданно влезает в долги, ничего себе больше не приобретает, из его десяти коров пять бесследно исчезают. И хотя новоиспеченный кандидат «в слоны» хранит молчание, кругом начинает расползаться слухок, что он явно собирается оплатить вступление в какой-то орден духов. Когда же он наконец, сияя, объявляет своим соплеменникам, что его дух теперь «в слоне», его авторитет безгранично поднимается. Если он во время какого-либо собрания берет слово, все мгновенно замолкают. Его охотно выдвигают на какие-либо «руководящие» должности, нередко даже облачают властью вождя, так как всякий знает, что за этим человеком стоят слоны...

Поэтому-то племя дан считает любые законы об охране диких животных бессмысленными. Ведь все живущие сегодня на воле животные — это двойники людей, и они не вымрут до тех пор, пока на земле будут жить люди...

С другой стороны, старые африканские религиозные верования зачастую оказывали неоценимые услуги делу охраны животного мира. В большинстве областей Африки испокон веков имелись запретные районы, или «святые» рощи и другие территории, на которые наложено табу: там охотиться нельзя. Подобные религиозные законы соблюдаются совершенно неукоснительно, потому что каждый знает, что боги или духи все равно узнают о любом, даже самом засекреченном нарушении запрета и неминуемо покарают виновного.

Поэтому, даже когда какая-нибудь местность из-за умеренной охоты бывала опустошена и некоторые виды

животных там совершенно исчезали, впоследствии они появлялись здесь вновь, распространяясь из расположенных по соседству «запретных районов».

И чем больше исчезает старых африканских поверий, тем меньше люди считаются со всякого рода религиозными запретами. Потому-то в современной Африке для блага континента необходимо заменить святые «земли табу» национальными парками.

Глава шестнадцатая

НИЛ — ПРЕГРАДА ДЛЯ БЕЛЫХ ВЕЛИКАНОВ

Женщина отличается от мужчины не только молочными железами, они ведь есть и у козы.

Африканская поговорка

Иногда только спустя 100 лет становится совершенно очевидным, что какой-нибудь «храбрый» охотник явно привирал. Мистер Корнваллис Харрис, путешествовавший в 1836 году по Северо-Западному Трансваалю, описывал, как однажды возле реки Лимпопо он наткнулся на стадо из 22 белых носорогов и в порядке самозащиты вынужден был четырех из них застрелить.

За последние десятилетия нам в Африке удалось поближе познакомиться с этими гигантами, стоящими на третьем месте по величине среди всех сухопутных животных мира. Самоотверженные люди, у которых нет

поганой привычки постоянно держать палец на спусковом крючке, взяли на себя труд наблюдать за этими интересными животными и днем и ночью. В самое недавнее время белых носорогов начали отлавливать и перевозить в другие местности, где их снова выпускают на свободу.

Сегодня уже никто не поверит ни одному путешественнику, если он начнет плести про самозащиту при встрече с белым носорогом.

Счастье, что мы вообще-то еще имеем возможность изучать этих могучих медлительных существ. А то ведь «герои-охотники» чуть было не истребили их начисто, и все «в порядке самозащиты». Уже в 1892 году Нихоллс и Эглинтон писали, что есть все основания предполагать, что белых носорогов больше не существует. То же самое повторил и Брейдон в 1897 году.

Эти великаны удивительно миролюбивы. С такими крупными животными, как слоны и кафрские буйволы, они ладят лучше, чем их более мелкие и менее миролюбивые сородичи — черные носороги.

В национальном парке Нимуле (Судан) мы видели белых носорогов, мирно лежащих под деревом рядом со слонами. Они гораздо реже своих черных сородичей делают ложные выпады (которые так пугают и шокируют непосвященных) в сторону появившихся поблизости людей. Подобные выпады делаются обычно лишь в рекогносцировочных целях. Носороги бегут вам навстречу, потом вдруг в пяти — восьми метрах останавливаются, сопят, мотают головой и... уходят. Там, где за ними не охотятся, они подпускают людей и машины на расстояние даже 30 метров и только потом убегают.

Как-то в Уганде один исследователь натерпелся-таки страху. Проснувшись ночью, он увидел, как между его палаткой и разложенным рядом костром прошествовал огромный носорог. Оказывается, там проходила его тропинка на водопой, потому что через некоторое время

он той же дорогой вернулся назад, не обращая ни малейшего внимания ни на огонь, ни на присутствие человека.

Мне удалось найти только три сообщения, в которых говорилось о серьезных нападениях белых носорогов на людей. Передал мне их охотник на слонов К. Стигенд. В первом из них говорилось о том, что неожиданно испуганная с лежки самка носорога, у которой был детеныш, набросилась на сборщицу хлопка и убила ее. В другом рассказывалось о подобном же несчастье, случившемся с женщиной, которая криками хотела прогнать белого носорога со своей плантации. И наконец, в третьем сообщении описывалось происшествие в Зулуленде. Группа местных жителей обнаружила белого носорога, вышедшего за границы национального парка, и с криками погнала его вниз по тропе, по которой как раз поднималась навстречу какая-то женщина. Перепуганное и затравленное животное с разбегу распорол рогом живот несчастной и растоптало ее ногами.

Но наряду с этим бывало, например, и такое: когда в Уганде отлавливали белых носорогов, один из мужчин упал с грузовика, за которым как раз гнался рассерженный гигант, и тем не менее человеку удалось догнать тархтящую по плохой дороге машину и забраться на нее живым и невредимым.

Должен, однако, напомнить, что в Европе до механизации сельского хозяйства по вине таких безобидных животных, как коровы и лошади, ежегодно погибало около 400 человек. Так что стрелять в белого носорога для охотника не более опасно, чем в домашнюю корову.

Но при этом белый носорог — личность весьма внушительная: высота в холке у него составляет почти 2 метра, длина тела — 4 метра 20 сантиметров, а размер головы достигает 1 метра 20 сантиметров (она на 25 процентов больше головы черного носорога). Весит белый

носорог до 2 тысяч килограммов, в то время как вес черного — от 950 до 1350 килограммов. Хотя у белого носорога, как и у черного, на ноге три пальца, однако след его почти вдвое больше. Более длинный передний рог имеет длину в среднем 80 сантиметров. Самый длинный рог, который когда-либо видели, достигал 1,61 метра. Весят рога от 6,5 до 9 килограммов. Рысью эти животные проделывают 30 километров в час, галопом — до 40 километров.

Между прочим, белые носороги вовсе не такие уж белые, впрочем, так же как и черные совершенно не черны. Возможно, что столь неточное определение зиждется на ошибочном понимании бурского слова *wijd*, которое выговаривается так же, как английское *white*, но означает «широкий», «просторный». А может быть, неправильное название произошло от местного выражения — «белое сердце», приблизительно означающего «миролюбивый». У белых носорогов на верхней губе отсутствует хватательный палец, который имеется у черных носорогов; их рот приспособлен для срывания травы, в то время как черные носороги используют его для срывания веток. Видят белые носороги так же плохо, как и черные.

Но они значительно более общительны, чем черные. В Натале в резервате Умфолози мне приходилось неоднократно встречать группы из 10—15 и даже 20 животных. В отличие от своих черных сородичей они голову держат всегда низко опущенной. Там, где они пасутся, трава будто скошена косилкой. Кучи их помета тоже значительно больше, чем кучи черных носорогов.

Мой коллега доктор Д. Бакхауз, проводя свои наблюдения в парке Гарамба, в течение нескольких недель подряд видел неизменно пасущихся вместе двух самцов, а в другом месте — двух самок. Иногда белые носороги начинали «в шутку» бороться, упираясь друг в друга рогом, но делали они это только в прохладную погоду

и всего в течение нескольких минут. Такими «боксе-рами» могли быть как два самца, так и две самки, а иногда даже и самка с самцом. Он видел, как однажды белые носороги прогнали со своей поляны двух слонов-подростков. Они нисколько не пугались, когда с их спин с криком слетали испуганные чем-либо буйволоковые птицы. Самцы выбрызгивали свою мочу на кустарник. Каждое животное откладывало помет в одну и ту же кучу, которая постепенно достигала огромных размеров. Когда они паслись, то за семь-восемь часов продвигались лишь на один километр. Отдыхали носороги обычно в течение двух часов в первую половину дня, до двенадцати.

Когда в 1953/54 году разразилась чума скота, на белых носорогов это не распространилось.

Самцы иногда затевают между собой и серьезные бои. Дело доходит даже до того, что один может оказаться убитым.

Превосходный фотограф-анималист Вильгельм Шак наблюдал, как во время одного такого серьезного боя два самца жали друг на друга плечом, видимо, для того, чтобы помешать противнику размахнуться и всадить свой рог между ребер другого. В другой раз он видел, как к месту боя двух соперников постепенно стянулось 43 белых носорога, с интересом наблюдавших за всем происходящим.

Когда самец белого носорога начинает «ухаживать» за самкой, он подходит сзади и кладет ей голову на спину. Само спаривание может длиться до одного часа. Считается, что беременность у этих животных длится от 540 до 550 дней. Но это далеко не точные данные, потому что белые носороги еще ни разу в неволе не размножались.

Дважды якобы видели самок с близнецами. Спустя 24 часа после рождения детеныш уже способен следовать за своей матерью, а через неделю начинает щипать траву,

однако продолжает сосать материнское молоко, по крайней мере, еще в течение целого года.

О том, что детеныши белого носорога до четырехмесячного возраста сплошь покрыты шерстью, мы узнали совершенно случайно. Как-то возле мертвой самки был обнаружен такой покрытый шерстью малыш. Его тотчас же отправили в зоопарк Претории. 36-летняя самка носорога, попав в резерват Умфолози, еще родила детеныша. Считается, что половозрелыми самки становятся уже в трехлетнем возрасте, а детенышей приносят раз в три или даже пять лет.

Этих гигантских носорогов открыли сравнительно недавно — в 1812 году. Открыл их Вильям Бурчелл в северной части Капской провинции ЮАР. Белые носороги обитали прежде в теперешней Южной Анголе, части Намибии, Ботсване, Южной Родезии, Трансваале, Зулуленде и по меньшей мере в одном из районов Мозамбика. О том, что белые носороги были там весьма многочисленны, свидетельствуют наскальные рисунки, которые можно найти еще и сегодня в Намибии, Южной Родезии, Ботсване и в Капской провинции. На этих рисунках, вне всякого сомнения, изображены белые носороги. Считается, что южнее реки Оранжевой они не встречались. А на крайнем юго-западе Малави и между реками Масхи и Замбези белые носороги жили еще в доисторическое время.

А потом пришли мы, европейцы, и ради забавы, упражняясь в стрельбе, за несколько десятилетий покончили с этими безобидными великанами. И тем не менее все очень удивились, когда узнали, что белых носорогов больше нет, что они исчезли с лица земли. Уже решили было, что их постигла судьба зебры квагги или саблерогой антилопы блаубока.

Потом все обрадовались, узнав, что в Натале, в низине между Черным и Белым Умфолози, сохранилось еще несколько дюжин этих гигантов. В 1922 году Ф. Во-

ген Кирби публично заявил, что их осталось там не больше 20, и обратился к общественности с призывом строго охранять последних представителей этого редкого вида.

Возможно, что он тогда нарочно занижил число оставшихся в живых носорогов, потому что в 1932 году в районе Умфолози их насчитывалось уже 180, а в ближайших окрестностях — еще 30. К 1948 году их стало уже 550, и они к этому времени успели распространиться до резервата Хлуклуве, находящегося за 25 километров от этих мест.

Потом началась знаменитая война с мухой цеце. Всю эту область, как и многие другие районы Южной Африки, начали опылять с воздуха ДДТ. Это привело к тому, что фермеры, и в особенности местное население, начали усиленно интересоваться землями, которых они прежде избегали, и постепенно вторгаться все дальше на территорию, расположенную между двумя резерватами.

Вскоре вновь слышались жалобы на то, что вокруг слишком много носорогов. Учет животных в 1965 году показал, что в области Умфолози (290 квадратных километров) и в Хлуклуве (160 квадратных километров) обитает около тысячи белых носорогов.

Поэтому их стали с некоторых пор расселять оттуда в другие резерваты Африки и продавать в различные зоопарки. Ведь в течение нескольких десятков лет ни в одном зоопарке мира нельзя было увидеть белого носорога. Потом в зоопарке Претории появился сначала один, потом второй. А к 1963 году в различных зоопарках мира их было уже 32, из них 13 — в европейских. В 1965 году в одних только зоопарках Соединенных Штатов насчитывалось 25 белых носорогов.

Теперь уже накопился богатый опыт по транспортировке этих великанов. В общей сложности к 1966 году в разные южноафриканские национальные парки и резер-

ваты было перевезено 150 белых носорогов, а 12 штук отправили в Южную Родезию. Их реакклиматизировали в тех местах, где они раньше когда-то встречались: в Крюгеровском парке, в национальных парках Ванкие и Матапос. Но заселили ими и совершенно новые для них области, как, например, резерват Киледамм. Эти великаны-новоселы приехали даже в Восточную Африку, в недавно созданный в Кении национальный парк Меру.

Но кто бы поверил, что эти громадины можно встретить и севернее экватора, на расстоянии 3200 километров от их южной родины? Когда в 1900 году поступило сообщение о том, что белые носороги найдены в Уганде, близ Ладо, на левом берегу Верхнего Нила, к этому отнеслись весьма скептически. Казалось весьма странным, что до этого таких больших животных здесь никто не заметил. Как бы там ни было, выяснилось, что северные белые носороги живут на левом берегу Верхнего Нила и пасутся на лугах между ним и дождевыми лесами; следовательно, их ареал охватывает Уганду, Судан и пограничный с ним Заир и еще вклинивается далеко за реку Убанги. В бывшем Бельгийском Конго в 1925 году их насчитывалось от 40 до 60. Именно из-за них и из-за оставшихся в живых последних жирафов там был учрежден национальный парк Гарамба.

С тех пор число белых носорогов стало неуклонно расти. К настоящему моменту их должно быть не меньше тысячи.

А в Западной Африке они были истреблены уже к 1931 году. Несколько штук оставалось только в Нимулепарке, на южной границе между Суданом и Угандой.

Северным белым носорогам ни разу не удавалось преодолеть Нил и перебраться на его правый берег. По строению скелета они несколько отличаются от южного вида белого носорога (*Ceratotherium simum simum*) и

рассматриваются как его подвид (*Ceratotherium simum cottoni*).

В связи с постоянным ростом населения все труднее становится охранять этих животных. Поэтому после долгих дебатов «за» и «против» в 1961 году было наконец решено переправить несколько белых носорогов на правый берег Нила, в Мерчисонский национальный парк. Противники этого плана считали, что он обречен на провал, потому что в этих местах белых носорогов испокон веков не было. Нил в Восточной Африке всегда служил непреодолимой преградой для распространения черных носорогов на запад, а белых — на восток. Но с другой стороны, было известно, что в южноафриканском резервате Хлуклуве оба этих вида мирно сосуществуют, правда, черные носороги охотнее придерживаются северной гористой местности, а белые пасутся на плоской равнине. Во всяком случае, можно было надеяться, что сородичи сумеют поладить друг с другом и в Мерчисонском парке. Так оно и получилось.

Первую пару белых носорогов, выбранную для перевозки, отловили в 1961 году. Гонясь за ними на грузовике, их наконец удалось связать и переправить в Мерчисонский парк, где их и выпустили на волю. Увидели их там только 39 дней спустя: оказывается, новоселы ушли за 16 километров от места выпуска. В парк было перевезено десять животных, из которых два через несколько дней скончались, видимо, из-за ранений, полученных во время поимки.

Детеныша носорога, оставшегося сиротой после смерти самки — его матери, вырастили искусственно, и он настолько привык к людям, что никак не хотел покидать домика смотрителя парка, расположенного возле посадочной площадки для самолетов.

Этот носорог, самка, по кличке Обонги, однажды сильно напугала одного из посетителей парка. Когда тот увлеченно снимал антилоп через телеобъектив, Обонги

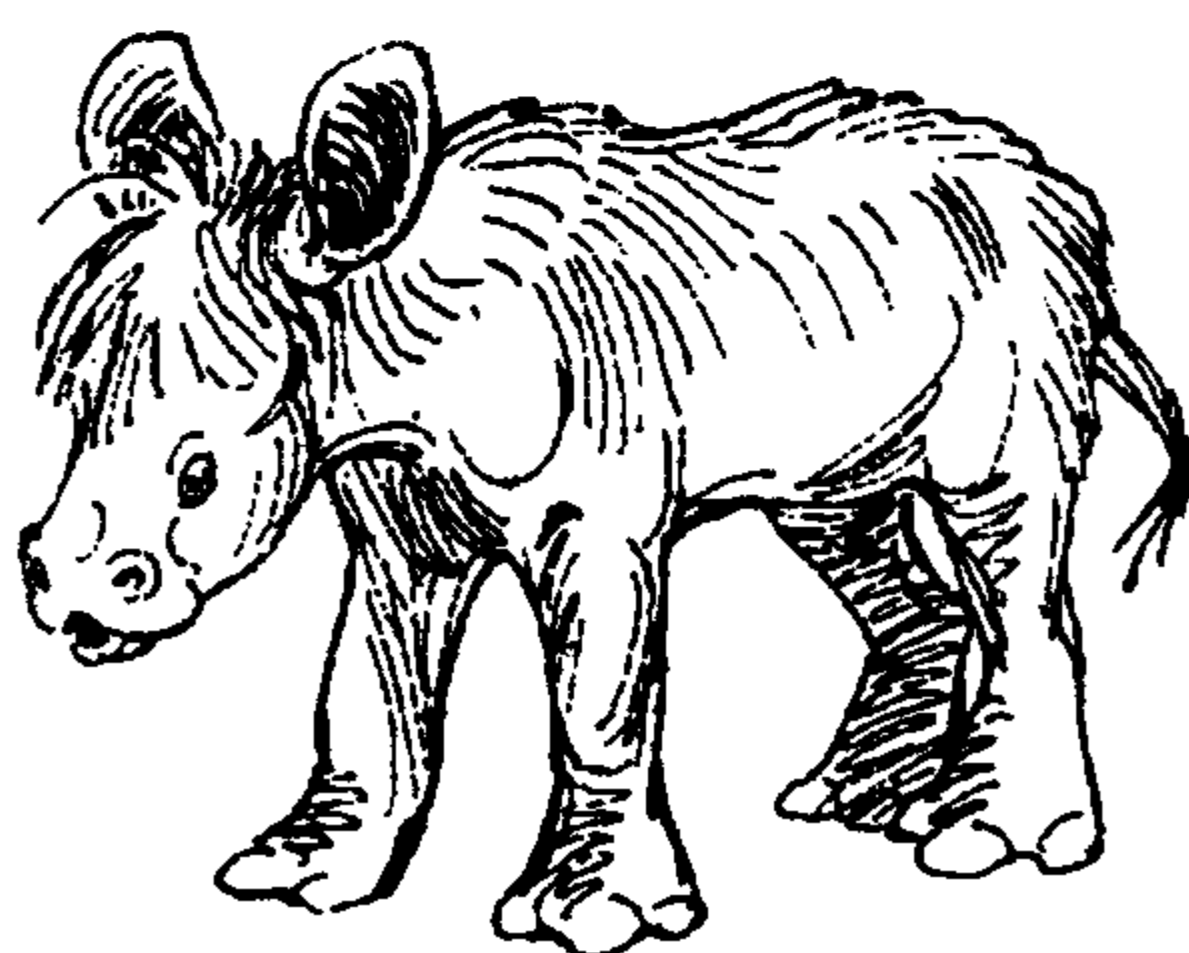

подбежала к нему сзади и, с размаху просунув ему голову между ног, легонько подкинула его кверху. К счастью, все обошлось благополучно, и посетитель отделался только испугом.

Даже тогда, когда Обонги увозили далеко от домика зрителя, она все равно упорно возвращалась назад, следуя за бензовозом. Потом на нее напали львы и сильно ее потрепали. Естественно, она снова прибежала к своим друзьям африканцам, ища у них защиты. Пришлось ее лечить. В конце концов она все-таки согласилась уйти на волю, но только тогда, когда стала достаточно взрослой и сильной.

В 1964 году было отловлено еще пять белых носорогов. На этот раз их разыскали в чащобе с вертолета и с воздуха же указывали к ним дорогу вездеходам. Усыпляли их зарядами сернилана, которые выстреливали из специальных ружей. Затем им еще дополнительно давали

кислород. Через четыре часа действие снотворного прошло, и они были уже в состоянии вставать; тем не менее, несмотря на все предосторожности, две беременные самки не перенесли наркотика и погибли. К 1968 году в Мерчисонском парке обитало уже 18 белых носорогов. Сегодня мы можем с гордостью сказать: белый носорог, чуть было не исчезнувший с лица земли 50 лет назад, спасен энтузиастами охраны природы и снова широко расселился по Африке.

Глава семнадцатая

ВОТ ОНИ КАКИЕ, ЭТИ ГИЕНОВЫЕ СОБАКИ

Смерть — точно луна. Кто
видел ее спину?

Африканская поговорка

В течение многих десятилетий из одной книги в другую упорно кочуют небылицы про диких собак Африки, или, как их еще называют, гиеновых собак. Про них пишут, что они, как бешеные черти, рыскают по той или иной местности, загрызая всех, кто повстречается им на пути, уничтожая гораздо больше дичи, чем могут съесть. В результате местность полностью опустошается, стада копытных в панике разбегаются. Ни одна антилопа не может уйти от острых зубов гиеновых собак, так как охотятся они методом эстафеты: сперва жертву преследует одна собака, затем ее сменяет другая, за ней — следу-

ющая и так далее. Таким образом, жертве не дают передохнуть и доводят ее до полного изнеможения.

К этим рассказам прибавляются все новые. В одной из последних книг диким собакам приписывают, что они убили даже какого-то человека. Было это у подножия горы Меру, где один охотник якобы пошел погулять и не вернулся. Когда его пошли искать, то нашли пять убитых собак и пять пустых патронов, а от охотника остались одни клочки — сородичи застреленных собак разорвали его и сожрали. В некоторых национальных парках лесничие так наслышались о злодеяниях гиеновых собак, что нещадно уничтожали их в течение многих десятилетий. В результате такого планомерного отстрела в Крюгеровском парке антилопы импала так размножились, что оголили в округе все пастбища. Впрочем, борьба с гиеновыми собаками не представляет никакой трудности: они ведь не боятся людей и не убегают при их приближении.

Что касается меня, то я ни разу не слышал о каком-либо достоверном случае нападения гиеновых собак на человека.

Наблюдать за охотой диких собак весьма просто. В кратере Нгоронгоро и в Серенгети, где добычи для них достаточно, они охотятся не под покровом ночной темноты, а когда солнце находится над самым горизонтом — утром с 6 часов 30 минут до 8 и вечером между 18 и 20 часами. Кроме того, они нисколько не смущаются присутствием зрителей и позволяют тем наблюдать сколько им хочется. Этим дикие собаки выгодно отличаются от других хищников. Разумеется, иногда бывают и исключения.

Во время дневной жары они обычно отлеживаются в своих прохладных логовах под землей. Не думаю, чтобы они утруждали себя рытьем этих нор, скорее всего они выгоняют из них прежних хозяев, например трубкозубов и бородавочников, и затем располагаются там с полным

комфортом. Иногда же вся стая, разбившись на маленькие группы, нежится в тени одиночных деревьев. Когда кто-то из стаи проголодается или захочет поохотиться, он поднимается, подходит по очереди к остальным собратам и толчками побуждает их подняться и следовать за ним к пасущимся невдалеке газелям Томсона или Гранта. Если же всю стаю поднять не удастся, то отдельные энтузиасты покорно возвращаются на свои места: в одиночку никто из них не охотится.

Преследуя дичь, гиеновые собаки надеются в первую очередь на свое острое зрение. Обоняние же при этом почти не играет никакой роли. Собаки не обращают внимания на направление ветра и не прячутся за какими-либо прикрытиями, как это делают львы или леопарды. Стая обычно бежит размеренной рысцой мимо пасущегося стада, всем своим видом показывая, что держит путь совсем в другом направлении, и в то же время стараясь оказаться как можно ближе к намеченной жертве. Если та замечает маневры собак и пускается наутек, не подпустив их ближе 300 метров, они никогда не утруждают себя погоней, а намечают другую жертву. Если же стае удастся приблизиться на более короткое расстояние, одна или две-три собаки (это может быть матерая сука) моментально бросаются в погоню, развивая скорость до 55 километров в час. Так они могут нестись несколько километров, но затем сдают. Настигнутую жертву обычно хватают за ноги или за брюхо, а потом вся подоспевшая стая дружно набрасывается на нее и буквально молниеносно разрывает на куски. В погоне за жертвой собаки могут иногда пробежать до трех километров, но обычно охота длится не более трех — пяти минут. Из 28 охот, которые нам удалось наблюдать в кратере Нгоронгоро, 25 были успешными.

Каждый хищник обычно старается выбрать себе жертву помельче себя или в крайнем случае такого же размера, как и он, чтобы с нею легче было справиться. Только

тогда, когда голод становится совсем нестерпимым, хищник, рискуя жизнью, отваживается напасть на более сильного противника. Поэтому свыше двух третей жертв диких собак в кратере Нгоронгоро и в степях Серенгети составляют маленькие газели Томсона и только десятую часть — более крупные газели Гранта. У крупных антилоп нападению подвергается, как правило, только молодняк.

Однако в Южной Африке, где живности становится все меньше, замечено, что гиеновые собаки все чаще и чаще преследуют более крупную дичь. Впрочем, и сами собаки там крупнее и сильнее, чем в Восточной Африке.

Преследуемым животным собаки прямо на ходу распарывают брюхо. Разумеется, когда у еще живой антилопы вырывают внутренности, это зрелище отнюдь не эстетическое. Гиеновые собаки не в состоянии мгновенно умерщвлять свою добычу, как, например, львы и леопарды. Ведь у них нет ни крепких плечевых и шейных мускулов этих крупных кошек, ни их мощных лап с когтями, которыми они сразу же ломают позвоночник своей жертве, после чего та тут же испускает дух. Но зато гиеновые собаки всегда добывают себе пищу сами, а не подбирают остатки чужой трапезы, как это зачастую практикует... царь зверей — лев.

Как-то во время засухи в долине Луангвы (Замбия) на всю округу остался один-единственный бочажок с водой. Стая гиеновых собак из четырех самцов, трех самок и семнадцати подростков оккупировала его и резала по своему выбору молодняк антилоп и бородавочников, приходивших на водопой. Прогнать их не было никакой возможности. Когда смотритель парка Р. Г. Атвелл вылезал из своей машины и швырял в них камнями, они только отступали на несколько метров и издавали при этом недовольный, отрывистый лай. Лишь после того как он трех из них пристрелил и сбежавшаяся к ним стая увидела

своих истекающих кровью собратьев, собаки решили убраться. Не прошло и двух минут после их исчезновения, как прибежали 50 антилоп импала со своим молодняком и стали жадно пить воду.

Б. С. Райт, работая в западных районах Серенгети, выяснил, сколько дичи убивают гиеновые собаки. Оказалось, что на каждый килограмм живого веса собаки при-

ходится ежедневно 0,15 килограмма добычи. Львы же потребляют от 0,11 до 0,13 килограмма мяса на 1 килограмм своего живого веса. Наблюдаемая стая собак зарезала за год 281 животное, причем почти исключительно газелей Томсона. Две трети животных составляли взрослые самцы. Объясняется это, по всей вероятности, тем, что самцы обычно пасутся отдельно от стада, на «своем» индивидуальном участке.

Чем больше стая гиеновых собак, тем меньше жертв они убивают (в пересчете на одну особь). Стая из 21 собаки добывала по 1,8 килограмма мяса в день на каждого своего члена, а небольшая стая из шести собак — вдвое больше. Объясняется это, вероятно, тем, что у небольших стай добычу частенько отнимают гиены. Если бы гиеновые собаки жили в одиночку или попарно, им бы, по-видимому, вообще не выжить.

У антилопы, за которой гонятся эти пятнистые большеухие охотники, мало шансов уйти. Впрочем, у нее все же есть две возможности спастись: одна из них — броситься в воду (правда, в воде ее может схватить крокодил, но разве в такой момент думают об этом!). Собаки, как правило, не преследуют свою жертву в воде — они добегают до берега и останавливаются. Однако случается и так, как наблюдал Ж. Стефенсон в парке Микуми в Танзании: гиеновая собака бросилась вплавь за самцом импалы и преследовала его до другого берега. И только испугавшись греющихся там на солнце бегемотов, она сочла благоразумным убраться восвояси.

Одна из посетительниц национальных парков Кении наблюдала с балкона «Тритопис-отеля», как из леса на полном скаку вылетел взрослый водяной козел и с размаху кинулся в воду. Его преследовала стая из 12 гиеновых собак. Некоторые из них пробовали зайти в воду, но вскоре бросили эту затею. Козел, дрожа всем телом, продолжал еще некоторое время стоять по брюхо в воде, а затем потихоньку двинулся к берегу. Однако, увидев, что

часть собак еще находится поблизости, он быстро повернулся и снова забежал в воду. И только окончательно убедившись, что собаки ушли, самец рискнул вернуться в лес.

Нередко животные используют и другой способ спасения, который на первый взгляд кажется совершенно неправдоподобным, — они бегут, как это ни странно, к людям.

Лично я знаю больше десятка подобных случаев. Так, в резервате Хилонгори (Замбия) к домику лесничего прибежал молодой самец куду и рухнул у ног человека на землю. Он весь был в пене и еле переводил дух. Стая гиеновых собак окружила лесничего и улеглась в двадцати метрах от него, поджидая, когда он уйдет. И только когда человек стал швырять в них комьями земли, они нехотя, лая и визжа, убрались прочь. Куду полежал еще некоторое время, потом встал и побрел в другую сторону. Вскоре он скрылся в высоких зарослях.

В районе резервата Мбарара (Уганда) к лесничему Картуа Лоронгза, громко крича, прибежал самец лошадиной антилопы, преследуемый шестью гиеновыми собаками. Одна из них висела на хвосте животного, крепко вцепившись в него зубами. Когда лесничий застрелил эту собаку, в хвост несчастной жертвы мгновенно вцепилась другая. Лесничему пришлось застрелить еще четырех собак, и только тогда последняя из них убежала. Лошадиная антилопа, совершенно обессиленная, стояла еще некоторое время возле человека и, только отдышавшись, ушла. Она отделалась лишь легкими ранениями на крупе.

В национальном парке Киву водяной козел забежал в группу туристов. Однако хищники настигли его даже здесь и разорвали на глазах у испуганных людей. Подобная же участь постигла небольшую антилопу редунку (ридбок), тоже пытавшуюся спастись возле туристов. А взрослая лошадиная антилопа в Замбии убежала во

двор дома Р. А. Кричли и пробыла там пять дней, залечивая раны и восстанавливая душевное равновесие.

В один год гиеновые собаки близ Серонеры что-то особенно свирепствовали. Там орудовали одновременно три стаи: из десяти, восьми и шести собак. А по соседству бесчинствовала еще одна стая из 24 голов. Однажды семь собак расправились с антилопой Томсона чуть ли не под колесами моей машины. Другой раз я имел возможность от начала до конца проследить охоту стаи, состоящей из четырнадцати взрослых и девяти молодых собак.

Происходило это следующим образом: стая мирно отдыхала под деревом. Невдалеке, примерно в восьмистах метрах, паслось стадо гну, состоящее из 40 голов. Вдруг две крупные собаки, как по команде, встали и не спеша затрусили по направлению к стаду. Завидя это, поднялись на ноги и остальные и с интервалом в 200 метров последовали за первыми. Когда на дороге к ним попыталась присоединиться большая гиена, одна из собак бросилась к ней, укусила за ногу и отогнала прочь. Гиена упала на спину, закричала, но не оказала никакого сопротивления. Когда до стада оставалось не больше четырехсот метров, собаки внезапно рванулись с места и на полной скорости врезались в самую гущу антилоп. Застигнутые врасплох, гну бросились врассыпную, подняв тучу пыли, которая, словно занавесом, закрыла все происходящее. Когда пыль немного осела, мы увидели, что все стадо гну разбилось на небольшие группы, которые стояли кружками, рогами наружу. Время от времени кто-нибудь из гну делал угрожающие выпады в сторону стаи, которая прибыла теперь уже в полном составе. Собаки увертывались от рогов, заняв выжидательную позицию. И тут у какого-то теленка сдали нервы: он вырвался из круга и тут же был разорван на части. Остальные гну почти не обратили на это внимания.

Если во время охоты какая-либо из собак отстанет и потеряет свою стаю, она опускает морду к самой земле и издает протяжный глухой вой. Затем она поднимает голову и прислушивается. Обычно уже через пять минут появляется вся стая.

Исследователь гиеновых собак В. Кюме в течение долгих месяцев прожил в зарешеченном автомобиле, на котором днем и ночью разъезжал по Серенгети, чтобы беспрепятственно наблюдать за взаимоотношениями и поведением гиеновых собак. При этом выяснились довольно удивительные вещи, подтвержденные более поздними наблюдениями биологов Е. Эстеса и Дж. Годдарда, проведенными в Серенгети и Нгоронгоро.

В отличие от волков, кур, лошадей и других стадных животных у гиеновых собак нет в стае настоящих вожаков, нет вообще никакой субординации. Никто никого не запугивает, не старается подчинить себе. Наоборот, если одной из собак надо чего-то добиться от другой, например, выпросить кусок мяса, она приседает перед ней на задние лапы, прижимает уши, придавая себе этим униженный, подобострастный вид. Если собаки встречаются после расставания или даже после сна, то лижут друг другу морды и засовывают одна другой нос в угол рта. При этом они тоже приседают к земле, стараясь съежиться и показаться как можно меньше.

Таким же способом (попрошайничая) молодняку и больным, слабым особям удается получать свою долю из добычи. Более того, такими же действиями они заставляют своих сородичей отрыгнуть даже уже проглоченное мясо.

Ни один из видов животных невозможно изучить всесторонне в условиях неволи. Для этого их надо наблюдать в естественной среде. В то же время кое-что можно проследить только в условиях зоопарка.

Так, К. Е. Каде, директор зоопарка в Найроби, однажды получил взрослого самца гиеновой собаки и поместил

его в загон по соседству с молодняком собак. Спустя некоторое время в загон к взрослому самцу решили пустить одного из щенков. Встреча протекала весьма интересно. Взрослый самец, завидев молодого, бросился к нему с явно агрессивными намерениями. Однако тот прижался к земле, поднял голову и совершенно необычным образом жалобно заскулил. К. Е. Каде никогда прежде не приходилось слышать, чтобы эти собаки издавали подобные звуки. Такая специфическая форма поведения мгновенно охладила пыл разъяренного самца, он резко «затормозил» перед пришельцем, обнюхал его... и не тронул.

Та же картина повторялась каждый раз, когда к взрослому самцу запускали щенят. Самец укусил только одного щенка — тот не заметил его приближения и не продемонстрировал заблаговременно подобающей формы поведения. Однако, когда он замер на месте и, подняв голову, заскулил жалобным голосом, старый самец мгновенно успокоился и отошел от него, не причинив ему больше вреда. Отсюда, видимо, и «лояльное» отношение гиеновых собак к своим сородичам-калекам. Те, как правило, следуют за стаей на некотором расстоянии и добиваются до добычи позже всех, однако им милостиво разрешается взять свою долю. Мне лично известен только один-единственный случай, когда стая прикончила одного из своих членов — подранка.

Итак, запущенные в общий загон молодые гиеновые собаки и старый самец образовали общую стаю, состоящую из трех самцов и трех самок. Когда в феврале пришла пора спаривания, одна из самок спарилась со старым самцом, в то время как никто из ее братьев не обращал на нее никакого внимания. Парочка стала держаться отдельно от всех остальных. Бывает ли так и на воле? Отделяются ли брачующиеся пары от всей стаи? Это пока неизвестно.

Когда обнаружилось, что самка беременна, Каде отсадил ее в соседний загон. Однако она так волновалась, так

рвалась к своему супругу, что его пришлось пустить к ней. Так как боялись, что самец сожрет свое потомство, перед самой щенкой его снова отсадили от самки. По прошествии 72 дней беременности самка ощенилась. Спустя два дня после родов она схватила за шиворот одного из щенят и начала упорно таскать его взад и вперед вдоль загородки, за которой сидел самец. Стало ясно, что щенок долго не выдержит подобного обращения, и поэтому срочно надо принять какое-нибудь решение. Боясь соединить молодую мамашу со всей стаей, Каде решил попробовать пустить к ней одного лишь отца щенят. К всеобщему удивлению, самка тотчас притащила к нему щенка, положила перед ним на землю и принялась лизать. Самец с интересом обнюхал его, но затем отошел в сторону. Вечером можно было наблюдать великолепную семейную картину: самка со щенятами мирно лежала в своем утепленном ящике, а рядом, положив на его край голову, уютно расположился самец.

Впервые гиеновые собаки принесли в неволе потомство в 1930 году. В 1960 году Бронксовскому зоопарку в Нью-Йорке удалось вырастить четырех из шести родившихся там щенят. Здесь тоже вначале отделили самца от самки перед родами, но вынуждены были вернуть его в общий

загон, потому что самка слишком волновалась из-за разлуки с ним.

Как показали наблюдения на воле, любой член стаи может взять на себя самые разнообразные обязанности, вплоть до выкармливания щенят. Ведь отрыгнутым мясом кормят щенят все собаки из стаи, включая самцов.

В 1964 году Кюме вел в Серенгети наблюдения за группой гиеновых собак, состоящей из шести самцов и двух самок. У одной самки было 11 трехнедельных щенят, помет второй находился еще в логове. Вернувшись после удачной охоты, самцы каждый раз отрыгивали попрошайничавшим щенкам свежее мясо. Тем же способом они угощали самок и оставшихся охранять их сторожей. Перед тем как отправиться на новую охоту, собаки каждый раз устраивали нечто вроде ритуального танца. Они бегали вокруг друг друга с прижатыми ушами и вытянутыми вперед носами, падали в экстазе на землю и дрыгали в воздухе ногами. При этом они издавали крякающие и верещащие звуки. Подобные звуки они издают при любом возбуждении: при встрече, во время преследования и пожирания добычи. Когда же они чем-нибудь напуганы, они издают отрывистый и глухой лай.

В Серенгети доктор Ганс Круук наблюдал за десятью гиеновыми собаками, из которых четыре были очень тощими. Шесть хорошо упитанных собак спустились с холма, загнали газель Томсона, убили ее и сожрали. Затем они вернулись к четверем исхудалым сородичам, не принимавшим участия в охоте, и отрыгнули для них все проглоченное мясо.

Стая, которая на протяжении всего года держалась в кратере Нгоронгоро, состояла из пяти самцов и одной самки. Собаки систематически совершали вылазки за пределы кратера, но каждый раз снова возвращались к своему логову. Поскольку все они были мечеными (на ушах у них имелись специальные надрезы), отличить их

от других собак не составляло никакого труда. В конце февраля единственная в стае самка ощенилась девятью щенками. К сожалению, и среди щенят оказалась только одна самочка. По неизвестным причинам кормящая самка вскоре умерла у себя в норе. Биолог Дж. Годдард наблюдал, как один из самцов вытаскивал зубами из норы ее труп, окруженный возмущенными щенятами, все еще пытавшимися добиться от нее молока. Стая, в которой теперь из взрослых собак оставались одни самцы, все же сумела вырастить осиротевших щенят, регулярно отрыгивая для них мясо. Отправляясь на охоту, взрослые самцы непременно оставляли кого-нибудь одного сторожить малышей. Как только охотники возвращались, затаившиеся до того времени в норе щенки выбегали им навстречу и тыкались носами в уголок рта каждого самца. И те моментально отрыгивали причитающуюся им порцию. Вскоре подросшие щенята начали уже увязываться за взрослыми на охоту. Однако далеко не все смогли выдержать тяготы «походной жизни», и к концу года из девяти щенят осталось только четыре. К сожалению, погибла и единственная самочка. Иногда молодняку приходилось плестись за стаяй по три километра, и, когда они добивались до добычи, им уже мало что перепало. Время от времени кто-нибудь из взрослых самцов, сжалившись, отрыгивал для них немного мяса, но это случалось все реже и реже.

При желании (если таковое вообще у кого-либо может появиться) с гиеновыми собаками можно и подружиться. Сами же они не ищут общения с человеком, но и не убегают от него. Те, кто пытался ближе познакомиться с гиеновыми собаками, достигали довольно больших успехов. Так, Р. А. Кричли наткнулся как-то на семейство гиеновых собак, мирно греющихся на солнце перед своим логовом. Восемь щенят весело резвились и дрались между собой, а самка с удовольствием принялась уплетать кусок мяса, брошенный ей из машины. Самец же, растянув-

шись на земле в 25 метрах от норы, даже не шевельнулся. В дальнейшем, как только самка замечала приближающийся вездеход Кричли, она уже заранее начинала вилять хвостом. Однако, если подачка падала далеко от норы, собака разыскивала ее с трудом, из чего можно заключить, что у этих животных не очень хорошо развито обоняние.

Знаменитая охотница фермерша Маргарита Траппе, хозяйничавшая до Первой мировой войны на фермах «Нгонгонгаре» и «Момелла» у подножия горы Меру, однажды, охотясь со своей сворой охотничьих собак, случайно наткнулась на большую стаю гиеновых собак. Встреча протекала весьма дружелюбно: домашние и дикие собаки, смешавшись в общую стаю, с любопытством обнюхивали друг друга, виляли хвостами и не проявляли ни малейшего желания подраться. После всяческих взаимных приветствий своры снова разделились, и каждая пошла своей дорогой.

Маргарита Траппе после этого случая решила взять на воспитание щенят гиеновой собаки. По ее указанию была раскопана нора глубиной в два с половиной метра. Из девяти взятых щенков пятеро погибли на другой же день. Из оставшихся четырех двух подарили полицейскому офицеру, жившему в Аруше. В его доме гиеновые собаки выросли совершенно ручными и свободно разгуливали по городу. Однако из-за того, что они частенько крали кур, а иногда хватали за ноги прохожих, их пришлось посадить на цепь. Что же касается двух щенят, оставшихся у госпожи Траппе, то они чинно расхаживали на поводке рядом с нею и ее детьми.

По некоторым наблюдениям, эти животные обладают, как и лисицы, недюжинной хитростью.

Знаменитый британский охотник и путешественник Ф. К. Селу (1851—1917) сообщал о таком случае: свора охотничьих собак напала на гиеновую собаку и так ее отделала, что она осталась лежать на дороге без призна-

ков жизни. Но когда Селу подошел, чтобы снять с мертвого животного шкуру для изготовления чучела, «мертвая» собака проворно вскочила и убежала. Оказывается, она только притворялась мертвой.

Насколько мало внимания гиеновые собаки обращают на людей, можно проиллюстрировать на происшествии, случившемся в Микуми-парке в Танзании. В 7 часов утра, когда возле административного корпуса собирается весь обслуживающий персонал для распределения заданий, в лагерь ворвалась стая из 35 гиеновых собак, которые с визгом и воем начали носиться между машинами и постройками, не обращая ни малейшего внимания на присутствие людей. Между собаками шла какая-то дикая драка — одни догоняли, другие удирали, и все это сопровождалось страшным разноголосым визгом и лаем. Вся эта сумятица длилась не больше трех минут, потом часть собак убежала в одну сторону, а часть — в другую. «Хотя я сам этого не видел, но мне рассказывали мои люди, что две стаи собак подрались из-за антилопы импала, за которой охотились и те и другие», — сообщает лесничий Стефенсон.

И все же известны случаи, когда гиеновые собаки неожиданно проявляли к людям повышенный интерес, и даже более того — пускались вслед за ними в рискованные предприятия. Так, однажды группа из пяти гиеновых собак увязалась за альпинистами, совершавшими восхождение на вершину Килиманджаро. Вот как впоследствии описывали альпинисты этот странный случай:

«Когда мы приступили к последнему наиболее трудному этапу нашего восхождения, то, к своему удивлению, увидели ту же группу гиеновых собак, следовавших за нами по кромке ледника. Они без труда обогнали нас и сидели в ожидании, когда мы наконец вскарабкаемся наверх. Нам это показалось даже в какой-то степени оскорбительным. Судя по их следам, они несколько раз пересекали наш путь и побывали даже в самом кратере. Надо

сказать, что в это время снежный покров кратера и на склонах вершины Килиманджаро наиболее мощный, так что менее подходящего места для пребывания гиеновых собак даже трудно придумать. Достигнув вершины (5895 метров над уровнем моря), мы принялись откапывать книгу для записей альпинистов. Она вмерзла в лед, и достать ее оказалось делом нелегким. А гиеновые собаки, добравшись до той же высоты, всего в нескольких сотнях метров от нас, словно подчеркивали всем своим видом, что это восхождение, которое у нас вымотало все силы, для них совершеннейший пустяк. С неослабным интересом следили они за каждым нашим движением, и только когда мы пустились в обратный путь, собаки внезапно исчезли за кромкой ледника. Однако появление их не было наваждением: собак несколько раз удалось сфотографировать на снегу вершины Килиманджаро»¹.

Взрослые гну, а тем более зебры нисколько не боятся гиеновых собак и при их приближении сами грозно направляются им навстречу.

А когда гиеновые собаки пристают к бегемоту или слону, это надо рассматривать скорее как забаву. Так, зарегистрирован случай, когда в Катве на берегу озера Эдуард стая гиеновых собак окружила бегемота и не пускала его в воду. Отдельные собаки подпрыгивали, стараясь укусить его за грудь и ноги. Лишь заметив, что за ними наблюдают, они оставили в покое толстокожего великана. Однако они тут же полукругом расположились возле двух слонов и настолько вывели их из равновесия, что лесные властелины, подняв хоботы, затрубили и начали трусливо задом отступать.

По-разному складываются отношения у гиеновых собак с гиенами. В Венском зоопарке гиеновая собака так цапнула сквозь решетку свою соседку-гиену за ногу, что

¹ «Дас Тир». 1962. № 12.

откушенная часть повисла на одной коже. Гиену пришлось пристрелить.

В Микуми-парке пятнистая гиена, за которой гнались восемь гиеновых собак, прибежала к дому лесничего и забила под кузов его машины, стоящей у самых ворот. Собаки окружили машину, но, увидев поблизости людей, сочли благоразумным скрыться.

Но зато, когда четыре гиеновые собаки схватили молодую гиену, прибежали 11 ее сородичей и отбили ее у собак.

В кратере Нгоронгоро, где обитают сотни пятнистых гиен, гиеновые собаки вынуждены собираться для охоты в большие стаи, иначе гиены постоянно будут отнимать у них добычу.

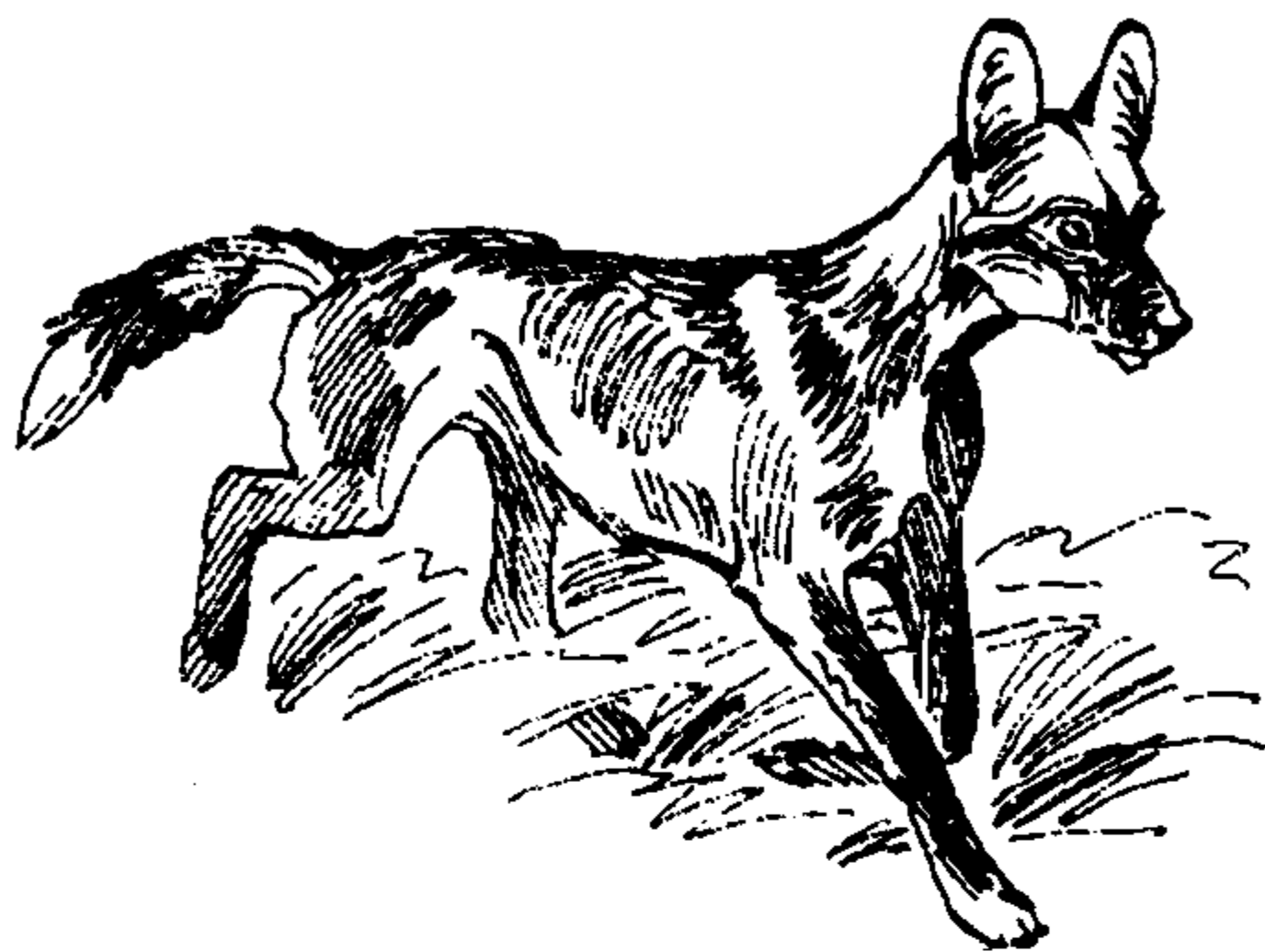
Когда «авангард» собачьей стаи добывает какую-нибудь жертву, зачастую случается, что подоспевшие гиены отгоняют собак (если те оказываются в меньшинстве) от их добычи. Но как только подтягивается остальная часть собачьей стаи, им вновь удается завладеть своей законной собственностью.

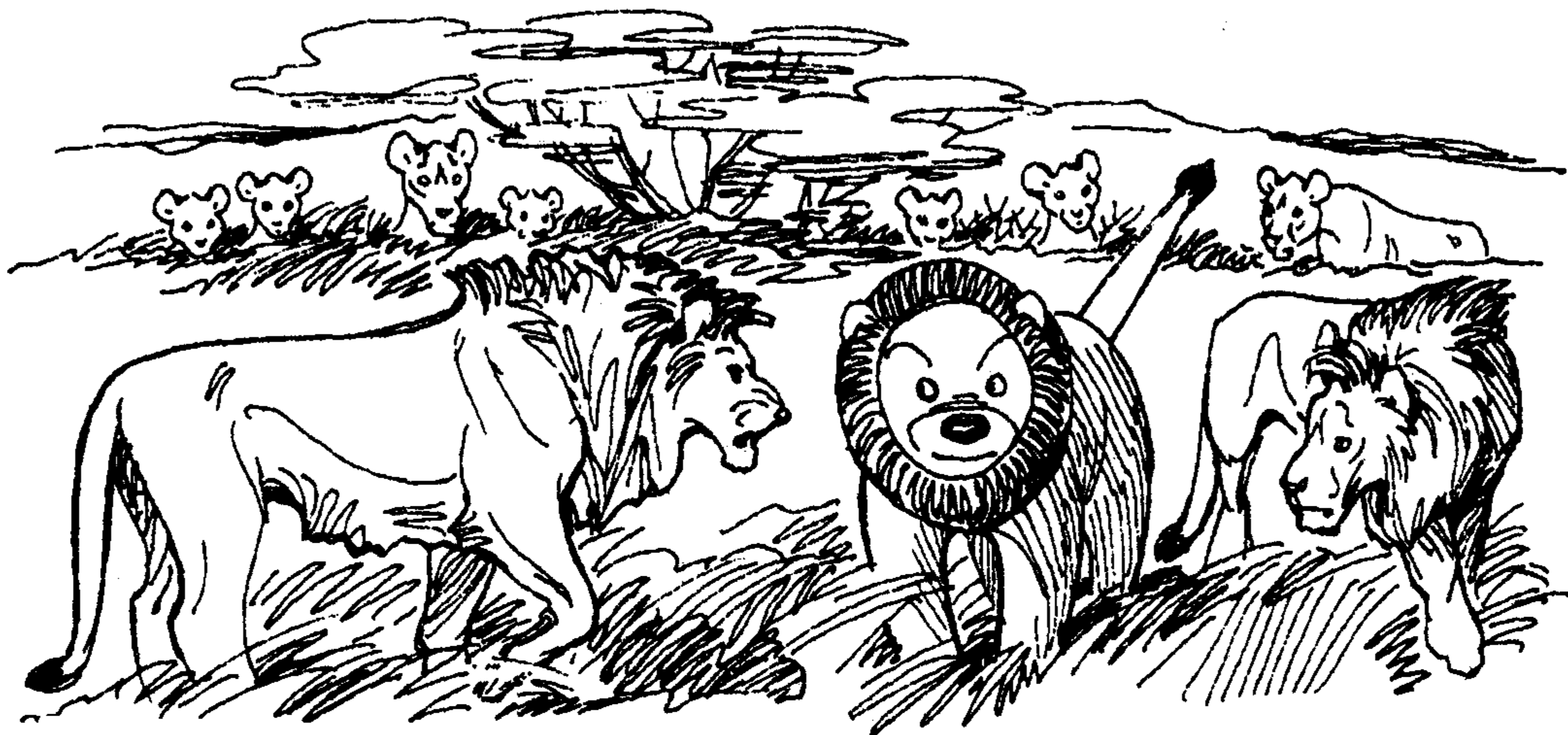
Гиены способны часами терпеливо сидеть невдалеке от отдыхающих собак, выжидая, пока те снова соберутся на охоту. Иногда они даже рискуют пробежать между спящими собаками и обнюхать их, а иногда проглотить валяющийся на земле помет.

Кюме однажды видел, как такая нетерпеливая гиена подталкивала мордой отдыхающую собаку и при этом «приветливо» повизгивала. Если гиены становятся слишком навязчивыми, собаки могут на них и наброситься. Но обычно гиена не принимает боя: она либо тут же садится, щелкая зубами и огрызаясь через плечо, либо валится на спину и сдаётся. Удивительно, что гиены никогда не стараются спрятаться в свою нору, а охотнее скрываются в густом прибрежном кустарнике, где собаки их никогда не преследуют. Впрочем, никому еще ни разу не приходилось наблюдать, чтобы гиеновые собаки убили или хотя

бы поранили гиену. Наоборот, как мы уже видели, гиены зачастую отгоняют собак от их законной добычи, когда те в меньшинстве. Они боятся собак только в тех случаях, когда их много. Поэтому наиважнейшее условие, необходимое гиеновым собакам в борьбе за существование, — объединяться в большие стаи и держаться всем вместе: один — за всех и все — за одного.

Ареал гиеновых собак за последние тысячелетия сильно сократился. Их изображения можно найти еще на фресках Древнего Египта (3000 лет до нашей эры). Следовательно, в те времена они еще обитали в Северном Египте, тогда как теперь северная граница их распространения находится в Судане. Вместе с ними из Северного и Среднего Египта исчезли и другие животные, характерные прежде для этих мест, — слоны, буйволы, жирафы и носороги.

Глава восемнадцатая
НАДУВНОЙ БРАТ МОЙ

Только тот, кто не знает льва,
может ловить его за хвост.

Африканская поговорка

Да, вот там сидят львы. Я не могу точно определить, сколько их, потому что из травы выглядывают одни только круглые уши. Я лезу на крышу нашего микроавтобуса и стаскиваю оттуда своего надувного пластикового льва. Вот так. Теперь остается только поставить его на все четыре ноги в траву и отъехать. Очень комичный у него вид, он похож на детскую игрушку, только огромную.

Потом я отъезжаю на 20 метров и выключаю мотор. Солнце освещает зеленые просторы кратера Нгоронгоро, где все это происходит. В некотором отдалении, примерно в 150 метрах, стоят несколько дюжин гну и зебр и с интересом наблюдают за мной и за львами. Три венце-

носных журавля плавно спускаются с неба и приземляются между мною и спрятанным в траве львом. Их ярко-желтые венчики из перьев раскачиваются над зеленью, словно лучистые цветы на стройных стеблях. Что-то склевывая, они неторопливо шагают в высокой траве. Утреннее солнце уже начинает припекать, и на десятки километров вокруг не видно ни живой души.

Вот теперь нужны только время и терпение — то, что требуется всегда, когда хочешь чего-нибудь добиться от животных.

Львы не обращают ни малейшего внимания на мой вездеход. Такая машина здесь что-то вроде маленькой крепости, где в любой момент можно спастись от разъяренного животного. Пешком тут ходить небезопасно. Вот, например, 14 дней назад одного моего знакомого, который вздумал пройтись по окрестностям, догнала слониха и пропорола насквозь своим бивнем. Но чтобы кто-нибудь погиб, сидя в машине, этого я еще никогда не слышал; даже в тех случаях, когда на машину нападали носорог или слон, инцидент обычно кончался лишь несколькими вмятинами или пробоинами в кузове.

С одной моей знакомой супружеской парой произошел такой случай. Они разбили на ночь свою палатку точно в том месте, где сейчас стоит моя машина. Ночью они услышали, что кто-то гремит кастрюлями. Оказалось, что это львы заинтересовались остатками их обеда. А один лев, понахальнее, даже просунул морду к ним в палатку! Перепуганные супруги подожгли палатку, чтобы прогнать незваных гостей, а сами в два прыжка добрались до своей машины, где почувствовали себя снова в безопасности.

Львы здесь, в национальном парке, становятся все беззастенчивее и озорнее. Но я не думаю, чтобы они всерьез могли напасть на человека и разорвать его на части.

Нам, исследователям животных, далеко не просто выяснить, что происходит в такой «звериной башке». Мы в том же положении, что и детские психологи, которым

очень хочется узнать, способен ли не рожденный еще ребенок, находящийся в материнской утробе, о чем-нибудь думать? Или что думает маленький человек, который еще не умеет говорить? Ведь никто из нас не способен припомнить свои ощущения и восприятия до трехлетнего возраста. Поэтому детским психологам, так же как и нам, приходится идти окольными путями.

Так, например, психолог Р. А. Шпиц неоднократно проделывал следующий опыт: грубо изготовленную в человеческий рост куклу с примитивно раскрашенным лицом, которую взрослый человек принял бы за огородное пугало или за отвратительное привидение, он наклонял над детской кроваткой, и... младенец улыбался этому страшилищу. Точно так же маленькие и неопытные утята или рыбки кидаются вслед за весьма примитивным изображением своих родителей, которых они до этого еще ни разу не видели.

Человек — единственное существо на свете, способное рисовать настоящие картины. Человекообразные обезьяны, хотя и рисуют кисточкой и краской, но они не в состоянии создать подлинные изображения самих себя или окружающих предметов. Мы часто и воображаем, будто бы человек — единственное создание, способное узнать на картине самого себя и другие предметы. Однако люди, находящиеся еще на низкой ступени развития, которые встречаются среди отдельных индейских племен Южной Америки или пигмеев из Африки, поначалу не могли узнать себя или своих знакомых на фотоснимках.

И в то же время вы неожиданно сталкиваетесь с совершенно ошеломляющим поведением животных. Сколько писем мне присылают на эту тему! Так, некто Е. Хеллер принес к себе домой написанный маслом портрет своего друга и поставил его на комод. Как только его собака увидела портрет, она как ужаленная соскочила с кресла, на котором лежала, и опрометью бросилась под стул, откуда стала яростно лаять на картину. Она оскалила зубы, и шерсть на ней поднялась дыбом.

Собака Асси, принадлежащая одной даме из Гёттингена, подсаживается к ней, когда та читает иллюстрированный журнал о собаках, обнюхивает каждую сфотографированную собаку с головы и с хвоста, а крупное изображение боксера расцарапывает когтями. Когда на экране телевизора собака проваливается в яму и скулит, Аси подвывает ей в ответ и заходит за телевизор в поисках терпящего бедствие товарища.

Зеленые попугайчики все время старались держаться поблизости от двух вышитых на портьере попугаев и даже легонько покусывали их.

Самец черного дрозда непрерывно пытался затеять драку со своим собственным отражением в начищенном до блеска колпаке автомобильного колеса. Он ударял по нему клювом от 40 до 50 раз в минуту; а за день целых 16 тысяч раз. И все это продолжалось 24 дня подряд!

Зоолог Эйбль-Эйбесфельдт, плавая с аквалангом среди морских коралловых рифов, дразнил рыб их собственным отражением в зеркале.

А в одном из предместий в Дачице (Чехословакия) откуда ни возьмись с неба спикировал аист и в бешенстве набросился на железного аиста, украшающего фонтан в садике перед домом. Он так яростно «дрался» со своим мнимым противником, что в результате поранился о его железный клюв и в конце концов, совершенно измученный, рухнул на землю.

Но это редкие случаи. Обычно же животные абсолютно не интересуются картинами, скульптурами или отображениями в зеркалах.

Ну, а мы? Разве у нас не бывает так? Часто ли мы бросаем взгляд на картину, висящую у нас в комнате на стене? Поэтому домашние животные, живущие вместе с нами среди картин, газет и телевизоров, не самые подходящие объекты для подобных экспериментов, и не их восприятие окружающей действительности нам следует выяснять.

Но мы отвлеклись от наших львов, а они как раз заметили мой надувной манекен, и теперь — внимание! Крупный самец встает и напрямик направляется к незнакомцу. Второй следует за ним в нескольких шагах. У обоих роскошные гривы, и выглядят они весьма импозантно. Приближаясь, они не спускают с надувного льва пристального взгляда. Теперь видны уже головы и остальных львов. Любопытство взяло верх, и они все, как по команде, вытянули шеи. Их, оказывается, там много: две львицы и семь молодых львов, из них три совсем маленьких.

Зебры, стоявшие в некотором отдалении от нас и уже начавшие было пастись, вновь поднимают головы и с интересом наблюдают, словно зрители в театре.

Не дойдя примерно тридцать метров до надувного льва, самцы остановились и неподвижно уставились в его нарисованные глаза. Разгуливающий на свободе, а не в зоопарке лев, обрамленный своей царственной гривой, выглядит необыкновенно величественно, словно Зевс. Оба льва не перестают сверлить незнакомца глазами. Мне кажется, что это длится целую вечность, но, взглянув на часы, обнаруживаю, что прошло всего четыре с половиной минуты. Потом сначала один, а за ним другой, не спуская глаз с моего манекена, ложатся на землю.

В этом, между прочим, и состоит основное времяпрепровождение львов: они лежат, созерцают, лениво наблюдают за окружающим... Видимо, они решили выждать, пока пришелец что-нибудь предпримет сам, и узнать, что именно. Но пластиковый баллон не шевелится.

Через шесть минут оба желтых гривастых «вельможи» поднимаются и приближаются к чужаку еще на несколько шагов. Потом они снова опускаются на траву. Их ясные зоркие глаза по-прежнему неотступно следят за незнакомцем.

У львов такое пристальное разглядывание — характерный метод устрашения. Мне не раз приходилось наблюдать подобные взгляды у матерых самцов из двух разных стай. Они меряют друг друга глазами, стараются принять

устрашающий вид и медленно, очень медленно приближаются друг к другу. Такая «дуэль взглядов» кончается обычно тем, что у одного из противников сдают нервы и он поворачивается и уходит.

Но мой надувной лев этого не делает. Он остается на месте и не отводит своих нарисованных глаз. Значит, храбрый. Интересно, видят ли они в нем соперника, незнакомого льва из чужой стаи или просто какой-то необычный, непонятный предмет.

Вот турачей¹ мой лев несколько не интересуется: они ведь не числятся в львином меню. Поэтому птицы беспечно продолжают токовать всего в каких-нибудь 30 метрах от грозных хищников.

Наконец оба «гривача» встают, осторожно обходят новичка кругом и, подкравшись сзади, обнюхивают его хвост, однако не дотрагиваются до него. Их жены и дети продолжают держаться на почтительном расстоянии. Но внезапный резкий порыв ветра сваливает нашу пластиковую игрушку набок. Оба живых льва немножко испугались и на всякий случай отходят метров на 20 в сторону; однако они по-прежнему не спускают глаз со странного и подозрительного незнакомца. Тогда я подъезжаю и ставлю машину между надувным и живыми львами так, чтобы они не видели, как я вылезая из машины. Я поднимаю свой манекен и придавливаю ему гаечными ключами ноги к земле, чтобы следующий порыв ветра опять его не свалил. Но в тот же момент обе львицы и несколько львят встали с места и рысцой направились ко мне. Скорее в машину! Дверь захлопывается, и я отъезжаю в сторону, чтобы оттуда наблюдать, как будут разворачиваться события.

Львиц интересовал, разумеется, не я, а незнакомый лев. Одна из них, помоложе, в несколько скачков оказа-

¹ Тур а ч — небольшая птица размером с куропатку из семейства фазановых.

лась возле него. Но не тут-то было: оба самца сорвались с места и яростно отогнали ее прочь. Они так обозлились, что преследовали «грешницу» еще метров полтора-ста. Значит, они действительно усмотрели в этой штуковине соперника.

Тем временем подтянулась вторая, более старая львица со всем «детским садом». Теперь пластиковый прищелец подвергается тщательному изучению. Его обнюхивают со всех сторон, потом львица осторожно хватается зубами его за хвост и тянет на себя. Искусственный лев снова падает. Молодые львы осторожно толкают его лапами, а один хватается его за ухо и волочит по траве. Оба взрослых самца держатся в некотором отдалении. В конце концов одна из львиных «дам» выпускает когти и теревит лапой злополучную игрушку. Как я потом устанавливаю, она прокалывает в ней четыре маленькие дырочки. Вырывающийся из них воздух пахнет не очень-то приятно: ведь мы накачивали туда выхлопной газ из машины. По мере того как соперник «испускает дух», львы теряют к нему интерес, и через 12 минут все семейство уже уходит. Рвать дальше пластик они не стали.

После обеда мы отгоняем несколько гиен от их добычи — остатков убитой зебры. Я отрезаю от нее хороший кусок мяса, заворачиваю его в бумагу и прячу в машину. Затем мы снова отправляемся на поиски львов.

На этот раз я обнаруживаю отдыхающую в одиночестве львицу. Я подъезжаю с подветренной стороны и кладу мясо так, чтобы запах его неминуемо донесся до ее носа, а надувного льва устанавливаю мордой к куску. О, как осторожно и с каким вождением она подкрадывалась к счастливому обладателю своей добычи! Но посягнуть на чужое добро или присоединиться к трапезе незнакомого льва она решается не сразу. Львица подползает почти на животе, затем выжидает, опять подползает, опять ждет и наконец с величайшей осторожностью захватывает зубами кусок мяса и тянет к себе. В тот же миг появляются два

самца, присутствия которых я даже не заметил. Оказывается, они наблюдали за всем происходящим. Самцы рысцой подбегают к львице и тоже присоединяются к пиршеству.

Итак, львы явно приняли мое надувное чучело за живого льва, потому что обращались с ним точно так же, как с живым сородичем. Может быть, зрительно он отдаленно и напоминал этих огромных хищных кошек, но что касается характерного «львиного» запаха, то его-то уж наверняка у пластикового льва не было и в помине. Правда, львы больше полагаются на зрение, чем на обоняние, однако они чуют запахи, безусловно, лучше, чем человек или человекообразная обезьяна.

А вот как поведут себя дикие животные, которые плохо видят, но зато прекрасно улавливают запахи?

Этот вопрос я уже 25 лет назад задавал домашним лошадям. Тогда мне, между прочим, удалось (правда, 2300 лет спустя) подтвердить мнение Александра Македонского об одной картине. Однажды в Эфесе он позировал на лошади для картины, которую писал с него знаменитый художник Апеллес. Но когда художник закончил работу, Александр остался недоволен тем, как был изображен его любимый конь Буцефал. Чтобы указать Апеллесу на его ошибки, он велел привести коня и поставить рядом с портретом. Как только Буцефал увидел свое изображение, он громко заржал. А Апеллес, улыбнувшись, сказал: «Твоя лошадь, о мой повелитель, кажется, больше понимает в искусстве, чем ты!»

И вот теперь мне удалось выяснить, что художник был не прав. Разумеется, я не мог непосредственно расспросить своих четвероногих «пациентов», так, как психологи своих двуногих, о том, как они относятся к той или иной картине. Я должен был заключить это из их поведения.

В мою бытность ветеринарным врачом мне удалось выяснить, как ведут себя лошади по отношению к другим незнакомым особям своего вида. Я проделал следующий опыт. По моему распоряжению в помещение попарно вво-

дили 36 лошадей, не знавших друг друга. Выяснилось, что две незнакомые лошади идут друг другу навстречу, высоко подняв голову и насторожив уши, затем взаимно обнюхивают сначала ноздри, потом возле хвоста и другие части тела. Если обе они одновременно попали в новую обстановку, то после состоявшегося знакомства стараются держаться вместе.

После того как мне удалось это выяснить, я подверг более 100 лошадей новому эксперименту. Я подводил их по очереди к искусно изготовленному чучелу лошади, а затем показывал им различные картины, на которых были изображены лошади в натуральную величину. С чучелом лошади обращались точно так же, как со всяким живым сородичем: его приветствовали и становились рядом с ним. Когда я отгонял кнутом какую-нибудь из подопытных лошадей от кормушки, она охотно вымещала зло на безответном чучеле — галопом подбегала к нему, кусала и брыкала его, а иногда даже опрокидывала набок. Аналогично поступают и многие люди; когда их ругает начальство, они срывают свое дурное настроение на подчиненных или на своих домашних.

Лошади обнюхивали ноздри и хвост даже у примитивно нарисованного на оберточной бумаге сородича, а жеребцы пытались покрыть нарисованную кобылу, и их с трудом удавалось отогнать от нее. Нередко принимали за живых лошадей и их совершенно схематические изображения с ногами, напоминающими колонны. Художник Апеллес устыдился бы, увидев, какие примитивные рисунки (достойные разве кисти современных модернистов) принимались лошадьми за своих сородичей со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Результаты этих опытов были тем более неожиданны, что у лошадей ведь обоняние развито лучше, чем у нас: у них огромные ноздри с большой поверхностью слизистой. В отношении же зрения им до нас далеко, это мне тоже удалось выяснить опытным путем.

А вот что скажут слоны (у которых обоняние гораздо тоньше лошадиного, а зрение куда хуже) по поводу такого надувного искусственного «брата»?

Несколько недель назад я стал счастливым обладателем огромного надувного слона. Почти два года я бился над тем, чтобы уговорить какую-нибудь фирму, выпускающую резиновые изделия, изготовить для меня по специальному заказу надувных животных в натуральную величину. Но никто не соглашался. Недостатка в заказчиках такие фирмы не испытывали, товар их идет, и зарабатывают они хорошо. Кому хочется возиться с изготовлением таких необычных и огромных игрушек? Но я звонил и телеграфировал, куда только мог, и наконец на мой призыв откликнулась одна нюрнбергская фабрика резиновых и пластиковых изделий. И вот гигантская игрушка, сложенная в небольшой аккуратный сверток, словно джинн в бутылке, лежит в картонке на заднем сиденье моей машины.

Я еду к Яну Дугласу Гамильтону. Это молодой английский зоолог, который вот уже два года проводит исследования в самых отдаленных участках национального парка озера Маньяра в Танзании. Гамильтон изучает жизнь слонов. Он как-то рассказал мне, что статья натуралистом побудила его одна из моих книг, прочитанная им в ранней молодости. Это меня одновременно и обрадовало и опечалило: опечалило потому, что лишний раз напомнило, какой я уже старый, а обрадовало приятным сознанием, что мои проповеди, оказывается, ведутся не впустую: у меня есть уже последователи.

Яну не везет: с ним вечно случаются какие-нибудь неприятности. Два года назад его опрокинул и стал топтать носорог. И случилось это, как назло, в тот день, когда к нему приехала погостить его мать. Вся эта сцена произошла на ее глазах. Носорог убежал, но Ян уже убежать не мог: опираясь на одного из смотрителей парка и на мать, ему едва удалось дотащить до своего домика, а оттуда его отправили в Арушу. В больнице выяснилось, что у него сломан позвонок.

А в прошлом году, купаясь под водопадом позади своего затерявшегося в глуши домика, он подцепил бильгарциоз и вынужден был пройти четырехмесячный курс лечения в Англии, чтобы избавиться от этого неприятного заболевания.

И в довершение всего недавно на него напала слониха, которая в нескольких местах пропорола бивнями его новенький «лендровер», затем смяла его в гармошку и задвинула на десять метров в кусты.

И тем не менее даже после этого случая Ян Гамильтон не испытывает никакого страха перед слонами. Он в восторге от моей затеи. Искусственного слона он напяливает себе прямо на плечи, то есть просовывает голову между его передними ногами, и несет на себе это огромное, но легкое, как перышко, сооружение. Этот белый необычный слон несколько неуверенно, цепляясь за ветки, пробирается сквозь кустарник туда, где виднеется пасущееся стадо слонов.

Слоны явно заинтересовались новичком. Они оттопыривают уши, фыркают, поднимают хвосты и нерешительно подходят ближе... но потом один за другим поворачиваются и неслышно исчезают в зеленой чаще.

Я старательно снимаю все происходящее на кинопленку, причем с таким расчетом, чтобы в кадре были постоянно оба слона: надувной и настоящий. При этом я так увлекся, что не заметил, как за моей спиной вынырнул из кустов здоровенный слон. При подобных обстоятельствах всегда с удивлением обнаруживаешь, какой ты, оказывается, великолепный бегун!

Пять раз подряд мы подъезжали к различным группам слонов. И каждый раз случалось одно и то же: животные интересовались пришельцем, подходили ближе, начинали даже угрожать «нахальному чужаку», но потом что-то заставляло их усомниться во всем этом деле, и они убежали. То ли слоны хитрее, то ли мудрее других животных, во всяком случае, обмануть этих гигантов нам так

и не удалось. А может быть, причина была в том, что наш надувной слон оказался значительно светлее, чем его живые собратья из плоти и крови?

Решено. Мы разыскиваем одну из больших грязных луж, где любят валяться кафрские буйволы и носороги. Ее окаймляет вязкое, липкое, густо-черное месиво, которое издает не очень-то приятный запах. Но что делать? Мы присаживаемся на корточки на краю лужи и опрокидываем в нее своего белого красавца, старательно размазывая грязь по всему его телу от кончика хобота до кончика хвоста.

При этом моя правая нога соскальзывает, и я погружаюсь по самую голень в липкую грязь. Стоило бы, пожалуй, окунуть туда же и левую ногу, потому что мой правый ботинок теперь значительно темнее левого.

Вечером незадолго до наступления сумерек мы едем в довольно отдаленную часть парка, которая редко посещается туристами и куда иногда заходят стада слонов, обитающие вне границ национального парка. Они далеко не так доверчивы, как привыкшие к посетителям «постоянные жители» парка.

Ян Гамильтон везет нас на своем новеньком вездеходике, который он приобрел взамен изуродованного слонихой. Машина эта состоит из закрытой кабины водителя и открытого кузова. Мы с Яном сидим в кабине, а сзади, в кузове, сидит мой внук Стефан, сын моего погибшего сына Михаэля. Ему 11 лет, и он первый раз в жизни в Африке (я решил его взять с собой именно в этом году, потому что на следующий год ему уже придется покупать билет на самолет за полную стоимость). Рядом с ним сидит Алан Рут.

Уже начинает смеркаться, когда мы на открытой равнине обнаруживаем стадо из 26 слонов. Я несколько удивлен, что Ян сразу же начинает осторожно разворачивать машину, хотя на узкой дороге, проходящей меж кустами и скалами, это дело нелегкое.

Как только стадо нас заметило, оно приходит в движение — в противоположную от нас сторону. Только три

слона пошли нам навстречу. Так слоны поступают часто: «разведчики» идут осведомиться, с кем они имеют дело.

На этот раз они, по-видимому, рассержены нашим появлением. Слоны оттопыривают уши и поднимают кверху хоботы, чтобы нас получше «учуять». Внезапно одна из слоних срывается с места и бежит прямо к нам.

Ян включает мотор. Осторожность — дело не лишнее. Правда, мы знаем, что обычно слоны в таких случаях останавливаются, не добежав десяти или двадцати метров, после чего через некоторое время уходят обратно.

Но не эта слониха. У нее намерения самые серьезные. Она несется прямо на нас, и, когда наш вездеход начинает отъезжать, ее это не удовлетворяет. Она хочет не только нас прогнать, но и во что бы то ни стало настигнуть.

Ян едет с такой скоростью, чтобы расстояние между нами и слонихой оставалось неизменным. Спидометр показывает 25 километров в час.

Атакующий слон выглядит довольно страшно, а Стефан мой сидит всего в каких-нибудь десяти метрах от него в открытом кузове. И я вполне разделяю его чувства, когда он стучит нам в окошко и заявляет, что предпочел бы пересесть в кабину. Но останавливаться сейчас никак нельзя. Взбешенная слониха преследует нас еще метров сто, но потом отстает. А мы прибавляем газу и скоро теряем ее из виду.

На Стефана это приключение произвело неизгладимое впечатление, и он еще долго всем его описывал.

На следующий день мы снова отправляемся на розыски небольших групп слонов и слонов-одиночек. Облепленный грязью и ставший, на наш взгляд, более естественным, надувной слон снова едет на плечах Гамильтона.

Манекен очень заинтересовал двух крупных самцов. Они, по-видимому, даже готовы учинить с ним драку, потому что подходят все ближе, принимая явно угрожающие позы. Но в последний момент мужество их покидает, и они постыдно пускаются наутек, с шумным

всплеском перебегая вброд речку, которая здесь впадает в озеро Маньяра.

Ни одного слона нам не удастся заставить хотя бы хоботом дотронуться до нашей подделки.

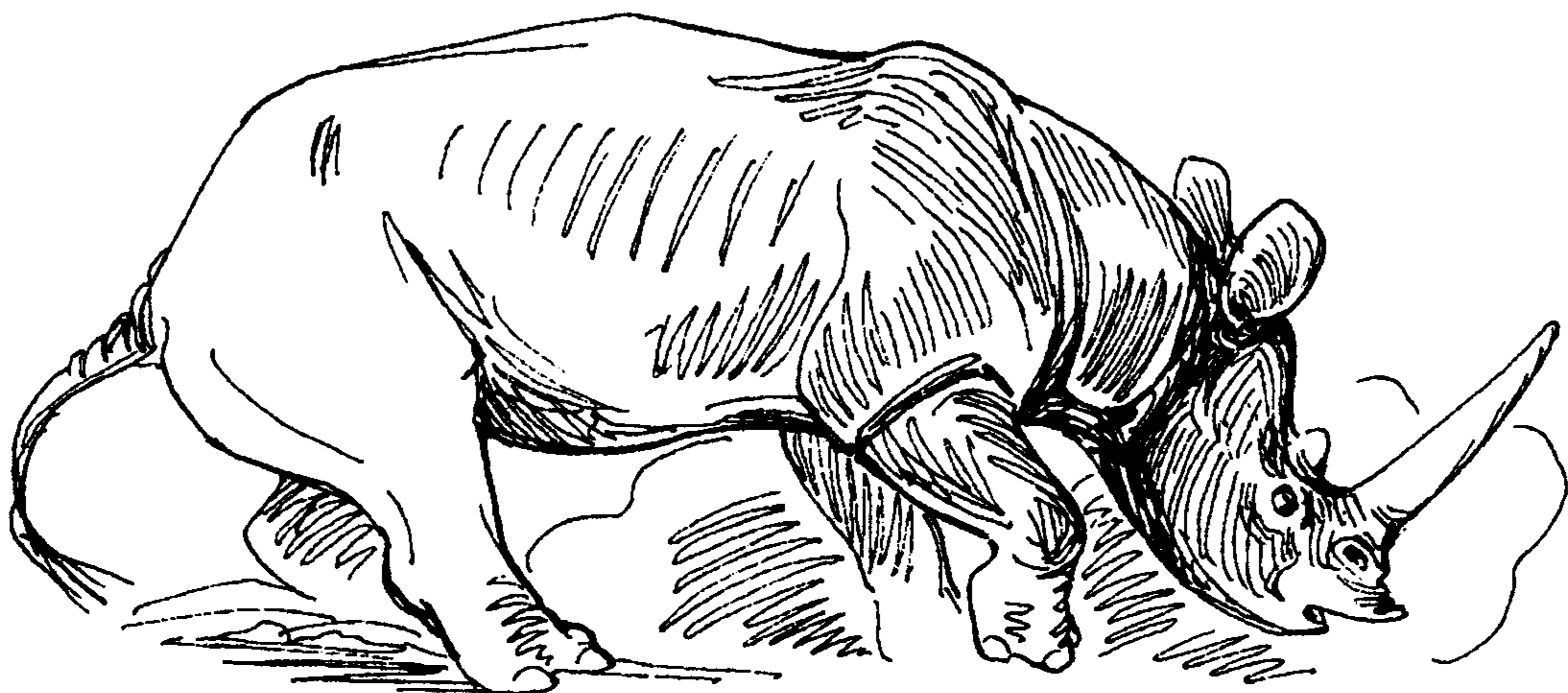
Ничего, вот настанет засушливый сезон, и тогда мы поставим свой опыт несколько иным способом. Сейчас этого сделать невозможно, потому что животные находят воду повсюду, а не только в редких водопоях.

Каждому мужчине свойственна определенная доза тщеславия. Все мы втайне завидуем Яну Гамильтону, что он так бесстрашно с надутым манекеном на плечах подходит к стадам диких слонов, в то время как мы заняты только тем, что фотографируем его, снимаем фильм и протоколируем все происходящее; все это не требует особого мужества. А ведь время от времени необходимо хотя бы самому себе доказать, что ты не какой-то трус, а храбрый мужчина. Поэтому для эксперимента с носорогами я решил поменяться ролями.

Здесь, в области Маньяра, носороги уж очень пугливы. К тому же местность слишком лесиста и трава высока, животных в таких условиях снимать неудобно. Поэтому мы пересекаем холмы и возвращаемся назад в кратер Нгоро-нгоро. Там я разбиваю палатку на берегу речушки Мунге.

В этом огромном кратере площадью в 250 квадратных километров (он стоит на шестом месте по своей величине среди всех кратеров мира) живет 20 тысяч крупных животных. Носорогов здесь снимать удобнее всего, потому что они придерживаются гладких, почти лишенных кустарников просторных зеленых равнин.

У нас с собой теплые одеяла, так как здесь, на высоте 1700 метров над уровнем моря, по ночам становится довольно прохладно. Наш ручной каракал — песочно-желтая пустынная рысь с красивыми пушистыми кисточками на кончиках ушей — не решается отходить далеко от палатки: страшно. Однако ночью рысь, видимо, задумала совершить небольшую прогулку и упала в стремительную речку Мунге,

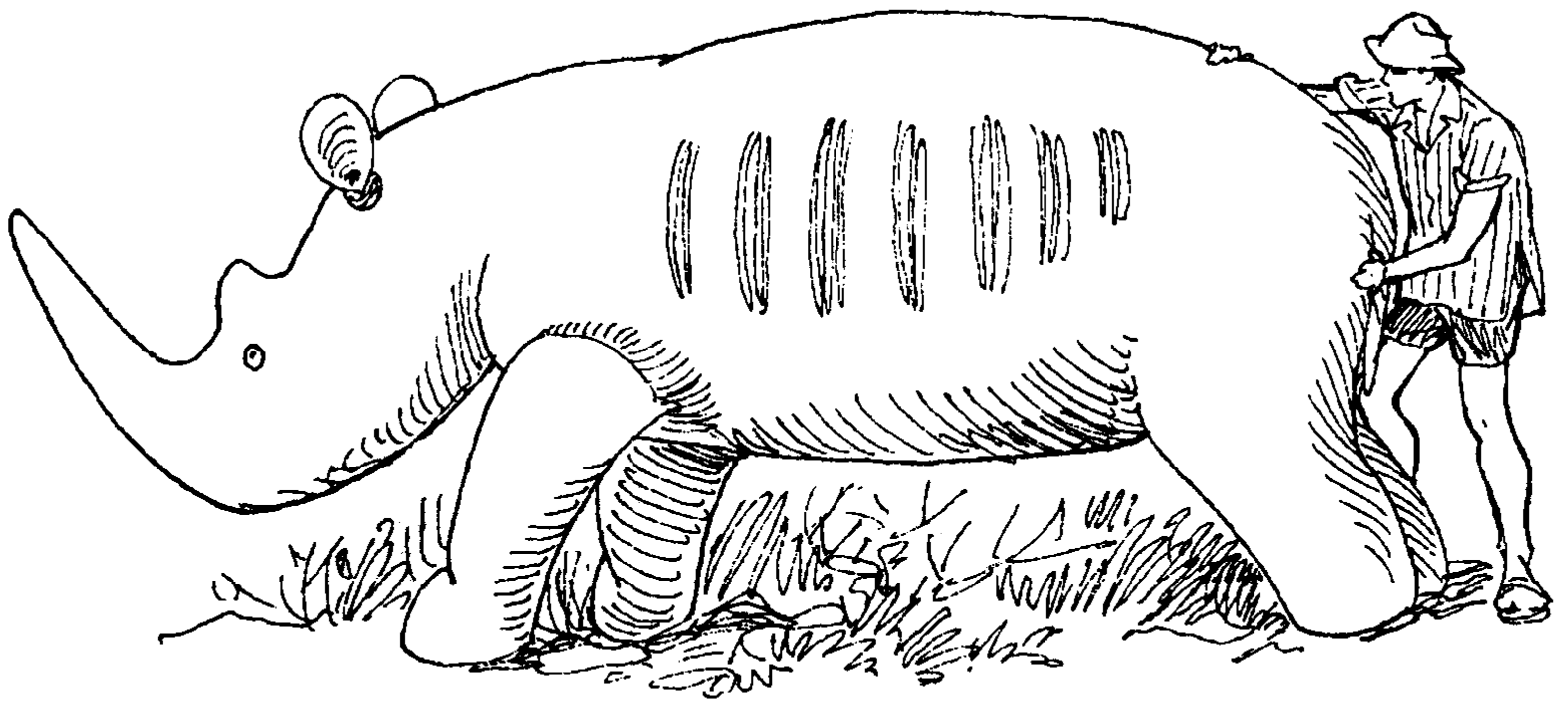

откуда никак не могла выбраться, так что Алану пришлось прыгать вслед за нею и вытаскивать ее из воды; очутившись на берегу, оба еще долго стучали зубами от холода.

Другой наш спутник — ручная мунго (виверра) Вимпи — отличается фанатичной жадой к исследованиям и болезненной чистоплотностью. Она может залезть вам за шиворот под рубашку, возиться там и щекотать вас или пробраться снизу в брючину и карабкаться вверх по ноге; а то вдруг примется чесать вам за ухом или чистить ушное отверстие... Там, где живет Вимпи, не останется незамеченной ни малейшая кучка сора. Она выковыривает его даже из-под ковра и «укоризненно» смотрит. Но слишком большая чистоплотность порой очень тягостна для окружающих. Особенно когда Вимпи забирается под рессоры автомобиля или залезает в мотор, чтобы проверить, много ли там грязи... Поэтому мы время от времени запираем ее в ящик.

Весь вечер, ночь и утро мы в кратере совершенно одни: мы и дикие животные, да еще несколько масаев, живущих в другом конце.

Утром я сажусь в машину и отправляюсь на поиски носорогов. Вскоре я уже нахожу одного. Он спит. А сон у носорогов удивительно глубокий и здоровый. Ведь миллионы лет им не приходилось опасаться никаких врагов,

а на что способен человек, появившийся на земле много позже, эти толстокожие еще не успели узнать хорошенько, а главное, они еще не привыкли остерегаться его бесовского изобретения — огнестрельного оружия.

Носороги способны сильно разгневаться, если их неожиданно разбудить. И если бы я не сидел в машине, то, безусловно, вел бы себя значительно вежливее по отношению к этому спящему носорогу. Но моя железная крепость придает мне бодрости, и я начинаю кричать на лежебоку, стараясь его разбудить. Но он не слышит. Тогда я вылезая и бросаю в него несколько камешков. Он начинает шевелить ушами, приподнимает голову и не спеша встает. Я медленно приближаюсь к нему, толкая перед собой огромного надувного носорога. Манекен этот очень легкий: ведь он состоит из одного только воздуха да тонкой пластиковой пленки. От машины я уже отошел на 60—70 метров; в ней сидят все остальные с телеобъективами и биноклями. Чтобы живой носорог меня не увидел, я приближаюсь к нему, спрятавшись за манекеном.

Я знаю, что носороги плохо видят. Когда самец преследует самку и они находятся совсем недалеко друг от друга на открытой равнине, то самец тем не менее направляется к своей избраннице не прямо, а окольным путем, старательно разнюхивая ее следы. Видимо, именно поэтому

носороги и совершают свои «ложные нападения». Не видя перед собой противника, а только учуяв чужой запах, они сразу бросаются в атаку, и только затем, разглядев, что противник не стоящий, останавливаются и пробегают мимо. Об этом я уже рассказывал раньше. Но разумеется, никогда нельзя быть до конца уверенным, что носорог задумал сделать на самом деле. Всего несколько недель назад у нас в Серенгети носорог набросился на пятитонку, которая возвращалась с опорного пункта Вогакурия, проткнул рогом переднюю шину и погнул крыло.

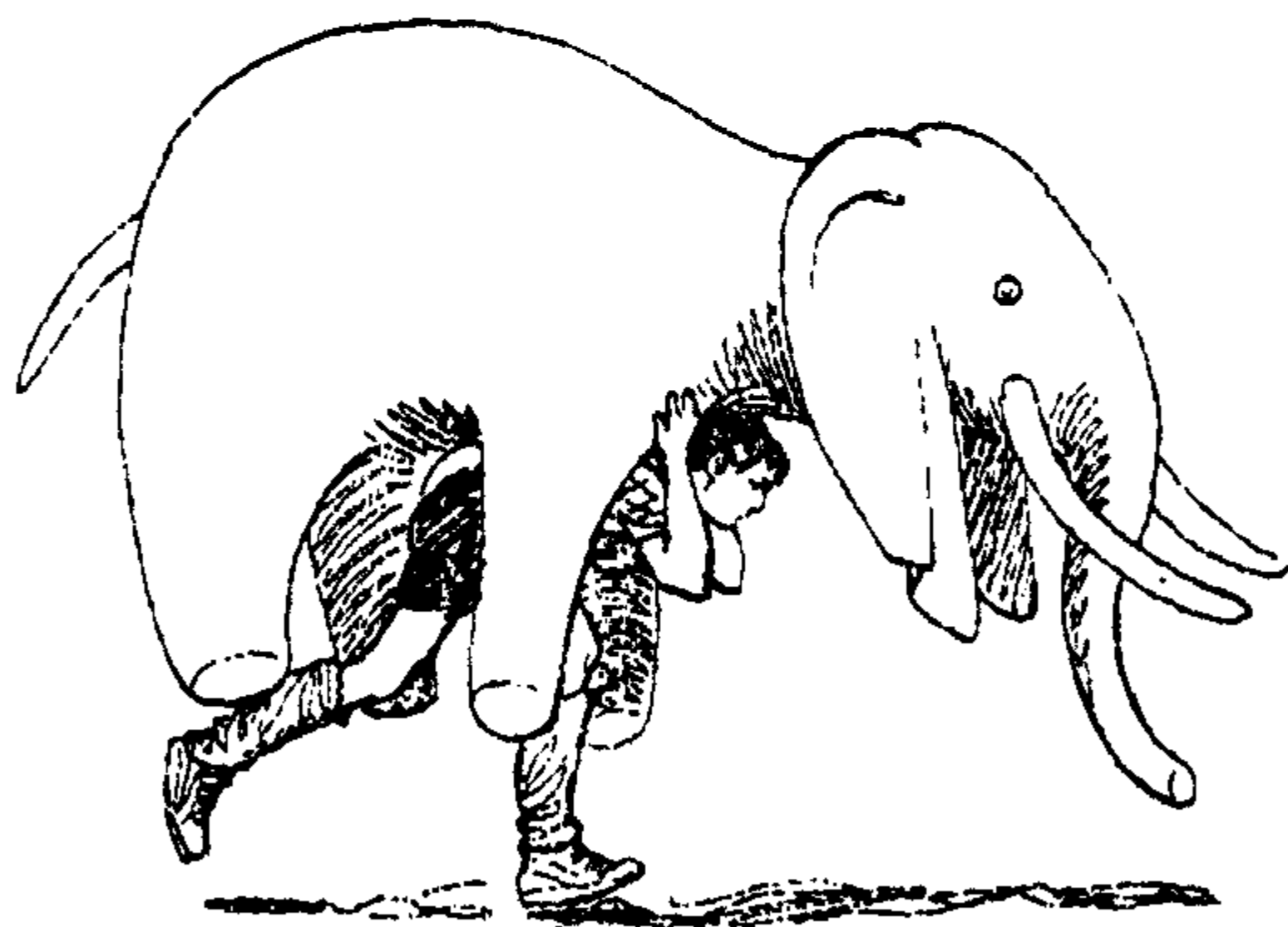
Мой носорог тоже начинает медленно приближаться и становится все возбужденнее. Хвостик его поднимается свечкой, он сопит, высоко поднимает голову, потом снова опускает, бежит ко мне навстречу и вдруг в нерешительности снова отступает. Со стороны это напоминает своеобразное пританцовывание. Точно так же ведут себя при встрече два незнакомых между собой самца носорога. Каждый хочет запугать другого в надежде, что тот повернется и убежит.

Но этого удовольствия мы нашему противнику не доставим, мы не убежим. Постепенно носорог становится все смелее. Но как только он подходит слишком близко к моему манекену, мне стоит лишь слегка приподнять надувной баллон и сделать движение в сторону носорога, чтобы у толстокожего иссякла храбрость и он снова отступил.

Я совершенно забываю, что от разъяренного носорога меня отделяет лишь воздух и немножко пластика и что я стою перед ним один посреди открытой равнины. Я поднимаюсь во весь рост, потому что трудно стоять долго, согнувшись, за манекеном, и надеваю шляпу, чтобы не пекло голову. Я кажусь себе таким тореро на арене корриды. Игра доставляет одинаковое удовольствие и мне и носорогу. Мы пританцовываем друг возле друга. То, что от противника совсем не пахнет носорогом, хотя обычно от этих животных исходит весьма крепкий дух, его не смущает: он слишком взволнован и ослеплен ревностью.

Но поскольку нас с моим надувным манекеном не пугаешь и мы не собираемся отступить, он тоже не решается напасть всерьез. Только один раз его рог касается головы искусственного противника, и я уже пугаюсь, что, заметив, какая она мягкая и податливая, он поймет обман; но ничего подобного не происходит. Ударь он по-настоящему рогом по моему манекену, я моментально бы очутился один на один с этим ревнивцем. Но думаю, что такой оборот дела его бы настолько озадачил, что, пока он пришел бы в себя, я успел бы добежать до машины: страх удлиняет ноги! Кроме того, Алан Рут тут же поехал бы мне навстречу.

Но ничего этого не происходит. Наш противник так и не решается напасть. Мне постепенно надоедает эта возня, и я начинаю незаметно отходить в сторону машины. Я вынужден пятиться задом и держать своего надувного носорога все время головой к противнику, иначе тот может это принять за трусливое отступление и, чего доброго, подбежит и стукнет меня сзади. А так он только идет к тому месту, где я только что стоял, и с интересом обнюхивает землю. Потом он идет точно по моим следам, не отрывая головы от земли, и старательно нюхает. В конце концов он останавливается и точно на мой след выпускает целый водопад мочи — закрепляет свои права на занимаемый им участок. Теперь он спокоен — соперник исчез. А мы уезжаем.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 5. Национальные парки в Африке, как и в других странах, представляют собой довольно большие заповедные территории, находящиеся под управлением центральных органов власти (именно поэтому они считаются национальными в отличие от парков провинций, штатов и других местных административных единиц). Цель создания национальных парков — сохранить участки естественной природы и одновременно использовать их для познавательного туризма, то есть показа наиболее достопримечательных объектов охраны: животных, растений, гейзеров, водопадов, пещер и прочего. В национальных парках установлен строгий режим для посетителей, обеспечивающий сохранение природных объектов и безопасность туристов. Так, в парках можно быть только определенное время (не более нескольких часов или дней), передвигаться обычно лишь на автомашине по установленным маршрутам, останавливаться и покидать машину в специально отведенных для этого местах и так далее. Национальные парки — основное, что привлекает туристов в страны Восточной Африки; ежегодное число туристов в этих странах достигло к 1972 году почти миллиона. Въезд в национальные парки платный, и большинство их приносит доход, правда, не столько за счет входной платы, сколько от продажи сувениров, за счет гостиниц и других форм обслуживания.

Стр. 17. *Резерваты* — полностью или частично заповедные территории, но обычно меньшего размера, чем национальные парки, и преследующие различные цели. Резерваты могут быть научными, в которые доступ открыт только для ученых. Но чаще бывают специализированные резерваты, где полной охране

подлежат либо только охотничьи животные (охотничьи резерваты), либо только птицы (орнитологические), либо только лес (лесные резерваты). В этих случаях остальные природные ресурсы эксплуатируются, но в таких размерах и в такой форме, что это не нарушает целостности объектов, для которых создан резерват.

Стр. 33. *Бильгарции* — паразитические плоские черви, относящиеся к кровяным двуусткам. Поселяются в крупных венозных сосудах почек, мочевого пузыря, стенок брюшной полости человека и животных. Личинки проходят стадии развития в некоторых пресноводных моллюсках, а затем, покидая их, способны проникать в тело человека, активно внедряясь через кожу при купании. Болезнь бильгарциоз может быть весьма опасной и вызывать острые воспалительные процессы мочевого пузыря, почек и других органов. Очень древняя болезнь людей Южной Азии и Африки. Обызвествленные яйца бильгарций найдены в египетских мумиях.

Стр. 41. Шерстистый носорог сравнительно недавно был широко распространен в Европе и Северной Азии. Остатки его даже многочисленнее остатков мамонта и очень характерны для среднечетвертичного и раннеголоценовых отложений. Найдены не только костные остатки шерстистых носорогов, но и части их трупов, покрытые шерстью. По мнению профессора И. Г. Пидопличко, шерстистый носорог вымер только к X в. н.э. в результате преследования его человеком.

Стр. 73. Львы еще в VIII—X веках водились на юге Европы и на Кавказе. Остатки пещерных львов очень многочисленны в плейстоценовых и плиоценовых отложениях. Они известны в десятках мест Франции, Италии, Бельгии, Австрии, Швейцарии, Польши и других стран. Во многих местах остатки пещерных львов найдены на Украине, Урале, в Поволжье, Воронежской области и так далее. Наиболее поздние остатки найдены в Крыму, где они обнаружены в слоях V—II вв. до нашей эры.

Стр. 90. *Мамба (Dendroaspis)* — род из семейства аспидовых змей, близких к кобрам. Пять видов мамб обитают в лесах Африки к югу от Сахары. Это крупные змеи (до 4 метров), чаще зеленой окраски, живущие на деревьях. Только самая крупная черная мамба (*D. polylepis*), окрашенная в темные коричневые тона, чаще встречается на земле. Это одни из самых ядовитых змей во всем мире. Человек может погибнуть от укуса мамбы в течение получаса.

Стр. 109. Яйцеживорождение довольно часто встречается у рептилий, примером тому могут служить наши обыкновенная гадюка, веретенница, медянка, живородящая ящерица (самый обычный вид ящерицы лесной зоны Европы). Сущность этого явления состоит в том, что оплодотворенные яйца задерживаются в яйцеводах до момента вылупления из них зародышей. Таким образом, внешне это выглядит как живорождение, но получило название яйцеживорождения, потому что развитие зародыша идет за счет запасных питательных веществ в яйце, а не за счет материнского организма, как при истинном живорождении. Настоящее живорождение встречается только у немногих видов ящериц и у большинства морских змей.

Стр. 117. Африканских страусов с успехом разводят на юге Украины в заповеднике Аскания-Нова. От шести самок был получен приплод в 305 страусят, при этом некоторые самки несли яйца и выводили птенцов ежегодно в течение 13 лет. За один сезон самки откладывают в среднем 20—22 яйца. Страусята обычно выклевываются через 45 дней после начала насиживания. Самки начинают откладывать яйца на 3—4 году жизни, заканчивают к 18-летнему возрасту.

Стр. 124. *Карл Гагенбек* (1844—1913) — основатель и руководитель крупнейшего предприятия по ловле и торговле дикими животными. Он создатель известного зоологического парка в Штелингене (близ Гамбурга), где дикие животные впервые стали содержаться в открытых загонах и площадках, а не в клетках. К. Гагенбек один из первых стал применять в дрессировке животных гуманную систему. Перевод его книги «О зверях и людях» издан Географгизом в 1957 г.

Стр. 143. Саранчовые с давних времен представляют собой наиболее опасных вредителей сельского хозяйства. Более 3000 лет назад известны бедствия, приносимые саранчой в Египте, Ливане и Палестине. До сих пор ежегодные потери от саранчовых во всем мире оцениваются в десятки миллионов долларов, а в некоторые годы — в сотни миллионов. На территории СНГ распространено около 100 вредных видов саранчовых, среди них такие, как перелетная саранча, постоянные гнездилища которой известны в плавнях Волги, Дона, Амударьи, Сырдарьи и других крупных рек. Кулиги (скопления личинок) и стаи этой саранчи в течение часа могут уничтожить тысячи гектаров посевов. Марокканская саранча, распространенная в Средиземноморье, Передней и Средней Азии, также весьма опасный вредитель. Постоянно обитающая в субтропической и тропической

частях Африки и Южной Азии пустынная саранча (шистоцерка) иногда залетает на территорию нашей страны. Так, в 1929 г. шистоцерка, проникнув в советскую Среднюю Азию, распространилась на площади более полутора миллионов гектаров и нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству. В 1962 г. она появилась в Туркмении. Тщательное изучение биологии саранчовых и разработка на этой основе мер борьбы с ними значительно снизили вред, приносимый этими насекомыми сельскому хозяйству.

Проф. А. Г. Банников

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>От автора</i>	5
<i>Глава первая. Шимпанзе возвращаются на родину</i>	8
<i>Глава вторая. Среди черных носорогов</i>	40
<i>Глава третья. Что испытывает жертва льва?</i>	72
<i>Глава четвертая. Может ли змея проглотить человека?</i>	88
<i>Глава пятая. Птица страус</i>	114
<i>Глава шестая. Как мой автомобиль плавал среди крокодилов</i>	127
<i>Глава седьмая. Саранчовые набеги продолжаются</i>	142
<i>Глава восьмая. Измените свое отношение к гиене</i>	151
<i>Глава девятая. Жирафы научились прыгать через заборы</i>	167
<i>Глава десятая. Что мы знаем о крокодилах?</i>	180
<i>Глава одиннадцатая. Как животные относятся к огню</i>	206
<i>Глава двенадцатая. Оклеветанный горилла</i>	220
<i>Глава тринадцатая. Горилла среди людей</i>	246
<i>Глава четырнадцатая. Почему верблюд не умирает от жажды?</i>	271
<i>Глава пятнадцатая. Почему слонов одновременно и слишком много, и слишком мало?</i>	280
<i>Глава шестнадцатая. Нил — преграда для белых великанов</i>	342
<i>Глава семнадцатая. Вот они какие, эти гиеновые собаки</i>	353
<i>Глава восемнадцатая. Надувной брат мой</i>	372
<i>Комментарии</i>	390

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по «Зеленой серии»
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бул., 376
Издательство АРМАДА*

Гржимек Б.

Г 81 Среди животных Африки / Пер. с нем. Е. Геевской;
Худож. Н. Строганова.— М.: АРМАДА, 1996.— 394 с.:
ил.— (Зеленая серия).

ISBN 5-7632-0261-9

В своей книге знаменитый ученый и путешественник Бернгард Гржимек ведет увлекательный рассказ о животных Африки, их взаимоотношениях, встречах и общении с людьми. Как куратор национальных парков Восточной Африки, автор поднимает и проблему исчезновения редких видов, проблему их охраны и выживания.

ББК 84.4 Г

РЕДАКЦИЯ
ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Зеленая серия

**БЕРНГАРД ГРЖИМЕК
СРЕДИ ЖИВОТНЫХ АФРИКИ**

Ответственный редактор
Л. В. Гостева

Художественный редактор
В. В. Голубева

Технический редактор
Л. А. Глубокова

Корректоры
Т. Г. Люборец, Т. С. Дмитриева

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Сдано в набор
27.07.96. Подписано в печать 23.10.96. Формат 84 × 108¹/32.
Бум. кн.-журн. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.
печ. л. 21,0. Тираж 20 000 экз. Изд. № 2050. Заказ № 5416

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бул., 37б

Отпечатано в типографии издательства
«Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

